СЕРИЯ

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (МГИМО) МИД РОССИИ
КАФЕДРА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 3

МИГРАЦИЯ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Москва 2019

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH
CENTER FOR SOCIAL DEMOGRAPHY

MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS
(MGIMO UNIVERSITY) MFA OF RUSSIA
DEPARTMENT OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMY

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 5, No. 3

MIGRATION AS A RESOURCE FOR SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT

MOSCOW 2019

УДК 314.7
ББК 60.7:65.248
М57

М57 Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 3 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., к.ф.-м.н. Храмовой М.Н., к.э.н. А.С. Максимовой. – Москва: Изд-во Экон-Информ, 2019. – 435 с.
ISBN 978-5-907057-99-9

В третий номер пятого тома серии «Демография. Социология. Экономика» вошли статьи по результатам работы X Международного научно-практического форума «Миграционные мосты в Евразии: миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития». Форум стал финальным этапом в серии международных научно-практических конференций, проводимых в рамках юбилейного года проекта «Миграционные мосты в Евразии», и был организован Институтом социально-политических исследований РАН и МГИМО МИД России. Книга рекомендуется студентам, аспирантам, преподавателям, ученым и экспертам в области миграции, формирования миграционной политики, рынка труда.

Migration as a resource for socio-economic and demographic development. Series “Demography. Sociology. Economics”. Vol. 5, No. 3 / Edited by Corr.-Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev, PhD Marina N. Khramova, and PhD Anastasia S. Maksimova. Moscow: Econ-Inform, 2019. – 435 p.

In the third number of the fifth volume of the series “Demography. Sociology. Economics” is included articles on the results of the X International Scientific and Practical Forum “Migration Bridges in Eurasia: migration as a resource for socio-economic and demographic development”. The forum was the final stage in a series of international scientific conferences held in the framework of the anniversary year of the project “Migration bridges in Eurasia”, and was organized by the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences and MGIMO University of the MFA of Russia. The book is recommended for students, graduate students, teachers, scientists and experts in the field of migration, the formation of migration policy, the labor market.

ISBN 978-5-907057-99-9

© ИСПИ РАН – Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 2019
© МГИМО МИД России, 2019
© Оформление. Изд-во «Экон-Информ», 2019

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 3

DEMOGRAPHY. SOCIOLOGY. ECONOMICS

SERIES FOUNDED IN 2015

VOLUME 5, NO. 3

Главный редактор (Chief Editor):

РЯЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН,
ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ
(МОСКВА, РОССИЯ)

Sergey V. RYAZANTSEV,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Dr. of Economics, Professor,
Director of the Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Demographic and Migration Policy,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Научный координатор (Research Coordinator):

РЫБАКОВСКИЙ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Leonid L. RYBAKOVSKY, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Редактор (Editor):

ХРАМОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА, КАНДИДАТ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Marina N. KHRAMOVA, PhD (Physics and Mathematics), Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Помощники редактора (Associate Editors):

БАЙКОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО МАГИСТЕРСКИМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОГРАММАМ МГИМО МИД РФ (МОСКВА, РОССИЯ)

Andrey A. BAIKOV, PhD (Politics), Associate Professor, Vice-Rector for Master's and International Programs of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

БЕЗВЕРБНЫЙ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vadim A. BEZVERBNY, PhD (Economics), Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

ВОРОБЬЕВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Olga D. VOROBIEVA, Dr. (Economics), Professor of the Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

ГНЕВАШЕВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Vera A. GNEVASHEVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ИВАНОВА АЛЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Alla E. IVANOVA, Dr. (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ИОНЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ДЕМОГРАФИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir A. IONTSEV, Dr. (Economics), Professor, Head of Demography Department of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ЛУКЬЯНЕЦ АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Artem S. LUKYANETS, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

МАНЬШИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Roman V. MANSHIN, PhD (Economics), Head of the Branch of the Migration and Migration Policy of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

МОРОЗОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОРЕКТОР ПО КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ МГИМО МИД РОССИИ (МОСКВА, РОССИЯ)

Vladimir M. MOROZOV, PhD (History), Associate Professor, Vice-Rector for Human Recourses of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

ПИСЬМЕННАЯ ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Elena E. PISMENNAYA, Dr. (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher of the Branch of the Sociology Family and Social Policy of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

РОСТОВСКАЯ ТАМАРА КЕРИМОВНА, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА, РОССИЯ)

Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. (Sociology), Professor, Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Head of the Branch of Socio-Pedagogic and Organization of Work with Young People of the Russian State Social University (Moscow, Russia)

СИВОПЛЯСОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Svetlana Yu. SIVOPLIYASOVA, PhD (Economics), Leading Researcher of the Centre for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Международная редакционная коллегия (International Editorial Board):

ВАН СЯОЦЗЮЙ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ПЕКИН, КИТАЙ)

Xiaoju WANG, Dr. (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of World History of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

ВИЛЛЕН ПАТРИЦИЯ АЛЬВЕС, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, УНИВЕРСИТЕТ КАМПИНАС (КАМПИНАС, БРАЗИЛИЯ)

Patricia A. VILLEN, Researcher of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

ВИРККУНЕН ЙОНИ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Joni VIRKKUNEN, PhD (Sociology), Professor of the University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ДАНГ НГУЕН АНЬ, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

Dang Nguyen Anh, Dr. (Sociology), Association Professor, Vice-President of the Vietnam Academy of Social Sciences, Director of the Institute Sociology of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ДАНТАС АЛЕКСИС ТОРИБИО, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО (РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, БРАЗИЛИЯ)

Alexis T. DANTAS, Dr. (Economics), Professor of the University of the State of Rio-de-Janeiro (Rio-de-Janeiro, Brazil)

ДАВЭ БАВНА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ШКОЛА АФРИКАНСКИХ И АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ЛОНДОНА (ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Bhavna DAVE, Dr. (Politology), Professor, Center of the Caucasian and Central Asian Studies of the University of London (London, United Kingdom)

ИНГЛИС КРИСТИНЕ БРЕНДА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, УНИВЕРСИТЕТ СИДНЕЯ (СИДНЕЙ, АВСТРАЛИЯ)

Christine B. INGLIS, PhD (Sociology), Associate Professor of the University of Sydney (Sidney, Australia)

КИМ СЕЙОНДЖИН, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ЖЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДУКСУН (СЕУЛ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)

Seongjin KIM, Dr. (Politology), Professor of the Duksung Women's University (Seoul, Republic of Korea)

МАРТИН ФИЛИП, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ КАЛИФОРНИЯ – ДЭВИС (ДЭВИС, США)

Philip MARTIN, PhD (Economics), Professor of the University of California – Davis (Davis, USA)

МАРУШИАКОВА-ПОПОВА ЕЛЕНА, ДОКТОР НАУК, ДОЦЕНТ, ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКОРА БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (СОФИЯ, БОЛГАРИЯ)

Elena A. MARUSHIAKOVA-POPOVA, PhD (Anthropology), Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

МЕНДОЗА ЭДУАРДО АНТОНИО, ДОКТОР НАУК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, УНИВЕРСИТЕТ ЛИССАБОНА (ЛИССАБОН, ПОРТУГАЛИЯ)

António Eduardo MENDOCA, PhD, Researcher, University of Lisbon (Lisbon, Portugal)

МОЛОДИКОВА ИРИНА, ДОКТОР НАУК, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ)

Irina MOLODIKOVA, PhD (Geography), Central European University (Budapest, Hungary)

НГУЕН АН ХА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАОН (ХАНОЙ, ВЬЕТНАМ)

An Ha NGUYEN, Dr. (Economics), Professor, Director of the Institute for European Studies of the VASS (Hanoi, Vietnam)

ПИЗАРРО СИНТИЯ АЛЕКСАНДРА, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ БУЭНОС-АЙРЕСА (БУЭНОС-АЙРЕС, АРГЕНТИНА)

Cynthia A. PIZARRO, PhD (Sociology), Professor of the University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

ФРАЙЕР ПОЛ, ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР, УНИВЕРСИТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ЙОЭНСУУ, ФИНЛЯНДИЯ)

Paul J.W. FRYER, PhD (Geography), Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

ТИХОНОВА ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МИНСК, БЕЛАРУСЬ)

Lyudmila E. TIKHONOVA, Dr. (Economics), Professor, Belorussian State University (Minsk, Belarus)

ХОРИЕ НОРИО, ДОКТОР НАУК, ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ ТОЯМА (ТОЯМА, ЯПОНИЯ)

Norio HORIE, PhD (Economics), Director of the Center for Far Eastern Studies, University of Toyama (Toyama, Japan)

Ответственный за выпуск (Coordinator):

МАКСИМОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА, КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (МОСКВА, РОССИЯ)

Anastasia S. MAKSIMOVA, PhD (Economics), Senior Researcher of the Centre for Social Demography of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Современная миграция носит глобальный характер и требует общих подходов и совместных решений всего мирового сообщества. Неслучайно, в 2016 году Генеральная Ассамблея ООН провела заседание высокого уровня, на котором был принят важнейший итоговый документ – Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. В соответствии с ним, странам предстояло разработать глобальный договор о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции. Именно он был утвержден в декабре 2018 года в Мараккеше в Марокко на межправительственной конференции ООН. Принятие соглашения предоставляет уникальную возможность улучшить управление миграционными процессами, ответить на вызовы современной миграции и укрепить вклад мигрантов в устойчивое развитие.

Форум «Миграционные мосты в Евразии» стал уникальной площадкой по обсуждению учеными, экспертами и практиками миграционных вопросов в евразийском пространстве в контексте глобального демографического и социально-экономического развития. Форум проводится совместно Институтом социально-политических исследований РАН и МГИМО МИД России на протяжении десяти лет с 2009 года, являясь самым крупным научно-практическим мероприятием не только в России, но и на всем евразийском пространстве.

В ИСПИ РАН работает Центр социальной демографии – один из самых сильных и известных научно-исследовательских центров подобного профиля в России. Ученые Центра социальной демографии ИСПИ РАН активно сотрудничают с российскими государственными структурами (МВД, МИД, Минтруд) и международными организациями, занимающимися вопросами содействия управлению миграцией (МОМ, УВКБ ООН, ПРООН, МОТ, ЮНФПА). МГИМО активно сотрудничает с организациями ООН, в задачи которых входят вопросы мирового развития, зачастую связанные с миграцией (ПРООН, Программа ООН по населенным пунктам, ЮНИДО).

Подготовкой специалистов в области миграции и демографии в МГИМО занимается Кафедра демографической и миграционной политики (открыта решением Ученого совета МГИМО в 2017 году). В течение нескольких лет в МГИМО преподавались курсы «Политические аспекты международной миграции», «Международная миграция», «Мировая демографическая политика», которые вызывали значительный интерес у студентов. Постепенно в университете «кристаллизовалась» идея создать специализированную кафедру, которая является единственной в России научно-исследовательской кафедрой (открыта на основе соглашения МГИМО и ИСПИ РАН). Это позволило аккумулировать на кафедре лучшие научные и преподавательские кадры как внутри самого МГИМО, так и пригласить молодых, но уже хорошо известных ученых из академической среды.

Необходимость открытия кафедры демографической и миграционной политики МГИМО была обусловлена усилением значимости демографиче-

ских и миграционных процессов в развитии современного общества, в политической и социально-экономической сферах. В настоящее время миграционные процессы влияют на социально-экономическую и демографическую ситуацию в России, что требует подготовки кадров и постоянного научно-практического мониторинга данных процессов, консультативной поддержки органов государственной власти, регулирующих миграцию.

В данном сборнике представлены материалы участников Форума «Миграционные мосты в Евразии – 2018», который не только объединил ученых, экспертов и практических работников, занимающихся вопросами исследования и регулирования миграции в евразийских странах, но способствует развитию международной научно-исследовательской сети экспертов в области исследовании миграции, а также усилению экспертной оценки и имплементации в миграционную политику России и стран-партнеров эффективных подходов и практик управления миграцией.

Главный редактор Серии «Демография. Социология. Экономика»,
чл.-корр. РАН С.В.Рязанцев

Раздел 1.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Section 1.

REGIONAL MIGRATIONS AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ДЕЛЬТЫ РЕКИ МЕКОНГ ВО ВЬЕТНАМЕ[1]

НГУЕН Кань Тоан, доктор наук, профессор университета Тха Лонг, Ханой (Вьетнам). E-mail: okabc007@gmail.com

ЛУКЬЯНЕЦ Артем Сергеевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: artem_ispr@mail.ru

МОИСЕЕВА Евгения Михайловна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Аннотация. В настоящее время во Вьетнаме наблюдается массовый исход фермеров из районов, подверженных затоплениям, которые включают территории с наибольшей плотностью населения и являются крайне важными для экономики Вьетнама. Данная проблема требует немедленного реагирования на международном уровне, поскольку угроза не может быть локализована в границах Вьетнама. Статья посвящена анализу данной ситуации. Также разработаны рекомендации по адаптации и постепенному переселению жителей затопляемых районов.

Ключевые слова: изменение климата, повышение уровня мирового океана, засуха, засоление почв, сельское хозяйство, продовольственная безопасность, миграция, Вьетнам, дельта реки Меконг.

CLIMATE CHANGE AS A PUSH FACTOR FOR MIGRATION FROM THE MEKONG DELTA IN VIETNAM[2]

Canh Toan NGUYEN, Dr. of Economics, Professor, Researcher at the Institute of European Studies VASS, Hanoi, Vietnam. E-mail: okabc007@gmail.com

Artem S. LUKYANETS, PhD (in Economics), leading researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS), Moscow (Russia). E-mail: artem_ispr@mail.ru

Evgeniya M. MOISEEVA, junior researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS), Moscow (Russia). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Abstract. Currently Vietnam faces a massive exodus of farmers from areas prone to flooding which include provinces with the highest population density and that are extremely important for the Vietnamese economy. This problem requires an immediate response at the international level since the threat cannot be localized within the borders of Vietnam. The article gives fool attention to the analysis of this situation and develops recommendations for adaptation and gradual resettlement of the population of the flooded areas.

Keywords: climate change, rising sea levels, drought, soil salinization, agriculture, food security, migration, Vietnam, the Mekong Delta.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10149)

[2] The study was conducted with the support from Russian Science Foundation, project № 18-78-10149

В силу особенностей своего географического положения страны Юго-Восточной Азии оказались наиболее подвержены влиянию глобального изменения климата. Данный регион одним из первых столкнулся на практике с негативными последствиями этих изменений, оказывающими заметный эффект на экологическую ситуацию, экономические и социально-демографические процессы. Вьетнам, основой экономики которого остается сельское хозяйство, пострадал от климатических изменений даже в большей мере, чем соседние страны. В дополнение к прямому экономическому ущербу, вызванному уничтожением урожая засухами, наводнениями, засолением почв, угрозу дальнейшему развитию страны представляют миграции населения, спровоцированные этими бедствиями и ухудшением условий жизни. Сильнее всего эти процессы затрагивают провинции, расположенные в дельте реки Меконг, одном из самых густонаселенных и продуктивных сельскохозяйственных районов Вьетнама. Поскольку теоретико-методологическая база для описания и оценки влияния климатических изменений на социально-экономические и социально-демографические процессы пока разработана достаточно слабо, данный эмпирический материал представляется достаточно ценным для анализа. Актуальность и практическая значимость изучения проблемы объясняется также тем, что ее нельзя рассматривать как носящую строго локальный характер. Прежде всего, по мере ухудшения экологической обстановки, порожденные им потоки миграции, наиболее вероятно, перестанут иметь внутреннюю направленность. Также снижение продуктивности сельскохозяйственных земель, несомненно, представляет угрозу для продовольственной безопасности не только самого Вьетнама, но и многих других стран региона, зависящих от экспортных поставок риса с его территории.

Среди научных трудов, посвященных данной проблеме, упоминания заслуживает монография американских исследователей Т.В. Дойля и Р.Х. Дея «Разработка сценариев повышения уровня моря для оценки изменения климата в дельте реки Меконг» (T.W. Doyle, R.H. Dey “Development of sea level rise scenarios for climate change assessments of the Mekong Delta”) [1], работа вьетнамского ученого Нгуен Хуу Ниня «Затопление дельты Меконга» (Nguen Huu Ninh “Flooding of the Mekong Delta”) [2], доклад Всемирного банка «Экономическая адаптация к изменению климата» (“The Economics of Adaptation to Climate Change”) [3], а также доклады для Министерства природных ресурсов и экологии Вьетнама (MONRE) «Изменение климата и сценарии повышения уровня моря для Вьетнама» (“Climate change and sea level rise scenarios for Vietnam”) [4] и Министерства планирования и инвестиций – «Финансирование реагирования Вьетнама на изменение климата: разумные инвестиции в устойчивое будущее» (“Financing Vietnam's response to climate change : smart investment for a sustainable future”) [5]. Кроме того интерес представляет работа международной команды ученых под руководством М. ван Дейка, посвященная влиянию глобального изменения климата на продовольственную безопасность страны. Исследователи пришли к заключению, что изменение условий окружающей среды действительно является причиной сокращения площади посевных площадей (в первую очередь, рисовых культур), а

также сокращения биологического разнообразия в прибрежных водах Вьетнама. Авторы подчеркивают, что климатические изменения способны привести к замедлению роста цен на товары и услуги и экономического роста в целом, что неизбежно приведет к падению уровня жизни населения [6].

Уже сегодня население Вьетнама сталкивается с определенными трудностями, связанными с негативными изменениями окружающей среды и их воздействием на социально-демографические и экономические процессы в стране. По этой причине правительственные учреждения, международные организации и фонды оказывают поддержку ученым для проведения разного рода исследований по проблемам изменения климата. Но, несмотря на это, научному сообществу пока не удалось прийти к согласию по целому ряду основополагающих вопросов, касающихся методов прогнозирования и оценки потенциального ущерба, который климатические изменения могут нанести экономике страны и обществу. Очевидно, что в случае таких густонаселенных стран как Вьетнам значительная часть ущерба от стихийных бедствий – в дополнение к прямым разрушениям и человеческим потерям – будет вызвана массивными волнами миграции. Риски и угрозы, связанные с переселением жителей из участков страны, которые могут пострадать от наводнений, еще не подвергались детальной оценке. Это затрудняет необходимую на государственном уровне разработку и имплементацию механизмов, способствующих минимизации возможных негативных последствий вынужденных климатических миграций, в которые уже в ближайшем будущем может оказаться вовлеченной значительная доля населения Вьетнама [7].

Так наиболее уязвимыми для подтоплений, спровоцированных глобальным изменением климата, сегодня являются провинции в дельте реки Меконг. Площадь этого района составляет 4 млн. гектаров. Он обладает большим экономическим потенциалом. Сегодня это один из самых продуктивных сельскохозяйственных районов страны, играющий важную роль в обеспечении экспортных поставок риса, фруктов, креветок. К тому же здесь пролегает торговый коридор между Вьетнамом, странами АСЕАН, странами бассейна реки Меконг. Кроме того, данная территория имеет преимущества с точки зрения развития туризма, прежде всего экотуризма и ландшафтного туризма, связанного с сельским хозяйством.

Население этих территорий превышает 18 млн. человек. За последние 10 лет около 1,7 млн. из них были вынуждены мигрировать из-за наводнений на реках, каналах и заливных полях, и только 700 тыс. впоследствии вернулись на прежнее место жительства [8, с. 149]. В настоящий момент во Вьетнаме чистый коэффициент миграции среди населения, занятого в сельском хозяйстве, более чем в два раза превышает среднее значение по стране, и его значения еще выше в районах, особенно чувствительным к климатическим изменениям. Причина этому – уничтожение урожая соленой морской водой, поднимающейся на поля из-за повышения уровня мирового океана, а также засухами.

В конце апреля – начале мая на самых южных участках равнин в дельте Меконга всегда появлялись так называемые «лососевые поймы». Это результат естественного процесса сезонного повышения уровня моря, который на-

блюдается каждый год на протяжении веков, и делает почву на этих участках соленой. Опасность для сельского хозяйства Вьетнама представляют наводнения в районах выше по течению реки и вызываемый ими дефицит пресной воды, а также загрязнение почвы сточными водами, опасными удобрения и пестицидами, равно как и засухи.

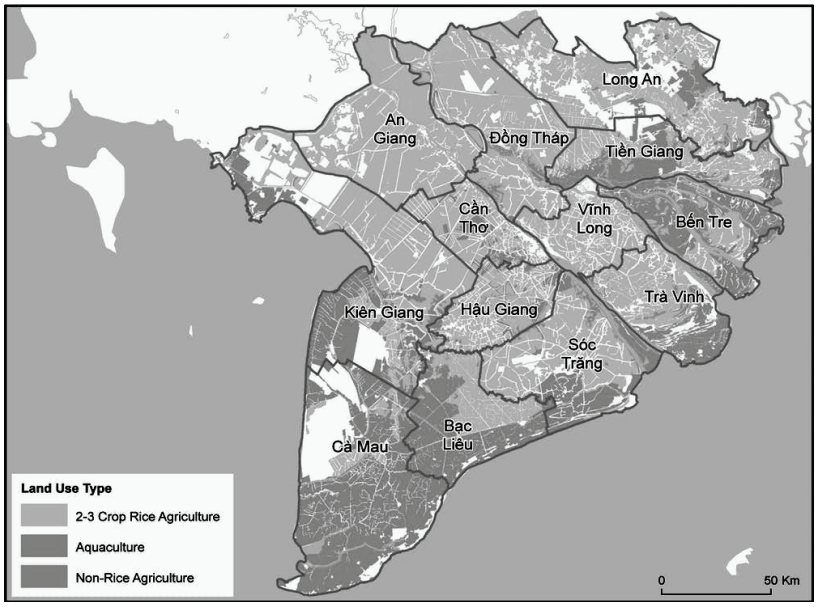

Рис. 1. Земли дельты реки Меконг по типу их использования в сельском хозяйстве

Источник: Alex Chapman, Nghiên cứu sinh tại Human Geography, University of Southampton, Anh Quốc. URL: http://www.namuctuanbao.com.au/1136/KhoaHoc.php

2015 и 2016 гг. были отмечены самыми сильными засухами за сто лет. В эти годы солёная морская вода поднималась более чем на 80 км вверх по течению реки и уничтожила, по меньшей мере, 160 тыс. гектаров урожая. Вместе с этим был отмечен рост чистого коэффициента миграции на пострадавших территориях, прежде всего, в провинции Кьензянг. Ее покинул каждый сотый житель.

В докладе неправительственной организации DARA приводятся оценки, согласно которым глобальное изменение климата может нанести экономике Вьетнама урон, равный 15 млрд. долларов ежегодно, что составляет порядка 5% всего внутреннего валового продукта страны. В докладе, в частности, говорится, что из-за серьезных последствий изменения климата площадь сельскохозяйственных земель, страдающих от проникновения морской воды, в дельте реки Меконг увеличивается с каждым днем. На 2012 г. В этом районе насчитывалось 2,1 млн. гектаров засоленных почв и 1,6 млн. гектаров сухих и загрязненных почв [9, с. 214–215].

Резкие повышения уровня воды в реке привели к тому, что было уничтожено 70 тыс. гектаров садов и разрушены сотни километров сельских дорог. Серьезную обеспокоенность вызывает тот факт, что в последние годы наводнения стали происходить не только в сезон дождей, но и в сухое время года. Так жители района дельты Меконга до сих пор не могут забыть о на-

воднении в декабре 2009 г., которое было вызвано сильными приливами, сопровождавшимися обильными дождями. В результате оказались затоплены большие площади сельскохозяйственных земель, занятых фруктовыми деревьями и зерновыми культурами.

Земли в дельте Меконга чрезвычайно плодородны, однако их регулярное затопление морской водой может привести к их полному засолению, что сделает их полностью непригодными для выращивания риса и большинства других культур. Это представляет серьезную угрозу продовольственной безопасности не только самого Вьетнама, но и всего региона, поскольку данная страна выступает в качестве одного из основных поставщиков риса в Юго-Восточной Азии.

Помимо этого, сокращение площади и снижение продуктивности сельскохозяйственных земель влечет за собой сокращение рабочих мест области сельского хозяйства, транспортировки, обработки и продажи сельскохозяйственной продукции. Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что самый быстрый темп роста уровня безработицы за период 2010–2013 гг. наблюдался в провинциях, расположенных в дельте реки Меконг, причем как в сельской, так и в городской местности.

Таблица 1

Уровень безработицы по районам Вьетнама в 2010–3013 гг.

Территории	2010	2013
Вьетнам	3,57	2,75
Дельта Красной реки	3,50	2.66
Северная внутренняя часть страны и горные местности	2,15	1,67
Северное и центральное побережье	4,47	2,90
Центральное высокогорье	3,70	2.42
Юго-восточная часть страны	1,22	0,92
Дельта реки Меконг	5,57	5,20
Городская местность	1,82	1,48
Дельта Красной реки	1,58	1,33
Северная внутренняя часть страны и горные местности	1,97	1,23
Северное и центральное побережье	2,88	2.39
Центральное высокогорье	3,37	2,09
Юго-восточная часть страны	0,60	0,43
Дельта реки Меконг	2,84	2,80
Сельская местность	4,26	3,31
Дельта Красной реки	4,23	3.20
Северная внутренняя часть страны и горные местности	2,18	1,75
Северное и центральное побережье	4,95	3,07
Центральное высокогорье	3,83	2,54
Юго-восточная часть страны	1,99	1,68
Дельта реки Меконг	6,35	6,00

Источник: General Statistics Office of Vietnam. URL: https://www.gso.gov.vn/Default_en.aspx?tabid=766

При худшем сценарии развития событий к 2030 г. 1,77 млн. гектаров, то есть, 45% от общей площади земель в дельте Меконга будут засолены. Тогда 85% жителей этих провинций будут вынуждены либо мигрировать, либо сменить сферу занятости, покинув сельское хозяйство.

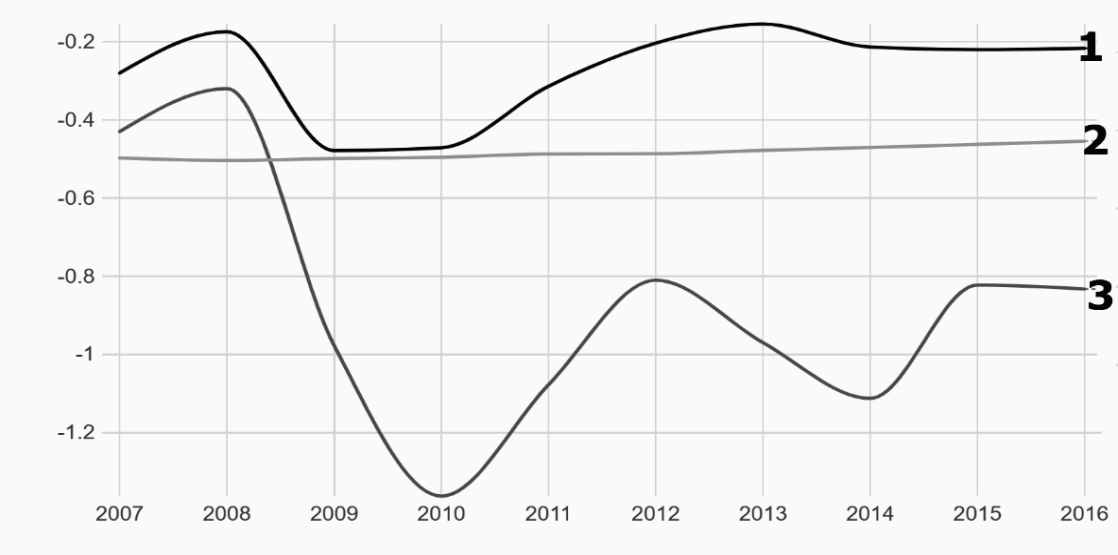

Рис. 2. Динамика коэффициента миграционного прироста населения Вьетнама (%)

1 – Сельское население Вьетнама, 2 – Сельское население мира, 3 – Население трех провинций в дельте реки Меконг

Источник: General Statistics Office of Vietnam and World Bank, 2017

На основании проведенного анализа современной экологической ситуации во Вьетнаме, а также мировой практики можно сделать следующие выводы и рекомендации для правительства Вьетнама:

1. Жители прибрежных районов должны постепенно приспосабливаться к засолению почв, при этом особое внимание следует уделить технологическому развитию территорий, наиболее уязвимых к изменениям климата.

2. Управление развитием таких районов и надлежащая эксплуатация земель, подверженных засолению, имеют фундаментальное значение, поскольку лежат в основе будущего экономического развития страны.

3. Управление экономическим и социальным развитием в районах, уязвимых к изменениям климата, следует осуществлять таким образом, чтобы не оказывать дополнительного негативного воздействия на окружающую среду. Большое значение имеет развитие инфраструктуры, которая поможет бороться с засолением почв (насыпи, трубы, каналы, насосные станции), разрушением дорог (развитие водных путей сообщения, строительство портов), последствиями стихийных бедствий (дамбы, насыпи).

4. Наиболее перспективным подходом к проблеме засоления земель в прибрежных районах представляется рациональная эксплуатация морских и прибрежных территорий – например, использование солёной воды для развития аквакультуры и диверсификации лиманов.

5. Необходимы разумные инвестиции в устойчивое развитие, в первую очередь, реструктуризация сельского хозяйства: изменение технологий возделывания сельскохозяйственных культур (особенно риса) с целью повышения их устойчивости к засухам. В районах, где возможно стабильное получение двух урожаев риса в год, но повышается уровень солености почв, рекомендуется отказаться от возделывания второго урожая риса в пользу другой культуры или креветок, чтобы избежать нехваток пресной воды. В прибрежных областях необходимо централизованное осуществление мониторинга уровня соли в воде и почве, поскольку реструктуризацию необходимо проводить на макро-уровне, а не на уровне отдельных фермерских хозяйств, чтобы не нанести урона экологии.

6. Повышение информированности населения о действиях в случае стихийных бедствий будет способствовать снижению наносимого ими ущерба, в том числе минимизации материальных потерь от наводнений, засух и засоления почв. Целью таких программ является создание на местах сообществ, которые будут способны должным образом реагировать на соответствующие угрозы даже в условиях отсутствия серьезной поддержки извне и вмешательства на государственном уровне. Коммуникационные стратегии, используемые в информационной работе, должны быть адаптированы под нужды конкретной аудитории. Точная и актуальная информация об уровне готовности к бедствиям и путях преодоления их последствий должна своевременно распространяться по соответствующим каналам.

8. Необходимо закладывать в бюджет расходы на покрытие непредвиденного ущерба, вызванного засухами и засолением почв. Это будет способствовать более быстрому восстановлению сельского хозяйства в случае этих бедствий и повышению эффективности управления.

9. Международное сообщество должно оказать поддержку Вьетнаму в области развития необходимых технологий, обучения персонала и распространения соответствующей информации. Обмен опытом по преодолению последствий глобального изменения климата, несомненно, будет продуктивным для всех его участников.

10. Правительству Вьетнама следует заранее начать переговоры с другими странами об управлении миграционными потоками на случай, если ситуации в дельте реки Меконг продолжит ухудшаться.

Имплементация механизмов, разработанных на основе данных рекомендаций, будет способствовать не только ускорению дальнейшего развития сельского хозяйства и стабилизации экономики, но также сыграет значительную позитивную роль в сдерживании миграционного оттока населения из дельты реки Меконг. Как отмечалось, на данном этапе наиболее высокий коэффициент миграции фиксируется именно в сельской местности, среди фермеров. Следовательно, выталкивающим фактором выступают не сами природные бедствия непосредственно, но в большей мере вызванное ими ухудшение социально-экономической ситуации. Поэтому реструктуризация сельского хозяйства позволит населению адаптироваться к продолжению привычного образа жизни в новых условиях и не покидать постоянное место своего жительства.

К реализации этих мер необходимо приступить как можно скорее, поскольку дельта реки Меконг является ключевым районом с точки зрения продовольственной безопасности не только самого Вьетнама, но и всего региона, поэтому играет важнейшую роль в их дальнейшем социально-экономическом развитии. Кроме того, необходимо дальнейшее теоретическое изучение проблем влияния глобального изменения климата на социально-экономические и социально-демографические процессы на этих и других территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Doyle, T.W., Day, R.H., and Michot, T.C., 2010. Development of sea level rise scenarios for climate change assessments of the Mekong Delta, Vietnam: U.S. Geological Survey Open-File Report 2010, 110 p.
2. Huu Ninh Nguyen, 2007. Flooding in Mekong River Delta, Viet Nam, Human Development Occasional Papers (1992–2007), Human Development Report Office (HDRO), United Nations Development Programme (UNDP), 23 p.
3. World Bank, 2010. Economics of Adaptation to Climate Change: Synthesis Report. Washington, DC. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/12750
4. Tran, Thuc et al. (2016). Climate Change and Sea Level Rise Scenarios for Viet Nam – Summary for Policymakers. URL: https://www.researchgate.net/publication/318875854_Climate_Change_and_Sea_Level_Rise_Scenarios_for_Viet_Nam_-_Summary_for_Policymakers
5. World Bank. 2015. Financing Vietnam's response to climate change: smart investment for a sustainable future. Washington, D.C.: World Bank Group. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/260881468185041568/Financing-Vietnam-s-response-to-climate-change-smart-investment-for-a-sustainable-future-laying-the-foundation-for-resilient-low-carbon-development-through-climate-public-expenditure-and-investment-review
6. van Dijk, Michiel & Hbm, Hilderink & van Rooij, Wilbert & Rutten, Martine & Ashton, Ralph & Kartikasari, Kiki & Cong Lan, Vu. (2013). Land-use change, food security and climate change in Vietnam: A global to local modelling approach. URL: https://www.researchgate.net/publication/259624303_Land-use_change_food_security_and_climate_change_in_Vietnam_A_global_to_local_modelling_approach
7. Lukyanetz A.S., Nguyen Canh Toan, Pismennaya E.E., Ryazantsev S.V., Tikunov V.S., Pham, Hoang Hai// Geography, environment, sustainability. – 2014. – Vol. 7, no. 3. – P. 4–21.
8. Statistical Yearbook of Vietnam 2016. Hanoi, 2017. 948 p.
9. DARA and the Climate Vulnerable Forum. Climate Vulnerability Monitor 2nd Edition. A Guide to the Cold Calculus of a Hot Planet. Fundación DARA Internacional, Spain, 2012. 331 p.

A SPATIAL ANALYSIS OF INTERNAL MIGRATION IN VIETNAM IN 2010–2016

Quoc Huy VU, PhD (Economics), Chief Researcher, Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences VASS, Hanoi (Vietnam). E-mail: vuhuy06@gmail.com

Thi Lan Huong PHAM, PhD (Economics), Researcher, Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences VASS, Hanoi (Vietnam)

Abstract. Migration, both internal and external is Vietnam has been a permanent phenomenon in modern history of Vietnam. In recent years regional disparities and widen urban-rural gap continue to trigger and sustain growing internal migration within Vietnam as people are seeking better opportunities for income-generating activities and living environment in other places. This paper highlights major trends and key determinants of inter-provincial migration in Vietnam in the period 2010–2016 using spatial analysis.

Keywords: Vietnam, internal migration, determinants of inter-provincial migration, spatial analysis, regional development.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ ВО ВЬЕТНАМЕ В 2010–2016 ГГ.

ВУ Куок Ху, кандидат экономических наук, главный исследователь, Институт экономики Вьетнамской академии общественных наук ВАОН, Ханой (Вьетнам). E-mail: vuhuy06@gmail.com

ФАМ Тхи Лан Хыонг, кандидат экономических наук, исследователь, Институт экономики Вьетнамской академии общественных наук ВАОН, Ханой (Вьетнам)

Аннотация. Миграция, как внутренняя, так и внешняя наблюдается постоянно на протяжении всей современной истории Вьетнама. В последние годы региональные диспропорции и увеличивающийся разрыв между городами и сельскими районами продолжают провоцировать и поддерживать широкое распространение внутренней миграции во Вьетнаме, поскольку люди ищут лучшие возможности для трудоустройства и лучшие условия жизни. В данной работе на основе пространственного анализа выделены основные тенденции и ключевые детерминанты миграции во Вьетнаме в период 2010–2016 гг.

Ключевые слова: Вьетнам, внутренняя миграция населения, факторы межрегиональной миграции, пространственный анализ, региональное развитие.

1. Internal Migration in Vietnam: A brief literature review and historical perspective[1]. Migration, both internal and external in Vietnam has been a permanent phenomenon in the country's modern history. Migration in Vietnam has many different forms, ranging from humanitarian migration in the past to planned re-settlement and mostly economic migration today. Dang [1] argues that most of

[1] This Section is mostly taken from [21]

migration before the 1990s were planned resettlements where people often moved from highly populated areas to less-populated ones under a Government-led program to create new economic regions. After Vietnam adopted market-oriented and open economic policies, migration starts taking a form of voluntary or spontaneous movement by mostly economic considerations. Urbanization and industrial development are considered a major pull factor of massive migration flow from less developed, mostly rural to urban areas or newly emerging industrial zones [1; 4; 9; 18; 19]. At the same time, rural-to-rural migration remains, also an important trend in internal migration, as people continues to move rural areas with better opportunities for income-generating activities and living environment. Central Highland, for example continues to be an important rural destination from many migrants from other parts of Vietnam, in particular from Northern Mountainous Region because this region has advantages in growing profitable perennial crops such as coffee, cacao for exports [20]. Overall, during the period 2004–2009, around 3.4 millions people, equivalent to 4.3 % of total population have changes their residency across provincial boundaries. Number of migrants in 2009–2014 consists of 2.6 millions accounting for 3.1% of total population [15].

Internal migration can be seasonal, temporary or permanent [19]. Seasonal migration tends to involve rural households sending migrants during the agricultural off-season to supplement income while temporary migration can range in duration from weekly commuting to migrating for a few years with the intention of returning. Permanent migration, on the other hand involves those households or individuals who decided to reside permanently in a new place. Sometimes, it is not easy to distinguish between temporary and permanent migration, because the decision to stay or return can change. Migration can be individual-based or household-based. In the first case, an individual moves from one place to another by him/herself and in the second case, a whole family moves together to the new place following a decision of some key members of the family. In most cases, the main reason for migration remains similar: seeking better opportunities for working and living for themselves and for the family. Economic motives are believed to account for the moves of more than 70% of all types of migrants in 2004 [17].

Migration can bring benefit to migrants and other involved. It also poses enormous challenges to individuals, household and communities. Most studies recognize the benefits of migration to migrants themselves as well as to sending and receiving communities/areas in the form of better income, salaries, remittances, bringing knowledge and labor force to new places of residency [4; 7; 19]. At the same time, migration also poses a number of challenges, putting pressure on infrastructure and urban services in new urban destinations. Rural massive migration into Central Highland led to overexploitation of soil and environmental damages [4; 9; 19].

2. Major trends in internal migration in Vietnam in 2010–2016. Four Tables in this Section show inter-regional migration flows in Vietnam in four separate points of time, from the year of 2010 to 2016 based on data from corresponding Vietnam Population Change Surveys. It is interesting to note that Southeast Re-

gion has always been the biggest destination for migrants. This is because the region is the largest and fastest-growing industrial hub in Vietnam with high demand for labor, so people moves there for job opportunities. Before that, in 2005, Southeast Region was the only region, which had net-inflow of migrants. All other regions at that time recorded net-outflows meaning the number of people moved out of the region exceeded the number of those who moved in. Northern and Coastal Central Region had the highest number of out-migrants. Moreover, except in the Red River Delta, migration in 2005 was mostly *inter*-regional rather than *intra*-regional: people move mostly across regional boundaries for new place of residency.

In the year 2010, the structure of migration exhibits some changes (Table 1). Red River Delta becomes a net-inflow destination, albeit with a marginal net-inflow. Migration in Southeast region becomes more intra-regional and the region received a big amount of immigrants, mostly from rural Mekong Delta and Northern and Coastal Central. It is worth noting that there were significant number of people moving back from this fast-growing region into less developed regions in Mekong Delta and Northern and Coastal Central. Without micro-data at the individual or household levels, it is hard to know who these people are and why they moved. This additional information is very important to understand the result of regression that will be presented in the next Section.

Tables 2 and 3 shows migration flows between regions in 2012 and 2014. The Southeast region continues to be the most important destination for migrants and inter-regional migration dominates intra-regional one. Again, migration flows from Southeast region to Mekong Delta and Northern and Coastal Central tend to intensify although migration in the opposite direction still dominates.

Table 1.

Inter-regional migration flows in Vietnam in 2010 (thousands person)

	MNM	RRD	NCC	CHL	SE	MRD	TOTAL
Midlands and Northern Mountains (MNM)	**17.1**	35.8	4.6	7.4	18.6	3.1	86.5
Red River Delta (RRD)	17.9	**71.1**	9.6	5.2	24.3	2.4	130.5
Northern and Coastal Central (NCC)	2.4	21.1	**50.5**	11.8	126.9	4.5	217.2
Central Highlands (CHL)	2.0	2.3	9.3	**4.0**	17.9	0.1	35.6
Southeast (SE)	3.6	8.0	34.5	4.1	**70.0**	20.8	141.1
Mekong Delta (MRD)	0.3	1.3	1.6	1.3	172.2	**52.2**	229.0
NET-OUTFLOWS	43.2	-9.0	107.1	1.7	-288.8	145.8	

Source: Authors' calculation, based on GSO's data

It is interesting to note that the migration flows seem to be slow down in 2016. Table 4 shows migration flows between regions in that year. The interregional pattern of migration experiences some changes. The Southeast region still remains the most important destination for migrants and Mekong Delta and Northern and Coastal Central record the highest outflows. However, the total outflows in all re-

gions reduced substantially. This reversal needs to examine carefully to see whether this is permanent or just temporary, transitory shift. So far there is no plausible and clear explanation for this.

Table 2.

Inter-regional migration flows in Vietnam in 2012 (thousands person)

	MNM	RRD	NCC	CHL	SE	MRD	TOTAL
Midlands and Northern Mountains (MNM)	14.3	27.9	3.2	8.8	7.2	0.5	61.9
Red River Delta (RRD)	11.8	51.5	7.8	9.0	21.0	1.3	102.4
Northern and Coastal Central (NCC)	3.0	17.1	39.3	18.5	83.1	3.2	164.3
Central Highlands (CHL)	1.4	2.8	6.3	10.9	15.6	0.7	37.6
Southeast (SE)	2.1	6.0	20.1	9.1	52.2	20.1	109.6
Mekong Delta (MRD)	0.3	0.5	1.9	1.1	108.6	50.8	163.2
NET-OUTFLOWS	29.1	-3.3	85.6	-19.8	-178.2	86.5	639.1

Table 3.

Inter-regional migration flows in Vietnam in 2014 (thousands person)

	MNM	RRD	NCC	CHL	SE	MRD	TOTAL
Midlands and Northern Mountains (MNM)	**18.5**	31.2	2.7	6.3	9.6	0.4	68.6
Red River Delta (RRD)	19.1	**68.1**	29.4	4.7	20.0	1.0	142.3
Northern and Coastal Central (NCC)	2.8	18.7	**51.2**	16.9	96.5	2.6	188.8
Central Highlands (CHL)	1.2	2.0	11.2	**6.5**	18.1	1.0	40.0
Southeast (SE)	2.5	11.6	56.3	11.4	**69.4**	33.1	184.2
Mekong Delta (MRD)	0.2	1.1	3.1	3.0	147.2	**50.2**	204.8
Total	44.3	132.7	153.9	48.8	360.7	88.3	828.7
NET- OUTFLOWS	24.3	9.6	34.9	-8.8	-176.5	116.5	0.0

Source: Authors' calculation, based on GSO's data

Table 4.

Inter-regional migration flows in 2016 (thousands person)

	MNM	RRD	NCC	CHL	SE	MRD	TOTAL
Midlands and Northern Mountains (MNM)	10.0	20.0	3.0	0.6	13.2	2.8	49.5
Red River Delta (RRD)	6.7	33.6	10.1	0.5	7.3	0.7	58.9
Northern and Coastal Central (NCC)	1.3	8.7	27.7	5.0	41.9	1.5	86.2
Central Highlands (CHL)	0.5	0.8	6.8	1.7	16.2	0.6	26.5
Southeast (SE)	0.5	6.4	15.0	4.1	39.9	13.2	79.1
Mekong Delta (MRD)	0.0	0.2	2.0	0.9	97.5	22.1	122.7
NET- OUTFLOWS	30.4	-10.8	21.6	13.8	-136.8	81.8	

3. A spatial origin-destination model of internal migration in Vietnam in 2010–2016

3.1 Model specification

The spatial origin-destination model of internal migration has been in a wide use in recent years.

In this Section, we will use this framework to reveal possible determinants of internal migration in Vietnam. It is to note that the model we use in this paper is a new version of a modified gravity model that was used in Vu and Luong [21] with a similar dataset, except for the year 2016 data. In the earlier version, a gravity model is used and the estimated regression equation is as follows:

$$log(MF_{ij}) = \beta_0 + \gamma\, log(D_{ij}) + \beta_1\, RatioX_{ij} + \beta_2\, log(Z_j) + \varepsilon,$$

where:

MF_{ij} is migrant flows from province *i* to province *j,*

D_{ij} is distance between province *i* and province *j,*

$RatioX_{ij}$ is ratio between values of indicator X in province *i* and province *j,*

$Log(Z_j)$ is log-level of possible pull factor *j,*

$\beta 0$, γ, $\beta 1$ and $\beta 2$ are estimated coefficients/vectors and ε is an error term.

In this specification, four explanatory variables are estimated in ratios ($RatioX_{ij}$) between province-origins and province-destinations. These variables are income per capita, paddy yield, number of schools and urbanity, measured by the share of urban population in total population. Other two explanatory variables, industrial output and FDI committed capital in province-destinations are estimated in log-level. For the urbanity variable, Vu and Luong [21] adopt a dual measure, using both ratio and log-level of province-destination. In an extended version of this regression, a lagged migration flow is included in the list of explanatory variables. For example, migration flows in 2010 is used as an explanatory variable for migration flows in 2012 and the latter is used for estimation equation for 2014. This gravity model showed that past migration flows have significant and positive effects on migration in the following time period. This implies that those who want to migrate may find it easier to realize their decision to move if they have connections with those who has moved before. This result is consistent with other studies using micro data at household level. Coxhead et al. [15] for example find that individuals are significantly more likely to move from households with previous migrants, and from communes that have higher outmigration rates. This regression also shows distance or time of travel have no role in determining migration flows, which is consistent with Drobne's suggestion [5] that when communication improves, distance becomes less relevant for people's decision to move. This conclusion however differs from Phuong and McPeaks results [14] which show that distance is a significant constraint for migration in Vietnam. On the other hand, four main explanatory variables in the regression equations, namely income per capita, paddy yield, number of schools and urbanity are all statistically significant (Table 5). The sign of urbanity is consistent in two regressions but all other three

significant factors, income per capita, paddy yield, number of schools have opposite signs in two regressions. In addition, industrial output turns out to be significant and positive in the 2010 equation but not in the 2014. Regression results for the 2014 data seem to be consistent with the standard gravity model. It implies that people tend to move to provinces, which have higher income, more schools for the children, higher agriculture productivity and rapid urbanization. Industrial development and presence of foreign direct investment seems to be of secondary importance for migrants. However, the regression results for the 2010 seems go at odds with the conventional wisdom. Most key explanatory variables such as income per capita, paddy yield, number of schools have a 'wrong sign' (Table 5). Perhaps there is some misspecification that needs to be fixed in this model.

Table 5.

Results of gravity models for migration flows in 2010 and 2014

	Migration flow in 2010		**Migration flow in 2014**	
	Model A	Model B	Model A	Model B
Distance	-0.007	0.046	-0.012	-0.031
Migration flow in 2010				0.494 (***)
Migration flow in 2005		0.657 (***)		
Relative Income per capita	-0.085	-0.495 (***)	0.502 (**)	0.733 (***)
Number of school per capita	-0.413 (**)	-0.552 (***)	0.163	0.476 (***)
Industrial Output	0.152 (***)	0.187 (***)	0.057	0.012
FDI capital committed	-0.001	-0.028 (*)	0.014	0.009
Relative Paddy Yield	-0.330 (**)	-0.393 (**)	-0.016	0.324 (***)
Relative urban index	3.930 (***)	1.566 (**)	2.938 (**)	1.493 (***)
Urbanity	-0.319 (***)	0.019	-0.595 (**)	-0.623 (***)

Source: Vu Quoc Huy and Luong Thuy Duong (2016)

Note: * significant at 10%;
** significant at 5%;
*** significant at 1%.

In this paper, a part from extending time coverage of the sample, we consider possible spatial effects in this migration model. LeSage [10; 11] classifies a spatial econometric model of the variation in origin-destination flows in three cases:

1) a spatial autoregressive model (SAR), when dependent variable depends on the spatial lag

$$y = \rho Wy + X\beta + \varepsilon,$$

2) a spatial error model (SEM) when there is a spatial lag in error term

$$y = X\beta + u;\ u = \rho Wu + \varepsilon,$$

3) the general spatial model (SAC) when both spatial lag in both dependent variable and error terms are present

$$y = \rho Wy + X\beta + u;\ u = \rho Wu + \varepsilon.$$

In the case of origin-destination model, a weighting matrix captures three components `origin', 'destination', as well as 'origin-destination interaction' dependence and is defined as follows

$$W = Wo + Wd + Wod.$$

Then the general spatial model (SAC) for the origin-destination flows would look as follows

$$y = \rho Wy + \beta_0 * + X_o \beta_o + X_d \beta_d + \gamma d + \varepsilon,$$

$$u = \lambda Wu + \varepsilon.$$

We will apply this model to find possible factors that determines migration flows in Vietnam. Nine explanatory variables are included: 1) industrial growth index; 2) paddy yields; 3) FDI committed capital; 4) number of schools per capita; 5) volume of retail trade; 6) total employment; 7) average salary received by a number of a household; 8) average farming income and 9) urbanization. These variables are in both origin and destination side of regression equations. In addition, distance variable remains in all specifications like in a standard gravity model. Applying spatial regression specification is justified by the fact that Moran's index of spatial interdependency is statistical highly significant for all migration flow variables in all years (Table 6).

Table 6.

Moran's Index

	I	E(I)	sd(I)	z	p-value
Migration flows in 2016	0.012	0.000	0.005	2.693	0.004
Migration flows in 2014	0.052	0.000	0.005	11.44	0.000
Migration flows in 2012	0.037	0.000	0.005	8.235	0.000
Migration flows in 2010	0.018	0.000	0.005	4.012	0.000

3.2 Data. Migration data are taken exclusively from the annual Population Change Survey (PCS), in four years 2010, 2012, 2014 and 2016. The PCS is conducted every year and represents a useful information source on internal migration as it includes a question on the movement of residents over the year preceding the survey in all provinces. The survey is designed to be representative at the provincial level [15]. This survey, as mentioned by UN [19] may fail to capture the shorter-term, especially seasonal movements that occur within a year. As long as the longer terms movements concern this data is suitable for our analysis. Other data such as GDP per capita, number of schools in provinces, foreign direct investment, industrial output, agriculture area and paddy yields are taken from the official sources, published by GSO. Household income data and income's subcomponents such as salary, farm and non-farm sources of income are taken from Vietnam Household Living Standard Surveys which are conducted very two years. We skip odd years 2001, 2013 and 2015 from analysis because in these years no household income data are available. Distances and estimated time for travel be-

tween provinces are taken from Vu and Luong [21]. It is to remind that distance between provinces is defined as the shortest path between provinces calculated by the network shortest path algorithm [6] based on distances between adjacent provinces (available in goggle map). The same network shortest path algorithm is also used to derive an alternative indicator of distance measured by an average time of travel by road between provinces.

3.3 Key findings from spatial analysis of internal migration in Vietnam. Results of regression in all versions of the years 2012, 2014 and 2016 are given in Table 7 and Table 8. For years 2014 and 2016 we consider two models: OLS and SAC (suggesting both spatial lags and spatial errors specifications). For the years of 2012, we consider separately two options of spatial lags and spatial errors since in an integrated SAC model both spatial lag and spatial errors terms are statistically not significant.

Table 7.

Regression Results. Dependent Variable: Migrant Outflows 2012

	SAR		SEM		OLS	
	Destination	***Origin***	***Destination***	***Origin***	***Destination***	***Origin***
Industrial Growth Index	0.823 *	0.188	0.979*	0.025	0.915*	0.045
Paddy Yields	0.198	1.137	-0.591	0.953	-0.751	1.180
FDI committed capital	0.003***	0.000	0.005***	0.000	0.005***	0.000
Number of schools per capita	-8.556	-1.454	-16.578**	-5.984	-16.3***	-5.167
Retail Trade	0.000	0.00 ***	0.000***	0.001***	0.000***	0.001***
Employment	2.455	3.832*	6.395	4.100	5.637***	4.170**
Salary	-8.284***	-1.339	-10.6***	-1.548	-9.710***	-2.121
Farming income	5.256**	1.194	6.169*	1.341	6.057**	1.510
Urbanization	153.2***	34.274	259.6***	5.849	231.8***	17.691
Lagged Outflows (2010)	0.518***		0.517***		0.521***	
Distance	0.006		0.009		0.010	
lambda	0.128***					
rho			0.170*			

Note: * significant at 10%;
** significant at 5%;
*** significant at 1%.

Table 8.

Regression Results: Dependent Variable: Migrant Outflows 2014, 2016

	2014				2016	
	SAC		OLS		SAC	
	Destination	***Origin***	***Destination***	***Origin***	***Destination***	***Origin***
Industrial Growth Index	2.050**	-0.171	0.050	-0.006	0.757	1.213 *
Paddy Yields	-6.706*	-2.716	-3.864 ***	-1.640	-3.834 **	-0.053
FDI committed capital	0.018***	0.002	0.004 ***	0.002	0.007***	-0.002
Number of schools per capita	-129.7 ***	-55.16**	-49.77***	-14.145	-33.20**	-17.112
Retail Trade	0.002 ***	0.003***	0.001 ***	0.001***	0.002***	0.000**
Employment	75.033 ***	1.938	10.68 ***	1.109	7.883	-6.590
Salary	-16.380	-11.881	-10.5 ***	-1.994	-5.022	-3.438
Farming income	3.124	2.223	-9.04 **	0.378	-6.983	6.586
Urbanization	1645.1***	61.677	95.510	59.292	203.2 *	23.255
Lagged Outflows	0.792 ***		0.873 ***		0.35***	
Distance	0.037		0.000		0.042	
Constant Terms	-3047.5***		73.470		341.102	
Spatial Effects						
lambda	-0.938 ***				-0.682***	
rho	0.764 ***				0.606***	

Note: * significant at 10%;
** significant at 5%;
*** significant at 1%.

The following are major findings of regression:

1. Distance doesn't matter. It has no influence on migration flows in all model specifications. This result reconfirms again the fact that with significant improvement of transportation and communication, distance and time of travel are no longer important in people's decision to migrate.

2. Lagged migration flow matters meaning if a community has higher migration flow, it will continue to do so for a while. We do suggest that that this relationship could have an inverted U shape. A further micro analysis could be used to test this hypothesis.

3. FDI, economic life and conditions (measured by retail trade), urbanization, employment opportunity in the formal sector and productivity in farming continue to be consistent pull factors for internal migrations in Vietnam. People tends to move to those places which have potential for better employment, productive farming activities, new life in cities and with new job-offers.

4. Social and physical infrastructure seems to have no role in attracting migrants. This can be partly explained by the fact that in Vietnam still exists a *'hok-hau'* (household registration system) that requires every citizen to register his/her

place of residency. Under this system, many basic social services can only be provided to a citizen if he/she is officially registered in this locality. Migrants are often denied a possibility to be a permanent citizen with 'ho khau'. His family in this case is not eligible for any support in basic social services from the local government. The regression result provides some support to this proposition: number of school facility in destinations has no impact on migration flows.

5. Finally, some structural shifts seem to take place in 2016 when patterns of migration did have changed and correlation between migration flows and its key determinants seems to alter. Income-related variables in destinations such as income from formal employment, farming activities are no longer relevant and statistically significant in 2016. This 'abnormality' is already discovered in the previous Section and there is a need to further explore it.

4. Concluding remarks. Internal migration in Vietnam is a permanent phenomenon in socio-economic life of the country. People move from one to another place in search of a better life. Migration continues to be part of socio-economic life of a country until there are conditions for people to do so. Evidence has shown that internal migration can be an important opportunity for more even and widespread development, benefiting not just only those who migrate but also their families and communities through various channels. Understanding different factors that determine magnitude and direction of migration is important to facilitate this migration process making it a relevant socio-economic development contributor, helping migrants to achieve their goals. This study has shown that migration's pull and push factors may act differently in different circumstances, affecting people's decision to move. This macro analysis however should be further complemented with micro-data at the individual and household levels since many observed structural shifts cannot be fully understood and explained relying purely on macro data. This spatial analysis of migration also confirms the existence of complicated regional inter-dependency in socio-economic life due to regional interdependency.

REFERENCES AND SOURCES

1. Dang Nguyen Anh. Migration policies in socio-economic development in mountainous provinces. World Publishing House. 2006. Hanoi
2. Bunea D. Modern Gravity Models of Internal Migration. The Case of Romania Theoretical and Applied Economics Volume XIX (2012), No. 4 (569), pp. 127–144
3. McKenzie D. and Sasin M. J. Migration, Remittances, Poverty, and Human Capital: Conceptual and empirical challenges. World Bank Policy Research Working Paper 4272, July 2007
4. Dinh Quang Ha. Spontaneous migration in Vietnam. Situations and solutions. Vietnam Journal of Social Sciences. No 11 (72) – 2013, pp. 66–74.
5. Drobne R., Rajar T., and Lisec A. Dynamics of Migration and Commuting to the Urban Centres of Slovenia, 2000–2011. Geodetski vestnik. 57/2, 2013, pp. 333–353.
6. Hirotaka Miura. Stata graph library for network analysis. The Stata Journal.12, Number 1, pp. 94–129

7. Coxhead I., Nguyen Viet Cuong and Linh Hoang Vu. Migration in Vietnam: New Evidence from Recent Surveys. Vietnam Development Economics Discussion Paper 2. World Bank Vietnam, November 2015

8. Aleshkovski I., Iontsev V. Mathematical model of migration. System Analysis and Modelling of Integrated World Systems. 2005

9. Le Van Son. Internal labour migration in Vietnam. Vietnam Journal of Social Sciences. No 11 (74) – 2014, pp. 57–65.

10. LeSage J. and Pace R.K. Spatial econometric modeling of origin-destination flows. Journal of Regional Science, 48: 941–960, 2008.

11. LeSage J.P and Fischer M.M. Spatial econometric methods for modeling Origin – Destination flows. Handbook of Applied Spatial Analysis: SoftwareTools, Methods and Applications, M.M. Fischer and A Getis (eds), Springer-Verlag, Berlin Heidelberg. 2010

12. Pietrzak M. B., Wilk J. and Matusik S. Gravity model as the tool for internal migration analysis in Poland in 2004–2010.Institute of Economic Research Working Papers No. 28/2013

13. Jandová M., Paleta T. Gravity Models of Internal Migration – The Czech Case Study Review of Economic Perspectives – Národohospodárský Obzor. 2015. Vol. 15, Issue 1, pp. 3–14.

14. Nguyen-Hoang Phuong and McPeak, J. G., Leaving or Staying: Inter-Provincial Migration in Vietnam. Asian and Pacific Migration Journal, Vol. 19, No. 4, 2010, pp. 473–500

15. Population Change Census 2014: Key results. General Statistical Office, 2015. Statistical Publishing House. Hanoi

16. Ramos R. and Suriñach J. A gravity model of migration between ENC and EU. Regional Quantitative Analysis Research Group. Working Paper 2013/09

17. The 2004 migration survey: internal migration and related life course events. General Statistical Office, 2006. Hanoi: SAVINA Printing Company

18. Tran Nguyet Minh Thu. Role of spontaneous labour rural-urban migration in supporting household economy. Journal of Sociology, No 2 (122), 2013.

19. United Nation. Internal Migration: Opportunities and Challenges for Socio-Economic Development of Vietnam, 2010

20. Vietnam Household Living Standard Survey 2010: Key results. General Statistical Office, 2011. Statistical Publishing House. Hanoi

21. Vu Quoc Huy and Luong Thuy Duong. The Determinants of Internal Migration in Vietnam in 2005–2014: Premilinary Resutls from a Gravity Model. Paper presented at the Conference Migration between Russia and Vietnam in the context of new geopolitical realities and economic integration. Hanoi, Vietnam. 2016

22. Yongyuth Chalamwong. The Impact of the Crisis on Migration in Thailand. Asian and Pacific Migration Journal, Vol. 7, Nos. 2–3, 1998, pp 297–312.

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ И МОДЕЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ[1]

БЕЛОЗЕРОВ Виталий Семенович, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь (Россия). E-mail: vsbelozerov@yandex.ru

ЧЕРКАСОВ Александр Александрович, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь (Россия). E-mail: cherkasov_stav@mail.ru

Аннотация. В статье представлен опыт применения геоинформационных технологий для исследования миграционных и этнических процессов в России. В работе применялись такие методы как центрографический, статистических поверхностей (трехмерные изображения), качественный и количественный фон. Применение данных методов представлено на страновом уровне (Российская Федерация) и региональном (на примере Ставропольского края).

Ключевые слова: геоинформационный мониторинг, моделирование, миграция, этнические процессы, расселение народов, полимасштабность.

GEOINFORMATION MONITORING AND MODELING OF MIGRATION AND ETHNIC PROCESSES IN RUSSIA[2]

Vitaly S. BELOZEROV, doctor of geographical Sciences, Professor, head of the Department of socio-economic geography, geoinformatics and tourism, North Caucasus Federal University, Stavropol (Russia). E-mail: vsbelozerov@yandex.ru

Alexander A. CHERKASOV, candidate of geographical Sciences, associate Professor of the Department of socio-economic geography, geoinformatics and tourism, North Caucasus Federal University, Stavropol (Russia). E-mail: cherkasov_stav@mail.ru

Abstract. The article presents the experience of using geoinformation technologies for the study of migration and ethnic processes in Russia. Such methods as centrographic, statistical surfaces (three-dimensional images), qualitative and quantitative background were used in the work. The application of these methods is presented at the country level (Russian Federation) and regional level (on the example of Stavropol region).

Keywords: geoinformation monitoring, modeling, migration, ethnic processes, resettlement of peoples, polyscale.

Последние почти три десятилетия трансформация миграционных процессов на пост советском пространстве характеризуется изменениями территориальной, этнодемографической структурой миграционных потоков. В постсо-

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00179 и гранта РФФИ № 18-35-00173

[2] The study was conducted with the support of the RFBR grant № 16-06-00179 and RFBR grant № 18-35-00173

ветской России поменялись «ролями» принимающие и отдающие мигрантов регионы; миграционный прирост обеспечивался благодаря репатриационным процессам; на время изменились миграционные потоки в системе «город-село». Поэтому актуальным представляется выявление основных черт трансформации пространственно-временных особенностей миграционных процессов в России.

В работе представлен авторский опыт исследования миграционных и этнических процессов в России, основанный на применении геоинформационных технологий, построенный по принципу полимасштабного мониторинга, исследование на всех административно-территориальных уровнях Российской Федерации: страновом, региональном (субъект России), локальном (муниципальный район), поселенческом – город, сельский населенный пункт. Важной особенностью геоинформационного мониторинга является применением геоинформационного моделирования, в частности использования центрографического метода, статистических поверхностей (трехмерные изображения), качественного и количественного фона [5]. Многовариантность моделирования с возможностью сравнивания моделей во времени позволяет повысить информативность исследования, обеспечить более детальное описание одного и того же процесса, выявлять закономерности и тренды.

Концептуальная схема геоинформационного мониторинга миграционных процессов в России отражает общий план создания и использования ГИС (Рис. 1) [3].

Общероссийский уровень. Российская Федерация

Как известно, общероссийской тенденцией миграционных процессов в пост советский период является смена миграционного тренда с восточного на западный и репатриационный характер миграционных потоков. При этом в структуре миграционного прироста России доминирование русских сочеталось с высокой долей в миграционном приросте отдельных титульных народов стран ближнего зарубежья, в частности, украинцев (9,8%), они занимали 2-е место, армян – 3-е место (7,5%).

Данные тенденции хорошо демонстрирует центрографический метод, который дает возможность определить территориальный вектор миграционной активности населения, выражается в динамики смещения центров тяжести выбытия и прибытия мигрантов. В частности, центр миграционного оттока населения движется с 1992 по 2017 гг. с востока страны в западном направлении. Так в 1992 г. центр выбытия населения находился на Юге республика Саха Якутия, а в 2017 г. на юге Челябинской области. Таким образом, центр преодолел за этот период расстояние в 4 000 км. Что касается центров миграционного прироста населения, то на протяжении этого периода он находился на территории европейской части страны, и в период с 1992 по 2017 гг. смещался в сторону столичного региона.

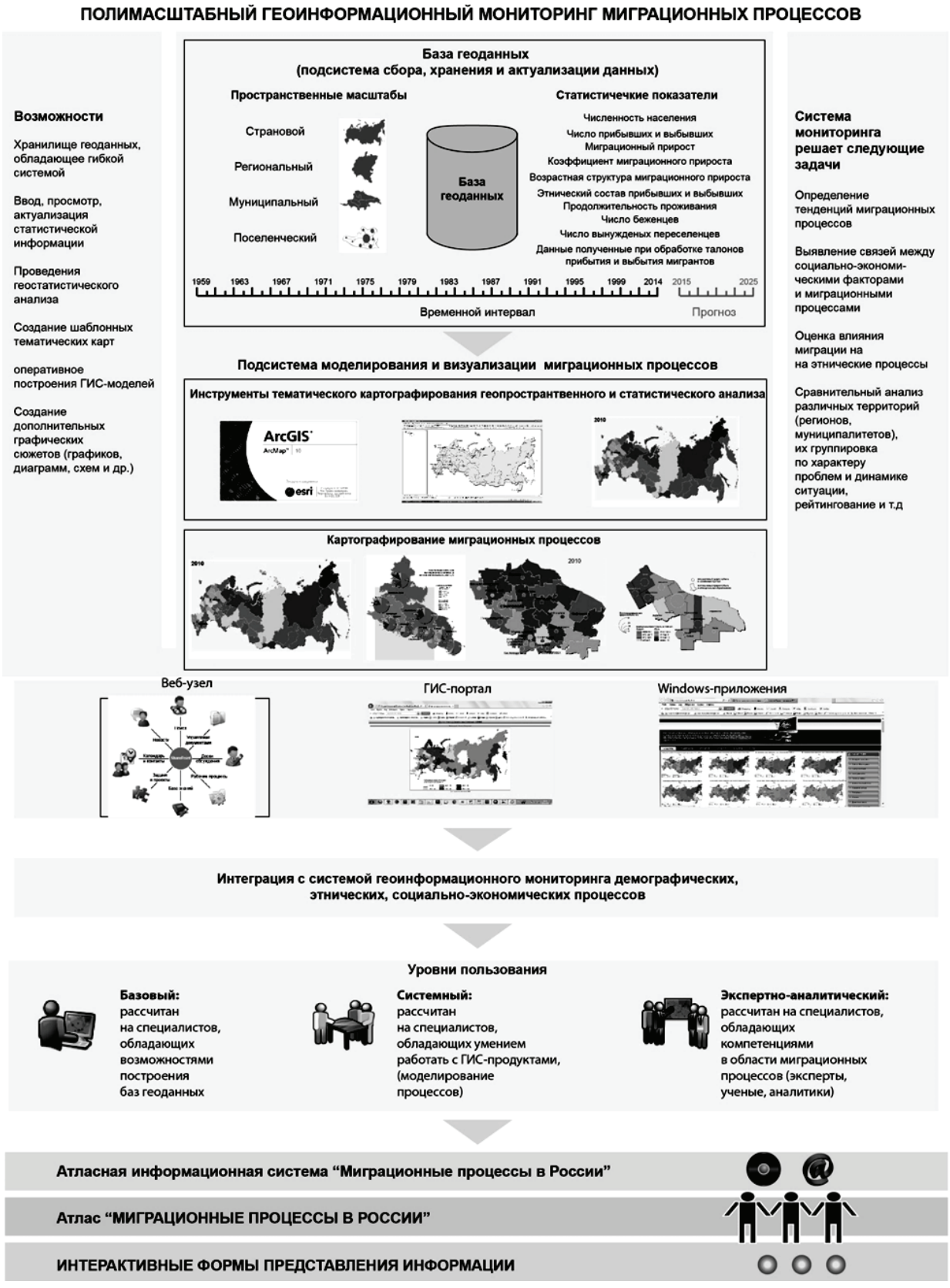

Рис. 1. Концептуальная схема геоинформационного мониторинга миграционных процессов в России [3]

Миграционные процессы связаны с динамикой формирования ареалов расселения этносов в России. Так, народы активно участвующие в хозяйственном освоении страны в советский период, переселяющиеся в сибирские и

дальневосточные регионы (русские, украинцы, белорусы), в постсоветский период наиболее активно участвовали в миграции населения с востока страны на запад. Важно отметить, что в постсоветский период достаточно активно в миграционные процессы включились титульные этносы Южного Кавказа. При этом их центры тяжести движутся в северо-восточном направлении, стремясь в регионы общего миграционного прироста, на территории европейской части России.

Так, анализируя расселение украинцев с помощью моделей выполненных центрографическим методом, можно отметить, что их центр тяжести активно менялся на протяжении всего рассматриваемого периода, при этом их центр в советский период активно смещался в восточном, а в постсоветский период в западном направлении [2].

В дополнение двумерному представлению количественных данных о численности украинцев в регионах нами использован метод статистических поверхностей и получены модели трехмерного изображения (объемные карты) [1]. Этот метод достаточно нагляден, за счет стремящихся вверх «пиков», а также цветовых переходов демонстрирует территории с наибольшей численностью проживания этноса [6]. При этом динамический ряд за разные годы позволяет оценивать рост или сокращение показателей численности. Так базовая модель была рассчитана по численности украинцев в 1959 г. Анализируя распределение их численности данным методом, мы можем наблюдать регионы наибольшей концентрации этноса. Максимальная численность украинцев в 1959 г. отмечалась в Москве, Ростовской области и Краснодарском кран, Приморском крае, Омской области. К 1989 г. наблюдаются изменения в соотношении численности по регионам страны, в частности в некоторых регионах сократилась численности, а в ряде других численность украинцев росла. Наиболее значимый рост отмечается в регионах Западной Сибири (Тюменская область и ХМАО), а также Москве и Санкт Петербурге. Анализируя модель численности украинцев за 2010 г. отметим сокращение численности в большинстве регионов, оставив в качестве основных островков расселение регионы Западной Сибири, Москвы и Московской области, и Юга России.

Региональный уровень. Ставропольский край

На региональном уровне в качестве региона-ключа взят Ставропольский край, на территории которого на первых этапах пост советского времени отмечались активные и массовые миграционные потоки, имеющие ярко выраженные этнические черты, активно влияющие на изменение этнической структуры населения региона. В настоящее время активность миграционных процессов значительно снизилась, изменилась география и демографическая структура населения. Исследования показали, что в середине 1990-х гг. (в частности, 1995 г.) миграционный прирост в крае отмечался практически во всех городах и районах Ставропольского края, благодаря чему наблюдался некоторый территориальный сдвиг на восток в расселении населения края. В этот период, в условиях массовой стрессовой миграции, в отличие от прошлых лет на востоке края стали селиться русские, армяне и другие народы.

Как показали результаты геоинформационного мониторинга и визуализация расселения русских мигрантов, на территории края выделяется три зоны по интенсивности миграционного прироста. Зона и центры с высоким миграционным приростом (западные районы), средним (центральные районы) и низким (восточные районы), которые в целом охватывали практически всю территорию края. Северокавказские народы, в частности, даргинцы, чеченцы, в этнополитической ситуации того периода имели отрицательное сальдо миграции в большинстве районов края. В первую очередь, в районах, где сформировались многолюдные диаспоры этих этносов.

По мере снижения остроты социально-экономического кризиса, нормализации межэтнических отношений в стране, странах ближнего зарубежья, на Кавказе, масштабы миграции в край стали устойчиво снижаться. В миграционном поведении народов проявляется новая тенденция: во-первых, в условиях сокращения миграционного прироста до 1 тыс. чел. и даже отрицательного сальдо миграции в последние годы, ареал с положительным миграционным приростом ограничивается Ставропольской и Кавминводской агломерациями. При этом большая часть городов и районов края в ходе миграционного обмена теряет население. Во-вторых, в крае сформировались территории, те же агломерации, которые стали территориями предпочтительного расселения всех этносов – и русских, и армян, и даргинцев, и чеченцев и других народов.

Для моделирования миграционных процессов в крае использован центрографический метод с целью вявления центра тяжести расселения мигрантов отдельно для миграционного прироста и миграционного оттока населения. В частности, центр миграционного оттока населения находится в 2000 г. в центральной части Нефтекумского городского округа (ГО), при этом уже к 2005 г. центр смещается на 91 км на запад в южную часть Благодарненского ГО, а к 2010 г. сместился еще на 68 км в юго-западном направлении и оказался в центральной части Александровского района. В период с 2010 по 2017 гг. центр сместился на 13 км, на юг Александровского района.

Что касается центров миграционного прироста населения, то в 2000 г. он находился в центральной части Александровского района, а к 2005 году, сместившись на 40 км на юго-запад, в центральную часть Андроповского района. В период с 2005 по 2010 гг. центр смещается в восточном направлении на 26 км, в юго-западную часть Александровского района. С 2010 по 2017 гг. центр фактически не изменился, сместившись на 3 км на юго-восток, остался на территории Александровского района [4].

В целом смещение центра миграционного оттока населения в период с 2000 по 2017 гг. произошло в юго-западном направлении, характеризуется, прежде всего тем, что количество районов и городских округов, в которых наблюдается отток населения увеличивается. При этом, если в 2000 г. в их числе были муниципальные районы востока края, то в 2010 и 2017 гг. это центральные и частично западные муниципальные районы. При этом, относительно стабильное нахождение центра миграционного прироста населения в края объясняется тем, что основные территории, в которых наблюдается миграционный прирост, находятся в пределах Ставропольской и Кавминвод-

ской агломераций, и центр, незначительно изменяясь, находится между двумя зонами миграционного прироста населения.

В дополнение двумерному представлению количественных данных о численности украинцев в регионах нами использован метод статистических поверхностей и получены модели трехмерного изображения (объемные карты). При этом территории с показателями миграционного прироста достаточно наглядно демонстрирует метод статистических поверхностей и получены модели трехмерного изображения (объемные карты). Данный метод показывает территории наибольшей миграционной активности. Так, на моделях видно, что территории, имеющие высокий миграционный прирост в 2000 году, концентрируются на западе края и в районе КМВ. Последующие модели демонстрируют, как процесс меняется, а территории, принимающие мигрантов, становятся наиболее выраженными. Так к 2017 г. число муниципальных районов и городских округов, в которых наблюдается миграционный прирост, значительно сокращается. Данный прирост выражается в так называемых «пиках», которые стремятся вверх. Что касается миграционного оттока, то на моделях показано как центральные и восточные территории края более активно теряли население в середине 2005 и 2010 гг. («пики» стремятся вниз), а затем к 2017 г. модель становится менее выраженной, что говорит об относительной стабилизации процессов в муниципальных районах и городских округах.

Выводы

Геоинформационный мониторинг и созданные на основе данной технологии модели позволили наиболее детально изучать миграционные процессы на страновом уровне (Российская Федерация) и в отдельно взятом регионе. Так центрографический метод позволил определить территориальный вектор миграционной активности населения, который выражается в динамики смещения центров тяжести выбытия и прибытия мигрантов, а также на страновом уровне определить вектор преимущественного расселения отдельных этносов.

Способ количественного фона (покрытие) продемонстрировал территории в которых наблюдается миграционный приток и отток населения.

Методом статистических поверхностей получены модели трехмерного изображения (объемные карты) позволившие выявить территориальное неравномерное распределение мигрантов, в частности «пики», стремящиеся в верх, демонстрируют территории миграционного прироста, а с помощью стремящихся «пик» вниз территории активного оттока населения.

Применение многовариантности различных геоинформационных методов позволили выявит и потвердеть следующие пространственно–временные тенденции – *в России в постсоветский период*:

- миграционные процессы имеют выраженный географический тренд, наблюдается активная убыль населения в восточных регионах;
- регионы миграционной прироста концентрируются в европейской части России, центр миграционной привлекательности смещается к столичному региону;

– миграционный тренд с востока на запад имеет выраженный этнических характер, в первую очередь связанный с миграцией населения в западную часть страны наиболее больших по численности этносов, активно участвующих в советский период в хозяйственном освоении востока сраны (русские, украинцы, белорусы и т.д.);
– наблюдаются изменения ареалов расселения у большинства этносов, проживающих в России, в отдельных регионах происходит рост этнической мозаичности;

В Ставропольском крае в постсоветский период наблюдаются:

– изменения географии миграции населения, начиная с миграционного прироста населения в большинстве муниципальных образованиях на начальных этапах и заканчивая миграционным оттоком населения в большинстве муниципальных районах и в целом после 2014 г. Ставропольском крае;
– сокращение численности населения в большинстве муниципальных образований региона (исключения отдельные города и районы Ставропольской и Кавминводская агломерации);
– формирование зон предпочтительно расселения большинства этносов – Ставропольская и Кавминводская агломерации;
– рост полиэтничности на территории муниципальных районов и городских округов Ставропольского края (сначала восточные районы Ставрополья, затем центральной и западные территории);
– на локальном и поселенческом уровне наблюдается влияние миграции на изменение социально-демографической структуры населения муниципальных районов и сельских поселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Краак М.-Я., Ормелинг Ф. Картография: визуализация геопространственных данных. – М.: Научный мир, 2005. – 325 с.

2. Панин А.Н. Куда движутся народы, или особенности применения центрографического метода для анализа расселения полиэтничного региона//Люди и карты: географические аспекты исследования населения Ставрополь: Изд-во. СГУ, 2012. С. 57–60.

3. Тикунов В.С. Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. Полимасштабный геоинформационный мониторинг миграционных процессов: общие подходы // Наука. Инновации. Технологии. Ставрополь, 2014, С. 135–144.

4. Черкасов А.А., Чернова И.В. Геоинформационное моделирование миграционных процессов в Ставропольском крае // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Ставрополь 2018. с. 268 -273.

5. Belozerov V.S., Tikunov V.S., Cherkasov A.A., Ibrahimov A., Caliskan V. Geoinformation technologies in the study of ethnic aspects of urbanization in Russia. Geography, Environment, Sustainability. 2013. Т. 6. № 4. С. 19–30.

6. Field K. Cartography. Esri Press, Redlands, Kalifornia, 2018 – 576 p.

АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)

БЕССОНОВА Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Институт менеджмента и экономики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск (Россия) E-mail: T_Bessonova@ugrasu.ru

ХАЙДУКОВА Екатерина Сергеевна, аспирант, Институт менеджмента и экономики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск (Россия) E-mail: XEKATERINAC@mail.ru

Аннотация. В статье представлены возможные позитивные и негативные последствия миграционных процессов территорий, принимающих иностранную рабочую силу. Описываются группы мигрантов, прибывающих в Ханты-Мансийский автономный округ – Югру в настоящее время, в зависимости от доминирующего фактора, влияющего на миграционные процессы. Выделяется ряд внутренних и внешних факторов привлекающих мигрантов.

Ключевые слова: региональная миграция, трудовая миграция, иностранная рабочая сила, миграционные процессы региона, миграционная политика, мигранты.

THE ANALYSIS OF MIGRATION PROCESSES AT THE REGIONAL LEVEL (ON EXAMPLE OF KHANTY – MANSI AUTONOMOUS AREA – YUGRA)

Tatyana N. BESSONOVA, PhD in Economics, associate Professor of management Department, Institute of management and Economics, Federal state budgetary educational institution «Yugra state University», Khanty-Mansiysk (Russia). E-mail: T_Bessonova@ugrasu.ru

Ekaterina S. HAJDUKOVA, post-graduate student, Institute of management and Economics, Federal state budgetary educational institution "Yugra state University", Khanty-Mansiysk (Russia). E-mail: XEKATERINAC@mail.ru

Absrtact. The article presents the possible positive and negative consequences of migration processes in the regions receiving foreign labor force. The groups of migrants arriving in the Khanty-Mansi Autonomous Area– Yugra at the present time are described depending on the dominant factor affecting migration processes. A number of internal and external factors attracting migrants are highlighted.

Keywords: regional migration, labor migration, foreign labor force, migration processes in the region, migration policy, migrants.

Сложившаяся демографическая ситуация в Российской Федерации предполагает проведение активной миграционной политики, направленной на привлечение иностранной рабочей силы. Продолжительная естественная

убыль населения, усугубляющееся неравномерное размещение по территории страны ставят демографические процессы в число вопросов национальной безопасности страны.

Миграция населения является значимым и неизменным компонентом экономической, социальной и культурной жизни любого государства Таким образом, упорядоченные и грамотно управляемые миграционные процессы принесут реальную пользу как для мигрантов, так и для государства.

Миграция – явление многогранное и включает в себя множество разнообразных и сложных аспектов, важнейшими из которых являются: государственное управление миграцией; трудовая миграция; миграции и национальная безопасность; борьба с нелегальной миграцией; правовой статус мигрантов; интеграция мигрантов. В настоящее время миграционные процессы все активнее проявляются в международной системе высшего образования [8].

Миграционная политика представляет собой комплекс правил, мер и ограничений, направленных на упорядочение гражданских и общественных отношений в области перемещения лиц через границу Российской Федерации (как внутрь, так и за её пределы).

С теоретической точки зрения регион, принимающий рабочую силу, получает следующие преимущества:

- иностранные работники заполняют малопривлекательные для местного населения вакансии, среди которых: низкооплачиваемая мало престижная работа, работа, связанная с вредными, опасными и тяжелыми условиями труда;
- повышается конкурентоспособность производимых товаров, вследствие уменьшения издержек производства, связанных с более низкой ценой иностранной рабочей силы;
- иностранные рабочие, предъявляя дополнительный спрос, на товары и услуги, стимулируют рост производства и дополнительную занятость в стране пребывания;
- при импорте квалифицированной рабочей силы принимающая сторона экономит на затратах на образование и профессиональную подготовку;
- иммигранты привносят новый опыт, знания и навыки;
- иностранная рабочая сила обладает большей мобильностью по сравнению с местным населением;
- иностранные рабочие часто рассматриваются как определенный амортизатор в случае кризисов и безработицы. Вследствие того, что их легче можно уволить;
- иностранные работники не обеспечиваются пенсиями и не учитываются при реализации разного рода социальных программ.

К отрицательным моментам, связанным с импортом рабочей силы относятся:

- затраты, связанные с профессиональной подготовкой, обучением иностранных работников;

– увеличение масштабов безработицы для принимающей стороны;
– возникновение элементов социальной напряженности в обществе (при занятии тех рабочих мест, на которые претендуют местные работники), межнациональная неприязнь;
– понижение в результате притока иммигрантов реальных зарплат неквалифицированной рабочей силы;
– вывоз капитала иностранными работниками;
– ухудшение криминогенной обстановки в результате правонарушений со стороны иностранных работников.

Актуальность исследования миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре обусловлена не только экономической и социокультурной спецификой, но и его стратегическим значением в обеспечение национальной безопасности России. Регион открыт для внедрения инновационных проектов и технологий в различных сферах жизнедеятельности, тем самым, продолжая сохранять финансовую привлекательность для мигрантов. Сегодня на территории Ханты-Мансийского автономном округе-Югре проживают представители 123 национальностей.

Активный приток мигрантов в регион можно объяснить следующими причинами:

– регион отличается социально-экономической стабильностью и финансовой привлекательностью, возможностью профессиональной реализации;
– значительную роль в привлечении мигрантов играет спрос на рабочую силу в регионе;
– притоку мигрантов способствует стратегия работодателей, предпочитающих брать на работу трудолюбивых и дисциплинированных, но одновременно низкооплачиваемых иностранных рабочих [6].

Ханты-Мансийской автономный округ-Югра – регион России, активно осваивался и заселялся во второй половине XX века. Поэтому большинство его жителей являются мигрантами в первом или втором поколении. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, только 31% жителей округа являются его уроженцами, это один из самых низких по стране показателей. К возрасту 20 лет уже более половины жителей округа имели хотя бы однократный опыт миграции, к возрасту 40 лет – 95% (включая переселения в пределах автономного округа).

Миграционные процессы в автономном округе очень динамичны (табл. 1), причиной этому служит социально-экономическое развитие региона и высокий уровень экономической привлекательности территорий. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра – это отраслевой нефтегазодобывающий регион с ограниченным числом базовых отраслей, представленных в экономике региона, с хорошо развитыми дополнительными и вспомогательными отраслями промышленности. В условиях геополитической нестабильности и применяемых санкций особое значение придается регионам, способным оперативно реорганизовать свою экономику в ресурсный потенциал развития, способный обеспечить население товарами и услугами собствен-

ного производства. В связи с последними геополитическими событиями Ханты-Мансийский автономный округ-Югра определил для себя новые приоритеты развития, связанные с поддержанием высокого уровня благосостояния населения на основе сбалансированного устойчивого экономического роста, импортозамещения товаров, работ и услуг [1].

В 2017 г. на территорию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры прибыло 76,2 тыс. человек (табл. 1). Более 13% прибывших составляют мигранты из стран СНГ (10384 человека), из них 31% население Таджикистана, 35% мигранты из Украины, 10% граждане Азербайджана и др.

Таблица 1.

Динамика показателей, характеризующих миграционные процессы в Ханты-мансийском автономном округе – Югре

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Число прибывших, тыс. чел.	79,9	82,2	86,7	76,2
Число выбывших, тыс. чел.	82,4	84,0	82,8	80,3
Миграционный прирост, тыс. чел.	-2,5	-1,8	3,9	-4,1

Источник: [7, 9]

Среди въехавших в округ иностранных граждан на основании визы, преобладает число граждан, прибывшие из Грузии (43), Германии (13) и других стран с визовым режимом.

По итогам 2017 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, фактически значатся состоящими на миграционном учете 228109 иностранных граждан и лиц без гражданства, из них: 217331 – по месту пребывания; 10778 – по месту жительства (на основании разрешения на временное проживание – 5523 и вида на жительство – 2862).

Иностранные граждане и лица без гражданства, впервые поставленные на миграционный учет в автономном округе (их число составило 93526 человек) указывают разные причины пересечения границ Российской Федерации: большинство мигрантов целью въезда в Россию указывают в документах работу по найму (таких людей 69350 – 74%). Часть мигрирующего населения (21%) пребывают в РФ с частными целями, незначительное число мигрантов прибыли в автономный округ – Югру с иными целями: обучение – 1682 человека (1,8%), туризм – 670 человек (0,7%). Основные сферы занятости мигрантов: добыча полезных ископаемых, производство пищевых продуктов, строительство, гостиницы и рестораны [4]. В перспективе мигрантов необходимо привлекать в сектор социального предпринимательства [3].

В настоящее время в регионе реализуется государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Ханты-Мансийский автономный округ – Югру соотечественников, проживающих за рубежом, на 2016–2020 годы». Программой предусмотрены мероприятия, направленные на привлечение квалифицированных специалистов из числа соотечественников, проживающих за рубежом, а также постоянно или временно проживаю-

щих на законном основании в автономном округе, либо прибывших в Российскую Федерацию в экстренном массовом порядке, признанных беженцами на территории Российской Федерации или получивших временное убежище на территории Российской Федерации. Исполнителем программы является Департамент труда и занятости Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Финансовое обеспечение программы в 2017 составило 17391,9 тыс. рублей.

В рамках данной программы в 2017 г. было рассмотрено 1478 заявления (анкеты) соотечественников для участия в Программе, поступивших из Управления по вопросам миграции Управления Министерства внутренних дел России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, согласовано 1225 кандидатур соотечественников.

Согласование кандидатур осуществлялось при условии возможности трудоустройства соотечественника на вакансии, которые находятся в банке вакансий автономного округа более одного месяца. С учетом отраслевой специфики экономики автономного округа участники Государственной программы трудоустроены на востребованные вакансии по квалифицированным рабочим профессиям в сфере строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, а также вакансии квалифицированных специалистов в сфере здравоохранения и образования.

По информации УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре количество участников Государственной программы и членов их семей, переселившихся в автономный округ в 2017 г., составляет 2412 человек (141,9% от плана года 1700 человек), из них 1265 – участники Государственной программы и 1 147 человек − члены их семей.

В процессе реализации Программы согласовано участие 1142 гражданина Украины (47,3 % от рассмотренных заявлений) [8]. Мигранты из Беларуси, Украины и Молдовы, как русские и украинцы, белорусы и молдаване, так и представители других национальностей, в целом и ранее успешно использовали благоприятные социальные и культурные условия для адаптации и дальнейшей интеграции в сообщество Югры [2].

Как правило, иностранные граждане, приезжающие в регион, обладают преимущественным стремлением к обустройству, а значит, приживаемости на территории округа. Ведь Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, по-прежнему, остается одним из наиболее стабильных экономических регионов страны. Среди иностранных граждан, используемых в автономном округе велика доля мужчин, осуществляющих свою трудовую деятельность с целью хоть каким-то образом помочь своим семьям.

В настоящее время миграция в автономном округе определяется как отрицательными, так и положительными факторами.

С одной стороны, предприятия, организации и физические лица вынуждены привлекать квалифицированных специалистов из-за пределов региона, что позволяет восполнять нехватку трудовых ресурсов на территории автономного округа, предоставляет возможность использовать трудовой и творческий потенциал мигрантов для развития экономического потенциала

Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. С другой стороны, необходимо создавать условия, при которых работодателю будет выгодно соблюдать требования законов и иных нормативных правовых актов, привлекать на работу жителей автономного округа, а не трудовых мигрантов.

Нельзя не отметить, что достаточно высокий приток трудовых мигрантов в округ влечет за собой множество различных проблем. Из-за правовых пробелов в федеральном законодательстве возрастает число лиц, нелегально осуществляющих трудовую деятельность на территории автономного округа. Это приводит не только к нарушению их трудовых и социальных прав, но и создает угрозу появления новых социальных и жилищных проблем, осложнению санитарно-эпидемиологической обстановки, ростом национальных неприязней.

Нелегальная внешняя миграция сказывается на росте преступности, проникновении наркотиков, увеличении преступных этнических группировок, в связи с чем основной проблемой является влияние незаконной миграции на криминогенную ситуацию в округе [5].

Социально-экономическое благополучие автономного округа является главным фактором развития миграционной ситуации и определяет иммиграционную привлекательность окружного центра и крупных городов округа, где развитая инфраструктура и есть возможность трудоустройства. Вместе с тем, массовая иммиграция иностранных граждан, прежде всего, из государств с безвизовым порядком въезда в Российской Федерации не способствует формированию социальной ответственности бизнеса и технологическому развитию производительных сил и не подводит к решению проблем развития системы образования и адаптации, безработных в соответствующих производственных нишах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Bogomolova L., Shumeyko A., Araslanov R., Buzmakov A.. Development of the investment attractiveness of oil and gas regions in terms of geopolitical instability //Mediterranean Journal of Social Sciences, Vol. 6, No. 3, May 2015, MCSER – Mediterranean Center of Social and Educational Research Piazzale Aldo Moro, 5, Cap. 00186, Rome, Italy.

2. Бобейко В.И. Проблемы миграции и адаптации мигрантов из европейских стран ближнего зарубежья в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (конец XX – начало XXI вв.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. Т. 4. № 2 (32). С 60–64.

3. Богомолова Л.Л. К вопросу о развитии социального предпринимательства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Вестник Югорского университета. 2017. Вып. 2(45). С 8–11.

4. Бурундукова Е.М., Родь Ю.С., Хромцова Л.С. Результаты социологического исследования вопросов трудовой миграции на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Вестник Югорского университета. 2017. Выпуск 3(46). С. 29–35.

5. Власюк Е.И. Современное состояние миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в контексте миграции в России // Соци-

ально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2017. № 13. С. 133.

6. Горева О.М., Осипова Л.Б. Анализ миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19575

7. Департамент труда и занятости населения Ханты-мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.deptrud.admhmao.ru/gosudarstvennye-programmy/

8. Совоплясов Д.В., Сивоплясова С.Ю., Мосягина Г.П. Место России в международной системе высшего образования // Известия Института инженерной физики. 2018. №1 (47). С 91–96.

МИГРАЦИЯ КАК ДЕТЕРМЕНАНТА КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА[1]

ЛУКЬЯНОВА Анна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь (Россия). E-mail: anyrik@mail.ru

БАРАНОВ Александр Викторович, магистрант 2 год обучения, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь (Россия). E-mail: ctobaranov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам миграции как фактора обеспечения кадровой безопасности в регионе на примере Ставропольского края, факторному анализу угроз кадровой безопасности в регионе.

Ключевые слова: миграция, кадровая безопасность, регион, трудовая миграция, мигранты.

MIGRATION AS A DETERMINANT OF PERSONNEL SECURITY OF THE REGION[2]

Anna Y. LUKYANOVA, PhD in Economics, associate Professor of the Department «State and municipal management», Federal State Autonomous educational institution «North-Caucasian Federal University», Stavropol (Russia). E-mail: anyrik@mail.ru

Alexandr V. BARANOV, 2nd year master's student, Federal State Autonomous educational institution "North Caucasus Federal University", Stavropol (Russia). E-mail: ctobaranov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to migration as a factor of personnel security in the region on the example of the Stavropol territory, factor analysis of threats to personnel security in the region.

Keyword. Migration, human security, region, labor migration, migrants.

В условиях децентрализации экономической, политической и социальной жизни общества все большую актуальность приобретает проблема изучения кадровой безопасности на региональном уровне, поскольку разные субъекты РФ имеют различные условия для обеспечения кадровой безопасности, которые детерминированы природно-климатическими особенностями региона, уровнем социально-экономического развития субъекта РФ и его географическим расположением. Таким образом, региональный подход определяет потребность разработки определенного инструментария, позволяющего оценить уровень угроз кадровой безопасности.

Отличительной особенностью Ставропольского края являются его геополитическое положение, полиэтничность и поликонфессиональность населения, что актуализирует проблему интеграции внешних и внутренних мигрантов в социокультурное пространство края.

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 18-010-00887

[2] The study was conducted with the support of RFBR grant №. 18-010-00887

Регион обладает высоким трудовым потенциалом, что характеризуется наличием большого количества экономически активного населения (63,4%). Несмотря на то что, коэффициент миграции населения в 2016 г. составил -2,6, что существенно ниже по отношению к предыдущему году, проблема трудовой миграции остается серьезной проблемой для региона. Как показывает опрос, причиной трудовой миграции наиболее перспективных и молодых специалистов в другие регионы России и за рубеж является более высокий уровень заработной платы и комфортные условия труда. В Ставропольском крае внешняя миграция является единственным источником пополнения численности населения, в т.ч. его трудовых ресурсов.

Согласно отчету УФМС РФ по СК, трудовая миграция в Ставропольском крае за последние пять лет обрела некоторые закономерностей: внешняя миграция возникает в основном за счет миграционного притока из стран СНГ, что обусловлено тесными экономическими, культурными и политическими связями наших государств. Доля иностранных граждан, прибывших из Узбекистана, увеличилась за последние пять лет на 33,6% (с 45,5% до 79,1%). Трудовые мигранты из Украины и Таджикистана занимают на рынке труда около 5,7% и 5% соответственно. Основным поставщиком иностранной рабочей силы из стран, присоединившихся в 2015 г. к Договору о Евразийском экономическом союзе, является Армения. Немалую часть трудовых мигрантов образуют прибывшие иностранные граждане из таких стран с визовым режимом въезда как Китай и Турция. При этом, количество трудовых мигрантов из Китая выросло на 0,5% (с 0,7% до 1,2%), из Турции снизилось на 2% (с 2,4% до 0,4%) [1].

За последние годы наметилась тенденция омоложения трудовых мигрантов: в среднем более 45% трудовых мигрантов – в возрасте до 30 лет, 26% – моложе 40 лет. В гендерном плане 87% трудовых мигрантов составляют мужчины. Обусловлено это прежде всего отраслевой структурой занятости трудовых мигрантов, так как большая часть мигрантов реализуют свою деятельность в строительной отрасли.

В отраслевой структуре занятости произошли значительные изменения. Если зафиксировать структуру отраслевой занятости в двух точках в 2011 и 2016 гг., то можно констатировать снижение доли сферы сельского хозяйства примерно с 12,5% до 7,1%, обрабатывающего производства с 8,9% до 6,1%, строительства с 58,2% до 8,1%. Сфера услуг за последние пять лет превратилась в крупнейшего работодателя. Её доля возросла с 12,2% до 69,2%.

В настоящее время в Ставропольском крае трудовые мигранты в основном занимают рабочие места, не пользующиеся спросом у местных работников. Это работа, не требующая квалификации, включая труд повышенной интенсивности (конвейер, строительные работы, обработка пищевых продуктов и т.д.), и работа низкой или средней квалификации в сфере услуг (уборка, торговля и т.д.) [1].

Мигранты заняты также в сезонных работах (овощеводы, полеводы, виноградари), т.е. там, где спрос на труд подвержен сильным колебаниям и местных кадров часто не хватает.

Конкуренции со стороны иностранных граждан работникам региона не наблюдается, так как доля иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании разрешения на работу и патента, в численности экономически активного населения и численности занятых в экономике составляет 0,3%, а на основании разрешений на работу − менее 0,1%.

По данным УФМС РФ по СК привлечение иностранных работников в предлагаемом объеме не приведет к росту напряженности на рынке труда Ставропольского края и будет способствовать росту экономики края.

Кроме этого стабильный отток населения идет из соседних с краем республик (прежде всего – Дагестан, Карачаево-Черкесия), и очень многие, кто покидает их, обосновываются на Ставрополье. Доля русского населения в структуре национального состава населения Ставрополья постоянно уменьшается. В 1959 г. они составляли 91,3% от общей численности населения края, в 1979-м – 87,7%, в 2002-м –81,6%, а в 2016-м – 80,1%. Это данные по региону в целом. Между тем, этнический баланс изменяется в различных районах края с разной скоростью. Особенно это проявляется в пограничных с северокавказскими республиками, восточных районах края, что неизбежно ведёт к смене национального состава населения в этих местах. В ряде территорий есть села и станицы, где их коренные жители из большинства превратились в меньшинство [2].

По прогнозам Росстата, численность населения края составит в начале 2026 г. – 2752,8 тыс.чел.; 2031 г. – 2744,6 тыс.чел. Естественная убыль сохранится, а миграционный прирост будет оставаться положительным в течение всего прогнозируемого периода.

Обращает на себя заметное снижение рождаемости среди русского населения. Соответственно, естественный прирост населения Ставропольского края обеспечивается в основном за счет армян, цыган и северокавказских национальностей. Примечательно, что из северокавказских республик переселяются в основном молодые представители этих народов. В то же время наблюдается процесс старения коренных жителей края. Среди населения СКФО средний возраст населения Ставропольского края самый высокий. Самый молодой средний возраст населения отмечен в Чеченской и Ингушской республиках (27,3 и 28,3 лет).

В этой связи заметно выросло число обучающихся в учебных заведениях городов края уроженцев северокавказских республик. Таковых, по некоторых данным, в крае насчитывается около 50 тыс. человек. Иными словами, каждый третий студент Ставрополья – это уроженцы соседних регионов СКФО [3].

Комплекс проблем, связанный с миграцией и меняющимся национальным составом региона, характерен не только для Ставропольского края, но и для соседних территорий Южного федерального округа – Краснодарского края и Ростовской области.

Внешняя миграция не только компенсирует естественную убыль населения, но и обеспечивает его прирост. Вместе с тем это способствует распро-

странению среди молодежи идей экстремизма и национализма и несет угрозу возникновения конфликтных ситуаций.

Другой серьезной проблемой кадровой безопасности региона является проблема смертности населения в трудоспособном возрасте. По статистике на 100 тыс. человек населения в трудоспособном возрасте в 2016 г. приходилось 390,9 смертей, в 2015 г. этот показатель составлял 390,3 случая [1].

Уровень безработицы в крае составляет 5,7 %, что несколько больше, чем в 2015 г. (5,6%). По-прежнему серьезной проблемой в Ставропольском крае является высокий уровень бедности. Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения на конец 2016 г. составила 13,9%, в 2015 г. – 13,5%, в 2014 г. -11,6%. Данный показатель выше, чем в среднем по России. Это связано, в первую очередь, со значительной долей сельского населения.

Таким образом, к важнейшим угрозам кадровой безопасности региона, можно отнести: снижение уровня жизни населения региона, отток высококвалифицированных специалистов из региона, приток неквалифицированных кадров, повышение уровня социальной напряженности. Также мы отмечаем отрицательную динамику факторов угроз кадровой безопасности региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алябьева Л.Е., Куркиев И.Б., Халуповский И.М и др. Ставропольский край в цифрах, 2017: Краткий статистический сборник / Ставропольстат. – Ставрополь, 2017. 218 с.

2. Кузнецова Н. В. Тимофеева А. Ю. Проблемы и инструментарий выявления угроз кадровой безопасности региона // Экономика региона. − 2016. − Т. 12, вып. 4. − С. 1123–1134

3. Кузнецова Н.В. Кадровая безопасность организации. Сущность и механизм обеспечения. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. – 285 с.

ПРОЦЕССЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОМЕРНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КНР

МАКЕЕВА Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутск (Россия). E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. В данной статье процессы внутренней миграции населения рассматриваются как последствия неравномерного регионального развития территории КНР. Проанализирована региональная политика Китая, направленная на ликвидацию диспропорциональности пространственного социально-экономического развития КНР и регулирование межпровинциальной миграции, а также уменьшение оттока населения из Центрального, Западного и Северо-Восточного регионов Китая.
Ключевые слова: внутренняя миграция, неравномерное региональное развитие, отток населения, межпровинциальная миграция, рабочие-мигранты, ускоренное развитие.

THE PROCESSES OF INTERNAL MIGRATION OF CHINA'S POPULATION IN CONDITIONS OF UNEVEN REGIONAL DEVELOPMENT OF CHINA

Svetlana B. MAKEEVA, candidate of historical Sciences, associate Professor, Irkutsk State University, Irkutsk (Russia). E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Abstract: in this article, the processes of internal migration of the population are considered as the consequences of uneven regional development of the territory of China. The article analyzes China's regional policy aimed at eliminating the disproportion of the spatial socio-economic development of China and the regulation of interprovincial migration, as well as reducing the outflow of population from the Central, Western and North-Eastern regions of China.
Key words: internal migration, uneven regional development, outflow of population, interprovincial migration, migrant workers, accelerated development.

В современных условиях развития Китай совершенствует «социализм с китайской спецификой» 中国特色社会主义, осуществляя адаптацию официальной идеологии Коммунистической партии Китая, базирующейся на научном социализме в теории и ведущей роли государства в условиях рыночной экономики под процессы модернизации и трансформации в целях построения к 2021 г. «общества средней зажиточности» 小康社会, а к 2049 г. реализации «китайской мечты» в рамках «великого возрождения китайской нации» 中华民族伟大复兴, достигнув по показателям социально-экономического уровня развитые страны мира. На проходившем 24 ноября 2017 г. в Пекине XIX съезде КПК, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что цель на сегодняшний день – «превратить Китай к 2050 г. в богатое, могущественное, де-

мократическое, гармоничное, цивилизованное, модернизированное социалистическое государство» [8]. Для того, чтобы завершить социалистическую модернизацию Китая и построить зажиточное общество со средним классом, необходимо решить две основные проблемы: преодолеть разрыв в доходах между городом и деревней, а также экономический разрыв между богатыми приморскими и отстающими центральными и западными провинциями. Свидетельством социально-экономической диспропорциональности в региональном развитии Китая выступают процессы внутренней миграции населения, процессы переселения из сёл в города, из менее развитых провинций и автономных районов в районы с более привлекательными социально-экономическими условиями.

В ходе реализации планов по вхождению Китая в число развитых стран, китайское правительство уделяет значительное внимание анализу миграционной ситуации в государстве. За последние годы практически все социально-экономические аспекты развития народного хозяйства и регионального развития КНР являются предметом пристального изучения со стороны Научных и Аналитических центров на территории КНР, которых насчитывается около 425 [1, с. 84–125]. Миграционные процессы в Китае входят в число важных социально-экономических явлений, которые исследуются данными центрами. Китайское правительство использует высокопрофессиональную экспертизу по проблемам миграции на территории материкового Китая, в связи со сложностью и многогранностью последствий внутренней миграции населения.

В рамках Академии общественных наук Китая – АОНК, одной из ведущих академических научно-исследовательских организаций КНР в области философии и общественных наук, исследованием вопросов миграции занимается Институт населения и экономики труда, образованный в 1980 г. На базе Института организован Центр человеческих ресурсов АОНК, занимающийся проблемами трудовой миграции и интеграционными процессами на рынке труда [11]. По проблемам миграции населения издаётся раз в два месяца журнал «The Chinese Journal of Population Science», пользующийся высоким авторитетом у специалистов в Китае и за рубежом. Также ежегодно публикуется «The Almanac of China’s Population» (только для внутреннего пользования) и «Green Book of Population and Labor». В структуре АОНК функционируют Институт развития сельских районов и Центр градостроительства и экологических исследований, в рамках которого изучаются проблемы миграции сельского населения в города, разрабатываются стратегические концепции по основным векторам развития сельских и городских районов КНР.

В структуре Шанхайской академии Общественных Наук – ШАОН, изучением вопросов, связанных с демографическим и социально-экономическим развитием Китая занимается Институт демографии и развития, образованный в 1984 г. В последнее время особое значение придаётся изучению вопросов демографической мобильности населения, изучению миграционных потоков на территории материкового Китая [4]. При Школе экономики Сямэньского университета функционирует Институт проблем сокращения бед-

ности и технических аспектов переселения, специализирующийся на изучении вопросов сокращения масштабов нищеты и теоретических и практических вопросах, связанных с массовым переселением населения, а также системного реформирования в Китае [7].

В период с 1949 по 1960-е гг. пространственное развитие территории КНР проходило в условиях восстановления послевоенной экономики, реализации первой пятилетки (1953–1957 гг.), индустриального развития в рамках «Большого скачка» (1958–1960-е гг.), социально-политических преобразований в эпоху «Культурной революции» (1966–1976 гг.). Региональная социально-экономическая политика Китая ориентировалась на восстановление промышленных центров, среди которых ускоренные темпы развития демонстрировал Северо-Восточный регион Китая. В условиях выравнивающего развития территории между прибрежным и внутренним регионами Китая, осуществления плановой экономики, жёсткого контроля в регистрации домашних хозяйств, а также политики не позволяющей сельским жителям переезжать в города, в 1950–60-е гг. в Китае наблюдалась низкая миграционная подвижность. В этот период процесс урбанизации в Китае продвигался достаточно медленно, особенно в годы «Культурной революции».

С 1978 г. в КНР начинают реализовываться крупномасштабные преобразования в рамках проводимой Дэн Сяопином политики «реформ и открытости», оказавшей значительное влияние на возникновение неравномерного регионального развития территории Китая. Провозглашение курса на социалистическую рыночную экономику привело к быстрому развитию приморских территорий Восточного региона Китая. Была провозглашена стратегия «двух интересов», предпочтение в первую очередь было отдано регионам Восточного приморья, которые в свою очередь должны были стать локомотивом для развития южных и западных территорий. Стремительное развитие восточных провинций привело к экономическому перекосу и усилению неравномерности регионального развития всей территории КНР.

После реформ уровень урбанизации повысился с 17,9% в 1978 г. до 29% в 1995 г. [10]. В 1980-е гг. в китайских деревнях была введена система семейного подряда. Первичная организация трудовых ресурсов преобразовалась из трудовой бригады в семью. В 1984 г. государство постепенно ослабило институциональные ограничения на миграцию населения, позволив крестьянам поселиться в небольших городах. Города особенно привлекали избыточную сельскую рабочую силу. В городе было больше возможностей для трудоустройства, можно было напрямую получать доходы. Сверхмассивная избыточная рабочая сила, перенесённая из сельской местности в город, стала основной силой национальной урбанизации Китая. Согласно статистическим данным, в период с 1979 по 1981 гг. миграция населения между провинциями составила 626 млн человек, миграционная активность значительно возросла по сравнению с периодом 1960–70-х гг.

В результате политики «реформ и открытости» увеличился уровень межпровинциальной миграции в 1980–90-е гг. Наиболее привлекательным в этом отношении выступал Восточный регион, который включал в себя про-

винции Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, города центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанси-Чжуанский автономный район и островная провинция Хайнань. В восточном регионе наблюдался рост плотности населения, концентрация предприятий, развитие рыночной экономики. Согласно данным переписи населения 2000 г., мигранты в 1995–2000 гг. главным образом были сосредоточены в провинции Гуандун (11,6 млн), районе дельты реки Янцзы (4,65 млн), и в районе городов Пекин и Тяньцзинь (2,21 млн), что составило 87,1%. Кроме того, Синьцзян, Фуцзянь, Ляонин и Юньнань также являлись местом сосредоточения большого количества мигрантов, 97, 76, 39 и 350 тыс. человек соответственно. В процессе быстрой урбанизации, население Центрального и Западного региона страны мигрировало в район дельты реки Янцзы (провинции Цзянсу и Чжэцзян, город центрального подчинения Шанхай), в район дельты реки Чжуцзян (провинции Гуанчжоу, Гуандун, городские округа Чжухай, Фошань, Цзянмэнь, Дунгуань, Чжуншань, Хуэйчжоу и Чжаоцин, город Шэньчжэнь) и в города Пекин и Тяньцзинь из таких районов как Сычуань (4 млн), Хунань (3,05 млн), Аньхой (2,72 млн), Цзянси (2,57 млн), Хэнань (1,94 млн), Хубэй (6,9 млн), Гуанси 1,63 миллиона), Гуйчжоу (1,02 млн), Чунцин (690 тыс.), Хэйлунцзян (670 тыс.) и др. [6].

Осознавая последствия влияния неравномерного регионального развития Китая на усиление внутренней межпровинциальной миграции, правительство Китая в конце 1990-х гг. постепенно перешло от стратегии преимущественного развития Восточного Китая к стратегии комплексного и скоординированного развития Восточного, Среднего и Западного регионов Китая. Позитивные последствия этой политики в рамках регулирования процессов внутренней миграции проявились не сразу. Оценивая внутренние миграционные потоки в Китае, необходимо отметить, что население с 2000 по 2005 год по-прежнему мигрировало в район дельты реки Чжуцзян, дельты реки Янцзы, города Пекин, Тяньцзинь. Положительным последствием реализации стратегии комплексного развития Западного региона явился рост миграции в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Межпровинциальная миграция в 2000–2005 гг. была в основном сосредоточена в Гуандуне (10,28 млн), в районе дельты реки Чжуцзян (8,63 млн), в городах Пекин и Тяньцзинь (2,7 млн), что в совокупности составило 92,2% [6].

В рамках политики по устранению неравномерного пространственного развития, китайское правительство с 2000 г. запускает реализацию программы по ускоренному развитию Западного и Северо-Восточного Китая. Эти действия были направлены на модернизацию условий, соответствующих экономическим требованиям китайского правительства. В Западном регионе Китая, который включал в себя провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, автономный район Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский автономный район, Тибетский автономный район, Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, город центрального подчинения Чунцин, создавались новые рабочие места в рамках строительства инфраструктуры, развития уникальных отраслей промышленности, эффек-

тивно-технологического использования природно-ресурсной базы [3, с. 31]. Ускоренное развитие Северо-Восточного Китая, который включал в себя провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь, предполагало повышение экономической привлекательности региона для населения Китая в рамках перестройки, трансформации и модернизации предприятий в сфере машиностроения и обрабатывающей промышленности, развития современных форм сельскохозяйственного производства.

С 2005 по 2010 гг. население по-прежнему мигрировало в район дельты реки Чжуцзян, дельты реки Янцзы, города Пекин, Тяньцзинь, провинцию Фуцзянь и другие районы. Однако место крупнейшего сосредоточения населения района дельты реки Чжуцзян было заменено районом дельты реки Янцзы. Согласно данным переписи 2010 г., миграционные потоки в 2005–2010 гг. были сосредоточены главным образом в районе дельты реки Янцзы (145,53 млн), провинции Гуандун (12,26 млн), в Пекине и Тяньцзине (4,71 млн), что составило 91,8% [5]. Миграция населения в основном происходила из провинций Хэнань (5 млн), Аньхой (4,7 млн), Сычуань (3,94 млн), Хунань (3,9 млн), Хубэй (2,99 млн), Цзянси (2,78 млн) и Гуанси (2,2 млн), Гуйчжоу (2,9 млн), Хэйлунцзян (1,1 млн), Чунцин (1,11 млн) и Хэбэй (1,09 млн) [6].

Начиная с 2011 г., социально-экономические преобразования Китая, направленные на ликвидацию неравномерности регионального развития всей территории КНР оказали влияния на рост урбанизации Центрального и Западного региона Китая, поэтому миграция населения приобрела новые особенности. Рост числа рабочих-мигрантов в районы Центрального и Западного региона Китая привёл к значительному уменьшению миграционных потоков в район дельты реки Янцзы и в район дельты реки Чжуцзян. Ежегодный прирост постоянного населения сократился с 2,07 млн до 640 тыс. человек и с 1,91 млн до 830 тыс. человек в районе дельты реки Янцзы и в районе дельты реки Чжуцзян. Численность постоянного населения в провинциях Сычуань, Юньнань увеличилась с 160 до 590 тыс. человек, что указывает на то, что тенденции миграции начали меняться [9]. В результате процесса регулирования количества населения в Пекине, ежегодный прирост постоянного населения сократился с 600 до 420 тыс. человек. Анализ китаеязычных материалов показывает, что за период 2011–2015 гг. сохранялось переселение рабочих-мигрантов в г. Тяньцзинь. За последнее время численность постоянного населения в г. Тяньцзинь увеличивалась на 510 тыс. человек в год, что значительно превышало уровень среднегодового прироста в 29 млн. человек в 2000–2010 гг. [6].

В условиях неравномерного развития территории Китая, сохраняется тенденция к оттоку населения из Северо-Восточного региона. За период с 2005–2010 гг. ежегодный прирост постоянного населения в северо-восточных провинциях сократился с 460 до 10 тыс. человек, особенно в провинции Хэйлунцзян [10]. О необходимости углубленного продвижения возрождения Северо-Востока Китая неоднократно заявляло китайское правительство. Одной из приоритетных задач в настоящее время является возрождение Северо-Восточного региона как важной промышленной и сельскохозяйственной ба-

зы в Китае. В ходе инспекционной поездки по провинциям Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин в сентябре 2018 г., глава КНР Си Цзиньпин заявил: «Северо-Восток Китая чрезвычайно важное стратегическое место в обеспечении национальной обороны и безопасности, продовольственной, экологической, энергетической и производственной безопасности, и затрагивает общее развитие Китая в целом. Возрождение Северо-Востока Китая в новую эпоху предполагает всестороннее и многовекторное развитие. Следует обеспечивать развитие Северо-Востока Китая, чётко видеть направление движения, поддерживать решимость, максимально использовать достоинства и минимизировать недостатки, реализовывать имеющиеся преимущества, действовать последовательно и настойчиво, закатать рукава и приступить к полномасштабной работе, трансформировать обстановку, восстанавливать былое величие, создать прочные опоры для великой государственной стратегии» [2]. Возрождение Северо-Востока Китая в ближайшие годы направлено на создание благоприятных социально-экономических условий и сокращение оттока населения их данного региона.

Анализ внутренних миграционных процессов в Китае с 1949 г. – настоящее время позволяет выделить несколько видов миграции, которые преобладали в условиях неравномерного территориального развития КНР: переселение безработного и неработающего населения; миграция населения в поддержку строительства новых промышленных баз; миграция, связанная с основанием сельскохозяйственных и промысловых баз, вызванная поддержкой освоения приграничных территорий; население переезжающее в связи с получением высшего образования; заново восстановленные ирригационные системы и водохранилища также вызывают отток населения; миграция связанная с усилением плотности городского населения; небольшое количество самопроизвольной миграции. Основной особенностью внутренней миграции в Китае в условиях диспропорционального регионального развития является то, что с ростом прямых иностранных инвестиций и ростом электронной и автомобильной промышленности разница в уровне экономического развития регионов стала основной движущей силой перемещения населения.

На межпровинциальном уровне основными типами миграции в Китае являлись посёлок-город, посёлок-посёлок. В 2015 г. по сравнению с периодом 1990–1995 гг. количество миграции из села в город значительно возросло – с 36,5% до 60,0%, а количество миграции из посёлка в посёлок резко снизилось – с 44,5% до 29,7% [6]. В 2010–2015 гг. из-за большого числа рабочих-мигрантов в Восточном регионе Китая, многие люди стали возвращаться в Центральный и Западный регион Китая. В последние годы межпровинциальная миграция имеет определённые особенности. Большое количество людей возвращается из Восточного региона в города Центрального и Западного регионов, а именно из города в город. Также значительное количество людей вернулось из посёлков Восточного региона в города Центрального и Западного региона, то есть увеличилось количество миграции из посёлка в город.

Оценивая перспективы внутренней миграции в условиях пространственного развития Китая, направленного на ликвидацию диспропорционально-

сти, необходимо отметить, что в настоящее время процесс урбанизации Китая все ещё находится на этапе быстрого развития. Разрыв в доходах между городскими и сельскими районами по-прежнему велик, поэтому сельское население будет продолжать в большом количестве мигрировать в город. В крупных городах больше возможностей трудоустройства, широкие перспективы развития, наличие социальных льгот, и это привлекает сельских жителей мигрировать в крупные и средние города. Что касается межпровинциальной миграции, то крупные города Восточного региона Китая по-прежнему будут демонстрировать большой рост населения за счёт рабочих-мигрантов. В Центральном и Западном регионах Китая население центральных городов, таких как Чунцин, Чжэнчжоу, Ухань, Чэнду, Шицзячжуан и Чанша, будет быстро расти. Ускоренное развитие Северо-Восточного региона позволит сократить отток населения из провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая: Справочник. М.: РИСИ, 2012. 266 с.
2. Си Цзиньпин подчеркнул важность развития Северо-Востока Китая. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/txt/2018-09/29/content_64282274.htm
3. Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая: монография / под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, К.А. Гулина, Д. Мао. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 402 с.
4. 城市与人口发展研究所. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www2.sass.org.cn/rkyfzyjs/index.jsp
5. 分析我国第五次人口普查（2000年),第六次人口普查（2010年). Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.zybang.com/question/ea5a90b474f31cdbeeec7d294ae13f0f.html
6. 任泽平.中国人口迁移趋势与未来房价预测. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.sohu.com/a/196660386_465616
7. 厦门大学知识产权研究院. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.iprixmu.com/
8. 中国共产党第十八届中央委员会第七次全体会议公报. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com//politics/2017-10/14/c_1121803301.htm
9. 中国人口大迁移：一场你死我活的城市战争. Электронный ресурс. Режим доступа: https://finance.qq.com/a/20160918/008889.htm
10. 中国人口迁移. Электронный ресурс. Режим доступа: https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E4%BA%BA%E5%8F%A3%E8%BF%81%E7%A7%BB/7803856?fr=aladdin2
11. 中国社会科学院人口与劳动经济学网. Электронный ресурс. Режим доступа: http://iple.cssn.cn/

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ: ИЗ ИСТОРИИ АНАЛИЗА

ТАЮНОВА Ольга Александровна, кандидат экономических наук, Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия). E- mail: tayunova_olga@mail.ru

ФАДЕЕВА Тамара Андреевна, кандидат экономических наук, ФГБУН Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН), Москва (Россия). E- mail: fadeevatoma@gmail.com

Аннотация. В статье дан анализ использования в России и мире коэффициентов межрегионального миграционного обмена. Показана обстоятельно история использования коэффициента межрегионального миграционного обмена.

Ключевые слова: межрайонная миграция, показатели миграции населения, отечественная литература, иностранная литература, исследователи.

INTERREGIONAL MIGRATION EXCHANGE BY THE POPULATION OF RUSSIA: FROM THE HISTORY OF ANALYSIS

Olga A. TAYUNOVA, PhD in Economics, Samara State Economic University, Samara (Russia). E-mail: tayunova_olga@mail.ru

Tamara A. FADEYEVA, PhD in Economics, Federal state budget Institute of Science "Institute socio-economic problems population" of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: fadeevatoma@gmail.com

Abstract. The article analyzes the use in Russia and the world of coefficients of interregional migration exchange. A detailed history of the use of the coefficient of interregional migration exchange is shown.

Key words: Inter-district migration, population migration indicators, domestic literature, foreign literature, researchers**.**

Для объективного статистического анализа межрегиональной миграции за последние 70 лет разработана логически завершенная система относительных показателей и обоснована методология их корректного использования в исследованиях [9]. Эта система включает три группы показателей на трёх уровнях исследования межрегиональной миграции: коэффициенты интенсивности, результативности и тесноты миграционных связей на уровнях: 1) всего массива, 2) входящих в его состав регионов (региональный), 3) межрегиональных миграционных направлений/связей (межрегиональный).

На уровне всего массива для динамических сравнений можно рассчитать лишь коэффициент интенсивности межрегиональных миграций. Его аналоги встречаются еще в работах начала XX века [18]. Также для всего массива миграций существуют и другие, специфические обобщающие показатели, такие, напр., как индекс транзитности территорий обмена населением и т.п. [17]. Использование коэффициентов интенсивности межрегиональных

миграций на региональном уровне в отечественной литературе встречается уже с 1960-х гг. [5]. Прототип коэффициентов результативности межрегиональных миграций на региональном и на межрегиональном уровне в отечественной литературе появился ещё во времена массовых переселений в Сибирь и на Дальний Восток во второй половине XIX века. Это так называемый «процент обратничества» [4].

На межрегиональном уровне система прочих показателей (интенсивности и тесноты миграционных связей) эволюционировала и формировалась в период с 1940-х до 2000-х гг. При этом основы анализа миграций на межрегиональном уровне были заложены в конце XIX века основоположником законов миграции Э. Равенштейном [15]. Им был обоснован состав индикаторов для определения уровня парного миграционного потока.

Первые коэффициенты интенсивности миграции на межрегиональном уровне появились в 40-е – 50-е гг. XX века. Принципы построения этих индикаторов были разработаны Стюартом и Ципфом [16]. Используя в качестве основы эти принципы, другие американские исследователи (D.Y. Bogue, H.S.Jr. Shryock, S.A. Hoermann. Subregional Migration in the United States, 1935–1940. Vol. Streamsofmigration. Oxford, 1957) ввели в научный оборот коэффициенты «скорости» (интенсивности) межрайонных миграционных потоков.

В конце 60-х гг. XX века советским российским демографом Л.Л. Рыбаковским данные формулы были доработаны и преобразованы в удобную и практичную индексную форму. Им также впервые была введена поправка на территорию неучастия в межтерриториальных миграциях [5, 6]. Межтерриториальное сравнение миграций было дополнено первыми реально работающими частными показателями – Коэффициентами интенсивности миграционных связей (далее – КИМС), позволяющими проводить анализ миграционных связей отдельной территории со всеми ее миграционными партнерами в массиве.

В 1970–2000-е гг. Л.Л. Рыбаковским также была разработана теория трех стадий миграции, применимая, в т.ч. и для межрегиональной миграции, уточнена миграционная терминология и методология анализа факторов миграции [4, 7].

Значительный период советского послевоенного времени информация по миграции населения была закрыта. Кроме того, расчёт относительных измерителей миграции населения на межрегиональном уровне – это достаточно трудоемкий процесс, который был облегчен лишь после массового внедрения компьютерной техники. Данным фактом объясняется то, что в советское время все показатели по РСФСР были рассчитаны всего лишь однажды, «вручную», для 1966–1969 гг. Л.Л. Рыбаковским. По ним был проведен и первый анализ межрегиональной миграционной ситуации в группе регионов РСФСР, выявлены её тенденции, факторы и последствия.

После распада СССР все девяностые годы информация о межрегиональной миграции населения носила неполный, фрагментарный, часто не совсем корректный характер, и лишь с 1997 г. начала появляться более-менее полная информация о межрегиональных переселениях в РФ. К этому

времени относятся работы по анализу межрайонной миграции с использованием КИМС таких исследователей как Тарасова Н.В. [12], Карачурина Л.Б. [2], Мкртчян Н.В. [3].

В 2007 г. независимо (параллельно) Рыбаковским О.Л. [8] и группой североамериканских ученых [13] была введена в анализ межрегиональных миграций новая группа показателей, служащих для выявления тесноты миграционных связей между регионами обмена населением.

Показатели американских исследователей были лишь одного вида (по выбытиям), и построены с теми же методологическими ошибками, что и коэффициенты интенсивности конца 1940-х гг.: внутрирегиональная миграция не исключалась из матрицы межрегиональных связей при анализе и т.д. [10].

Напротив, в статьях Рыбаковского О.Л. 2007 г., а также в последующих работах – монографии 2008 г. [1] и докторской диссертации 2009 г. [11] – были не только разработаны все показатели тесноты миграционной связи, но обоснована методология их построения, а также представлена методология статистического анализа межрегиональной миграции с использованием всех трёх видов относительных показателей. Таким образом, на сегодняшний день измерение и методология статистического анализа межрайонного миграционного обмена населением разработаны достаточно полно. Вместе с тем, целый ряд обстоятельств требует перманентного совершенствования системы показателей и методологии анализа межрайонных миграций. Первое из этих обстоятельств – появление новой, более глубокой и разнообразной, в том числе социологической информации, для которой уже существующие методы в полной мере не годятся. Второе – это эволюция в условиях глобализации основных событий, являющихся предметом исследования межрайонной миграции: «мутация» самого понятия «переселение», его трансформация в форму так называемой «постоянной миграции». И третье, это постоянные изменения порядка учета миграции населения в мире, его унификация и смещение акцента учета от текущих к переписным данным, от объемов ежегодных перемещений – к «запасам населения иностранного происхождения», а также к анонимным микроданным о населении. “Нет единой теории, широко принятой социологами, когда дело касается явления миграции, поскольку исследование миграции по своей сути является междисциплинарным. Это касается социологии, политологии, права, экономики, демографии, географии, психологии и культурологи” [14].

В последнее время теоретические проблемы изучения миграционных процессов отходят на второй план. Ими больше занимаются представители «разных специальностей, часто трудно находящие общий язык». Так одним из значимых исследований межрегиональных миграционных проблем населения явилась монография, выполненная в рамках сетевого межрегионального проекта «Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации» [13]. В последние годы привлекает внимание монография В.А.Волоха, где он отмечает, что «распад Союза ССР, изменение геополитической ситуации вокруг Российской Федерации, этнополитические и военные конфликты, породившие проблему беженцев, яви-

лись дестабилизирующими политическими и экономическими факторами развития страны и обусловили политизацию миграционных процессов в современной России. Политизация миграции и рост конфликтогенности, связанной с миграционным фактором, в определенной степени обусловлены недостаточно эффективным обустройством и адаптацией мигрантов в местные сообщества. К сожалению, в Российской Федерации государственная миграционная политика и управление миграцией населения в современных условиях осуществляется в направлении увеличения мифологизации миграционных проблем и мигрантофобии, причем даже в сознании ряда государственных чиновников. Такое положение определяет проведение жесткой миграционной политики и управления миграцией населения с ориентацией на силовые меры. Однако демографический кризис, порождающий дефицит трудовых ресурсов, обезлюживание отдельных регионов России заставляет государство рассматривать миграционный потенциал как существенный ресурс в социально-экономическом развитии страны и корректировать миграционную политику. Это выражается, прежде всего, в отказе от ее реализации в части устранения негативных миграционных процессов только силовыми методами и переходе к цивилизованному управлению этими миграционными потоками, прежде всего, экономическими методами, в создании необходимых условий для реализации законных прав мигрантов, в обеспечении баланса этих прав и интересов между мигрантами и местными жителями. Очевидно, что все перечисленное касается также лиц, ищущих убежища на территории России. На наш взгляд, достигнув осознания, что массовая миграция – наша необходимость, уже сегодня необходимо, чтобы миграционная политика, политическое и государственное управление миграцией населения перестраивались в сторону оптимизации этих процессов» [1, с.163].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Волох В.А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами. Самара.: Изд. Дом «Бахрах-М», 2015. 192 с.

2. Карачурина Л.Б. Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья, 1969–1997 гг. Диссертация кандидата географических наук. М., 1999.

3. Мкртчян Н.В. «Изменение межрайонных миграционных связей в современной России и ее регионах». Диссертация кандидата географических наук. М., 1997.

4. Переведенцев В.И. Вопросы методики изучения современной миграции населения в СССР. // Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. Под ред. Г.А. Пруденского. Новосибирск: Сиб. отд-ние АН СССР, 1961. 170 с.

5. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций, Статистика, М., 1973. – 159 с.

6. Рыбаковский Л.Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока, Хабаровск, АН ССР, Сибирское отделение, 1969 г. 200 с.

7. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: вопросы теории. М., ИСПИ РАН, 2003. 239 с.

8. Рыбаковский О.Л. Система показателей межрегионального миграционного обмена // Народонаселение. 2007. №2. С. 87–94.

9. Рыбаковский О.Л. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа, М.: Экон-Информ, 2008 г.287 с.

10. Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения (По материалам отечественной и зарубежной науки) // Социологические Исследования (СоцИс). 2011. № 4. С.34–44.

11. Рыбаковский О.Л. Миграция населения между регионами: совершенствование методологии анализа: диссертация док. экон. наук : 08.00.05. М., 2009.

12. Тарасова Н.В. Современные межрегиональные миграционные связи внутри России: ситуация и прогноз. М.: Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 2004. 45 с.

13. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург: Изд. Уральского университета. 2009. 396 с.

14. Brettel C. and Hollified J. F. Migration theory: talking across disciplines. New York ; London: Routledge, 2000. 29 c.

15. Ravenstein E.G. The Laws of Migration, “Journal of the Royal Statistical Society”. V.48, 1885. V.52, 1889. pp. 167–227 and pp. 241–301.

16. Stewart J.Q. Demographicgravitation, “Sociometry”, v.11, 1948. pp 31–58.

17. Zipf G. K. Human behavior and the Principle of Least Effort, (Reading), Massachusetts, 1949.

18. Parsons Ch.R., Skeldon R., Walmsley T.L., Winters L.A. Quantifying International Migration: Data base of Bilateral Migrant Stocks, 2007. Электронный ресурс. Режим доступа: http://documents.worldbank.org/curated/en/896321468158076360/pdf/wps4165.pdf.13

19. Р. Майо Смит. «Статистика и социология». М., 1901. 335 с.

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ[1]

ФАУЗЕР Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, руководитель лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар (Россия). E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru

СМИРНОВ Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар (Россия). E -mail: av.smirnov.ru@gmail.com

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар (Россия). E-mail: tlytkina@yandex.ru

ФАУЗЕР Галина Николаевна, научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар (Россия). E -mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

Аннотация. Показана историческая обусловленность перехода человечества к устойчивому развитию. Отмечается необходимость разработки показателей, критериев и их пороговых значений для мониторинга Целей устойчивого развития. Проанализированы международные системы показателей устойчивого развития, отмечено недостаточное внимание к демографическим и миграционным показателям. Предложены показатели миграции населения для оценки устойчивого развития Севера России.

Ключевые слова: Северные регионы России, Арктика, устойчивое развитие, миграция населения.

MIGRATION FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN RUSSIA'S NORTHERN AND ARCTIC AREAS[2]

Viktor V. FAUZER, Doctor of Economics, Professor, the head of the department of socio-economic problems Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences, Syktyvkar (Russia). E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru

Andrey V. SMIRNOV, PhD in Economics, researcher of the laboratory of demographic and social management Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences, Syktyvkar (Russia). E -mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Tatyana S. LYTKINA, PhD in Sociology, senior researcher of laboratory of demographic and social management Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences, Syktyvkar (Russia). E -mail: tlytkina@yandex.ru

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №18-010-00509

[2] The study was conducted with the support of the RFBR grant No. 18-010-00509

Galina N. FAUZER, researcher of the laboratory of demographic and social management Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences, Syktyvkar (Russia). E -mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

Abstract. The article shows the historical conditionality of mankind's transition to sustainable development. There is a need to develop indicators, criteria and thresholds for monitoring sustainable development Goals. The text analyzes the international systems of indicators of sustainable development, in which insufficient attention to demographic and migration indicators. The authors offer population migration indicators to assess the sustainable development of the Russia's North.
Keywords: Northern regions of Russia, the Arctic, sustainable development, human migration

Введение. В современном понимании использование термина «устойчивое развитие» обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, благодаря докладу, подготовленному членами Римского клуба «Пределы роста» (1972). Авторы исследования пришли к выводу, что, если существующие тенденции роста численности населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов останутся неизменными, пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет [4].

Во-вторых, благодаря докладу Международной комиссии по окружающей среде и развитию Организации Объединенных Наций «Наше общее будущее» [18]. Он расширил концепцию устойчивого развития за пределы вопросов охраны окружающей среды, включив изучение и оценку социальных аспектов на национальном и международном уровне. В докладе впервые появилась базовая формулировка «устойчивое развитие – это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». В ней содержится ключевая идея устойчивого развития – как баланса между поколениями.

В-третьих, конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992), благодаря которой изучение и оценка устойчивого развития началась в планетарном масштабе. На ней были определены 27 принципов поведения мирового сообщества в области защиты окружающей среды и развития [3, с. 3–7].

В-четвертых, двум основополагающим документам ООН: Декларации тысячелетия (2000), содержащей 8 целей развития до 2015 г. и 21 задачу [2] и «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», определившую 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития [9].

Россия, как и все мировое сообщество, поддержало принципы устойчивого развития, что нашло отражение в Указе «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996). В ней отмечается, что переход к устойчивому развитию России возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов [7].

Опубликовано не так много работ, посвященных взаимосвязи миграции с устойчивым развитием. Представляет интерес докторская диссертация Д.В. Юркова, посвященная изучению взаимосвязи миграции населения с устойчивым развитием территории: «Управление миграцией как механизм устойчивого развития территорий» [16]. Информативны доклады, подготовленные группой российских ученых – «Международная миграция и устойчивое развитие России» [5] и Международной организации по миграции: «Миграция и цели в области устойчивого развития: роль механизмов межгосударственных консультаций по вопросам миграции и региональных экономических организаций» [6]. Имеются работы по взаимосвязи между устойчивым развитием и демографическими процессами [14; 15], и по оценке устойчивого развития северных регионов по трудовым показателям [13].

Объект исследования – 13 регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, а также сухопутные территории Арктической зоны Российской Федерации, определенные Указом Президента России от 2 мая 2014 г. (в редакции от 27.06.2017 г.) [8].

Миграция и цели в области устойчивого развития. В Женеве 13 октября 2016 г. состоялось Шестое Глобальное совещание председателей и секретариатов региональных, межрегиональных и глобальных консультативных процессов по вопросам миграции, посвященное роли миграции в достижении целей устойчивого развития. Совещание организовано Международной организацией по миграции. Участники признали Повестку дня на период до 2030 г. мощным средством интеграции проблематики миграции в повестку дня развития на всех уровнях. В ходе обсуждения были перечислены связи целей устойчивого развития ООН с миграционными вопросами: 4.b – стипендии (мобильность учащихся), 8.7 и 16.2 – торговля людьми (с упором на женщин и девочек – 5.2), 8.8 – права трудящихся-мигрантов (особенно женщин-мигрантов), 10.7 – хорошо продуманная миграционная политика, 10.c – денежные переводы, 17.16 – глобальное партнерство, 17.17 – партнерства с общественностью и частным сектором, 17.18 – дезагрегированные данные по миграционному статусу. Кроме этого, названы и другие позиции, косвенно связанные с миграцией: 3.8 – обеспечение всеобщего охвата услугами здравоохранения, 1.5 – жизнестойкость перед климатическими явлениями и социально-экономическими потрясениями, 13.1-3 – сопротивляемость к опасным климатическим явлениям и стихийным бедствиям, 11.5 – сокращение числа погибших и пострадавших и уменьшение экономического ущерба в результате бедствий, 11.b – осуществление городами комплексных стратегий [6].

Этот перечень имеет ориентировочный характер и не является исчерпывающим. Однако он подтверждает то, что все задачи по достижению устойчивого развития тем или иным образом касаются миграции и что субъектам регионального уровня надлежит играть важную роль в осуществлении всех целей, внося свой вклад в реализацию хорошо продуманной миграционной политики и безопасной, упорядоченной и законной миграции. На со-

вещании обсуждалась роль партнерств и форумов по вопросам миграции в осуществлении Повестки дня на период до 2030 г., в том числе в сборе и распространении надежных данных о миграции.

Показатели, характеризующие устойчивое развитие. В «Повестке дня на XXI век» всем странам и международным организациям было рекомендовано разработать концепцию показателей устойчивого развития (ПУР). В 40 главе этого документа отмечено, что в целях создания надежной основы для процесса принятия решений на всех уровнях и содействия обеспечению саморегулируемой устойчивости комплексных экологических систем и систем развития необходимо разработать показатели устойчивого развития. А координация работ по широкому использованию ПУР должна осуществляться под руководством Статистического управления Секретариата ООН, поскольку в этом Управлении происходит накопление нового опыта в данной области [3, с. 504–505].

Первый набор показателей для целей устойчивого развития был рекомендован Комиссией ООН по устойчивому развитию в 1993 г. и включал 132 показателя [17]. Впервые он был опубликован в 1995 г. Впоследствии этот набор был пересмотрен в 2001 и 2006 гг. Набор, предложенный Комиссией ООН по устойчивому развитию, не является обязательным и не основан на одной статистической базе данных. Он призван предоставить общую отправную точку для разработки национальных наборов ПУР [11, с. 14, 133].

Для сравнительного анализа на межгосударственном и внутристрановом уровне все показатели должны соответствовать определенным критериям: соответствие целям устойчивого развития, неизбыточность, доступность данных, учет международного и российского опыта.

В мире активно идет разработка критериев и индикаторов устойчивого развития, ставится задача определить их предельно критические значения. Предельно критическим следует считать такое значение показателя, выход за границы которого свидетельствует о возникновении угрозы функционированию экономики и жизнедеятельности общества вследствие нарушения нормального течения отражаемых этим показателем процессов. Демографические показатели относятся к числу немногих, имеющих объективно точные пороговые значения, за пределами которых общество переходит в режим суженного воспроизводства, что влечет за собой его ослабление вплоть до вымирания или поглощения другими общественными системами. К числу показателей, для которых определены предельно критические значения, относятся коэффициент миграции и доля мигрантов [1, с. 24, 26–27].

Более широкий набор миграционных показателей и их пороговые значения представлены в [12, с. 244–245, 812–815]. В «Блоке миграционных потоков» приведено 11 показателей. Сюда входят как широко используемые – «Общий коэффициент миграционного прироста населения», так и не часто применяемые в обычной практике, например – «Уровень преступности среди граждан из отдельных государств – участников СНГ».

Распоряжением Правительства РФ утвержден набор ПУР в России и Федеральный план статистических работ дополнен подразделом «Показатели

достижения целей устойчивого развития Российской Федерации». В состав подраздела вошли 90 показателей достижения целей устойчивого развития в РФ [10]. Но среди них нет показателей по миграции населения.

И это не только российский пробел. Если обратиться к пяти крупнейшим наборам показателей, предложенных Организацией Объединенных Наций, Организацией экономического сотрудничества и развития, Всемирным банком, Межгосударственным статистическим комитетом СНГ, Конференцией европейских статистиков, то отметим, что только в двух присутствует показатель миграции. В рекомендациях Конференции европейских статистиков имеется показатель «миграция человеческого капитала». Он важен тем, что, когда люди мигрируют или временно перемещаются в другие страны, их человеческий капитал (образование, здоровье) также перемещается. С одной стороны, миграция сокращает запасы человеческого капитала в стране происхождения, но с другой стороны, она генерирует денежные переводы и создает опыт работы, который принесет пользу стране происхождения, когда мигранты возвратятся домой [11, с. 24]. Набор ООН использует показатель – «число стран, проводящих хорошо продуманную миграционную политику». Но он мало что дает для оценки устойчивого развития.

Методика оценки устойчивого развития по демографическим показателям. Для оценки устойчивого развития северных регионов предложен набор демографических показателей, включающих миграцию населения. Предложена авторская *«Методика расчета индекса устойчивого развития по демографическим показателям».* Выбраны четыре демографических фактора: рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, ***миграция*** и половозрастной состав населения. Каждый фактор включает ряд показателей. По опросу 26 экспертов в области демографии и региональной экономики из российских научных организаций каждый фактор и показатель получил свой вес.

Вначале субъекту РФ с наилучшим значением показателя за 2000, 2005, 2010 и 2015 гг. присваивалось 100 баллов, а с наихудшим – 1 балл. Затем все северные регионы получали значения на отрезке от 1 до 100 методом линейного масштабирования на основе крайних значений. Это позволяет учитывать степень отставания регионов от лидирующих. На втором этапе определялись значения регионов по группам показателей, соответствующих четырем факторам, как среднее арифметическое взвешенное баллов всех входящих в группу показателей. Аналогичным образом на третьем этапе вычислялся итоговый индекс на основе средних значений по четырем факторам. На всех этапах значения округлялись до целых. Максимально возможное значение индекса составляет 100 баллов и может быть достигнуто лишь в том случае, если субъект РФ является российским лидером по всем показателям, входящим в индекс. Минимально возможное значение индекса равно единице.

Оценка устойчивого развития по показателям миграции. Группа показателей «миграции населения» раскрывает степень достижения целей устойчивого развития «достойная работа и экономический рост» и «уменьшение неравенства». Первый показатель миграции – *коэффициент миграционного прироста* (вес 0,361). Чем более регион привлекателен для мигрантов, тем

больше в нем возможностей для комфортной жизни и самореализации. Миграционный отток на Севере был высоким на протяжении всего XXI в. В 2000 г. коэффициент миграционной убыли составлял 6,7‰. К 2005 г. он увеличился до 9,0‰, в последующие годы миграционный отток постоянно снижался и коэффициент достиг своего минимума 4,4‰ в 2017 г. По России в целом в течение этого периода наблюдался миграционный прирост от 2,5 в 2000 г. до 1,4‰ в 2017 г. (в этот период северные и арктические регионы имели положительное сальдо международной миграции). В 2000 г. только Ханты-Мансийский АО имел положительное сальдо миграции – 12,9‰. В 2017 г. из всех северных регионов миграционный прирост наблюдался только в Сахалинской обл. (4,9) и Камчатском крае (1,7‰). Наиболее интенсивный миграционный отток в 2017 г. был в Республике Коми (-11,2) и Чукотском АО (-13,2‰). Миграционная убыль населения представляет угрозу для устойчивого развития Севера. При сохранении существующих темпов убыли население Севера может сократиться на миллион человек менее чем за три десятилетия. Низкая насыщенность территорий населением приведет к удорожанию инженерной и транспортной инфраструктуры, нехватке трудовых ресурсов.

Второй показатель – *коэффициент миграционного прироста населения, имеющего профессиональное образование* (вес 0,296). Отток квалифицированного населения регионов Севера усилился в 2002–2010 гг. в четыре раза, а затем стабилизировался, изменяясь в пределах от 3,3 до 3,9‰. В целом по стране на протяжения всего периода наблюдался рост образованного населения, что в очередной раз говорит о низкой миграционной привлекательности северных территорий. Самый большой отток на Севере в 2017 г. наблюдался в Чукотском АО (-12,0‰), в Республике Коми (-6,8) и в Магаданской области (-5,8). Положительное сальдо по уровню образования было только в Сахалинской области (0,3‰).

Третий показатель – *коэффициент миграционного прироста населения трудоспособного возраста* (вес 0,343). Он характеризует миграционный обмен трудовыми ресурсами с другими регионами и странами. Миграционный отток трудоспособного населения может привести к росту демографической нагрузки и ухудшению социального положения территории. Динамика показателя как по Северу в целом, так и по отдельным регионам, близка к двум другим показателям миграции. В Сахалинской обл. и Камчатском крае в 2017 г. был прирост трудоспособного населения, в то время как в Чукотском АО и Республике Коми убыль была самой интенсивной (Табл. 1).

Можно заключить, что три показателя миграции тесно взаимосвязаны, они позволяют учитывать весомый вклад трудоспособного и квалифицированного населения в развитие экономики Севера и АЗРФ, в их устойчивое развитие.

Об определяющей роли миграции на устойчивое развитие Севера России можно судить по таким данным: с 1991 по 2018 г. Север потерял 1 млн. 867 тыс. человек, при этом естественный прирост составил 310 тыс., а миграция «съела» 2 млн. 177 тыс. человек (в среднем за год – 81 тыс. человек).

Таблица 1.

Показатели миграции населения для оценки устойчивого развития северных регионов, 2000–2017 гг., ‰

Регион	Коэффициент миграционного прироста населения			Коэффициент миграционного прироста населения с профессиональным образованием			Коэффициент миграционного прироста населения трудоспособного возраста		
	2000	2010	2017	2002	2010	2017	2000	2010	2017
Российская Федерация	**2,5**	**1,9**	**1,4**	**0,3**	**0,4**	**0,6**	**1,8**	**1,5**	**2,0**
Северные регионы	**-6,7**	**-6,7**	**-4,4**	**-0,9**	**-3,6**	**-3,3**	**-3,9**	**-5,3**	**-4,0**
Республика Карелия	-1,3	-5,4	-3,1	1,0	-1,1	-1,9	2,1	-2,6	-5,3
Республика Коми	-10,8	-13,9	-11,2	-2,2	-5,7	-6,8	-6,4	-10,4	-12,9
Республика Саха (Якутия)	-9,2	-7,1	-4,8	-2,2	-3,9	-3,0	-7,3	-8,2	-4,6
Республика Тыва	-3,7	-12,6	-3,3	0,1	-0,8	-1,6	-3,4	-8,0	-2,4
Камчатский край	-14,3	-4,1	1,7	-3,9	-3,4	-4,4	-11,4	0,7	6,6
Архангельская обл.	-7,9	-8,2	-6,9	-1,5	-3,5	-4,2	-5,0	-8,0	-8,8
Магаданская обл.	-38,4	-14,1	-9,7	-6,1	-7,5	-5,8	-25,9	-11,3	-7,6
Мурманская обл.	-16,5	-6,9	-4,6	-4,4	-6,9	-3,1	-10,3	-8,4	-3,6
Сахалинская обл.	-12,1	-6,3	4,9	-3,1	-3,8	0,3	-8,0	-6,3	8,4
Ненецкий АО	-6,2	-5,0	-5,3	6,2	-0,5	-2,0	-4,7	-3,8	-6,9
Ханты-Мансийский АО	12,9	0,8	-2,5	4,8	-0,5	-2,2	11,6	3,8	-1,6
Чукотский АО	-70,4	-17,4	-13,2	-8,0	-9,7	-12,0	-55,9	-17,0	-13,5
Ямало-Ненецкий АО	-2,2	-8,8	-4,5	1,7	-7,2	-3,6	-2,7	-8,6	-1,5
Регионы, частично входящие в Север	**-2,2**	**-2,4**	**-1,4**	**-0,3**	**-1,0**	**-1,0**	**-0,4**	**-0,7**	**-1,4**
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	**-13,8**	**-7,9**	**-4,9**	**-2,3**	**-6,9**	**-3,6**	**-9,5**	**-8,6**	**-3,2**

Заключение. Переход мирового сообщества к устойчивому развитию обусловил необходимость согласования набора показателей для оценки целей устойчивого развития, определения пороговых и критических значений. Большинство мировых систем недостаточно полно используют демографические показатели, а тем более показатели миграции населения. Этот пробел отчасти восполнен в статье. На основе авторской методики рассчитаны показатели миграции для оценки устойчивого развития северных регионов России за 2000–2017 гг. На его основе проведен анализ устойчивости северных и арктических регионов по трем миграционным показателям. Предстоит работа по расширению набора показателей миграции.

Благодарность. Авторы выражают признательность Анне Гончаренко за помощь в подготовке рукописи к печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. №4. С. 22–41.
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18 сентября 2000 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/55/2 (дата обращения: 26.11.2018)
3. Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Том I. Резолюции, принятые на Конференции. ООН: Нью-Йорк, 1993. С. 3–7.
4. Медоуз Д., Рандерс Й. Пределы роста, 30 лет спустя: пер. с англ. М.: Академкнига, 2007. 342 с.
5. Международная миграция и устойчивое развитие России / В.С. Малахов, Н.В. Мкртчян, О.И. Вендина и др. М.: Издательский дом «Дело», 2015. 120 с.
6. Миграция и цели в области устойчивого развития: роль механизмов межгосударственных консультаций по вопросам миграции и региональных экономических организаций. Женева. Краткий доклад. Женева: МОМ, 2016. 79 с.
7. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации №440 от 1 апреля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»
8. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 (ред. от 27.06.2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
9. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 21.11.2018)
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2017 года №2033-р. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_news.htm (дата обращения: 26.11.2018).
11. Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. ООН: Нью-Йорк и Женева, 2014. 208 с.
12. Социально-демографическая безопасность России / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 864 с.
13. Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 120–136. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.8.
14. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Демографические показатели оценки устойчивого развития северных регионов России // Моделирование сценариев устойчивого развития северных регионов России в современных условиях. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 268–277.
15. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические аспекты устойчивого развития северных территорий // Новые подходы и методы управления

устойчивым социально-экономическим развитием регионов. СПб.: ГУАП, 2017. С. 229–234.

16. Юрков Д.В. Управление миграцией как механизм устойчивого развития территорий: дисс. ... докт. экон. наук. Казань, 2017. 408 с.

17. Indicators of Sustainable Development. UN Department for Policy Coordination and Sustainable Development, 1994.

18. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. 1987. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf (дата обращения: 26.11.2018)

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СУБЪЕКТАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА[1]

ХИЛАЖЕВА Гульдар Фаритовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа (Россия). E-mail: hilazhevagf@isirb.ru

Аннотация. Автором на основе данных официальной статистики за 2013–2017 гг. рассматриваются масштабы и характер миграционных процессов, протекающих в субъектах Приволжского федерального округа. На основе проведенных расчетов коэффициента миграционного прироста выявляется интенсивность разных потоков миграции, степень вовлеченности в них социально-демографических групп населения.
Ключевые слова: миграция, международная миграция, межрегиональная потоки, интенсивность миграции, регионы России.

TRENDS OF MIGRATION PROCESSES IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT SUBJECTS[2]

Guldar F. HILAZHEVA, PhD in History, leading researcher, Institute of strategic studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa (Russia). E-mail: hilazhevagf@isirb.ru

Abstract. On the basis of official statistics for 2013–2017 the author examines the scale and nature of migration processes occurring in the subjects of the Volga federal district. On the basis of the calculations of the coefficient of migration growth there are revealed the intensity of different migration flows and the degree of involvement of socio-demographic groups of the population in them.
Key words. Migration, international migration, interregional flows, intensity of migration, Russian regions.

Приволжский федеральный округ (ПФО) находится на стыке Европы и Азии, на территории Волго-Уральской историко-этнографической области. Здесь на всех этапах исторического развития интенсивно протекали как транснациональные миграции, так и внутренние, во многом обусловленные географическим положением округа, а также тесными экономическими, этнокультурными связями субъектов ПФО между собой и соседними российскими регионами.

Исследованию миграции на данной территории посвящен большой корпус научной литературы. Анализ миграционных процессов в российских

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра исследования социального развития и формирования человеческого капитала Института стратегических исследований Республики Башкортостан за 2018 г.
[2] The study was carried out within the framework of the state task of the Center for research of social development and human capital formation of the Institute of strategic studies of the Republic of Bashkortostan for 2018

регионах, в т.ч. Приволжского федерального округа, представлен в работах Л.Л. Рыбаковского [9], С.В. Рязанцева [11] и др. Специальные исследования были проведены Ж.А. Зайончковской, Н.В. Мкртчян, Ю.В. Флоринской [4]. Современная миграционная ситуация последних лет представлена в ряде региональных работ [2; 10; 12]. Учеными подчеркивается, что, с одной стороны, на характер миграционных процессов влияет положение округа как «транзитной территории на пути западного дрейфа населения России» [4], с другой, – то, что миграционная картина ПФО во многом отражает ситуацию, сложившуюся в России в целом.

В данной работе автором предпринята попытка сравнительного анализа интенсивности разных потоков миграции в регионах ПФО, вклада отдельных возрастных групп на миграционную ситуацию в регионе на примере одного из многочисленных субъектов округа – Республики Башкортостан.

Общая характеристика миграционных процессов. Значительная дифференциация субъектов ПФО по численности населения, уровню социального, экономического развития, отражается на масштабах и интенсивности миграционных процессов, которые в них протекают. Наиболее многочисленные субъекты ПФО, вносят наибольший вклад в общий объем миграции округа. Так, по данным официальной статистики, в 2017 г. самые масштабные валовые миграции приходились на Республику Башкортостан (более 290 тыс. человек), Татарстан (около 186 тыс.) и Пермский край (146 тыс.); наименьшие – на Ульяновскую область, Мордовию и Марий Эл (от 40 тыс. до 60 тыс. человек) [6, с.13,14].

Во всех регионах ПФО (как и в России в целом) в общем объеме миграции наибольшая доля приходится на внутрирегиональные потоки, затем на межрегиональные и наименьшие – на международные. В разных регионах вклад того или иного потока миграции имеет разные значения, однако их соотношение является одинаковым (табл. 1).

Международная миграция. В регионах ПФО в 2017 г. на международную миграцию приходилось до 12% в общем объеме валовой миграции (за исключением Мордовии, в которой доля международной миграции составила 30%). Наименьшая доля международной миграции наблюдалась в Кировской (2,8%) и Оренбургской областях (3,4), Удмуртской республике (4%).

Наибольшие значения миграционного прироста приходились во всех субъектах ПФО (за исключением Мордовии) на 2013–2015 гг. После начался их значительный спад. Мордовия же демонстрировала другую динамику, достигнув, максимального уровня миграционного прироста в 2016 г.

Анализ интенсивности международной миграции за последние пять (2013–2017 гг.) на основе рассчитанных показателей коэффициента международного миграционного прироста на 10 тыс. человек показывает нестабильность данного показателя. В течение рассматриваемого периода практически каждый регион округа демонстрировал значительную разницу в ежегодных показателях миграционного прироста. Соответственно, и диапазон его максимальных и минимальных значений, каждый год значительно отличался от предыдущего. Например, в 2013 г. он колебался от 3,57 на 10 тыс. человек в

Удмуртии до 30,97 в Башкортостане; в 2015 г. – от -5,18 в Кировской области до 61,11 в Мордовии.

Таблица 1.

Доля разных потоков в общем объеме миграции по регионам ПФО в 2017 г., %

Регионы	Объем валовой миграции по потокам			Общий объем валовой миграции
	Внутрирегиональная	Межрегиональная	Международная	
Республика Башкортостан	64,0	29,5	6,6	100
Республика Марий Эл	52,1	43,1	4,8	100
Республика Мордовия	31,7	38,0	30,3	100
Республика Татарстан	59,8	32,6	7,6	100
Удмуртская Республика	65,7	30,3	4,0	100
Чувашская Республика	61,5	33,5	5,0	100
Пермский край	70,7	23,9	5,4	100
Кировская область	65,8	31,4	2,8	100
Нижегородская область	56,5	33,4	10,1	100
Оренбургская область	54,2	42,4	3,4	100
Пензенская область	47,7	39,7	12,7	100
Самарская область	48,7	39,5	11,9	100
Саратовская область	48,7	39,8	11,5	100
Ульяновская область	42,2	53,1	4,7	100

Источник: рассчитано автором по данным [6]

В то же время, несмотря на нестабильность уровня международной миграции, в рейтинге регионов ПФО выделяются устойчивые лидеры. К первым относится Мордовия, коэффициент международной миграции которой в несколько раз превышает значения большинства регионов (самым высоким показатель у Республики был в 2016 г. 95,87 на 10 тыс. человек). За ней в течение 2013–2015 гг. всегда следовала Саратовская область, коэффициент международной миграции которой был в пределах 20–30 на 10 тыс. человек. Однако в 2017 г. он упал почти втрое (6,7) и область в рейтинге регионов ПФО сошла со 2-го на 9-е место. В «тройку» устойчивых лидеров в течение 2015–2017 гг. относится и Ульяновская область, несмотря на ежегодное снижение показателя (с 22,7 до 13,2 на 10 тыс. человек за указанные годы) (Приложение 1).

Низкие значения в отдельные годы имели разные субъекты ПФО, но чаще всего в «аутсайдерах» оказывалась Кировская область.

Международная миграция всегда вносила положительный вклад в миграционный прирост регионов. Однако в течение 2016–2017 гг. стала наблюдаться новая тенденция в сфере международной миграции – в ряде регионов она стала иметь отрицательные значения. Если в 2016 г. исключением была только Республика Башкортостан, то в 2017 г. уже три региона ПФО имели миграционную убыль за счет международной миграции – Удмуртская Республика, Пермский край, Оренбургская область.

Снижение показателей международной миграции в субъектах ПФО во многом связано с введением в 2015 г. нового, достаточно жесткого законодательства в отношении мигрантов [8], а также кризисными явлениями в экономике страны, на отечественном рынке труда.

Среди прибывающих в регионы ПФО международных мигрантов доминируют те, кто приехал на временные заработки. Если говорить о России в целом, то по предварительным данным, в 2017 г. 96,1% международных мигрантов были зарегистрированы по месту пребывания (т.е. временно) и лишь 3,9% по месту жительства [13]. Например, в Республике Башкортостан, среди всех прибывших в 2017 г. иностранных граждан (12 130 человек), только около 12% (чуть менее 1,5 тыс. человек) приехали на постоянное место жительства, остальные – более 10,6 тыс. человек были зарегистрированы по месту пребывания на срок более 9 месяцев [3, с.119].

В связи с вышеизложенным, можно говорить о том, что международная миграция в силу своей краткосрочности, а также незначительного вклада в общий миграционный объем не оказывает существенного воздействия на численность и возрастно-половую структуру постоянного населения. Она вносит этнокультурное разнообразие, влияет на определенные сферы занятости, однако, на наш взгляд, не является решающим фактором для формирования демографического потенциала российских регионов.

Межрегиональная миграция. Общероссийской тенденцией в сфере межрегиональной миграции является значительный отток трудоспособного населения из большинства российских регионов в центральные, западные территории страны. Сформировались миграционно привлекательные центры притяжения внутренних мигрантов, которые стягивают к себе значительные демографические и трудовые ресурсы страны (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и др.) [11]. Сокращается число регионов, население которых растет за счет внутрироссийской миграции: если в 2005 г. их было 22, то в 2015 г. лишь 14 [5].

В среднем на межрегиональную миграцию в регионах ПФО приходится от четверти до трети всего миграционного обмена. Ее удельный вес составил в 2017 г. от 23% в Пермском крае до 53% в Ульяновской области (табл.1).

Для большинства регионов ПФО характерна нестабильная динамика межрегиональной миграции. В течение 2013–2015 гг. наблюдалось некоторое снижение миграционной убыли населения в ряде регионов ПФО (например, в Республике Башкортостан снизилась с -23,97 до -16,58 на 10 тыс. человек). Некоторое снижение в регионах России межрегиональной убыли, обусловленное сокращением объемов межрегиональной миграции, можно объяснить и социально-экономическими факторами, обострением кризисных явлений в экономике страны, ограничением возможностей населения для реализации своих миграционных планов (влияние так называемых «ловушек бедности») [1]. В 2017 г. во многих субъектов ПФО миграционная убыль возросла, во многом связанная с увеличением числа выбытий из регионов.

Практически все субъекты ПФО на протяжении ряда лет являются регионами–донорами, с высоким оттоком трудоспособного населения. Исклю-

чением является только Республика Татарстан – единственный регион ПФО с положительным миграционным приростом населения в течение последних лет. Татарстан является региональным центром притяжения внутрироссийских мигрантов. При этом значения коэффициента миграционного прироста республики нестабильны и колеблются в пределах от 12,62 в 2014 г. до 2,82 на 10 тыс. человек в 2017 г.

Следующим регионом с относительно благополучной миграционной ситуацией (с наименьшей миграционной убылью населения) является Нижегородская область. Убыль в регионе в течение 2013–2017 гг. постоянно росла (с -0,16 до-7,5 на 10 тыс. человек), однако область стабильно держится на 2-м месте в рейтинге регионов ПФО по уровню миграционного прироста/убыли. После нее следует Самарская область, для которой характерны те же тенденции – ежегодный рост миграционной убыли (с -0,98 до -16,77) за рассматриваемый период.

Наибольшие миграционные потери в результате межрегионального миграционного прироста демонстрируют Оренбургская область и Республика Мордовия. В течение 2013–2017 гг. коэффициент межрегиональной миграции в двух регионах был в пределах от – 41,14 до -61,85 на 10 тыс. человек. В списке регионов-аутсайдеров в течение рассматриваемого периода находились также Ульяновская область, Марий Эл и Чувашская республика (Приложение 2).

Таблица 2.

Среднее значение коэффициента межрегионального миграционного прироста РБ по возрастным группам, 2014–2016 гг., на 1000 человек

	Мужчины	**Женщины**
0–4	-2,3	-1,7
5–9	-1,6	-1,9
10–14	-1,4	-1,3
15–19	-8,3	-9,7
20–24	-3,7	-6,2
25–29	-3,8	-7,9
30–34	-2,0	-4,5
35–39	-0,5	-2,0
40–44	-0,5	-1,5
45–49	0,0	-1,0
50–54	0,3	-0,1
55–59	1,7	1,3
60–64	1,3	0,3
65–69	0,6	-0,3
70 и более	-0,5	-1,0

Источник: рассчитано автором на основе данных Башкортостанстата.

Межрегиональная миграция оказывает значительное влияние на возрастно-половую структуру населения. Общероссийской тенденцией является наи-

более высокая миграционная активность лиц от 15–19 до 30–34-х лет. Например, в Республике Башкортостан в результате переезда в другие регионы страны происходит миграционная убыль во всех возрастных группах до 50–54-х лет, наиболее интенсивно – в молодых, а также среди женщин. Расчет среднего значения коэффициента межрегионального миграционного прироста за 2014–2016 гг. показывает, что среди 20–24-летних интенсивность женской убыли вдвое больше мужской: – -6,2 и – -3,7 соответственно. В результате миграции убывает и детское население вследствие миграционного оттока молодых семей (табл. 2).

Выводы. Разные потоки миграции вносят разный вклад в миграционный прирост регионов ПФО: международная миграция – преимущественно положительный, межрегиональная – отрицательный. При этом международная миграция, незначительно влияя на численность постоянного населения, в основном формирует временный трудовой потенциал регионов. В последние годы наметилась тенденция снижения ее показателей, в некоторых регионах они получили отрицательные значения.

Межрегиональная миграция является фактором сокращения постоянного населения регионов ПФО (за исключением Республики Татарстан). В результате межрегионального миграционного обмена происходят потери в наиболее активных в брачном и репродуктивном отношении возрастах, что ослабляет демографический потенциал, конкурентные возможности регионов ПФО.

Миграционные процессы, протекающие в субъектах ПФО, являются типичными для большинства российских регионов и по сути отражают сложившуюся в стране дифференциацию территорий по уровню социального и экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вакуленко Е.С. Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований: автореф. дис. … к-та экон. Наук. М., 1913. 28 с.

2. Гуськова И.В. Миграционная привлекательность Приволжского федерального округа // Региональная экономика. Теория и практика. 2017. № 5(332). С. 20–25.

3. Демографические процессы в Республике Башкортостан. Статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2018. 131 с.

4. Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск. 1: Приволжский федеральный округ / под ред. С Артоболевского и Ж. Зайончковской. М., 2004. 212 с.

5. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Абылкаликов С.И. Внутрироссийская миграция населения // Население России. Двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 309–332.

6. Миграция населения в Республике Башкортостан. Статистический сборник. В 2 ч. Ч.1. Уфа: Башкортостанстат, 2014. 164 с.; 2015. 168 с.; 2016. 189 с.; 2018. 189 с.

7. Мкртчян Н.В. Миграция и регион. На примере Приволжского федерального округа // Мир России. 2004. № 2. С. 24–42.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357 // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/70804216

9. Рыбаковский Л.Л. Результативность межрегиональной миграции населения России // Миграционные процессы в России / под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014. С. 189–228.

10. Рыбачкова А.В. Роль международных и межрегиональных потоков в миграционном движении населения Приволжского федерального округа // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Том 9. №5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://naukovedenie.ru/PDF/76EVN517.pdf

11. Рязанцев С.В. Региональные особенности миграционных процессов в России // Демографическое развитие России в XXI веке /под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М., Экон-Информ, 2009. 340 с.

12. Самонина С.С. Современные миграционные процессы в Приволжском федеральном округе // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология. 2017. Том 3 (69). № 3. С. 153–162.

13. Щербакова Е.М. Миграция в России, предварительные итоги 2017 года // Демоскоп Weekly. 2018. № 763–764. 12–25 марта 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/barometer763.pdf

Приложение 1

Рейтинг субъектов ПФО по уровню международного миграционного прироста, 2013–2017 гг., на 10 000 человек

	2013		2014		2015		2016		2017	
1.	**Башкортостан**	**30,92**	**Мордовия**	**48,75**	**Мордовия**	**83,85**	**Мордовия**	**95,87**	**Мордовия**	**61,11**
2.	**Саратовская область**	**28,46**	**Саратовская область**	**29,27**	**Саратовская область**	**33,66**	**Саратовская область**	**20,31**	**Самарская область**	**14,02**
3.	**Мордовия**	**27,06**	**Пензенская область**	**28,7**	**Ульяновская область**	**22,71**	**Ульяновская область**	**19,56**	**Ульяновская область**	**13,27**
4.	Пензенская область	20,28	Ульяновская область	28,2	Пензенская область	22,18	Самарская область	18,06	Республика Башкортостан	12,89
5.	Ульяновская область	19,68	Самарская область	24,5	Чувашская Республика	16,19	Оренбургская область	16,15	Чувашская Республика	10,13
6.	Пермский край	16,96	Оренбургская область	14,02	Оренбургская область	15,07	Чувашская Республика	13,78	Оренбургская область	9,9
7.	Оренбургская область	15,35	Республика Марий Эл	9,75	Республика Марий Эл	7,18	Пензенская область	13,55	Республика Татарстан	9,48
8.	Нижегородская область	15,32	Пермский край	9,7	Нижегородская область	6,92	Республика Татарстан	6,13	Нижегородская область	9,39
9.	Самарская область	14,24	Чувашская Республика	9,67	Республика Башкортостан	6,9 (9)	Удмуртская Республика	5,49	Саратовская область	6,7
10.	Чувашская Республика	9,0	Башкортостан	9,56	Удмуртская Республика	5,48	Пермский край	4,17	Пензенская область	5,93
11.	Республика Татарстан	8,51	Кировская область	9,54	Татарстан	5,18	Республика Марий Эл	2,39	Республика Марий Эл	1,54
12.	Республика Марий Эл	5,98	Нижегородская область	6,82	Самарская область	3,64	Нижегородская область	2,14	Удмуртская Республика	-1,1
13.	Кировская область	5,22	Удмуртская Республика	6,66	Пермский край	2,03	Кировская область	0,89	Пермский край	-2,09
14.	Удмуртская Республика	3,57	Татарстан	6,23	Кировская область	1,21	Башкортостан	-1,59	Кировская область	-5,18

Источник: Миграция населения в Республике Башкортостан. Статистический сборник [6]

Приложение 2

Рейтинг субъектов ПФО по уровню межрегионального миграционного прироста, 2013–2017 гг., на 10 000 человек

	2013		2014		2015		2016		2017	
1.	**Татарстан**	**6,96**	**Татарстан**	**12,62**	**Татарстан**	**4,05**	**Татарстан**	**9,03**	**Татарстан**	**2,82**
2.	**Нижегородская область**	**-0,16**	**Нижегородская область**	**-1,38**	**Нижегородская область**	**-4,75**	**Нижегородская область**	**-5,62**	**Нижегородская область**	**-7,55**
3.	**Самарская область**	**-0,98**	**Самарская область**	**-2,56**	**Самарская область**	**-10,03**	**Самарская область**	**-11,88**	**Самарская область**	**-16,77**
4.	Пермский край	-16,87	Пермский край	-13,71	Пермский край	-17,26	Пермский край	-16,33	Башкортостан	-19,3
5.	Башкортостан	-23,97	Саратовская о.	-17,51	Башкортостан	-21,45	Башкортостан	-16,58	Пермский край	-20,89
6.	Удмуртская Республика	-26,3	Башкортостан	-20,47	Удмуртская Республика	-24,84	Удмуртская Республика	-19,73	Удмуртская Республика	-22,19
7.	Саратовская область	-26,32	Удмуртская Республика	-21,01	Саратовская область	-28,79	Чувашская Республика	-20,47	Кировская область	-22,61
8.	Пензенская область	-38,89	Пензенская область	-25,61	Кировская область	-29,36	Кировская область	-22,36	Ульяновская область	-23,9
9.	Республика Марий Эл	-39,43	Чувашская Республика	-30,67	Пензенская область	-31,79	Саратовская область	-22,59	Пензенская область	-28,05
10.	Кировская область	-43,14	Кировская область	-36,7	Ульяновская область	-32,03	Пензенская область	-23,36	Республика Марий Эл	-30,81
11.	Чувашская Республика	-45,03	Республика Марий Эл	-37,67	Чувашская Республика	-35,04	Ульяновская область	-25,43	Саратовская область	-31,71
12.	Ульяновская область	-46,62	Ульяновская область	-40,6	Республика Марий Эл	-36,89	Республика Марий Эл	-26,81	Чувашская Республика	-35,37
13.	Мордовия	-58,59	Мордовия	-46,03	Оренбургская	-48,47	Мордовия	-39,62	Оренбургская	-52,77
14.	Оренбургская область	-61,85	Оренбургская область	-54,84	Мордовия	-57,93	Оренбургская область	-41,14	Республика Мордовия	-54,62

Источник: Миграция населения в Республике Башкортостан. Статистический сборник. [6]

О МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

ХУСНУТДИНОВА Ляйля Гельсовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», Уфа, (Россия). E-mail: Lavanda-55@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется миграционная ситуация в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI вв. Раскрываются ключевые аспекты миграционных потоков как в Башкортостане, в частности, так и в Российской Федерации в целом. Дается оценка численности мигрантов, а также их социально-демографическая характеристика.
Ключевые слова: миграционная ситуация, трудовые мигранты, мигранты-переселенцы, регион, Республика Башкортостан.

ON THE MIGRATION SITUATION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Lyaylya G. KHUSNUTDINOVA, PhD in History, Associate Professor at the Department of International Relations, History and Oriental Studies FSBEI of HE «Ufa State Petroleum Technical University», Ufa, (Russia). E-mail: Lavanda-55@mail.ru

Annotation: The article analyzes the migration situation in the Republic of Bashkortostan at the turn of the XX – XXI centuries. The key aspects of migration flows are revealed both in Bashkortostan in particular, and in the Russian Federation in general. Given the socio-demographic characteristics of migrants, their number.
Keywords: migration situation, labor migrants, migrants, migrants, region, Republic of Bashkortostan.

Миграционные процессы оказывают сильное влияние на все стороны жизни общества. В связи с теми демографическими процессами, которые происходят в нашей стране последние десятилетия, многими учеными миграция справедливо рассматривается как единственный источник пополнения трудовых ресурсов. [4, с. 7] Только после распада Советского Союза и до 2000 г. из республик бывшего СССР в Россию переселились более 8 млн. чел. За это же время более 1,5 млн. чел. получили статус беженца или вынужденного переселенца. [2, с. 22] На сегодняшний день усиливается коммерческое и трудовое миграционное движение, носящее временной характер. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики РФ с января по март 2018 г., число граждан из ближнего и дальнего зарубежья, прибывших на территорию Российской Федерации и поставленных на миграционный учет составило – 3186461 чел. [8] Также наблюдается распространение незаконной миграции, которая в совокупности составляет около 20% всех миграционных потоков в нашу страну. Подобное пополнение трудовых ресурсов в нашей стране будет актуально, по крайней мере, еще несколько десятилетий.

Республика Башкортостан является одним из регионов с высокой миграционной активностью. Начиная с 1988 г., из региона, отдающего население, республика вновь стала принимающим его: естественный прирост резко пошел на убыль, а миграционный прирост впервые за предыдущие 15 лет стал положительным. По данным УФМС России по РБ за период с 1992 по 2003 гг. в Республику Башкортостан переселилось на постоянное место жительства 479 тыс. человек, из них 147056 человек из республик бывшего СССР. [9] По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность постоянного населения Республики Башкортостан составила 4072292 чел., из них являлись уроженцами РБ – 3568 тыс. чел., 429,7 тыс. чел. родились за пределами республики (из них 275 тыс. чел. родились в других субъектах России, 149,6 тыс. чел. – на территории бывших советских республик и 5 тыс. чел. – в других странах мира) [5]. Таким образом, в настоящее время более 11% населения республики – это мигранты 1990-х гг., переехавшие сюда за последнее десятилетие XX в.

Таблица 1.

Некоторые итоги миграции населения в Республике Башкортостан в 2013–2018 гг., человек

Год	Городская и сельская местность		
	Число прибывших	**Число выбывших**	**Миграционный прирост**
За январь-сентябрь 2018	6268	7847	**-1579**
За январь-декабрь 2017	12130	6894	**5236**
За январь-декабрь 2016	8049	8694	**-645**
За январь-декабрь 2015	12285	9477	**2808**
За январь-декабрь 2014	14452	10559	**3893**
За январь-декабрь 2013	13426	856	**12570**

Источник: составлено на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по Республике Башкортостан

Начиная с 2014 г. миграционный баланс в Башкортостане становится отрицательным, т.е. число выбывших из республики превышает число прибывших (Табл. 1). Так, в 2013 г. миграционный прирост в республике составил 12570 чел., в 2014 г. – 3893 чел., в 2015 г. – 2808 чел., в 2016 г. – (-645) чел., в 2017 г. – 5236 чел., и в 2018 г. – (- 1579) чел. [6]. Это связано с оттоком населения республики в соседние регионы (Свердловскую, Челябинскую области, Республику Татарстан), а также в Тюменскую область и г. Москву. Основная причина – поиск высокооплачиваемой работы. Если рассматривать миграционный прирост по субъектам Российской Федерации, то он хоть и уменьшается, но не переходит в отрицательное сальдо. Например, в 2013 г. миграционный прирост в России составил – 295 859 чел., в 2014 г. – 270 036 чел., в 2015 г. – 245 384 чел., в 2016 г. – 261 948 чел., в 2017 г. – 211 878 чел. (Табл. 2). Из этих данных можно сделать вывод, что Республика Башкортостан теряет свою привлекательность как для мигрантов, так и для жителей региона.

И это несмотря на то, что Республика Башкортостан среди регионов России выделяется рядом особенностей: в географическом отношении республика занимает территорию на стыке Европы и Азии, разнообразны ее природно-климатические условия, многонациональный народ имеет богатую историю, развитую науку, культуру, образование.

Таблица 2.

Некоторые итоги миграции населения в Российской Федерации в 2013–2017 гг., человек

Год	Городская и сельская местность			Городская местность			Сельская местность		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
2017	589 033	377 155	**211 878**	467 597	306 309	161 288	121 436	70 846	50 590
2016	575 158	313 210	**261 948**	453 988	253 498	200 490	121 170	59 712	61 458
2015	598617	353 233	**245 384**	464776	291522	173254	133841	61 711	72 130
2014	578511	308 475	**270 036**	457169	254070	203099	121342	54 405	66 937
2013	482241	186 382	**295 859**	381218	153240	227978	101023	33 142	67 881

Источник: составлено на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

В настоящее время в международной миграции произошли коренные изменения, коснувшиеся практически всех ее сторон. Изменился состав государств выхода мигрантов: из их числа выпали Прибалтийские страны, существенно сократился поток из Украины, Белоруссии, стран Закавказья и из Казахстана. Основной поток мигрантов в Россию сложился из таких стран СНГ, как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия. На указанные три страны в 2008 г. приходилась половина всех трудовых мигрантов страны. Кроме того, мигранты из Китая, Турции и Вьетнама заняли еще 21%.

В корне изменилась и цель миграции. Предыдущие миграции имели своей целью переселение мигрантов в Россию. Например, за период январь–июнь 2018 г. из числа прибывших из ближнего и дальнего зарубежья в Россию и поставленных на миграционный учет составило 8216812 чел.. с целью «на работу» заявило 2676500 чел., «на учебу» – 187232 чел., «туризм» – 1103168 чел., «частная» – 1246500 чел., «иное» – 468465 чел. [8] По Республике Башкортостан за данный период 67004 чел. было поставлено на миграционный учет, из них с целью «на работу» составило 23812 чел., «на учебу» – 1710 чел., «туризм» – 1139 чел., «частное» – 4945 чел., «иное» – 2267 чел. [6]. Основная часть нынешних мигрантов преследует цель временного трудоустройства. По результатам социологических исследований, которые проводились в Республике Башкортостан с 2014–2015 гг., 24,0% мигрантов с целью своего приезда в Башкортостан считают «найти постоянную работу и остаться здесь жить». Подавляющая же часть (71,3%) пла-

нируют найти временную работу, заработать деньги и уехать обратно на родину [3].

Изменился и социально-демографический состав трудовых мигрантов. Если беженцы и вынужденные переселенцы перебирались в Россию, в том числе и в Башкортостан, в основном с семьями, то современные трудовые мигранты главным образом мужчины без семей. Так, за 2017 г. из числа прибывших мигрантов в Россию, что составило 4773500 чел., из них со своей семьей переселились 1034512 чел. За данный период из числа прибывших в Башкортостан 92801 чел., со своей семьей переехали 22992 чел. [7]. Трудовые мигранты в основном состоят из мужчин, большинство из которых находится в возрасте до 45 лет, подавляющая их часть семейные. У себя на родине содержат жен и детей [11].

Мигранты-переселенцы и трудовые мигранты по-разному решают демографические и социально-трудовые задачи. Мигранты-переселенцы участвуют в воспроизводстве, они не только увеличивают численность и состав постоянного населения, но и, изменяя половозрастную структуру, выступают демографическим потенциалом, оказывающим влияние на дальнейшее воспроизводство населения [10].

Трудовая миграция, поскольку она временна, по существу не оказывает влияния на воспроизводственные процессы населения, т.е. не решает демографические проблемы России. Подавляющая часть таких мигрантов не оказывает влияния на брачность и рождаемость населения. Они лишь увеличивают численность трудовых ресурсов на период пребывания мигрантов в нашей стране. Нельзя не принимать во внимание, что и сами мигранты не проявляют большого рвения остаться на постоянное место жительство в России.

Переселенцы и трудовые мигранты имеют разные источники и каналы своих доходов. Переселенцы могут иметь социальные трансферты, накопления и трудовые доходы. Они их расходуют в стране постоянного пребывания. Трудовые мигранты, в отличие от мигрантов-переселенцев, значительную часть заработанных вывозят в страну выхода. Нередко противники миграционного потока населения в качестве аргумента выставляют вывоз трудовыми мигрантами денег из страны. Однако с социально-экономической позиции перевод денег нельзя считать негативным явлением, т.к. мигранты заработали эти деньги своим трудом, часть которых реализуется в России, приобретая товары повседневного спроса. Да и сами предприниматели, используя труд мигрантов, получают значительную прибыль.

В России, наряду с сокращением трудовых ресурсов, в ближайшее время, несмотря на изменения пенсионного законодательства в 2018 г., произойдет резкое увеличение числа лиц в пенсионном возрасте. По расчетам Федеральной службы государственной статистики РФ за 2010–2030 гг. при сокращении населения России на 2,8 млн. чел., численность работников в трудоспособном возрасте сократится на 12,1 млн. чел. В этом отношении Республика Башкортостан не является исключением. За период 2011–2025 гг. численность населения в трудоспособном возрасте уменьшится не менее чем на 400 тыс. чел.

Следует заметить, что с сокращением в таких значительных размерах трудовых ресурсов Россия будет встречаться впервые. Эту особенность демографической ситуации сторонники запрета внешней трудовой миграции не принимают в расчет. Между тем предстоящие демографические изменения требуют не только корректировки миграционной политики, но и пересмотра многих тенденций социальной политики. На это направлена Концепция миграционной политики РФ, подписанная в конце октября 2018 г. президентом РФ В. Путиным и представленная им на VI Всемирном конгрессе российских соотечественников, проживающих за рубежом. Данная Концепция сфокусирована на формировании наиболее комфортных условий для переселения в Россию на постоянной основе соотечественников из-за рубежа, а также создание четких правил въезда и получения права на проживание, работу, приобретения российского гражданства [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Блинов М. Путин подписал новую концепцию миграционной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/politics/20181031/1531863211.-html?recommend=b (дата обращения 31.10.2018).

2. Габдрафиков И., Хуснутдинова Л.Г., Вильданов Х., Андреева Л. Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное сообщество в регионах Поволжья (на примере Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Самарской области) / Л.Г. Хуснутдинова и др. ; под ред. Л.Г. Хуснутдиновой ; ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный университет экономики и сервиса». СПб. : ООО «Свое издательство», 2014. 288 с.

3. Галин Р.А. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов в контексте трасформации миграционных процессов // Социальные и экономические проблемы трудовой миграции в Республике Башкортостан / Под ред. Р.А. Галина. – Уфа: Печатный домъ, 2012. – С. 7–23.

4. Зайончковская Ж.А. Иммиграция: альтернативы нет // Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. – С. 7–30.

5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622/Итоги%2BВсероссийской%2Bпереписи%2Bнаселения%2B2010%2Bгода%2Bпо%2BРеспублике%2BБашкортостан.pdf (дата обращения 31.10.2018).

6. Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 1, 2. Башкортостанстат. – Уфа, 2018. – 149 с., табл.

7. Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения 14.10.2018).

8. Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения 14.10.2018).

9. Хуснутдинова Л.Г. Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан (1992–2007 гг.). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012 г. 188 с.

10. Хуснутдинова Л.Г. Интеграция и адаптация инокультурных мигрантов в Урало-Поволжском регионе // Проблемы истории, филологии, культуры. –2017. – № 56, Том 2. – С. 179–195.

11. Khusnutdinova L., Istamgalin R., Efimenko E., Sadykova L. In Search of a Confessional Compromise in the «Religion-Society-The State» Context// Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies. – Volume 19, Issue 1, 2018. P. 83–89.

Раздел 2.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ И МИГРАЦИЯ

Section 2.

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ECONOMY AND MIGRATION

VENEZUELAN MIGRATION TO BRAZIL

Alexis Toribio DANTAS, Dr. of Economics, Professor, State University of Rio de Janeiro – UERJ, Rio de Janeiro (Brazil). E-mail: alexis.dantas@gmail.com

Maria Teresa Toribio Brittes LEMOS, PhD in Philosophy, Professor, State University of Rio de Janeiro – UERJ. Rio de Janeiro (Brazil)

Abstract. The article describes the problems of Venezuelan migrants and refugees in Brazil related to obtaining legal status, housing and access to social services; as well as the socio-economic conditions that forced the Venezuelan population to migrate in search of better living conditions outside the country of residence. It is shown that migration flows will not increase significantly, unlike the messages by the government and media.

Keywords: Brazil, Venezuela, migration, living conditions, refugees.

МИГРАЦИЯ ИЗ ВЕНЕСУЭЛЫ В БРАЗИЛИЮ

ДАНТАС Торибио Алексис, доктор наук, профессор, Университет штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро (Бразилия). E-mail: alexis.dantas@gmail.com

ЛЕМОС Мария Тереза Торибио Бритес, доктор наук, профессор, Университет штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро (Бразилия)

Аннотация. Описаны проблемы венесуэльских мигрантов и беженцев в Бразилии, связанные с получением легального статуса, жилищем и доступом к социальным услугам; а также социально-экономические условия, вынудившие население Венесуэлы мигрировать в поисках лучших жизненных условий. Показано, что миграционные потоки по данному направлению не будут значительно увеличиваться, в отличие от заявлений властей и СМИ.

Ключевые слова: Бразилия, Венесуэла, миграция, условия жизни, беженцы.

1. Initial Remarks

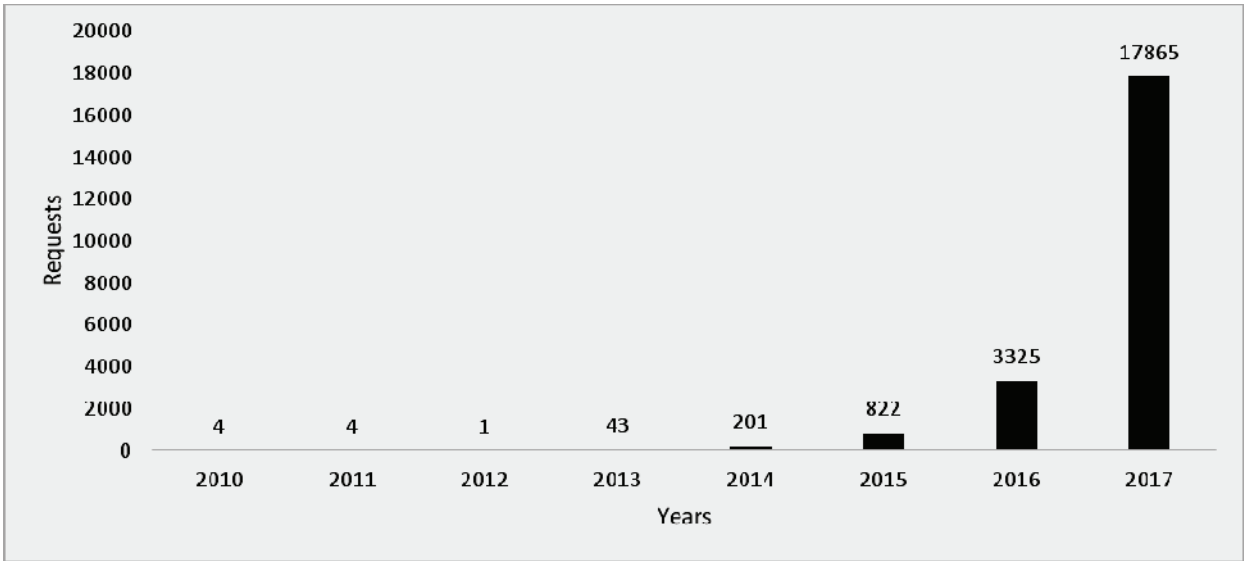
As of 2017, the political crisis in Venezuela has intensified. The Supreme Court of Justice (STJ), controlled by the government, assumed the legislative functions of the National Assembly and suspended the immunity of the deputies. These measures have led to a series of repressed protests with use of force by the Bolivarian National Guard. New measures were adopted with the aim of replacing the Constitution published in December 1999 by Hugo Cháves, which prevented the election of members of the Constituent Assembly in a conventional way.

The Supreme Court of Justice of Venezuela reversed the decision to assume the functions of the legislature and returned the immunity to the parliamentarians, but the process of peace was brief. To confirm popular support and gain international legitimacy, the opposition held a popular referendum and about 7.6 million voters took part in the vote and opposed the regime's plans.

In addition to the political crisis, the situation worsened with the fall in international oil prices, which led to a strong contraction in the level of economic

activity. Therefore, there was an increase in the level of unemployment and inflation soared in the country, which was even more affected by the United States' trade blockade measures. In this context, one could observe that many Venezuelan started searching for better conditions of life, both intensifying the migration to other Countries, such as Brazil, and places to refuge – especially members of the opposition and poor people to the north part of Brazil.

Considering the request of refuge from Venezuelans to Brazil, one can see that 2017 was a very atypical year (Pic. 1), with a very strong increase of requests (from almost nothing from 2010 to 2014, to a number of requests of 17.865 in 2017). Despite of this huge increase of the requests, only 18 were already recognized – 4 in 2015 and 14 in 2016 (Federal Police/Ministry of Justice – Brazil).

Pic. 1. Requests of Refuge – Venezuela to Brazil [5]

2. Living Conditions

The search for better living conditions and new social spaces motivated the displacement of hundreds of Venezuelan families to try to survive in Brazil. With no place to live, they started to occupy the streets, parks and gardens. They also sought employment as underemployed in construction, windshield wipers on road signs and even prostitution by women, who are often stolen and raped. Available data show that only in 2017 around 8.000 immigrants entered between the cities of Boa Vista and Pacaraima. Besides the problems they faced, such as the intolerance of some Brazilians and the difficulty in getting a job, there was still the question of language, which, despite the similarity of many words, not everyone is able to understand them. Many of them cannot speak Portuguese and are targets of prejudice as a result. Although there are such attitudes, on the other hand, acts of generosity of the Roraima can be seen, either by buying goods from migrants and refugees or by offering them a ride to certain places other than temporary shelter.

Most have been forced to change their lives drastically because they have abandoned their families or brought them in search of a better life. Many have courses that would yield jobs with good salaries but have come to a difficult situa-

tion with the unemployment problem. The feeling of integration in Boa Vista and the proximity of the border were the main reasons to stay in Roraima. Only 25% said they intend to return to Venezuela. Most, on the other hand, said they did not intend to return so early (47%) or did not know (27%). Among those who intend to return, the majority estimates a term of more than 2 years, but under the condition of improving economic conditions. According to the Federal Police, most of the Venezuelans who arrived in Roraima came from Caracas and 58% of them are men between the ages of 22 and 25.

In Manaus, the city government prepared to receive new non-indigenous immigrants, and for this, requested the State Government to use a sports court to serve as a shelter and guarantee some space for these people. The use of places like these made available to house the refugees was very important, as the numbers of immigrants only increased, and suddenly those places were filled. Immigration has been reflected directly in the public health and safety services in Brazil, and has caused an alert about the increase of social problems, because the Brazilian border is not surpassed only by Venezuelans who live in Santa Elena city, but also in other municipalities far Venezuela as Porto Ordaz and San Félix.

To reach the state of Roraima, Venezuelans cross the borders until they reach the capital Boa Vista. They are hosted by the Reference and Welcomed Center for Immigrants of the State. Most of those who enter with refugee status have already received a humanitarian visa, which is essential to legalize the refugee situation and has been referred to the Immigrant Referral and Reception Center (CRAI).

However, as migratory flows intensify and the population of the city of Boa Vista tries to expel them, great conflicts arose that generated deaths. Most are camped out in tents, with poor medical care and lack of food, as well as rejection of the local population. Clashes are inevitable, in addition to the fear of communities with the epidemics and diseases previously eradicated and returned violently like measles and poliomyelitis.

The government of the State tries to solve the problem and to take care of the refugees, sending them to the State of São Paulo, which has better conditions to serve them. These are palliative measures that solve the drama of this unprotected population. There is still a gap between humanitarian assistance and statistics, but the fact is that Brazil has a tradition of welcoming refugees. Here they feel protected and look for integration with the country.

In early 2018, as a reinforcement of the reception of immigrants, the federal government withdrew hundreds of people from Roraima to take them to other states. A group of about 120 Venezuelans was brought to Sao Paulo. This request was made by the Federal Government and the United Nations High Commissioner for Human Rights. Women and children were housed in the *Casa do Imigrante*, in the center of the city, coordinated by a Catholic church and also in the *Casa de Passagem Terra Nova*, a state government institution. The city said that this number of Venezuelans who arrived in the state should triple in the following months as long as this crisis does not end, and Brazil is the bridge to the hope of a better life in these Venezuelans.

From Caracas, President Maduro has sent advisers to convince the refugees to return to Venezuela, but they do not want to leave Brazil and prefer to live in tents in the squares, gardens and bus stations.

3. Final Remarks

As the Venezuelan immigrant/refugee is not usually a skilled labor, they become victim of the exploitation of merchants and communities. Most of them, leaving rural areas, border towns or cities in conflict, went to urban centers in search of better living conditions. Hunger and lack of food, medicine and work push them to other countries. Brazil, by the facilities of the border, becomes the social space for survival. In Brazilian lands, Venezuelan neighbors imagine reinventing themselves, building new identities and assuming cultural representations and practices of the host country.

The structuring of this Venezuelan population refugee in the new social spaces is difficult due to the barrier of the discriminations and prejudices. It runs the risk of losing its community and cultural ties, provisionally maintained by the language and some daily habits. The original community relations will tend to disappear and a new society, unskilled and acculturated, should emerge in Brazil, as a result of the dreams of this outsider population.

It is important to observe that, despite of the real flow of migrants and refugees from Venezuela to Brazil, we have to consider that the number of people in this situation and the increase of the flows cannot be those announced by the Brazilian Big Media and the right-wing parties. Just as an example one must note that Venezuela has a population of about 31 million inhabitants (approximately 10 million living in Caracas and Maracaibo). Brazil has borders with two Venezuelan states: Amazonas, the largest (with around 160.000 inhabitants), and Bolívar (with approximately 10 million inhabitants), both basically full of forests like the north part of Brazil, with a very poor population as those from Venezuelan Bolivar and Amazonas. In this sense, the migratory flow is seasonal and bidirectional: from Venezuela to Brazil and vice versa. Considering the lack of border control, this flow is facilitated. It obviously depends on the economic situation of the countries – the flow must be greater for the country that presents better conditions of job offer. However, it is unlikely that this flow is very intense, because they are two regions inhabited by very poor populations, in states marked by very low economic dynamism.

REFERENCES AND SOURCES

1. Beck, Ulrich .Um Nuevo Mundo Feliz. La precariedade del trabajo em la era de la globalización. Barcelona, Ediciones Paidos , 2000

2. Castells, Manuel.La Era de la Información. Economia, Sociedad y Cultura. Mexico, Siglo XX, Ed. 1999

3. Castles, Stephen. Globalización y Migración:Algunas contradicciones urgentes. Conselho Intergovernamental do MOST, 1997.

4. Cepal. La sostentabilidad del desarrollo em America Latina y el Caribe: desafios y oportunidades.Rio de Janeiro, CEPAL/PNUMA, 2001

5. Federal Police/Ministry of Justice – Brazil. http://www.pf.gov.br/
6. Margulis, Mario. Las migracines internacionales. Mexico, UNAM, 1984
7. Martinez, Jorge. Tendencias recientes de la migración internacional em America Latina y el Caribe. Buenos Aires,Centro de Estudios Migratorios, 2004
8. Petit, Juan Miguel. Migraciones, vulnerabilidade y politicas publicas. Impacto sobre los niños, sus familias y sus derechos. Santiago, CEPAL/2003
9. Villa, Miguel; Martinez, Jorge.Tendencias y Patrones Migratórios en las Americas. Caracas, SELA, 2003

CHANGING TIDES IN BRAZIL: CRISIS AND INTERNATIONAL MIGRATION

Patricia VILLEN, PhD (Sociology), Post-Doctoral Researcher (Sociology), University of Campinas, Campinas (Brazil). E-mail: villenpatricia@gmail.com

Abstract. This paper analyzes the impacts of the Brazilian economic and political crisis (2014–2018) on international migration flows. This article also argues that, despite of the high unemployment rates, Brazil continues to be a destination for the so-called "emergency" flows of immigrants and refugees. Finally, we discuss some cases of xenophobia and violence against migrants and refugees.
Keywords: crisis; international migration, refugee, xenophobia, Brazil.

ИЗМЕНЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В БРАЗИЛИИ: КРИЗИС И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

ВИЛЛЕН Патрисия, доктор наук (социология), исследователь, Университет Кампинас, Кампинас (Бразилия). E-mail: villenpatricia@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется влияние экономического и политического кризиса в Бразилии (2014–2018) на международные миграционные потоки. Утверждается, что несмотря на высокий уровень занятости, Бразилия по-прежнему остается страной назначения так называемых «экстремальных» потоков мигрантов и беженцев. В завершении обсуждается некоторые случаи ксенофобии и насилия в отношении мигрантов и беженцев.
Ключевые слова: кризис, международная миграция, беженцы, ксенофобия, Бразилия.

The effects of the global crisis that erupted in 2007/2008 became more intense in Brazil after 2014. Several studies have shown its impacts over Brazilian economy and society, reflecting structural – and old – problems, but also the new modalities of inequalities, that have been drastically aggravated by the economic and political crisis[1].

Due to the parallels of the current crisis with the one hatched in 1929, many analysts invoke the 1930s to make prognostics. Nevertheless, the Brazilian population at that time was predominantly rural. Therefore, people were able to count on a relative degree of independence in what concerns the basic goods and services, such as water, food and housing. Nowadays, 85% of the Brazilian population live in urban areas. Hence, in the current context this society is characterized

[1] In 2016, the President Dilma Rousseff, who had been democratically elected, was forced to leave the government by a polemical process of impeachment. Afterwards, the institutional crisis is worsening year after year in Brazil. The right-wing political parties became stronger in this context. Today, they can be considered as the most important political force in Brazil. Of course, this scenario is linked to the rise of right-wing parties in the international context, especially in the USA.

by a much greater number of Brazilians who depend completely on the income coming from a salary (formal or informal) or from a small "entrepreneurship" to have access to their basic life necessities. Actually, they are totally susceptible to the effects of a crisis, especially to the rapid rise in unemployment and decrease in the incomes[1].

Di Cunto [7] shows, from United Nations Development Programme data, that Brazil presents today (July, 2018) the second highest unemployment rate in Latin America (12.3%). It means there are almost 13 million unemployed people and 5 million who gave up looking for work. If underemployment is also considered, this rate rises to 30 million people facing a situation analogous to unemployment. For young people, the unemployment rate is even higher, 30,5% – very similar to Greece and Spain during the peak of the global crisis.

The studies about the impact of the crisis on international migration flows in Brazil are still incipient. They aim to understand how the social and economic indicators affect the inflows and outflows in the country, as well as the immigrants and refugees' insertion in the Brazilian society. Regarding this topic, one may ask the following questions: is the crisis having impacts on migration in a country where the percentage of immigrants and refugees is relatively low compared to other regions of the world? Have the South-South flows – which have gained prominence in the last decade of economic growth and a heated labor market in Brazil – been interrupted? The drastic fall of foreign direct investments in the country has impacts in the legalized immigration circuit with qualified and specialized profile? Finally, is the phenomena of discrimination, racism, xenophobia, violence against immigrants and refugees rising in the country that is revered as the "racial democracy"?

Emigration of Brazilians and non-nationals

Mass emigration is a symptom of the current crisis in Brazil that should not be neglected, since it reflects the exponential increase in unemployment, violence, lower wages and the deterioration of rights and living conditions in the country. The "logics of expulsion" [12] and the "typical brutality of the global economy", which are accentuated by the current crisis context, are fully active in Brazil nowadays. In addition to these factors, emigration also reveals the functioning of a "global market for qualified human resources" [9], which attracts people in active and qualified age who are prepared to migrate, even if they have to face the bureaucratic barriers of States and – in general – accept to migrate with a temporary regime of permanence.

The emigration phenomenon emerged strongly in Brazil in the so-called "lost decades" of the Brazilian economy (1980–1990). During this period, for the first time in a traditional immigration country, Brazil began to produce more emigrants than the immigrants it received. Nevertheless, with the outbreak of the crisis in the North countries (2007/8), followed by the rising unemployment and re-

[1] It is necessary to remind that the Welfare State in Brazil doesn't offer the proper minimum protection to this situation. Moreover, the labour rights have suffered a hard attack in the last three years.

strictive immigration policies in these region – and an economic boom in Brazil –, a parcel of these Brazilian emigrants returned to their country with the expectation of finding better working and living conditions. The country appeared as a safe home where they could invest the money saved throughout years of work in a country with a strong currency. The return was driven by the hope that things were indeed changing in Brazil and that everything was signaling for the resolution of structural problems as poverty, violence and inequalities.

Some of these Brazilian emigrants who did not return continued to form a supporting base with their networks abroad. These networks are very important in the current context in which the possibility of migrating within the legalized immigration circuit is restrict. The possibility of migrating exists especially for those with a high reserve of resources for investing in the emigrant project or for young people with a high profile of qualification or a specialization that is demanded by specific sectors of the labour market abroad.

Salles [11] explains that the USA, Canada, Japan and Mercosur countries continue to be a traditional destination for Brazilians. However, in the 21st century, there are new target countries as Portugal, Italy, Ireland, Spain and France. According to Salles, these flows have a higher rate of women and people with more years of education.

Bógus and Baeninger [3] argue that the destination countries to Brazilians are nowadays much more varied compared with those of previous decades. In 2015, this list was composed by 138 countries and the main destinations are shown in Table 1.

Table 1.

Brazilian emigration, main countries of destination

Country	Number of emigrants
USA	1,410,000
Paraguay	332,042
Japan	170,229
United Kingdom	120,000
Portugal	116,271
Spain	86,691
Germany	85,272
Switzerland	81,000
Italy	72,000
France	70,000

Source: Author's elaboration with data from [3].

The most recent data of outflows (Ministry of Foreign Affairs, 2016) show 3,105,922 Brazilians living abroad in 2015. This number is underestimated, because it doesn't count the undocumented Brazilian emigrants. Moreover, it is also important to consider the raising number of arrests for the crime of crossing US borders after 2016 [8].

Finally, one must consider the outflows of non-nationals related to the impact of unemployment in Brazil. The access to this data is more difficult. However, researches indicate that many Haitians, for example, have left the country to Chile, Argentina, USA and Canada.

The Table 2 shows the data regarding the formal labour market in Brazil. This circuit does not integrate all immigrants, since there is a large number of people working in the informal labour market or in precarious jobs. Anyway, the Table 2 highlights the high number of dismissals for foreigners in the Brazilian formal labour market.

Table 2.

Foreign workers' admission vs. dismissals in Brazil, 2016

	2016		
	Admitted	**Dismissed**	**Net**
Total	40,066	50,959	-10,893
January	4,382	3,864	518
February	3,938	4,254	-316
March	3,888	4,824	-936
April	3,259	4,443	-1,184
May	3,037	4,000	-963
June	2,974	5,050	-2,076
July	3,013	5,672	-2,659
August	3,432	5,101	-1,669
September	3,238	4,365	-1,127
October	3,347	3,238	109
November	2,993	2,881	112
December	2,565	3,267	-702

Source: [4]. Ministry of Labour, CTPS-CAGED, 2016.

As Saskia Sassen (2014) explains, the loss of work is an important cause of expulsion and the immigrants and refugees living in Brazil are also exposed to this logic.

Impact of the crisis on inflows. The estimated percentage of foreigners living in Brazil (2018) is 1.5%, a very low rate compared to other regions of the world. However, in the last decades, Brazil has been an important destination for international migrations flows coming from Latin America, Africa and Asia [1]. Thus, immigration in Brazil is not a marginal issue, involving a variety of nationalities, mainly from Global South countries. It covers as well a complexity of occupational categories and work conditions, both in public and private sectors [13].

The Table 3 highlights the different categories of inflows to Brazil from 2010–2016 which are contemplated in the official circuit. It clearly shows that most part of the inflows have a short-term regime. The undocumented circuit is not contemplated in these data.

Table 3.

Inflows and outflows of foreigners – permanent and temporary movements, Brazil 2010–2016

Classification	Total		
	Inflow	Outflow	Net
Total	9,736,307	9,557,277	179,03
Asylum	13	22	-9
Brazilian With Double Nationality	184,971	255,115	-70,144
Argentine Citizens – São Borja Agreement	83	80	3
Clandestine	12	1,539	-1,527
Deported	12,654	1,231	11,423
Requiring Foreign	288,901	301,300	-12,399
Exceptional	3,048	2,550	498
Boarder Migrants	1,506,131	1,553,186	-47,055
Unadmitted Abroad	22,187	269	21,918
Permanent	2,399,004	2,415,032	-16,028
Portuguese With Equal Rights	40,176	40,780	-604
Provisional	26,028	24,990	1,038
Refugee	1,129	2,131	-1,002
Asylum Seekers	54,633	14,008	40,625
Temporary I	99,291	85,864	13,427
Temporary II	3,912,830	3,694,999	217,831
Temporary III	55,596	53,509	2,087
Temporary IV	159,227	150,304	8,923
Temporary V	950,806	942,773	8,033
Temporary VI	5,444	5,121	323
Temporary VII	14,143	12,474	1.669

Source: [6]. Data from the Ministry of Justice, Federal Policy, International Traffic System (STI).

The impact of the crisis is evident in the decrease of inflows within the legalized immigration circuit (work visa). This circuit is usually imbricated with foreign capital investments. In addition, it responds to the demand of strategic and more internationalized sectors, as well as those with a shortage of professionals. The Table 4, below, shows this decrease:

Table 4.

Work visas, Brazil (2000 to 1st semester of 2018)

Year	Nº of migrant workers	Year	Nº of migrant workers
2000	14,741	2010	55,471
2001	15,903	2011	69,077
2002	18,062	2012	67,220
2003	17,389	2013	62,387
2004	20,315	2014	46,740

Year	Nº of migrant workers
2005	24,158
2006	25,440
2007	29,488
2008	43,993
2009	42,914

Year	Nº of migrant workers
2015	36,868
2016	30,327
2017	25,937
2018*	13,752

* 1st semester

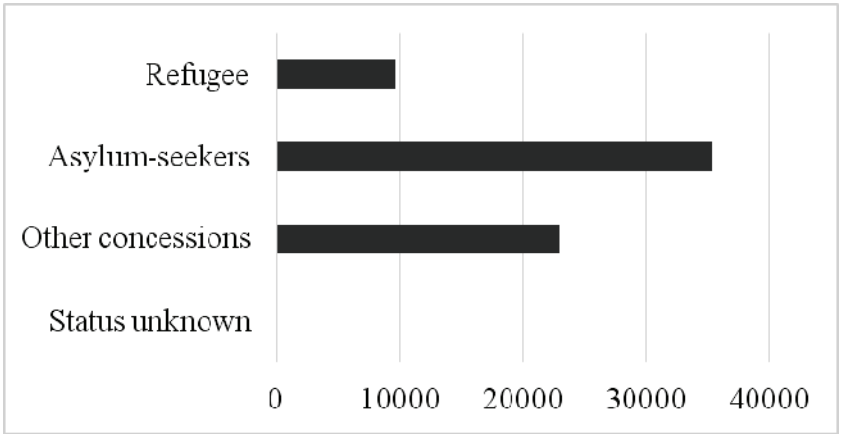
Source: Author's elaboration with data from Ministry of Labour (Statistical basis – CNIg).

The labour market crises and the decrease of foreign capital investments in Brazil help to understand this trend. However, this circuit is still actual, including mainly immigrants from Philippines, China, USA, India, Japan, Germany, Italy, among others.

The transnational companies are an important pull sector to understand these inflows. The oil national industry Petrobras used to be the most important branch of attraction in this circuit. Nevertheless, there was a shortage of investment in this sector in the last years caused by political choices and by a corruption scandalous. The Education and Health public sector also used to attract many foreign professionals. After 2014, there was also a radical shortage of investment in these branches.

It is also important to consider the immigration circuits within "emergency" (humanitarian and refugee visas) and the undocumented circuits, which includes intraregional and South-South flows. There is a continuity, or even an increase of these flows, despite the deep crisis faced by the country. The range of nationalities involved is quite varied.

The asylum seekers data for 2016 highlight that the main countries of origin are Haiti, Senegal, Venezuela, Syria, Angola, Nigeria, Cuba, Democratic Republic of Congo, Colombia, Lebanon, Pakistan, Bangladesh, among others. The Picture 1 shows the numbers of requests in 2016.

Pic. 1. Refugee population in Brazil, according to the status, 2016 [1, p. 30]

Regarding the humanitarian visa, there are many countries from the Global South, but two nationalities stand out in this emergency circuit: Haitians and Venezuelans.

Until 2015, Haitians have represented the main inflows in Brazil. According to different data, there were around 80,000 – 95,000 Haitians in Brazil in 2018. Although these flows are no longer as significant as they have been just after 2010 – when an earthquake hit Haiti –, Brazil remains a target country for Haitians.

The case of the Venezuelans [10] is perhaps the most emblematic for the understanding of the importance of these emergency flows and its tendency to increase in the future. Due to the economic and political crisis in Venezuela, from 2014 to 2018, according to [5] more than 2.3 million people left the country and the main destinations in Latin America are Colombia (870,093), Peru (354,421), Chile (105,756), Argentina (95,000), Panama (75,990) and Brazil (60,000).

The borders of northern Brazil, in the state of Roraima, which used to be mainly used by Haitians, are now the route of entry for Venezuelans. In 2018, about 56,000 Venezuelans entered the country walking through this border. As we will explain below, this nationality also witnessed the worst cases of violence and xenophobia that are related to the crisis context in Brazil.

Xenophobia and violence. Although the image of racial democracy and a welcoming country is commonly associated to Brazil, manifestations of violence, racism and xenophobia have risen after 2014, hitting immigrants and refugees, mainly non-whites from Global South countries.

The racist background of the Brazilian colonial society combined with the current factors – such as the fear of unemployment and lowering living conditions, the threat of scarcity of public services and the growth of violence caused by the increase in inequalities – can't be ignored in order to understand this situation.

There was an episode of barbaric violence against the Venezuelans in the city of Pacaraima, in the north of Brazil, State of Roraima, in August (2018). Several tents – where Venezuelans were lodged in the streets of Pacaraima – were burned. Many Venezuelans were physically assaulted. The Brazilians who took part of this violent acts justified it as a protest against the "invasion" of the city. This protest was specially provoked by a robbery with physical aggression committed by two Venezuelans against a Brazilian merchant. Part of the Brazilian population of this city with high concentration of Venezuelans, singing the national anthem, took on the task of expelling the Venezuelans from the city, and indeed provoked the expulsion of many of them.

Cases of verbal and physical aggressions against immigrants and refugees have been recurrent, especially in this region, but also in other states of the country. Several factors lead us to consider this phenomenon of xenophobia, racism and violence much larger, with an incidence also in the more qualified and higher income profile of immigrants and refugees, which have a better insertion in Brazilian society.

The case of Cuban physician is emblematic of the xenophobia and racism. Between 2013 and 2014, almost 14,000 Cuban physicians were contracted by Brazilian Government to work in the Public Health system by *Mais Médicos* Program. Although they have a qualified profile and come to work in a profession with high status in Brazil, they were the target of aggression and hate, because they come

from a "communist" country and part of then are not white. There is a political factor that may be considered (the initiative was implemented by the Workers Party – PT – with has been criticized by conservative forces), but it doesn't exclude the perception that it has been a typical case of racism and xenophobia.

Studies also reveal cases of racism and aggressions in Schools and Universities – with pronounced phrases like "you are stealing our free access to education" – against students from Global South countries, in particular when they are black.

Finally, it would be also necessary to discuss the various initiatives of immigrants and refugees to counterbalance those trends. Many studies have analyzed how immigrants and refugees act in their reality to transform it. Nowadays, the collective action of this social group assumes many forms. It includes movements and protests in defense of different causes (the right to have a visa, housing, decent work, health, education, political participation), but also collective organizations with different purposes (cultural, religious, social assistance, anti-racism). The city of São Paulo undoubtedly represents the living laboratory of these pro-immigration organizations. Of course, there are also many collective experiences revealing the solidarity between Brazilians and foreigners that may not be neglected.

Final remarks. Currently, any reflection on immigration issues in Brazil requires an initial statement about the context of deep political and economic crisis, which has direct impacts for the immigrant and the refugee living in the country. As Abdelmalek Sayad explains, immigration often expresses – even more explicitly – the contradictions of a national territory. Undoubtedly, the figure of the immigrant is very exposed to exploitation, discrimination and even manifestations of racism, violence and xenophobia. The Brazilian society's colonial background, the high unemployment rates and the rise of right-wing political power are the basis for the explanation of this hostility against foreigners.

We can affirm that the potential of production of Brazilian emigrants increases due to the current unemployment rates and the deterioration of the living conditions in the country.

Concerning the inflows, on the one hand, those with qualified and specialized profile were the ones that suffered the most important impacts of the crisis, resulting in a decrease of entries. On the other hand, "emergency" flows (humanitarian and refugee visas) have only increased in recent years, despite the context of unemployment in the country – revealing therefore that the world crisis is still in force.

REFERENCES AND SOURCES

1. Baeninger R. et al. (Orgs.), Atlas Temático Observatório das Migrações em São Paulo. Migrações internacionais. São Paulo: Unicamp/Nepo/Fapesp, 2018a.

2. Atlas Temático Observatório das Migrações em São Paulo. Migração Refugiada. São Paulo: Unicamp/Nepo/Fapesp, 2018b.

3. Bógus L.; Baeninger R. Apresentacão. In: Bógus L.; Baeninger R. A nova face da emigração internacional no Brasil. São Paulo: Educ, 2018.

4. Cavalcanti L.; Brasil, E., A movimentação dos imigrantes no mercado de trabalho no Brasil a partir do Caged. In: Cavalcanti L. et al. A inserção dos imigrantes no mercado de trabalho brasileiro. Relatório Anual 2017. Ministério do Trabalho/ Conselho Nacional de Imigração e Coordenação Geral de Imigração. Brasília: OBMigra, 2017.

5. Cotázar N. G., Onde estão esses 7% de venezuelanos forçados a fugir. El pais Brasil, 30 ag. 2018.

6. Oliveira A. T., Características da imigração regular no Brasil: um olhar através dos registros administrativos. In: Cavalcanti L. et al. A inserção dos imigrantes no mercado de trabalho brasileiro. Relatório Anual 2017. Ministério do Trabalho/ Conselho Nacional de Imigração e Coordenação Geral de Imigração. Brasília: OBMigra, 2017.

7. Di Cunto R., Na América Latina, desemprego do Brasil só é inferior a haitiano. Valor econômico, 17 set. 2018.

8. Maisonnave F., O número de brasileiros presos nas fronteiras americanas e deportados das Bahamas deu um salto desde novembro (2016), mês em que Trump foi eleito. Folha de São Paulo, 01 jan. 2017.

9. Pizarro J. M., Globalizados, pero restringidos: una visión latino-americana del mercado mundial de recursos humanos calificados. CELADE: Santiago, 2005.

10. Ruediger M. A. et al. (Org.), Desafio migratório em Roraima. Repensando a Política e Gestão da Imigração no Brasil. Rio de Janeiro: FGVDAAP, 2018.

11. Salles M. R. R. Prefácio. In: Bógus L.; Baeninger R. A nova face da emigração internacional no Brasil. São Paulo: Educ, 2018.

12. Sassen S., Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge/ Massachusetts: Harvard. 2014.

13. Villen P., (In)visíveis globais: imigração e trabalho no Brasil. São Paulo: Alameda, 2018.

MIGRATION IN THE ASEAN COUNTRIES

Thi Ngoc Quyen TRAN, Dr. of Economics, Associate Professor, Foreign Trade University, Hanoi, Vietnam. E-mail: quyenttn@ftu.edu.vn
Gia Linh VU, Student, Foreign Trade University, Hanoi, Vietnam. E-mail: gialinhvu313@gmail.com
Minh Quan VU, Student, Foreign Trade University, Hanoi, Vietnam. E-mail: quanvuminh.qa@gmail.com

Abstract. This study focuses on the systemizing the legal frameworks, and performance regarding the skill labour movements from other members in Vietnam in some sectors of education system. There could be some implications of performance in Vietnam. The law frameworks of employment Viet Nam citizens abroad are considered.
Keywords: labour movements, legal frameworks, performance, Vietnam, services, education.

МИГРАЦИЯ В СТРАНАХ АСЕАН

ТРАН Тхи Нгок Куен, доктор экономических наук, доцент Университета внешней торговли, Ханой, Вьетнам. E-mail: quyenttn@ftu.edu.vn
ВУ Гиа Линь, студент Университета внешней торговли, Ханой, Вьетнам. E-mail: gialinhvu313@gmail.com
ВУ Минь Цюань, студент Университета внешней торговли, Ханой, Вьетнам. E-mail: quanvuminh.qa@gmail.com

Аннотация. Исследование сосредоточено на систематизации правовых основ и действий в отношении движения квалифицированного труда из других государств – членов АСЕАН во Вьетнам в некоторых секторах экономики. Рассматриваются также правовые основы трудоустройства вьетнамских граждан за границей.
Ключевые слова: трудовая миграция, нормативно-правовая база, Вьетнам, услуги, образование.

1. Introduction. ASEAN Economic Community is one of the three pillars in the development of ASEAN countries. Internal labor migration is an important element in regional connectivity. ASEAN has recognized definitely as the importance of job creation, developing the quality of the workforce, and providing social security to the workers. Promoting positive labor mobility will bring to the nations manifold benefits. However, migrants in ASEAN are experiencing a lack of access to regular forms of migration and safe migration channels; high costs and illegal migration fees; problems with recruitment agencies and agents... As the number of migrant workers increases annually, so does the probability of workers experiencing such inhumane actions. Therefore, the policies and framework between ASEAN members are necessary to control and promote the flow of labour movement. Over many years, ASEAN Member States have worked together to strengthen the management of migration and to protect the legitimate rights and interests of migrants. There are many frameworks and forums to provide opportu-

nities and promote the promulgation of better policies on coordination and relationship to increase protection for migrants. These are mentioned in the ASEAN Declaration on the Protection of the Rights of Migrant Workers, the ASEAN Forum on Migrant Workers, annual meetings of government representatives, organizations of employees and organizations of employers, representatives of civil society organizations. In addition, cooperation in the management of migration has also been strengthened, through the ASEAN Integration Initiative. In this paper, the authors aim to systemize the gap of study and analyze the performance in Vietnam relating to labour movement, and give some implications.

2. **Literature review.** From the best of authors knowledge, in Viet Nam has a lot of researches focusing on labour movement. Almost the studies from 2013 to date had examized labour movement and commitment agreement regarding to ASEAN labour market. Viet Nam is in the process of implementing specific commitments in AEC. In fact, the effective integration policy could increase domestic labor productivity through the migration of skilled workers, but it is important to take into account the potential outcomes that a large number of skilled workers will leave the country to seek higher-paying jobs through commitments such as MRA. The study indicated that in the current flow of movement, about 500,000 citizens are working abroad, and these figure has increasing by several hundred thousands people annually [5]. However, there are no report that analyze the frameworks and regulations in Vietnam and compare the policies among the nations.

In ASEAN, labour movement in region "businessman, skilled labor, and talent workers" could be seen as the core competence in integration, and the relative issue of AEC.

Besides, with a view to the performance of the commitments due to AEC framework, and the trend of competitiveness in integration based on the skilled labour, the labor movement in the specific scope, and scale could be seen in many papers in ASEAN. With the approach of sociology, another study examined the sexual equality in labour movement in ASEAN focusing on knowledge, attitudes, skills in this process [6].

Furthermore, some studies had involved in free movement in AEC from macro perspectives. The authors systemized overall reality in skilled labour market in Vietnam, period 2012–2016, as well evaluated the supply capacity, institution, and policies [1]. This process had been accordance with the some significant policies enhancing the commitment performance committments of Vietnam. Viet Nam is in the process of implementing specific commitments in AEC. In fact, the effective integration policy could increase domestic labor productivity through the migration of skilled workers, but it is important to take into account the potential outcomes that a large number of skilled workers will leave the country to seek higher-paying jobs through commitments such as MRA. The study indicated that in the current flow of movement, about 500,000 citizens are working abroad, and these figure has increasing by several hundred thousands people annually [5].

However, there are no report that analyze the frameworks and regulations in Vietnam and compare the policies among the nations. Thus, there is the significant gap between the previous sthudies concerning the Vietnam's controll of govern-

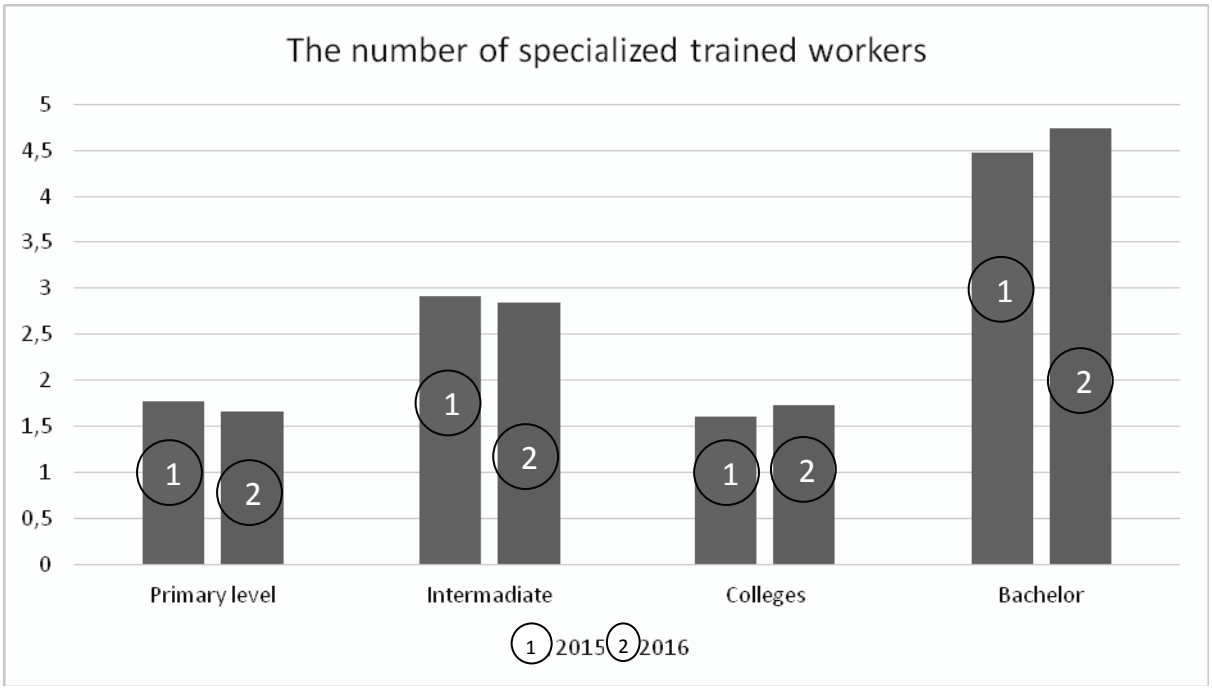
ment. With the establishment of the ASEAN Economic Community (AEC) at the end of 2015, ASEAN achieved a significant milestone in the region's growing political, economic and cultural integration. Provisions for skilled labor movement within ASEAN principally involves in Mutual Recognition Agreement (MBAs), which allow for developing the worker's skills, experience and performances of the government. The paper will illustrate the case in term of the differences between frameworks, policies, regarding to skilled labor movement among the nations in AEC and analyze the government's performance in Vietnam.

3. Methodology. Some studies focused on the "micro-approach" related to labor mobility in ASEAN in one, or several field groups, or a specific target population with different approaches. This study focuses on analyzing labor movement in the education in the context of enhancing the skilled management in this sector. Other study related to commitment and labor mobility in the service sector under the AEC with analysis in some ASEAN member states [10]. In Vietnam another author has a rather in-depth assessment of this group of workers related to knowledge, skills, attitudes, and capacities expressed in the process of labor migration [6].

In addition, recent studies have strongly influenced the macro approach; aggregate mobility in skilled labor or free movement of labor in AEC. In particular, the authors analyzed the labor market realities of Vietnam in 2012–2016, the current situation of labor movement in Vietnam with influencing factors such as labor needs of countries in ASEAN, the ability to provide the status of Vietnam and institutional policies of Vietnam. On the basis, focusing on solution for the transfer of skilled labor in Vietnam.

4. New Findings. At present, ASEAN members are actively accelerating efforts in the process of deepening economic integration in the region through commitments. On labor mobility and competition at the AEC, there will be a commitment to accept skilled labor's certification among member countries, particularly in the sectors of accounting, architecture, dentistry, physicians, nursing, engineers, logistics and travel. With commitments to liberalize certain areas under ASEAN framework Agreement on Services (AFAS), countries have assessed the important role of the service sector. The demand for high quality human resources requires labor skills, professional skills, proficiency in foreign languages, especially English. For professional qualifications, the labor requires a vocational certificate, or an accepted qualification in the context of these countries. Therefore, skilled workers in each ASEAN country's domestic businesses will have the opportunity to move other members to work and vice versa.

The labour movement in education is required the certificate in specific sectors. First and foremost, Foreign language certificates, especially English is almost obliged for labour. The kind and level of certificate depends on requirement in each countries. Secondly, the professional and vocational certificates which express the level of knowledge is required in certain countries and in certain jobs. Thirdly, skills are important requests when the labour move abroad to work or study. Fourthly, attitude is required in certain countries because they respect the labour of behavior to their education. Fifthly, health is highly considered to accept the labour because the government want to protect the labour and ensure their health. The other requirements are also demanded for labour movement.

Pic. 1. The Number of special Vietnamese trained workers in 2015–2016, milion people [4]

Table 1.

A summary of regulations related to labor movement in Vietnam

Scope	Foreigners working in Vietnam	Vietnamese citizens working abroad
Regulations	- Expulsion of labour is for workers who are foreign citizens working in Vietnam without work permits - Having full civil act capacity as prescribed by law - Have health in accordance with work requirements. - Be managers, executives, specialists, or technical workers. - Not being a criminal offender or being prosecuted for criminal liability in accordance with the laws of Vietnam and foreign law. - To be approved in writing by competent state agencies on the employment of foreign labours	- The policy of the State is to create favorable conditions for Vietnamese citizens to fully meet the conditions for working abroad and to protect their legal rights and benefits. The government also encourages and creates favorable conditions and protects the legal rights and benefits of enterprises and organizations which send labour to work abroad.

Source: Author's collection, government decree

A summary of regulations related to Vietnamese labor movement in education:

- Visa exemption for Vietnamese people when studying or working in ASEAN countries: Thailand, Laos, Cambodia, Malaysia, Indonesia with a stay of not more than 30 days and The Philippines, Myanmar, Brunei Darussalam less than 14 days.
- Requirements for language certificates are almost obliged: IELTS, TOEIC, TOEFL...in English-spoken countries, N in Japan, TOPIK in Korean, HSK in China,...
- Requires professional certificates for specific sectors such as: ACCA for Audit, FRM, CFA for finance and bank, MOS for computer skills, and many certificates for dentists, doctor, lawyers, so on.

In general, in spite of the fact that ASEAN members implemented the commitments, the labour movement still developed slowly because of strictly requirements. Therefore, Viet Nam still does not attract high quality labour from abroad because of salary. The average income of a Vietnamese worker working under intra-ASEAN contracts is about 300–400 USD per month with a 2–3 year contract, much higher than their income before leaving the country export. Laborers who are working in the age group of 20–34 years are more effective than order age groups. Workers working in the ASEAN region can offset labor migration costs by approximately 1.5 years. Therefore, with labor contracts of 2 years or more, there will be an amount of remittances sent to the country. Average accumulated labor brought to Malaysia about 51 million person. In the process of working abroad, most (96,07%) of the employees regularly transfer money (every 2–3 months) to their home to meet the family's urgent needs or to invest or deposited savings. Internal rate of return in Malaysia (IRR=34.07%) is much higher than bank interest rate. Thus, it can be seen that although the indicators of economic efficiency of the intra-family labor export are not high, they have improved the living standards for themselves and their families.

Labor productivity of Vietnam is still low. According to the International Labor Organization (ILO), labor productivity in Vietnam is 15 times lower than in Singapore, equal to one fifth of labor productivity in Thailand and Malaysia. That is not to mention the labor productivity of Japan, Korea, Australia, India and New Zealand, which have important agreements with ASEAN and the possibility of expanding the labor market to these countries are inevitable. This is a factor that reduces the attractiveness of Vietnamese workers to foreign employers, even to the extent that employers increase the rigidity of the requirements for Vietnamese workers.

The preparation of knowledge, skills and attitudes as well as psychological status to be ready to move work in ASEAN countries is not high. For example, only in terms of foreign language training in Vietnam, especially in big cities, very few Vietnamese students learn Thai, Lao, Cambodian or other ASEAN languages. Therefore, the ability to adapt to the new work environment is difficult. In addition, the issue of labor discipline, the sense of law observance as well as the intensity of labor should also be properly analyzed and identified for corrective action.

AEC will take Vietnam many benefits. Firstly, fulfilling the commitments of AEC, this is a favourable condition to create jobs skilled workers in ASEAN. Secondly, unskilled labor will not be freely transferable, so the rules on free movement of skilled labor among ASEAN countries create a narrow segment of the labor market and are readily available. Substantial filtering for migrant workers could be excellent. Thirdly, the benefits of countries from this move will increase dramatically because of their competitive labor skills, the ability to improve their productivity ad significantly improve the quality of their work, reduce the cost of skilled labor. Fourthly, create pressure for member countries to improve their institutions and adjust their policies and regulations as well as other laws firstly, in line with ASEAN's labor regulations. Fifthly, tariff and non-tariff barriers will be reduced which will have implications for intra-regional trade and investment. Finally, the birth of the AEC will foster innovation in education and training.

AEC – Community level is not high. There are many levels of economic linkages (between countries or group of countries, CLMV, ASEAN -6), from the level of cooperation project to partial or complete opening of economic activities in a given group of countries. The highest level of alignment is the formation of a block or sector of several member states, including a system of legal rules, or a real legal system, along with the Establishment of mandates with legal power actually governs economic exchanges within the bloc. The highest degree of alignment (of a block) is supposed to have the same currency, so there must be a common central bank. The AEC is primarily a co-operation between governments in ASEAN is opening up and greater liberalization of intra – ASEAN trade, investment and labor migration. Rules, mechanisms for joint operation, unification, in particular, have not yet been established to be legally responsible for operating these rules and mechanisms. Nor has there been a common economic court to deal with conflicts in the exchange of economic activities. And it is far from being able to move towards a common currency and a central bank for the whole. Actual economic linkages also show this. Intra – ASEAN trade in the past decade also accounted for only 24% of the total trade volume of the bloc, well below the EU's 60%. Politically sensitive areas such as agricultural, automobile and steel protection have not yet been addressed.

Foreign direct investment (FDI) in intra-ASEAN trade in 2014 was only modest at 17,9% of the total FDI of $ 136 billion from its members. The remaining 82.1% of FRI flow from ASEAN goes outside. In particular, in 2014, Vietnam's FDI inflows were only USD 1.5 billion, compared with USD 7.6 billion invested outside the block. Although the process of setting up the AEC is eight years, many businesses in the bloc have not yet felt the impact of forming an AEC for them. Malaysia has surveyed 1,000 small and medium enterprises, 60% of them have no knowledge of AEC.

Another evidence suggest that the low degree of alignment of the AEC is the formation of a customs union, or customs unity. The customs union must agree on customs standards and procedures among its members. This is considered to be a very important condition in the liberalization of intra-regional trade for any eco-

nomic linkage. And this should have been completed before the official launch of the AEC. Thus, the delay following the formation declaration of the AEC suggests that this declaration of AEC formation is more symbolic.

5. Implication regarding to commitment performance in Vietnam. The preparation of Vietnamese forces for the movement of 8 occupational groups is not active (both in terms of organization and human resource preparation) which will affect the mobility of workers. Vietnamese enterprises seem not to be ready for this change. There is a lack of coordination among the ministries and relevant agencies in Vietnam, from the organization of the forces to the participation in negotiation and signing. Thus it affects the mobility of Vietnamese labor in the AEC labor market. The requirements of the local and regional labor market require workers to meet professional standards, but the vocational skills standards system is under construction and only initially towards regional and world standards. This affects the mobility of workers when there is no compatibility of professional skills standards between Vietnam and other countries in the region. The labour movement in AEC has brought positive impacts to the ASEAN community, effective labor shift, improvement of labor quality and creation of large labor supply for many countries. However, the flow of labour also brings implicit threats to Vietnam. The frameworks and policies need to be more completed and suitable for the movement. Good policies will gain an enormous amount of benefits. The quality of labour will be improved and the unemployment rate will decrease considerably through the labour movement. Besides, the labour movement have a contribution to the foreign currency which is from the human resources working abroad. Moreover, the movement promote the development of technology in sectors, especially in service because the labour apply and expand the technique which they learned during working abroad in the developed countries.

In conclusion, the performance of government need to be more effective to attract high-quality human resources and prevent “brain drain” phenomenon.In this integration period, Vietnam takes advantages of the benefits derived from labor migration by developing comprehensive policies. Education could be the clear case for performing of universities in accordance to legal requirement, policies. In the next paper, this is the limitation that the author should examize.

REFERENCES AND SOURCES

1. Ha Thi Minh Duc, Movement of Vietnamese skilled labor in ASEAN, PhD dissertation, Institute of Social Sciences, Vietnam Academy of Social Sciences
2. Law on Vietnamese Oversea Workers 2017. Electronic resource. Access mode: http://www.molisa.gov.vn/en/Pages/Detail-news.aspx?IDNews=2815
3. Mita Adhisti. Free Movement of Skilled Labor Within the Asean Economic Community, 2018. Electronic resource. Access mode: https://www.researchgate.net/ publication/323871214_Free_Movement_of_Skilled_Labor_Within_the_Asean_Economic_ Community
4. Ministry of Labor and Invadids of Socialist Republic of Vietnam. Electronic resource. Access mode: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_ Data_Reports/VN_Migration_Profile_2016.pdf

5. Nguyen Khang. Ensure welfare policies for migrant workers, January 1, 2018.
6. Nguyen Thi Bich Thuy. Rather assessment of AEC related to knowledge, skils, attituded, and capacities expressed in the process of labor migration, 2017. Electronic resource. Access mode: https://vnu.edu.vn/ttsk/?C2099/N18760/Thong-tin-LATS-cua-NCS-Nguyen-Thi-Bich-thuy.htm
7. Nguyen Van Ha, Realization of the ASEAN Economic Community and impact on Vietnam, Social Science Publishing House, 2013
8. Nguyen Huy Hoang, Evaluation of the implementation of commitments to build the ASEAN community, the Encyclopedia of Encyclopedias, 2013.
9. Rene E. Ofreneo. Labor mobility in Asean: free of unfree? Rene E. Ofreneo, June 21, 2017. Electronic resource. Access mode: https://businessmirror.com.ph/labor-mobility-in-asean-free-or-unfree/
10. Tran Thi Ngoc Quyen. Commitment and labor mobility in service sector under the AEC with analysis in some ASEAN Member States, 2017.
11. Vu Quang Tho. Free labor movement might hurt many Vietnamese workers, 2017.
12. Vietnam Lawyers Association. Migrant worker: Questions and Answers, May 2018/ Electronic resource. Access mode: http://www.cantholib.org.vn:82/EBOOK.aspx?p=27B9E975353796A6E64627B93B65654746C6B65637B91B857557
13. World Bank, 2014, Vietnam Development Report 2014: Skills for Vietnam, Preparation of human resources for a modern market economy. Electronic resource. Access mode: http://documents.worldbank.org/curated/en/610301468176937722/Main-report
14. Chia Siow Yue, Singapore, 2009. Electronic resource. Access mode: https://bookshop.iseas.edu.sg/publication/405

МИГРАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

АЗИМОВ Абдумавлон Джалилович, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории, Институт экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции, Худжанд (Таджикистан). E-mail: mavlon_1954@mail.ru

ЛАТИФЗОДА Олими Рауф, кандидат экономических наук, доцент, директор Институт экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции, Худжанд (Таджикистан)

АЗИМОВ Абдуманнон Абдумавлонович, магистр, Институт экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции, Худжанд (Таджикистан). E-mail: mannon_1995@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции и правовые основания миграционных процессов в Республике Таджикистан с учетом текущей социально-экономической ситуации и практики регулирования миграции в условиях инновационного развития экономики.

Ключевые слова: демография, прирост населения, миграция, право, трудовая и учебная миграция, международная миграция, внутренняя миграция, рынок труда.

MIGRATION AND LEGAL PROCESSES IN THE INNOVATIVE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Abdumavlon J. AZIMOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Institute of Economics and Trade, Tajik State University of Commerce, Khujand (Tajikistan). E-mail: mavlon_1954@mail.ru

Olimi Rauf LATIFZODA, PhD (Economics), Associate Professor, Director of the Institute of Economics and Trade, Tajik State University of Commerce, Khujand (Tajikistan)

Abdumannon A. AZIMOV, master student, Institute of Economics and Trade, Tajik State University of Commerce, Khujand (Tajikistan). E-mail: mannon_1995@mail.ru

Abstract. The article discusses the main migration and legal processes of the the population, taking into account the current socio – economic situation and the regulation of migration and demographic processes in the innovative conditions of the Republic of Tajikistan.

Keywords: demography, increase of the population, migration, legal, labor and education migration, international migration, internal migration, labour market.

В современных условиях глобализации и экономической интеграции, неравномерного развития отдельных регионов и государств, а также диспропорции в соотношении занимаемой территории, численности населения и уровня развития экономики, нехватки или нерационального использования рабочей силы, старения населения и возникновения иных демографических

проблем, многие государства мира для решения проблем производства привлекают трудовых мигрантов.

В условиях инновационных рыночных отношений особо актуальной стала необходимость изучения особенностей правого и миграционного поведения различных этнических, профессиональных, образовательных, возрастных групп населения Республики Таджикистан. Одной из важнейших национальных задач является определение социальных, экономических, политических последствий, количественная оценка положительного и отрицательного эффектов миграции и разработка эффективной миграционной политики, учитывающей интересы Республики Таджикистан.

Для решения этих задач, на наш взгляд, следут реализовать следующие подходы:

- разработать методологические подходы к определению социально-экономических последствий миграции из стран-доноров в страны-реципиенты;
- дать оценку современного состояния миграционных процессов в Республике Таджикистан, определить характер воздействия на них социальных, экономических, демографических и этнических факторов в инновационной экономике;
- установить специфические черты миграционного поведения различных этнических, возрастных, профессиональных, образовательных групп населения, обусловленные особенностями восприятия новых социально-экономических реалий;
- выявить, с одной стороны, влияние внутренних и внешних миграционных процессов на социально-экономическое развитие Республики Таджикистана, а, с другой, социально-экономические последствия миграционных потоков из Республики Таджикистан;
- разработать подходы к государственному регулированию миграционных процессов в Республике Таджикистан в современных трансформационных условиях.

В этом плане теоретико-методологическую основу изучения проблемы должны составлять подходы, идеи в исследованиях отечественных и зарубежных ученых-специалистов в области демографии, экономики и социологии труда, миграции и воспроизводства населения, демографической и миграционной политики, а также общенаучные методы, как, факторный и сравнительный анализ, экономико-статистический, социологический (опрос, интервью) методы.

Для регулирования трудовой миграции правовые институты разделяют на две группы:

1) международные правовые институты;
2) национальные правовые институты.

К международным правовым институтам относятся международные правовые акты (конвенции, рекомендации, декларации, соглашения и другие), регулирующие вопросы миграции, ратифицированные или подписанные Республикой Таджикистан. В Таджикистане ратифицированы все соответствующие акты ООН, МОТ, принято 4 закона и 3 указа Президента

Республики Таджикистан, более 10 постановлений и распоряжений Правительства Республики Таджикистан, более 20 инструкций и приказов центральных республиканских органов управления, в том числе ратифицированы Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г. [14], Международная Конвенция ООН «О защите прав всех трудящихся – мигрантов и членов их семей» от 18 декабря 1990 г. [6]; Конвенция МОТ «О злоупотреблениях в области миграции и обеспечении работникам – мигрантам равенства возможности и обращения» №143 [5].

К национальным правовым институтам можно отнести законы Республики Таджикистан от 20 июля 1994 г. «О вынужденных мигрантах» [4], который с принятием закона «О миграции» в 1999 [2] г. был отменен, «О порядке лицензирования деятельности, связанной с трудоустройством граждан Республики Таджикистан за границей и привлечением иностранных граждан в Республику Таджикистан» указ Президента Республики Таджикистан от 22 июня 2001 года №608 [10], «О лицензировании отдельных видов деятельности в Республике Таджикистан» от 17 мая 2004 г., №37 [3], Указ Президента Республики Таджикистан от 2 апреля 2001 г., №544 «Об усилении борьбы с незаконной миграцией в Республике Таджикистан» [9], а также Постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 ноября 2001 года, №493 «Об утверждении Положения о механизме осуществления иммиграционного контроля» [11].

В соответствии со статей 2 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г. [14] «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей декларацией, без какого бы то ни было различия…». Кроме того, «не должны проводиться никакие различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит…». Данный нормативный акт декларирует совокупность прав, которые являются основанием для процесса трудоустройства человека вне границ государства – проживания, в том числе:

- право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства (ч.1 ст. 13 Всеобщей декларации прав человека);
- право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну (ч.2 ст. 13 Всеобщей декларации прав человека);
- право на социальное обеспечение, на осуществление необходимых условий для поддержания достоинства и свободного развития личности;
- право на труд, на свободный выбор работы, на благоприятные условия труда;
- право на равную оплату за равный труд;
- право на отдых и досуг;
- право на определенный жизненный уровень.

Современную международную миграцию рабочей силы обусловливают главным образом экономические факторы, а также различия в воспроизводстве населения и темпах формирования трудовых ресурсов между странами. Главным партнером в миграционном процессе для Республик Центральной Азии, в том числе Республики Таджикистан, является Россия, а в последние годы под влиянием социально-экономических, демографических, национальных факторов растет миграция в Казахстан. Трудовая миграция населения имеет большое значение как для посылающих, так и для принимающих стран. Одним из вопросов социальной политики государства является урегулирование вопросов трудовой миграции.

За 2017 г. из Республики Таджикистан выехало 487757 трудовых мигрантов, что на 6 % меньше, чем в предыдущем году. За этот период общее число вернувшихся трудовых мигрантов в страну составило 412660 человек, что на 24314 человек меньше аналогичного показателя 2016 г. [15]. Вопросы трудовой миграции постоянно обсуждаются на заседаниях таджикско-российской Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. В частности, вопросы, связанные с трудовой миграцией были рассмотрены в ходе проведения очередного 12-го заседания совместной Рабочей группы Таджикистана и России (24–25 апреля 2017 г.) по реализации Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации по сотрудничеству в области миграции и заседания Совета руководителей миграционных служб государств-членов СНГ в г. Душанбе (23–24 мая 2017 г.). В 2017 г. группой двусторонних экспертов Таджикистана и России были рассмотрены заявление и другие документы 5 категорий граждан Республики Таджикистан, въезд которым в Российскую Федерацию закрыт. В результате за этот период 313 гражданам Республики Таджикистан выдано разрешение на повторный въезд в РФ. По официальной статистике, за 2017 г. в Управление миграционной службы при Министерстве труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан обратилось свыше 97 тыс. граждан с просьбой касательно вопросов миграции. В Республики Таджикистан на различных уровнях с целью проведения информационно-разъяснительных работ среди трудовых мигрантов структурами Службы миграции на местах и ГП «Консультативные центры и подготовка трудовых мигрантов» в городах и районах, джамоатах, населенных пунктах, международных аэропортах и образовательных учреждениях часто организуются встречи с населением.

«Миграционный коридор», сложившийся между странами Центральной Азии и Российской Федерацией является одним из самых крупных и устойчивых в Евразии и мире. Основным миграционным потоком в этом «коридоре» является трудовая миграция. По оценкам российских исследователей, в ней участвует от 2,7 до 4,2 млн человек или от 10% до 16% экономически активного населения Центральной Азии. Это не только значительные масштабы миграции, но и серьезные политические, социально-экономические и демографические последствия для посылающих и принимающих стран. Например, объем денежных переводов в страны Центральной Азии только из Российской Федерации в 2013 г. достиг 13,5 млрд долл. США. По данным Всемирного

банка, Таджикистан и Кыргызстан заняли первое и второе место в мировом рейтинге стран по доле денежных переводов в ВНП с показателями, соответственно, 52 % и 31 %. По данным ФМС России, на протяжении 2001–2011 гг. более 1,6 млн человек из стран Центральной Азии получили российское гражданство. Многие из них, будучи трудовыми, возвратными и учебными мигрантами, беженцами существенно пополнили демографический и трудовой потенциал России. Также трудовая миграция стала реальной формой экономической и политической интеграции стран на постсоветском пространстве, способствовав образованию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включившего Российскую Федерацию, Республику Казахстан, Республику Беларусь, Республику Армения, Кыргызскую Республику. Потенциально в группировку может войти и Республика Таджикистан [12, с 26].

Во многих развитых странах мира, и в том числе в Таджикистане, исходя из практической значимости изменения численности населения и его структуры, делаются попытки планировать демографические процессы.

Успех такого планирования зависит от ряда факторов:

– точности анализа причин изменения численности населении, качества и своевременности переписей,
– использования математических методов в моделировании поведения населения,
– учета биологических, культурных, социальных и экономических факторов, влияющих на его динамику.

В современных условиях инновационной и электронной экономики выявлены и проявляются несколько закономерностей в изменении демографического развития, динамики роста населения и его структуры в Республики Таджикистан и других регионах, с которыми необходимо считаться при разработке и применении экономической стратегии в стране.

Во-первых, по мере повышения социально-экономического уровня развития в многих развитых странах отмечается замедление темпов естественного прироста населения. Это замедление связано со множеством факторов: переоценкой ценностей, связанных с ростом доходов, повышением культурного уровня населения, улучшением здравоохранения, сознательным регулированием рождения детей в семье, увеличением занятости женщин и повышением их образовательного уровня.

Во-вторых, значительно снизились темпы рождаемости и естественный прирост населения в развивающихся странах. Это было связано с тем, что в этих странах стали реализовывать планирование семьи как составную часть национальной социально-экономической политики. Контроль над рождаемостью в ряде стран стал рассматриваться как часть политики, направленной на улучшение здравоохранения, социального обеспечения и образования.

В-третьих, снижение рождаемости и естественного прироста населения, как следствие, привело к нарастанию процесса старения населения, а это привело к тому, что экономически активное население становится все более пожилым, что ведет к снижению темпов экономической активности на-

селения в целом и, возможно, к снижению экономического роста и эффективности производства.

Социальная функция миграции населения определяется уровнем экономического развития страны и проводимой политикой государства. Иначе добровольная миграция была бы бессмысленной.

Миграционные процессы осуществляются под воздействием определенных факторов. В демографической науке до сих пор отсутствует единое понимание термина «фактор миграции». Крупный российский ученый демограф Л.Л. Рыбаковский определил фактор миграции одновременно как движущую силу и причину [13, с 58]. Миграционные процессы по своей сути являются социальными, и при изучении миграционных процессов, рассмотрение причины логически следует за анализом миграционного поведения населения.

Объективные факторы миграционного поведения подразделяются на три основных типа:

1) Неуправляемые (постоянно действующие) факторы. Сюда относятся: географическое положение местности; природно-климатические условия;

2) «Временные» (косвенного воздействия): освоение территории; половой состав населения; приживаемость мигрантов;

3) Факторы текущего регулирования: занятость и наличие рабочих мест; уровень доходов; миграционная политика; кадровая политика; национальная политика.

Известный социолог член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев [12, с.88] считает необходимым подразделить факторы миграции по происхождению, то есть более подробно выделить составные части – параметры, которые дают каждому фактору миграции конкретные оценки.

С.В. Рязанцев более детализированно дает факторы миграции. Классификация факторов миграции по С.В. Рязанцеву выглядит следующим образом: эколого-географические, этнические, военно-политические, экономические, социальные, демографико-психологические.

Между официальными данными и реальными масштабами трудовой миграции в России существует значительный разрыв. Большинство экспертов оценивают реальную численность трудовых мигрантов на порядок выше.

Можно предполагать, что в большинстве своем это именно временные трудовые мигранты. Например, даже если предполагать, что один человек мог приезжать в Россию или в другие странаны в среднем 2 или 3 раза, число пересечений границы составляет несколько миллион человек. Некоторая часть из них переходит в группу недокументированных мигрантов. Часть остается на несколько лет, работая на стройках, дачах, предприятиях. Имеет место некоторый «накопительный итог», т.к. многие мигранты не имеют официально зарегистрированных документов в этих странах на протяжении 3–5 лет. В этом контексте примерная численность нелегальных (недокументированных) мигрантов в России может составлять от 5 до 10 млн. человек (оценки Центра миграционных исследований, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института социально-политических исследований РАН, Института социально-экономических проблем народонаселения РАН).

Эти оценки основаны на примерных расчетах, социологических опросах экспертных интервью, наблюдениях.

Исследования проведенных в этих научно-исследовательских центрах России показывают, что значительная часть трудовых мигрантов – нелегальные (недокументированные). Есть три вида недокументированных мигрантов в России:

- незаконный въезд в Россию, или нелегальное пересечение границы (происходит главным образом на российско-казахстанской границе-граждане стран Южной Азии, Китая, Центральной Азии);
- законный въезд в Россию, но отсутствие регистрации по месту пребывания или фальшивая регистрация (главным образом граждане стран СНГ);
- законный въезд, наличие официальной регистрации, но отсутствует разрешение на работу (главным образом граждане стран СНГ).

Международные и отечественные эксперты считают, что постоянная или сезонная трудовая миграция стала важнейшим источником получения доходов таджикской экономики и многих семей Таджикистана, которая позволяет снизить накал социального недовольства и уменьшить избыток рабочей силы.

Данные статистики Международной организации по миграции (МОМ) показывают, что среди стран СНГ граждане Республики Таджикистан, после Украины, занимают второе место среди трудовых мигрантов.

Международными экспертами утверждено, что граждан Таджикистана являющимся мигрантами, большинство из них – это молодые люди, не имеющие специальности и навыков. Многие выполняют низкооплачиваемые и опасные работы в частных предприятиях, в основном это те, кто не имеет разрешения на работу.

Официальные данные свидетельствуют о том, что за последние десять лет увеличилось количество женщин – мигрантов из Республики, только в 2017 г. их количество превысило 72 тысяч.

Согласно проведенному нами исследованию (анкетирование в г. Душанбе, Хатлонской, Согдийской областей и РРП), женщины составляют до 20 % всех мигрантов. Присылаемые мигрантами денежные средства позволяют их семьям повысить уровень жизни, купить необходимые продукты питания, одежду и оплаить учебу для детей.

Постепенное наращивание интеграционных процессов на мировом рынке труда, в том числе между Таджикистаном и Россией в условиях инновационной экономике, связано с появлением новых форм, способов и механизмов глобализации трудовых и правовых отношений, вовлечения в их орбиту новых национальных экономик и отдельных отраслей народного хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Азимов А. Дж. Трансформация миграционного поведения и процессов в трудоизбыточной стране. Душанбе, «Ирфон», 2014. 316 с.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе – 1998. – № 12. – С. 320.
3. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе – 2004. – № 5. – С. 348.
4. Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. Душанбе, – 1994. № 15–16. – С. 245.
5. Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией Труда. Женева, 1996. – Т. 2. – 1957–1990.мС. 1779 – 1786.
6. Международное публичное право: Сборник документов – Москва, 1996. – Т. 1 – С. 492–512.
7. Письменная Е.Е., Азимов А. Дж., Акрамов Ш.Ю., Азимова З.А. «Эволюция миграционного поведения населения и социально-экономические последствия эмиграции из Таджикистана» / В сб.: Миграционные мосты в Евразии. Материалы IX международного научно – практического Форума «Модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта». Москва, Экон-Информ, 2017. С. 96–101.
8. Послание Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистана Эмомали Рахмона в Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 22.12.2017г.
9. Решения Президента и Правительства Республики Таджикистан. Душанбе – 2001, апрель – № 544.
10. Решения Президента и Правительства Республики Таджикистан. Душанбе – 2001, июнь.
11. Решения Президента и Правительства Республики Таджикистан. Душанбе – 2001, ноябрь – № 493.
12. Рязанцев С.В. Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия. Москва 2016 г. 28 стр.
13. Рыбаковский Л.Л. Демография (статьи XXI века). Москва, 2009. 245 с.
14. Сборник международных актов по правам человека. – Душанбе, 2001. – С 45–49.
15. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2017. С. 25–37.

US IMMIGRATION POLICIES AND 'BOLASHAK' SCHOLARSHIP AS SHAPING FORCES OF INTERNATIONAL STUDENT MIGRATION FROM KAZAKHSTAN TO THE US

Gaukhar M. BALTABAEVA, Master's student at MA in Eurasian Studies program, School of Humanities and Social Sciences, Nazarbayev University, Astana (Kazakhstan). E-mail: gaukhar.baltabayeva@nu.edu.kz

Abstract. The following paper aims to establish whether (and how) the US immigration policies and Kazakhstan's 'Bolashak' state sponsorship program facilitate and/or restrict student migration from Kazakhstan to the US. The results drawn from the analysis and some findings obtained during summer fieldwork demonstrate that both US immigration policies and the conditionality of 'Bolashak' program have the potential to facilitate student migration, even though they are not intended to and, on the contrary, restrict migration of students.
Keywords: US immigration policies, Bolashak, international student migration, Kazakhstan, the US.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США И СТИПЕНДИЯ «БОЛАШАК» КАК ФОРМИРУЮЩИЕ СИЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КАЗАХСТАНА В США

БАЛТАБАЕВА Гаухар Муратовна, магистр магистерской программы Евразийских исследований, Школа гуманитарных и социальных наук, Назарбаев Университет, Астана (Казахстан). E-mail: gaukhar.baltabayeva@nu.edu.kz

Аннотация. Данная работа направлена на установление того, как (и каким образом) иммиграционная политика США и государственная спонсорская программа Казахстана «Болашак» облегчают и/или ограничивают студенческую миграцию из Казахстана в США. Результаты анализа и некоторые результаты, полученные в ходе летних полевых работ, показывают, что, и иммиграционная политика США, и условия программы «Болашак» могут способствовать миграции студентов, хотя они для этого не предназначены, а, напротив, ограничивают миграцию студентов.
Ключевые слова: иммиграционная политика США, Болашак, международная студенческая миграция, Казахстан, США.

Introduction. International student migration, which can be viewed as a part of the highly-skilled migration, is shaped along the immigration policies of receiving and sending states. Studying the international student migration from Kazakhstan to the US, I aim to define whether the US immigration policies restrict or facilitate student migration to the country. Also, as the most important engagement of Kazakhstan country in international education is carried out through the state's educational sponsorship program 'Bolashak' (translated as future), it is es-

sential to study the program's conditionality to reveal whether (and how) it affects international student migration from the country.

Some immigration policies appear to function quite discriminatory by allocating more rights and protection to highly-skilled as compared to low-skilled migrants [11]. Today, many developed countries are interested in skilled migrants and, as international students represent a pool of potential highly-skilled workers, they design their immigration policies to enable student – migrant transitions. The rationale for keeping international students as highly-skilled migrants include maintaining the number of working-age adults, balancing with workforce maldistribution, and enhancing sectors of medicine, pharmaceutics, science, and technology with young talents [6, 7, 14, 19]. Thus, it is relevant to suggest that "the nation-states address and cope with skill challenges in a strategic and political way" [12; 11].

US Immigration Policies. Since the prospect of subsequent immigration often plays a major motivating role in young people's decisions to move abroad for studies, higher educational institutions have a bigger advantage for attracting international students in the countries with explicit 'international student – permanent resident' pathways based on points system immigration frameworks (Australia, New Zealand, and Canada) [1, 3, 6, 7, 10, 19]. In contrast, the US, even though being reliant on foreign talent in science, technology and ICT industries [6], has a different approach in regard to highly-skilled migration, in general, and international students, in particular.

The 1990s policies favoring highly skilled immigration allowed more international doctorates to stay in the US after completing their university degrees. However, post-9/11 changes in the immigration policies and increased security concerns negatively affected international student migration to the US [12]. However, despite, the tightened since then immigration control, the US has traditionally been a top international student-receiving country along with the UK, Australia, and Canada [3]. As such, the US provides certain pathways to international graduates of American tertiary institutions, especially to those with science and technology qualifications, making international graduates more preferable than offshore applicants. In general, highly-skilled migration in the US operates within an employer-sponsored framework in which foreign-born professionals obtain temporary work H-1B visas. According to available survey data, in 1996 and 2000, slightly more than one-fifth of foreign professionals were former international students; although the field of specialization greatly varied [14]. In 2004, the H-1B Visa Reform Act exempted up to 20,000 applicants with Master's or higher degree obtained in US institutions of higher education from the annual numerical cap of 65,000 [15, 16]. This suggests that among those international students who remain in the US after studies, a significant number holds higher academic degrees.

In 2017, the US Senate introduced the RAISE Act (Reforming American Immigration for Strong Employment Act) which seeks to reduce the level of legal immigration to the country by cutting the number of refugees and eliminating Diversity Visa lottery as well as introducing a skills-based points system. In the newly-designed points system, young (aged 26–30), proficient in English with American qualifications in STEM are given prioritized positions. Thus, interna-

tional students in the US will have more advantages over other applicants as they easily fulfill most eligible criteria [17].

On the other hand, more restrictive measures are also planned to be implemented. According to "Buy American and Hire American" Presidential Executive Order, more reforms in immigration policies should appear to ensure that H-1B visas are issued to the most-skilled and/or highest-paid individuals. These measures are supposed to force employers to use the existing native workforce, instead of appealing to the cheaper overseas workers [18].

Nevertheless, at the moment, the most apparent opportunity for international students to stay in the US post-study is Optional Practical Training program (OPT). This framework allows foreign graduates on their F-1 student visas, provided that they have paid employment, to obtain work experience in the host country for the period of 12 months, which can be extended up to 36 months for STEM and IT graduates, per academic degree. Most peculiar, is that OPT also functions as a 'stepping stone' to H-1B visa which is valid for 6 years, as employers have a right to retain foreign students after their training and sponsor them for the foreign worker visa [10].

Thus, the US immigration policies, viewing international students as potential highly-skilled foreign workforce, facilitate and restrict student migration at the same time. Both H-1B and OPT program, although not intended to, can serve as pathways to eventual permanent migration. However, under such policies, the competitiveness among international students is unavoidable given the fact that those with higher degrees and limited types of qualifications have more access to the existing migration opportunities.

Kazakhstani 'Bolashak' Sponsorship Program. According to OECD 2012 report, Kazakhstan ranks among the top 15 nations in the world in terms of the number of students participating in tertiary education programs abroad (58,438 in 2011) [as cited in 9]. Since the inception of 'Bolashak' state sponsorship program in 1993, more Kazakhstanis obtain higher education overseas. In addition, this generally facilitates the flow of international students from Kazakhstan to the US because the US higher education institutions from the very beginning of the program implementation have been listed in Priority Universities List along with British, German and French institutions. Only later on, as more contacts were established with other countries, the geography for studies expanded. Notable that 'Bolashak' program administrators rely on the international rankings of universities to ensure the program quality [9]. Up to this day, 12, 898 Kazakhstanis received the scholarship and obtained Bachelor, Master's and Doctoral degrees overseas. Among them, 37.1% of scholarship recipients studied in the US and Canada [2].

'Bolashak' program is a rather typical sponsorship program designed on the premises that foreign education as well as the overseas experience of scholarship recipients' will lead to a greater socio-economic development in the sponsoring state through their involvement in social change upon arrival [4]. As stated in 1993 N. Nazarbayev's Presidential Decree, the goal of 'Bolashak' program is to "train specialists to fill the needs of the country in transforming the economy to market

economy and to build international relations" [as cited in 5]. Thus, the selection of applicants and the conditionality of the program reflect these assumptions.

'Bolashak' selection criteria restrict the participation in the programs to those citizens with highest academic achievements [9] and those who follow under the following categories: l) self-admitted students, 2) public sector servants, 3) educational managers, 4) fresh graduates, 5) applicants for internships [5]. In most cases, the program requires scholarship grantees to return back to Kazakhstan and fulfill 5-year work obligations. To ensure the fulfillment of the imposed obligations, scholarship recipients must pledge a collateral of comparable amount with the scholarship costs (often real estate owned by the applicant's family) [5, 9]. This consideration further restricts the pool of potential applicants to those who come from well-off families. However, these provisions appeared only after some years of program implementation as a response to the emerged problems. The major problems faced during the years of program existence are university leaves (especially during the first years 1994–1997), non-return of program alumni, and the country's inability to provide the newly-made specialists with jobs in the respective fields. While the latter remains topical to this day, although the program administrators provided employment of scholars in state organizations [13], the introduction of the pledge in 1997 quite successfully addressed the first two issues. The requirements to refund the full scholarship with a certain amount of interest payment decreased the cases of program failure [9; p. 91]. Another measure to deal with the 'unreadiness' of young undergraduate students to live and study abroad for four-five years was the liquidation of new awards for undergraduate studies in 2010 [5, 9, 13].

Recently, Kazakhstan has invested the substantial amount of resources in the establishment of the nation's first research university – Nazarbayev University, which enrolled first students in 2010. The contributions of Nazarbayev University, in particular to undergraduate study, are expected to eliminate the need for foreign education [9; p.90, 92].

However, despite the 'Bolashak' program conditionality; there are some (hypothetical to some extent) ways which allow Kazakhstani students – scholarship recipients to stay in the host country. Since the study investigates international student migration from Kazakhstan to the US, the following schemes are relevant to the US as a host country. Given the fact that immigration policies of the US provide foreign graduates with temporary work opportunities either under OPT program or on H-1B visa, 'Bolashak' grantees as other international students are tempted to obtain work experience, enhance their practical skills, build networks and earn money in the US.

The findings of the summer fieldwork conducted within my Master's thesis project suggest that some 'Bolashak' grantees wish to stay in the US after studies and others wish to go back there as soon as they fulfill the work obligations at home. In fact, there are certain cases when 'Bolashakers' apply for a job and stay in the US under the OPT framework. In such cases, they apply for 'Bolashak' program extension, stating that the practical experience gained in the US is crucial to their specific major. If approved, an applicant, 'Bolashak' authorities and an em-

ployer enter into a tripartite agreement to ensure the eventual return of the scholarship holder.

Other more 'hypothetical' ways to stay in the US after completing studies under 'Bolashak' program, illustrated by the study participants, are associated with accumulating money to refund the program costs. Being in the host country for two years minimum and working either legally or illegally, students could save the necessary amount of money due to the considerable wage-differentials between the host and home countries and availability of jobs of different kinds in the US. Another hypothesized option, as the study participants suggested, is to find a sponsor (this might be an American spouse or employer) who would refund the scholarship costs. These contemplations suggest that the financial debt is the most powerful lever to prevent 'Bolashakers' from the migration to the host country.

In addition, international students in the US sponsored by Kazakhstani 'Bolashak' program as any other international students develop solidarities with the host country which make them aspire to go back to the US after they are free from the program obligations. The proficiency in the language, American qualifications and social networks established during the studies are likely to ease their migration to the country. Therefore, 'Bolashak' program, on the one hand, prevents Kazakhstani students from the migration to host countries; on the other hand, it contributes to the international student flows from Kazakhstan and facilitates the subsequent migration.

To sum up, the analysis of the US immigration policies and 'Bolashak' educational state sponsorship program implemented by the Kazakhstani government showed that both have the potential to promote student migrations from Kazakhstan to the US, although they are not intended to and, on the contrary, designed to control and restrict the migration associated with international students. However, if desired, international students from Kazakhstan can initiate migration to the US , by large, because of the US policies which allow international students to work temporarily in the country after the studies, and the provisions of 'Bolashak' which free form its obligations provided that scholarship holder refunds all costs of the program.

REFERENCES AND SOURCE

1. Baas M. Students of migration: Indian overseas students and the question of permanent residency // People and Place. 2006. № 14(1). P. 8–23.

2. Bolashak. About the Program. 2018. [Electronic resource]. Access mode: https://bolashak.gov.kz/ru/o-stipendii/istoriya-razvitiya.html

3. Brooks R., Waters J. L. Student mobilities, migration and the internationalization of higher education. –New York: Palgrave Macmillan, 2013. 196p.

4. Campbell A.C. (2017) /In: "International Scholarships in Higher Education: Pathways to Social Change". Ed(s) J.R. Dassin et al. Cham: Palgrave Macmillan, 2018– 165–186pp.

5. Dairova K., Jumakulov Z., and Ashirbekov A. Government support for student mobility: the case of Kazakhstan's international scholarship program "Bolashak" 2013.

[Electronic resource]. Access mode: http://ezproxy.nu.edu.kz:2048/login?url=http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=ir01052a&AN=nur.123456789.297&site=eds-live&scope=site

6. Hawthorne L. Designer immigrants?: International Students and Two-Step Migration / In: "The SAGE handbook of international higher education". Ed. D. K. Deardorff, H. de Wit & J. D. Heyl. Thousand Oaks, CA: «SAGE Publications, Inc», 2012 – 417–436 pp.

7. Lu Y., Zong L., and Schissel B. To Stay or Return: Migration Intentions of Students from People's Republic of China in Saskatchewan, Canada // Journal of International Migration and Integration. 2009. № 10(3). P. 283–310.

8. Marginson S. National and global competition in higher education/ In: "Education, globalization, and social change". Ed.(s) Lauder H, Brown P, Dillabough J.A., Halsey AH. Oxford University Press, New York, 2006. 893–908pp.

9. Perna L. W., Orosz K., and Jumakulov Z. Understanding the human capital benefits of a government-funded international scholarship program: An exploration of Kazakhstan's Bolashak program // International Journal of Educational Development. 2015. № 40, P. 85–97.

10. Robertson S. Transnational student-migrants and the state: the education-migration nexus. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire, England: Palgrave Macmillan. 2013. 193p.

11. Ruhs M. The price of rights: regulating international labor migration. Princeton: Princeton University Press. 2013. 272p.

12. She Q.,Wotherspoon T. International student mobility and highly skilled migration: a comparative study of Canada, the United States, and the United Kingdom // SpringerPlus. № 2(1), P.1 – 14

13. Tomanova M., Zhumashov Y. Impact of the unternational educational program "Bolashak" on the image of the Republic of Kazakhstan // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014 № 143. P. 282–284.

14. Tremblay K. Academic Mobility and Immigration // Journal of Studies in International Education. 2005. № 9(3). P. 196–228.

15. USCIS Annual report 2004. [Electronic resource]. Access mode: https://www.uscis.gov/sites/default/files/USCIS/Resources/Reports%20and%20Studies/h1b04annual_08_7.pdf

16. USCIS Annual report 2017. [Electronic resource]. Access mode: https://www.uscis.gov/sites/default/files/reports-studies/FY-2017-Annual-Report-H-1B-Petitions.pdf

17. US Congress introduced RAISE Act 2017. [Electronic resource]. Access mode: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1720?q=%7B%22search%22%3A%5B%22RAISE+Act%22%5D%7D&r=16

18. US President Executive Order "Buy American and Hire American" [Electronic resource]. Access mode: http://www.nafsa.org/_/file/_/amresource/ eobuyhireamerican.pdf

19. Ziguras C., Law S. Recruiting international students as skilled migrants: the global 'skills race' as viewed from Australia and Malaysia // Globalisation, Societies and Education. 2006. № 4(1). P. 59–76.

МЕДИА-КАРТИНЫ ПРОЦЕССОВ МИГРАЦИИ НА ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛАХ В СЕРБИИ 2017–2018 ГГ.: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

ВУКЧЕВИЧ Неманя, аспирант Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Белгород (Россия). E-mail: nemanja.vukcevic75@gmail.com

Аннотация. Сегодня миграции находятся в центре внимания медиа во всем мире, это обуславливает актуальность изучения картины миграционных процессов в СМИ. Качественный и количественный анализ контента новостных сообщений наиболее репрезентативных сербских электронных порталов за 2017–2018 гг. позволил нам найти ответ на вопрос о том, каким образом современные сербские СМИ представляют миграционные процессы и сделать на основе полученных результатов релевантные выводы.
Ключевые слова: миграционные процессы, Республика Сербия, СМИ, контекстный анализ, ислам.

MEDIA PICTURE OF MIGRATION PROCESSES ON THE INTERNET PORTALS IN SERBIA IN 2017–2018: CONTENT ANALYSIS

Nemanya VUKCHEVICH, post-graduate student of Belgorod state technological University named by V. G. Shukhov, Belgorod (Russia). E-mail: nemanja.vukcevic75@gmail.com

Annotation. For the purposes of the study, the most representative Serbian electronic portals were selected, during 2017 and 2018, these portals were analyzed daily and links to materials related to migration were archived. Qualitative and quantitative analysis of the content of 117 news reports (out of 119 selected by us, later 2 were excluded from the analysis due to lack of access to content) allowed us to find an answer to the question of how modern media represent migration processes and draw relevant conclusions based on the results.
Keywords: migration processes, Republic of Serbia, media, context analysis, Islam.

Роль медиа в современном мире является предметом исследования многих научных школ. Оценка степени влияния СМИ в значительной мере колеблется от видения их «всемогущими», как у представителей Франкфуртской и Чикагской школ, до «усилителя тенденций» в рамках контраргументов теории Джозефа Клаппера и корпоративного и политического современного сектора, где медиа реализуют функцию социального контроля и формирования лояльности к существующих в обществе условиям. Начиная с периода формирования Франкфуртской и Чикагских школ, возникновения лингвистической философии и британских культурных исследований и до настоящего времени медиа являются неотделимой частью меркантилистского неолиберального, социально-психологического и политического контекста, как и неотделимой частью

головокружительного технологического подъема, который почти ежедневно увеличивает их потенциал, область применения и инструментарий.

Исследования в сфере масс-медиа исторически были обусловлены влиянием СМИ на политическую жизнь, что также является аргументом в пользу значения роли коммуникаций в обществе. Оценка степени влияния СМИ в значительной мере колеблется от видения их «всемогущими», как у представителей Франкфуртской и Чикагской школ, до «усилителя тенденций» в рамках контраргументов теории Джозефа Клаппера и корпоративного и политического современного сектора, где медиа реализуют функцию социального контроля и формирования лояльности к существующих в обществе условиям.

Исследователи отмечают, что СМИ являются не просто транслятором информации, что делает устаревшим их метафорического восприятия как «зеркала» и «окна в мир», но и генератором этой информации. Другими словами, посредством производства медиа-сообщений СМИ также создают и перцепцию освещаемых событий. Таким образом, медиа сами по себе имеют огромную силу. При этом, ученые говорят о том, что легко измеряемые и очевидные эффекты медиа являются тяжело доказуемыми, что также занижает роль медиа и отводит им коллоквиальное место в науке.

Актуальные политические события и тенденции побудили нас изучить и проанализировать способ представления в новостных лентах СМИ такой глобальной проблемы как миграционные процессы. В целях нашего исследования, на протяжении одного года (с 7.10.2017 г. по 10.10.2018 г.) мы ежедневно отслеживали референтные медиа-сообщения в сербских электронных СМИ: 021, b92, N1, Danas, RTV Vojvodina, Informer, Blic, Kurir, Vesti online, Naslovi, Telegraf. Посредством анализа содержания 117 новостных публикаций с помощью программы статистической обработки данных SPSS мы попытались определить медиа-картину миграционных процессов на страницах сербских интернет-порталов и сделать соответствующие выводы.

В рамках нашей работы мы исходили из двух общепринятых научных позиций. По словам Бернарда Берелсона: «некий вид коммуникаций по некой теме, попадая в поле зрения некой группы людей при неких условиях, вызывают эффекты некого вида» [2]. В данном контексте мы и рассматриваем миграции как объект нашего исследовапния. Другой отправной точкой нашего исследования стало положение о том, что доступность информации в Интернете является революционным явлением, которое несравнимо облегчает процесс публичных коммуникаций и обмена новостями – именно поэтому мы сосредоточили свое внимание на электронных ресурсах.

Для количественного контекстного анализа с использованием программного обеспечения SPSS выбранным нами критериям были присвоены цифровые коды. Также, все новостные сообщения мы рассматривали как позитивные или как негативные, что само по себе стало качественной характеристикой также включенной в контекстный анализ. По мнению Дженнингсона Брайанта, важным аспектом количественного анализа является индивидуальная позиция исследователя, которая определяет фокус его эмпирического анализа

[1. с. 198]. Те новости, которые мы не смогли однозначно характеризовать как позитивные или негативные, были нами определены и учтены при анализе как нейтральные. При этом иллюстрации новостей помогли нам охарактеризовать их с вышеописанной качественной стороны следующим образом.

Пример позитивного медиа-сообщения – „Завтра учебный год начнется и для детей-мигрантов“. В материалах такого типа речь идет о решении проблемы миграции либо путем интеграции беженцев, либо с помощью определенных управленческих решений и т.п. Используемые тут иллюстрации придают новости о мигрантах позитивный характер и вызывают положительные эмоции.

Пример негативного медиа-сообщения – „Хаос в Греции – столкновения с мигрантами: среди пострадавших есть и младенцы“. Подобные новости сообщают о неприятных событиях – не важно, произошедших ли с мигрантами или же ими вызванных. В этом случае иллюстрации всегда негативные и ужасающие или вызывающие похожие эмоции.

Пример нейтрального медиа-сообщения – „Если миграционный кризис получит дальнейшее развитие, Сербия должна будет реагировать“. С одной стороны, в тексте статьи нет прямых признаков негативного отношения к мигрантам. С другой стороны, в порядке вещей, что государство реагирует на чрезвычайные ситуации – при этом не указывается, какой конкретно эта реакция будет. Такие медиа-сообщения, где речь идет о миграциях, но, где нет ярко выраженной позиции, кроме той, что все же должны присутствовать в силу «служебной необходимости» мы рассматривали как нейтральные. Также, в таких материалах, как правило, не содержится никаких фотографий мигрантов.

В процессе реализации практической части нашего исследования мы столкнулись с проблемой невозможности использования единого подхода. Поэтому, при помощи комбинирования качественного и количественного методов мы присвоили рассматриваемым данным – как цифровые значения, так и дискрептивную атрибуцию. Подобного рода триангуляция позволила нам получить результаты и сделать выводы, представленные ниже в графической форме.

Исходя из того, что «сказать, что миграция связана только с исламом было бы неправомерно, также как и утверждать, что она с ним не связана» [3], мы решили на примере сербских СМИ проверить следующие гипотезы:

1. все миграции воспринимаются как «исламские»;

2. все миграции воспринимаются как негативные.

При проведении анализа нами учитывался целый ряд переменных – объем данной работы не позволяет нам остановиться на каждой из них более подробно, но мы считаем необходимым выделить следующие:

1. позитивный, негативный или нейтральный характер медиа-сообщения;

2. наличие или отсутствие связи миграций с исламом;

3. отношение информации только лишь к миграционным процессам в Сербии или же во всем мире;

4. рассмотрение глобальных миграционных процессов или эмиграций на национальном уровне.

Таким образом, нами были получены следующие результаты. На круговой диограмме, представленной на рис. 1, мы видим, чт большинство новостных сообщений (62,61%) несет негативное медиа-сообщение о мигрантах, а то время как лишь 26,09% материалов имеет положительный характер, а 11,30% имеет нейтральную окраску.

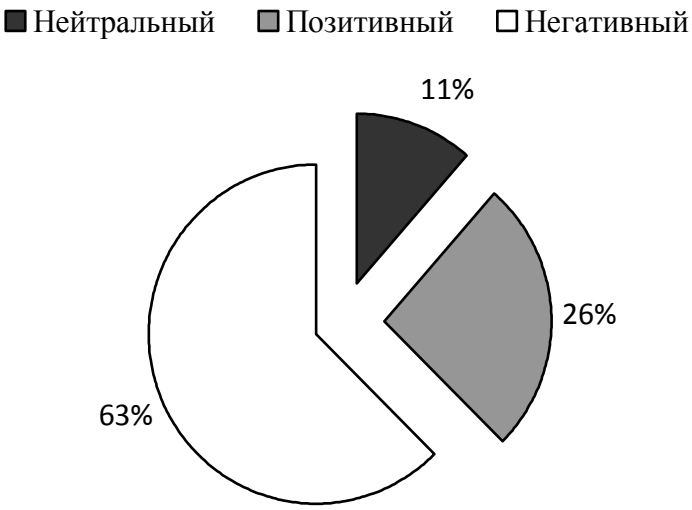

Рис. 1. Характер медиа-сообщений

На круговой диограмме, представленной на рис. 2, видно, что в большинстве новостных сообщений о мигрантах прямо не говорится об исламе (92,17%), в то время как небольшое количество медиа-сообщений упоминает некую связь миграций и ислама (7,83%).

Рис. 2.Связь в медиа-сообщениях миграций и ислама

Далее, на рис. 3. мы представили результат анализа отношения информации, относящейся только лишь к миграционным процессам в Сербии или же во всем мире. Мы видим, что большинство новостей о миграциях (60,87%) относиться только к глобальным процессам, а о подобных процессах в Сербии говорит их меньшая часть (39,13%).

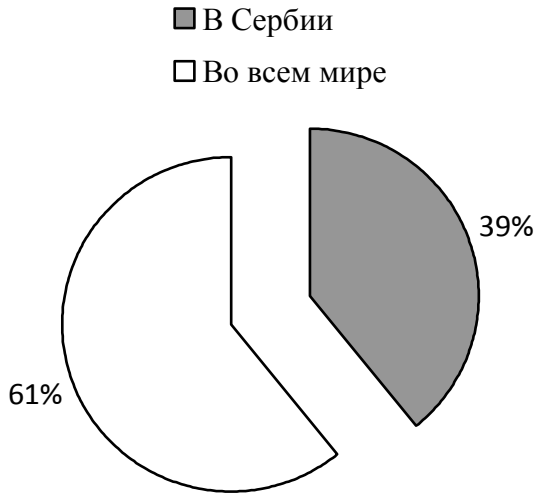

Рис. 3. Соотношение медиа-сообщений о миграционных процессах в Сербии и во всем мире.

На рис. 4. представлено соотношение наличия в медиа-сообщениях информации о глобальных миграционных процессов и об эмиграциях на национальном уровне. Как видно на круговой диограмме, большая часть новостей (93,04%) посвящена глобальным миграциям, а проблемы эмиграций на национальном уровен затрагивает незначительная часть медиа-сообщений (6,96%).

Рис. 4. Соотношение медиа-сообщений о глобальных миграционных процессах и эмиграциях на национальном уровне.

Посредством использования метода кросстабуляции мы попытались выявить взаимосвязь между тем, имеет ли медиа-сообщение позитивный (poz), негативный (neg) или нейтральный (neut) характер с тем, относится ли данная новость к миграционным процессам в Сербии (srb) или во всем мире (Nesrb). Т.к. в нашем случае выполняется условие о минимальной целевой фриквенции, то для проверки наличия взаимосвязи вышеуказанных пере-

менных (SrbNesrb и PozNegNeut), мы использовали критерий Хи-квадрат Пирсона. Критерий Хи-квадрат Пирсона не выявил статистически значимой взаимосвязи между переменными $\chi^2(2,115) = 0.305$, p=0.858. Данный результат графически показан на рис. 5.

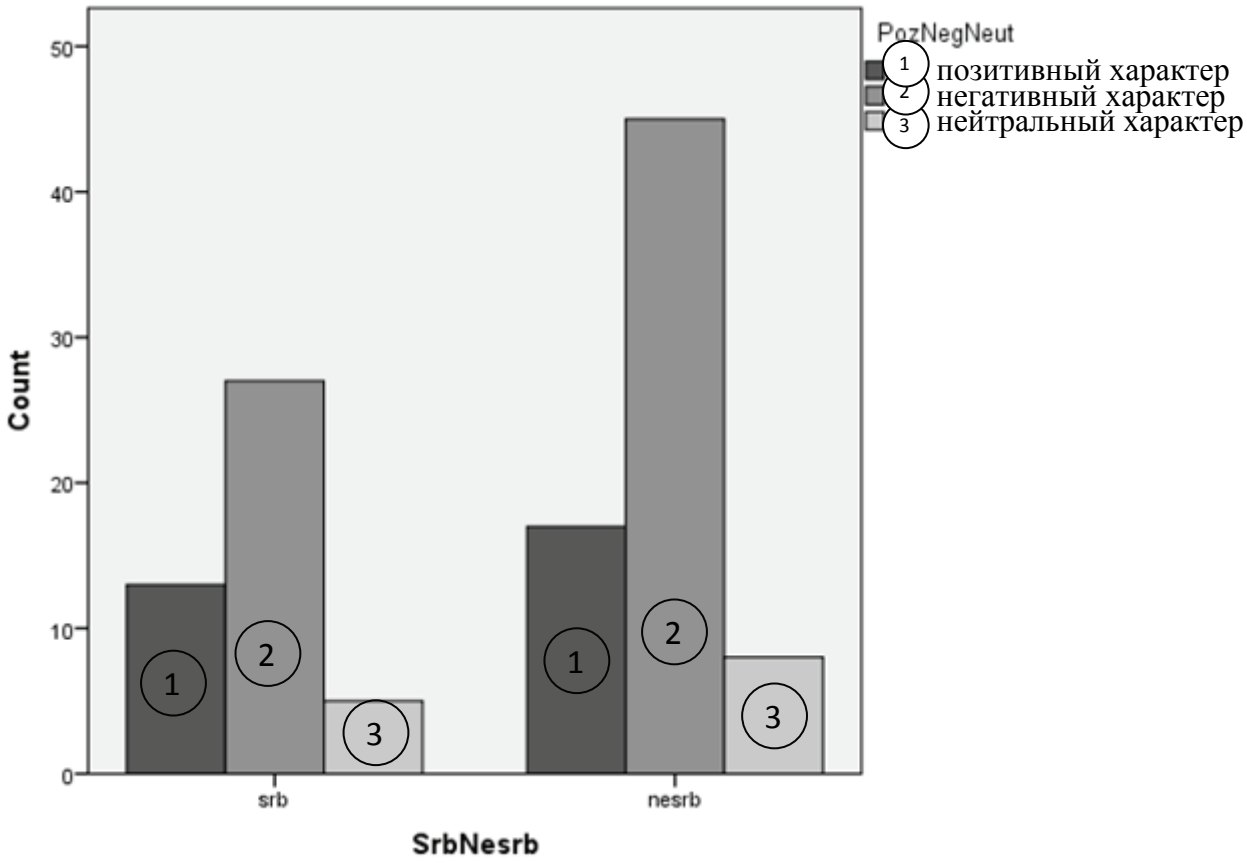

Рис. 5. Взаимосвязь характера медиа-сообщений и их территориальной локализации

На основе проведенного исследования и статистической обработки собранных данных мы можем сделать следующие выводы:

1. несмотря на наличие новостей не имеющих прямой связи с миграционными процессами, большая часть медиа-сообщений все же имеет прямое отношение к мигрантам, но при этом лишь их незначительная часть проводит связь предмета с Исламом;

2. только ¼ новостей о мигрантах имеет позитивный характер, при этом не была выявлена статистически значимая связь между соотношением характера медиа-сообщений с тем относятся ли они к миграционным процессам в Сербии или во всем мире;

3. медиа-картина миграционных процессов в сербских СМИ в незначительнйо своей части посвещена эмиграциям граждан страны, что говорит о недостаточном внимании к данной проблеме сабой по себе.

В ходе реализации нашей исследовательской работы мы пришли к выводу о том, что медиа-картина миграционных процессов в электронных СМИ

достаточно широко транслируется (в среднем, каждый третий день вы регистрировали появление новостных сообщений на тему миграций) и поэтому мы можем говорить о том, что проблема миграций пласируется медиа в фокус общественного внимания. В большинстве своем негативный характер новостных сообщений о миграционных процессах не является последствием религиозной принадлежности мигрантов ни в том случае, когда речь идет о миграционных процессах в Сербии, ни в том случае, когда речь идет о миграционных процессах в мире. При этом нами было отмечено, что вопрос эмиграции в Сербии как часть проблемы миграционных процессов практически полностью выпала из поля зрения СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Leburić, Anči / Integracija kvalitativnih i kvantitativnih aspekata: perspektive empirijskih istraživanja otoka / Sociologija i prostor : časopis za istraživanje prostornoga i sociokulturnog razvoja, Vol. 39, No. 1/4 (151/154) Prosinac, 2002. pp. 189–210.

2. Schramm, Wilbur / The effects of mass communication / Journalism Quarterly, No. 26 (4), 1949. pp. 307–409.

3. Вукчевич Н., Гридчин А.А. Актуальные проблемы влияния «исламских идей» на миграционные процессы: потенциальные противоречия и социальные конфликты // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности: материалы IX Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов, Владимир, 7–8 декабря 2017 г.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАБИРОВА Лейсан Ильдаровна, студент 2 курса факультета управления и политики МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: leisan.kabirova.98@mail.ru

ЛАВРОВ Илья Романович, студент 2 курса факультета управления и политики МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: irlavrov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы определения конституционно-правового статуса беженцев в Российской Федерации. Рассматриваются практика реализации конституционно-правового статуса беженцев, судебные обращения и содержание нормативно правовых актов, на основании которых авторы делают вывод, что реальные возможности статуса беженцев в России не полностью совпадают с правами, прописанными в законодательстве, а сама сфера миграционного регулирования не лишена недостатков.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус личности, статус беженцев в РФ, права человека, права беженцев.

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF REFUGEES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Leysan I. KABIROVA, 2nd year student of the Faculty of Management and Politics, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: leisan.kabirova.98@mail.ru

Ilya R. LAVROV, 2nd year student of the Faculty of Management and Politics, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: irlavrov@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of determining the constitutional and legal status of refugees in the Russian Federation. The implementation of the constitutional and legal status of refugees in practice, reporting and taking legal action as well as the content of legislative and regulatory acts are addressed and on the basis of it all the authors conclude that the real opportunities of a person with the refugee status do not entirely coincide with the rights registered in the legislation and the migration management system itself has its own shortcomings.

Key words: constitutional and legal status, refugee status in Russia, human rights, refugee rights.

Через понятие правового статуса индивида можно наиболее полно охарактеризовать совокупность его прав и обязанностей. В части 3 ст. 62 Конституции РФ установлено, что «иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации» [5]. В соответствии с Федеральным законом «О беженцах» беженец – «это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку ра-

сы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определённого гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в неё вследствие таких опасений» [7].

Отсюда следует, что по общему правилу беженцы, как и граждане РФ, обладают всей совокупностью прав и свобод, установленных Конституцией РФ, в частности второй главой. Однако широкое применение норм миграционного законодательства России обнаружило существенные недостатки, отразившиеся в судебной практике и обращениях в государственные органы.

Неустанно происходящий в мире процесс глобализации активно влияет на интенсивность и структуру транснациональной миграции. Политическая и экономическая обстановка в мире крайне нестабильна и не благоприятна для сотен тысяч людей. Потерявшие последнюю надежду найти защиту у своего государства, отправляются в поисках безопасности и стабильности в другие государства. По данным исследования Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ), число международных мигрантов в мире с 2000 г. выросло на 49% и составляет сейчас 258 млн. человек [3]. Согласно докладу уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. Российская Федерация занимает четвертое место в мировом списке стран-реципиентов мигрантов. По официальным данным, в настоящее время на ее территории проживает около 12 млн. мигрантов [2], наибольшая доля которых приходится на граждан Украины, Узбекистана, Казахстана и Таджикистана.

В России были приняты попытки создать механизмы защиты иностранных лиц посредством предоставления статуса беженца, получения временного или политического убежища, отвечающие Женевской Конвенции «О статусе беженцев», согласно которой лицо, которое «…находится вне страны своей гражданской принадлежности или вне страны своего прежнего постоянного места жительства, имеет вполне обоснованные опасения стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений и не может и не желает вернуться в неё вследствие таких опасен» может претендовать на получения статуса беженца [4]. После событий, произошедших в Украине в 2014 г., был принят ряд законов, облегчающих получение не только убежища, но и вида на жительство и дальнейшую натурализацию, предоставление жилья, продуктов питания и оказания иной социально-экономической помощи. При этом по состоянию на 2015 г., жалобы на нарушение прав беженцев и мигрантов стоят на четвертом месте и составляют 11 % от всего количества поданных обращений.

Актуальность данной темы обусловлена некоторой противоречивостью законодательства Российской Федерации по вопросам миграции. Изучение

практики реализации конституционно-правового статуса беженцев позволит выявить конкретные проблемы законодательства.

Российская Федерация предоставляет убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства путем: 1) признания беженцем; 2) предоставления временного убежища; 3) предоставления политического убежища. При исполнении существующего национального законодательства в сфере предоставления убежища/признания лица беженцем необходимо руководствоваться международными документами, регулирующими вопросы в данной области, ратифицированными Российской Федерации. К таким документам относятся Конвенция ООН о статусе беженца 1951 г. (далее Конвенция 1961 г.) и Протокол к ней 1967 г., касающегося статуса беженцев. В соответствии с Постановлением Верховного Совета Российская Федерация от 13.11.1992 г. № 3876 Россия присоединилась к этой Конвенции и Протоколу к ней, которые вступили в силу для России 01.02.1993 г. Необходимо также учитывать основные положения Всеобщей декларации прав человека, в статье 14 которой провозглашено: «каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем» [1].

Первостепенной проблемой является сам факт получения статуса беженца, так как круг лиц, имеющих право получить данный статус, довольно узок. Так, нет возможности получить статус беженца лицам, прибывшим в Россию вследствие военных действий, проходящих на территории страны их гражданской принадлежности. Согласно официальным статистическим данным, в 2017 г. на территории Российской Федерации 619 иностранных граждан подали ходатайства в уполномоченные государственные органы о признании их беженцами. И только 33 ходатайства были удовлетворены (5,3% от числа поданных обращений) [6]. Зачастую заявители просто не в состоянии предъявить действительные документы, удостоверяющие их личность, визы и миграционные карты из-за их порчи или утери, что становится причиной отказа в рассмотрении просьбы предоставления им соответствующего правового статуса. Однако это не единственная причина. Миграционные органы не учитывают все жизненные обстоятельства, в которых оказался иностранный гражданин, допускают бюрократическую волокиту.

Определенные проблемы вызывает отсутствие конкретного механизма распределения прибывающих беженцев по субъектам Российской Федерации. ФЗ «О беженцах» от 19.02.1993 г. устанавливает, что распределение беженцев осуществляется в соответствии с ежегодно устанавливаемой Правительством Российской Федерации квотой распределения данных лиц для каждого субъекта. На практике же, наибольшее количество беженцев состоит на учете только в отдельных субъектах – наибольшее количество в Москве и Московской области – что создает неодинаковую нагрузку на них.

Следующая проблема непосредственно связана с реализацией права на труд. Согласно Российскому законодательству, иностранные граждане имеют право на трудоустройство наравне с российскими гражданами. Вакансии, на которые недопустимо принимать иностранного гражданина, закреплены в ст. 14 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [8] от 25.07.2002 г.

Необходимо обратить внимание, что в п. 6 ч. 1 той же статьи закреплен запрет для данных лиц заниматься деятельностью и замещать должности, допуск иностранных граждан к которым ограничен федеральным законом. Однако по данному поводу возникает коллизия между федеральным законодательством и законодательством субъектов. Последние значительно ограничивают права иностранных граждан. Примером может послужить Постановление Губернатора Новосибирской области от 15.08.2016 № 176, в котором установлен запрет на привлечение иностранных граждан по 16 видам экономической деятельности.

Кроме того, острой проблемой следует признать ситуацию вокруг специальных учреждений временного содержания иностранных граждан ФМС России. В них содержатся иностранные граждане и лица без гражданства, подлежащие административному выдворению. На данный момент время нахождения в СУВСИГ не засчитывается в срок установленного запрета на последующий въезд на территорию России, отсчет которого начинается только после пересечения государственной границы. Поэтому уголовно-правовые и уголовно-процессуальные институты, отвечающие за защиту прав и свобод, должны находить аналоги относительно порядка содержания в СУВСИГ.

Таким образом, проанализировав судебную практику, обращения и содержание правовых норм, следует отметить, что реальные возможности конституционно-правового статуса беженцев в Российской Федерации не полностью совпадают с правами, прописанными в законодательстве, а сама сфера миграционного законодательства не лишена недостатков: круг лиц, имеющих право получить статус беженца, довольно узок, отсутствует конкретный механизм распределения прибывающих беженцев по субъектам Российской Федерации, возникают проблемы, связанные с реализацией права на труд, а также острой проблемой следует признать ситуацию вокруг специальных учреждений временного содержания иностранных граждан ФМС России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 10 декабря 1998г.

2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2017 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/lite2-doclad_20.04.18.pdf (дата обращения: 07.11.2018)

3. Доклад о международной миграции 2017. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (дата обращения: 10.11.2018)

4. Конвенция о статусе беженцев (Заключена г. Женеве 28.07.1951). Бюллетень международных договоров, № 9, 1993. С. 6–28.

5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.). «Российская газета» от 25 декабря 1993 г.

6. Обзор миграционной ситуации в Российской Федерации по состоянию на 1 января 2018 года и реализации органами внутренних дел Российской Федерации полномочий в сфере миграции за 2017 год (приложение к письму МВД России № 1/1290 от 07.02.2018)

7. Федеральный Закон «О беженцах» от 19 февраля 1993 года. В ред. от 22.12.2014. N 4528-1.

8. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ

ИНДИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА В МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

КОНОВАЛОВА Юлия Александровна, кандидат экономических наук, старший преподаватель, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва (Россия). E-mail: konovalova_yua@pfur.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное положение дел в области международной миграции, характеризующей значительное доминирование двух регионов в разрезе статистики: европейские страны и азиатские страны. Наибольшее число международных мигрантов приходится на вторую по численности страну в мире – Индию. Тенденция роста иммигрантов из Индии вызвана рядом факторов, подробно рассматриваемых в статье.
Ключевые слова: Индия, иммигранты, международная миграция, денежные переводы, гендерное равенство, региональные диспропорции.

INDIA IN INTERNATIONAL MIGRATION OF HUMAN RESOURCES

Yulia A. KONOVALOVA, PhD (Economics), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow (Russia). E-mail: konovalova_yua@pfur.ru

Abstract. Article is dedicated to the modern context of international migration that shows domination of two regions: European and Asian countries. The largest number of international migrants accounts in the world in India. The growth trend of immigrants from India is caused by a number of factors discussed in detail in the article.
Key words: India, immigration, international migration, remittance, gender equality, regional disproportions.

Международная миграция, как один из видов международных экономических отношений, приобретает все более серьезное значение. Динамика, характер, причины и иные количественные и качественные параметры измерения данного международного процесса постоянно усложняются. Эксперты признают, что сегодня практически невозможно в полном мере и адекватно измерить международную миграцию. Вместе с тем развитие методов оценки и масштабов данных позволяют лучше его понять и объяснить.

Оценки Международной организации по миграции (МОМ) за 2015 г. склоняются к 244 млн. человек международных мигрантов в мире (3,3% общей численности населения в мире). Доля международных мигрантов очень незначительна и остается в рамках нормы. Большая часть миграции носит характер внутренней и не выходит за рамки одного государства (около 740 млн. человек по оценкам на 2009 г.). Темпы роста и абсолютные показатели по международным мигрантам в целом остаются очевидными и предсказуемы-

ми на протяжении долгого периода: в 2003 г. ожидалось, что к 2050 г. доля международных мигрантов составит 2,6% от общей численности населения в мире (или 230 млн. человек); в 2010 г., с учетом роста населения в мире, оценки были значительно скорректированы и составили 405 млн. человек.

Демографы отмечают, что категория международных мигрантов является наиболее волатильной и плохо предсказуемой. В последние годы наблюдаются значительное увеличение внутренних и международных мигрантов, предпосылки к перемещению которых лежат в основе событий, гражданского и военного характера, вынуждающие людей покидать ранее освоенную территорию. По данным на 2016 г. насчитывалось около 40,3 млн. внутренних мигрантов и 22,5 млн. беженцев. Демографы уже склоняются к тому, что по итогам 2017 г. число беженцев составит еще больше.

С 1970 по 2015 гг. число международных мигрантов увеличилось более, чем в 2,8 раза (с 84,4 млн. человек до 243,7 млн. человек), при этом доля мигрантов к общей численности населения в мире увеличилась всего на 1 процентный пункт (с 2,3% до 3,3%), что свидетельствует, если не о пропорциональном росте, то о однонаправленной тенденции процессов роста населения и роста числа и доли международных мигрантов. Из 243,7 млн. человек международных мигрантов, насчитывавшихся в 2015 г., 52% составляли мужчины и 48% женщины. Наиболее активными возрастными группами среди международных мигрантов явились мужчины и женщины в возрасте от 25 до 49 лет, т.е. экономически активное население, имеющее возможность получить среднее и высшее образование, экономически, финансово и информационно грамотное в складывающихся условиях.

Европа и Азия аккумулируют на себе 62% всех международных мигрантов, что составило 150 млн. человек. На Северную Америку в 2015 г. пришлось 54 млн. международных мигрантов (22%), на Африку 9%, на страны Латинской Америки и Карибского бассейна – 4%, на Океанию 3%. Если сравнивать численность международных мигрантов с общей численностью населения указанных регионов, то большее соотношение будет наблюдаться в Океании (21%), Северной Америке (15%) и Европе (10%). В то время, как доля международных мигрантов к общей численности населения в Азии и Африке составило по 1,7%, а в странах Латинской Америки 1,5%. Данное отношение численности международных мигрантов к общей численности населения в указанных региона свидетельствует о наличии предпосылок и причин, экономического, политического, военного и иного характера, заставляющих людей покидать свои страны и перемещаться в другие более безопасные, экономически выгодные и стабильные регионы.

С 1970-х гг. США остаются основной страной – реципиентом международных мигрантов: численность мигрантов в США, рожденных в других странах, увеличилось в 4 раза с 1970 по 2015 гг. (с 12 млн. человек до 46,6 млн. человек). Второй страной, наиболее привлекательной для международных мигрантов, является Германия (12 млн. человек в 2015 г.).

Более 50% международных мигрантов приходится на Индию, Китай, Афганистан, Бангладеш и Пакистан. В 2017 г. наибольшее число междуна-

родных мигрантов было из Индии – 16,5 млн. человек, 12,9 млн. человек пришлось на Мексику, 10,6 млн. человек – из России, 9,9 млн. человек – из Китая, 7,4 млн. человек – из Бангладеш. Число международных мигрантов из Индии в 1,66 раза больше, чем из Китая (2017 г.). Особенностью направлений мигрантов из Индии является превалирование менее развитых стран (11,8 млн. чел.) над развитыми государствами (4,7 млн. чел.), при этом диверсификация индийских мигрантов даже среди стран менее развитых стран рассредоточена среди государств с высоким уровнем дохода (13,8 млн. чел.). 11,7 млн. человек из 16,5 млн. индийских мигрантов переезжают в страны Азии, превалирующее число из которых выбирают страны Западной Азии, а именно – страны ОПЕК, 3,3 млн. чел. приходится на ОАЭ – государство, где общая численность населения по данным 2016 г. составила 9,1 млн. человек, а численность иммигрантов – 8,3 млн. человек.

Иммигранты из Индии исторически превалируют в структуре иммигрантов в Уганде, Кении, ЮАР. В 2016 г. Индия также занимала первое место среди стран – получателей денежных переводов. Далее следуют Китай, Филиппины, Мексика и Пакистан. На Китай и Индию пришлось по 60 млрд. долл. США, на Филиппины, Мексику и Пакистан менее 30 млрд. долл. США на каждую. Примечательно то, что для некоторых государств денежные переводы эмигрантов составляют значительную часть в структуре ВВП: Кыргызстан (35,4%), Непал (29,7%), Ливия (29,6%), Гаити (27,8%), Тонга (27,8%).

В 2000 г. объем денежных переводов эмигрантов в Индию составлял 12,84 млрд. долл. США, за 15 лет данный показатель увеличился более, чем в 5,3 раза до 68,91 млрд. долл. США. Страны с высоким уровнем дохода остаются основными «поставщиками» денежных переводов мигрантов: в ТОР-5 входят США (61,38 млрд. долл. США в 2015 г.), Саудовская Аравия (38,79 млрд. долл. США), Швейцария (24,38 млрд. долл. США), Китай (20,42 млрд. долл. США), Россия (19,7 млрд. долл. США). Китай вошел в данный список благодаря включению Всемирным Банком страны в лист государств с уровнем дохода выше среднего.

Самым важным социальным изменением в Индии, далеко превосходящим все другие, является демографический взрыв. Его общее воздействие на народные массы сводилось к замедлению прогресса в экономической и социальной сферах и закреплению всех традиционных институтов и обычаев. Поэтому главным вопросом, стоящим перед индийскими представителями власти, был: «Какие меры и в какие сроки необходимо принимать для исправления складывающейся ситуации?». Были введены регулярные переписи населения, разработана первая среди развивающихся стран государственная демографическая политика. Первые попытки провести перепись населения в стране были предприняты еще в 70-х годах XIX столетия. Данные, приведенные ниже, отображают изменение численности населения Индии с 1901 по 2011 гг.

Тенденция практически галопирующего роста населения сразу после обретения Индией независимости поражает демографов. Темпы прироста

населения начала XX века, на которые требовалось 10 лет, к концу XX века достигались уже всего за 1 год. Если с 1951 по 1961 гг. прирост численности жителей страны составлял около 8 млн. человек в год, то уже в последнее десятилетие века он вырос до 18 – 19 млн., а в начале 2000-х гг. перевалил отметку в 20 млн. человек в год. Всего за 60 лет независимости с 1951 по 2011 гг. общая численность населения страны увеличилась более чем в 3,3 раза.

В 1901–1911 гг. средний уровень продолжительности жизни по мужчинам и женщинам составлял 22,9 лет, к 2010–2014 гг. показатель увеличился до 67,9 лет, т.е. в 3 раза. Значительный вклад в увеличение продолжительности жизни индийского населения привнесли: получение независимости в 1947 г., политика государственного капитализма, проведение экономических реформ, общее повышение уровня и качества жизни населения страны, реформы в области здравоохранения и образования. В ряде штатов показатель продолжительности жизни населения составляет 71–74 года (Химачал Прадеш, Керала, Марахарстра, Пунджаб, Тамил Наду, Западная Бенгалия). Продолжительность жизни индийцев в целом отражает и глобальные тенденции, когда продолжительность жизни женщин больше продолжительности жизни мужчин (69,6 лет против 66,4 лет).

С 2001 по 2011 гг. значительно увеличилось число городов – с 5161 до 7933 города. Из 7933 городов, зарегистрированных в 2011 г., наиболее урбанизированными индийскими территориями являются штаты и союзные территории: 1097 городов в штате Тамил Наду, 915 городов – в штате Уттар Прадеш, 909 городов – в штате Западная Бенгалия, 476 города в штате Мадхья Прадеш.

Доля городского населения в Индии по данным за 2011 г. составила 31,4%. При этом данный показатель в разрезе по штатам и союзным территориям распределен неравномерно: 97,5% городского населения присутствует в городе Дели, 97,25% в городе Чандигарх, 62,17% – в Гоа, 75,17% – в Даман и Диу (союзная территория), 78% – в Лаакшадвип (союзная территория), 68,3% – в Пудучерри.

Плотность населения в столице страны Нью Дели в 2011 г. составила 11320 человек на 1 кв. км., самая низкая плотность населения в регионе Аруначал Прадеш – 17 человек на 1 кв. км. Наиболее развитые регионы страны (в т.ч. административная и финансовая столицы – Нью Дели и Мумбаи) являются территориями с наибольшей плотностью населения на 1 кв. км. в силу экономических возможностей, которые они могут предоставить населению, и, в первую очередь, с точки зрения занятости. В среднем по стране плотность населения составляет 382 чел. на 1 кв. км.

Половой состав населения страны по данным переписи 2011 г. свидетельствует о превалировании мужского населения над женским (623,3 млн. чел. против 587,6 млн. чел.). В региональном разрезе только в двух штатах и союзных территориях страны доля женщин составляет 50 и более процентов (Керала – 52% и Пудучерри – 50,9%).

Превалирующую долю населения составляет молодое население, в частности, на детей в возрасте с 0 до 14 лет приходилось 30,8%, на население в

возрасте с 15 до 19 лет пришлось 10%, в возрасте с 20 до 24 лет – 9,2%, с 25 до 29 лет – 8,4%, с 30 до 34 лет – 7,3%, с 35 до 39 лет – 7,0%, с 40 до 44 лет – 6,0%, с 45 до 49 лет – 5,1%, с 50 до 54 лет – 4,1%, с 55 до 59 лет – 3,2%, с 60 лет и старше – 9%.

Из 1210 млн. человек 84,5 млн. человек проживало в штате Андхра Прадеш, 104 млн. – в штате Бихар, 60,4 млн. – в штате Гуджарат, 72,6 млн. чел. – в штате Мадхья Прадеш, 112,3 млн. – в штате Махарастра, 68,5 млн. – в штате Раджастан, 72,1 млн. – в штате Тамил Наду, 199,8 млн. – в штате Уттар Прадеш, 91,2 млн. – в штате Западная Бенгалия. Очевидно, что большая часть населения страны проживает в штатах, географического расположения столицы Нью Дели и Мумбаи.

Из 1210 млн. человек, зарегистрированных по итогам переписи населения, 16,6% (200,86 млн.) это представители зарегистрированных каст, 8,6% (104,06 млн.) – зарегистрированных племен, доли которых достаточно медленно, но увеличиваются. 31,9% населения в штате Пунджаб являются представители зарегистрированных каст, 23,5% – в штате Западная Бенгалия, 25,19% – в штате Химачал Прадеш, 20,7% – в Уттар Прадеш. Представители зарегистрированных племен также неравномерно распределены по штатам и союзным территориям: 68,7% – в штате Аруначал Прадеш, 51,9% – в Дадра и Нагар Хавели, 94,8% – в Лакшадвип, 86% – в Мегхалайя, 94,4% – в Мизорам.

С 2001 по 2011 гг. численность иммигрантов, приехавших в Индию, увеличилось с 314,5 млн. человек до 453,6 млн. человек, большая доля из которых женщины (221 млн. в 2001 г. и 312,7 млн. в 2011 г.). Анализ причин, побуждающих иммигрировать в Индию, в разрезе по мужчинам и женщинам показывает, что из 140,9 млн. мужчин, иммигрировавших в Индию в 2011 г., 27,67% приехали с целью работы и занятости, 20,23% – приехали в Индию после рождения, 22,34% – переехали с домашним хозяйством, 19,82% – по иным причинам, 2,28% – по деловым вопросам, 3,39% – для получения образования, 4,27% – с целью заключения брака. Распределение женщин (312,7 млн. в 2011 г.) по факторам, заставляющих иммигрировать в Индию, 69,68% приезжают с целью заключения брака, 12,26% – переезжают с домашним хозяйством, 8,1% – по иным причинам.

Говоря о географии и динамике эмиграции индийцев в другие страны, стоит отметить 9 государств, направления индийской эмиграции в которые уже практически являются традиционными, это: Саудовская Аравия (2,8 млн. чел. по данным на 2015 г.), ОАЭ (2 млн. чел.), США (1,27 млн. чел.), Кувейт (758 тыс. чел), Оман (707 млн. чел.), Непал (600 тыс. чел.), Катар (600 тыс. чел.), Бахрейн (350 тыс. чел.), Сингапур (350 тыс. чел.). Характерной чертой миграции индийцев за рубеж является превалирование потоков в страны с высоким уровнем ВВП на душу населения по ППС (по данным Всемирного Банка за 2017 г.: Катар 128,3 тыс. долл. США, Сингапур 93,9 тыс. долл. США, ОАЭ 73,8 тыс. долл. США, Кувейт 71,9 тыс. долл. США, США 59,5 тыс. долл. США, Саудовская Аравия 53,8 тыс. долл. США) (World Bank, 2017). На Саудовскую Аравию приходится 24,6% от общего числа индийских мигрантов за рубежом, на ОАЭ – 17,6%, на США – 11,2%.

К 2030 г., как прогнозируется, при существующем уровне смертности и продолжительности жизни по обоим полам на уровне 63 лет, численность населения Индии может составить 1,48 млрд. человек, при этом численность экономического населения с текущих 400 с лишним млн. человек данный показатель может увеличиться до 706 млн. человек.

Основными штатами-донорами иммигрантов из Индии являются Уттар Прадеш, Бихар, Тамил Наду, Керала, Андхра Прадеш, Западная Бенгалия, Пунджаб, Раджастан. На данные штаты пришлось более 80% индийских иммигрантов (2014 г.). Низкий уровень оплаты труда является основной причиной миграции индийцев из указанных штатов. Миграционный коридор «Индия-ССАГПЗ» является самым насыщенным в географии индийских мигрантов, и значимым, поскольку сущность причинно-следственной связи данного направления определяется экономической привлекательностью и устойчивостью данного региона, политической стабильностью и современной инфраструктурой. Востребованность на рынке ССАГПЗ индийской неквалифицированной рабочей силы подкреплена оплатой труда, значительно превышающей оплату труда в самой Индии.

Статистика международной миграции не однополярная, поскольку на страны Севера (Европу) и страны Юга (Азию) сегодня приходится 62% всех международных мигрантов (150 млн. человек). Странами, на которые приходится более 50% выходцев – международных мигрантов, являются развивающие страны Азии, численность населения в которых является самой высокой в мире (Индия, Китай, Афганистан, Бангладеш, Пакистан). И наибольшее число международных мигрантов приходится на вторую по численности в мире страну – Индию, обладающую самой молодой нацией и численность населения которой до середины XXI в. обгонит численность населения Китая. В 2017 г. численность мигрантов из Индии составила 16,5 млн. человек, обеспечивающих стране первое место в мире по объему денежных переводов (2016 г. – более 60 млрд. долл. США). Тенденция роста иммигрантов из Индии сопровождается ростом эмиграции в Республику: с 2001 по 2011 гг. данный показатель увеличился с 314,5 млн. человек до 453,6 млн. человек. Причины, побуждающие иммигрировать в Индию, различны в гендерном разрезе.

Индия считается самой крупной демократией в мире и цивилизованным обществом, но в стране все еще велика роль традиционные и культурных, психологических и гендерных стереотипов, характеризующих недостаточный вес женщин в индийском обществе, их недостаточной интегрированности в социальные и экономические процессы, недостаточной заинтересованности, а возможно и отсутствие адекватного и достойно оплачиваемого доступа на рынок труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Коновалова Ю.А. Россия-Индия: сотрудничество в XXI веке. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2017. – 251 с.

2. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М.: Институт экономических стратегий, 2009. – 1224 с.

3. Экономическое, социальное и политическое развитие Индии (1947–1987): Сб. статей. – М.: Наука. – Главная редакция восточной литературы, 1989. – 275 с.

4. Federal Competitiveness and Statistics Authority, 2016. Electronic resource. Access mode: http://fcsa.gov.ae/en-us/Pages/Statistics/Statistics-by-Subject.aspx

5. Overseas migration patterns from India, 2018. Electronic resource. Access mode: http://www.nsda.gov.in/research/NSDC%20Migration_Feb%2018.pdf

6. Selected Socio-Economic Statistics India, 2017. Electronic resource. Access mode: http://www.mospi.gov.in

7. World migration report 2018. Electronic resource. Access mode: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf

8. World Bank. Electronic resource. Access mode: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?year_high_desc=true

МИГРАЦИЯ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

ЛАПШОВ Валерий Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии института международных отношений и социально-политических наук, «Московский государственный лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ), Москва (Россия). E-mail: valeralapshov@gmail.com

Аннотация. В данной статье предпринята попытка рассмотреть проблему миграции как ресурс социально-экономического развития современного общества на примере столичной студенческой молодежи России и Германии. В его основе лежат материалы социологического исследования, проведенного в 2017–2018 гг. Цель данного исследования состояла в осуществлении сравнительного анализа и выявлении особенностей отношения студентов московских и берлинских ВУЗов к трудовым мигрантам.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, отношение к трудовым мигрантам, национализм, этническая интолерантность.

MIGRATION AS A RESOURCE FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Valery A. LAPSHOV, Doctor of Sociology, professor,Head of the Department of Sociology Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, «Moscow State Linguistic University» (MSLU), Moscow (Russia). E-mail: valeralapshov@gmail.com

Abstract. This article attempts to look at the problem of migration as a resource for the socio-economic development of modern society using the example of metropolitan student youth in Russia and Germany. It is based on materials from a sociological survey conducted in 2017–2018. The purpose of this study was to carry out a comparative analysis and identify the characteristics of the attitude of students of Moscow and Berlin universities to migrant workers.

Keywords: migration, labor migration, attitude to labor migrants, nationalism, ethnic intolerance.

В последнее время в Российской Федерации (далее – РФ) проблема миграции приобретает острый характер. Так, по некоторым оценкам экспертов, в 2015 г. в нашу страну въехало более 17 млн. иностранных граждан, преимущественно из числа трудовых мигрантов [6, с. 163]. В 2017 г. по данным МВД, в России только официально поставлено на миграционный учет 15 710 227 человек [7]. Характерная черта миграционных потоков на нынешнем этапе – их направленность на столичные мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), где и обосновывается основная масса пребывающих мигрантов [8, с. 75].

Исследование Фонда «Общественное мнение» в 2017 г. установило, что 56% респондентов отрицательно относятся к трудовым мигрантам в Москве, лишь 33% опрошенных положительно относятся к пребыванию в столице «лишней» трудовой силы. При этом около 11% опрошенных уверены, что нахождение мигрантов в столице и в России в целом не несет никаких плохих последствий, однако 39% россиян уверены, что необходимо вводить ограничения на поток мигрантов [5].

Эта проблема актуальна не только в Москве, но и в Берлине. 26% населения Берлина – мигранты [1]. В Берлине есть местности, где мигрантов больше, чем коренных немцев. На первом месте кварталы вокруг Асканишер-плац, одной из площадей Кройцберга, где иностранцев 68%. Что касается административных единиц, то здесь лидирует самый центральный район Берлина – Митте. Там доля мигрантов составляет 44,5%. В западных районах города их в среднем больше трети. А меньше всего выходцев из-за границы на окраинах Восточного Берлина – в районах Трептов-Кёпеник и Марцан-Хеллерсдорф, около 10% [4].

Если посмотреть на возрастную динамику, ситуация еще интересней. 40% всех берлинских детей до 18 лет – иностранцы, а в некоторых центральных районах таких детей-мигрантов две трети. Поэтому проблема взаимоотношений местных жителей и мигрантов по-прежнему остается острой во всех сферах жизни общества, особенно в социальной и профессиональной.

Итак, в современном обществе существует проблемная ситуация: во-первых, в большинстве случаев внимание исследователей обращено на сам процесс трудовой миграции, при этом, нередко игнорируется последствия этих передвижений для мигрантов и для местного населения, в результате чего формируется отношение к первым. Во-вторых, существует недостаточная научная разработанность изучения отношения к трудовым мигрантам именно среди студентов московских и немецких ВУЗов.

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть проблему миграции как ресурс социально-экономического развития современного общества (на примере столичной студенческой молодежи России и Германии). В его основе лежат материалы социологического исследования, проведенного в 2017–2018 гг. об отношении студентов Москвы и Берлина к трудовым мигрантам.

Основная гипотеза исследования: распространенность типов отношения студентов к трудовым мигрантам в Москве и в Берлине различается.

Исследование проводилось в два этапа: 1) в Москве с 4 декабря по 23 декабря 2017 г. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный лингвистический университет, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский государственный университет культуры); объем выборки N=1220, предельная ошибка выборки Δ=6,6%; 2) в Берлине: с 23 января по 10 февраля 2018 г. (Свободный университет Берлина, Берлинский университет им. Гумбольдта, Берлинский технический университет, Берлинский университет искусств), объем выборки N=1200, предельная ошибка выборки Δ=6,9%.

В ходе исследования был проведен анкетный опрос студентов Москвы и Берлина, а также изучены вторичные данные исследовательских центров «Левада-Центр», «ВЦИОМ», ряда частных исследований, изучающих проблемы миграции и отношения местных жителей к трудовым мигрантам в России и Германии.

В данном исследовании мы исходили из того, что миграция – это перемещение, передвижение индивидуума, группы людей или целого населения в связи с ухудшением условий предыдущей жизни и адаптация к новой среди в образовательной, профессиональной, отраслевой среде.

Трудовая миграция – это общественный процесс, при котором субъект миграции перемещается по определенным причинам через границу внутри или вне постоянного места пребывания, заключив трудовой (гражданско-правовой) договор с нанимателем, для достижения собственных целей, в рамках процедур и на определенные сроки, установленные в принимающем государстве и для адаптации к новой среде в профессиональной и трудовой сфере жизни.

Отношение к трудовым мигрантам – это интегральное свойство личности, которое проявляется в оценках значимости, доверия, сомнения и поведенческой активности, связанных с трудовыми мигрантами.

Мы рассматриваем отношение студентов к трудовым мигрантам как интегральную реакцию студенческой молодежи на реально-потенциальное воздействие с трудовыми мигрантами.

В начале XXI в. такие мегаполисы, как Москва и Берлин являются центрами по привлечению миграционной рабочей силы – будь то внутренние трудовые мигранты, либо рабочая сила из-за границы. Большой приток трудовых мигрантов не может не затрагивать жизнь местных жителей, в том числе и студентов. Происходит взаимодействие с трудовыми мигрантами, в результате которого формируется отношение к ним.

Проведенный нами вторичный анализ результатов исследования Л.Н. Стояновой «Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице» [9], которое проводилось в 2013 г. и охватило 1200 человек различных возрастных групп (от 18 до 70 лет), позволил сделать следующий вывод: москвичи хотят видеть в своем городе приезжих, с которыми можно вести диалог, и которые имеют базисные знания о городе и языке.

Мы предложили нашим респондентам выбрать те основания, которые определяют их отношение к трудовым мигрантам. Эти основания мы взяли из исследования Левада-Центра, где изучалось отношение жителей России к трудовым мигрантам [3]. Это: национальность, поведение, вероисповедание, сфера трудовой деятельности и др.

Московские студенты в наибольшей степени опираются на национальность (40%), так как принадлежность трудового мигранта к определенной нации или народу определяют то, в какую сторону будет развиваться отношение московского студента к трудовым мигрантам – в негативную или позитивную. Стоит отметить, что многие конфликты в России и в Москве нередко рождаются на национальной почве. Недоверие к людям других наций,

народов, стран или желание общаться с ними рождается еще до знакомства с этими людьми. Поэтому основание национальность является первоочередным для респондентов-студентов из Москвы.

Вторым самым распространенным основанием среди московских студентов является поведение трудовых мигрантов (33%). Будь то митинги на Манежной площади или беспорядки в Бирюлево – все эти недовольства были вызваны поведением трудовых мигрантов, негативным поведением.

Также, 11% студентов из Москвы выбрали вероисповедание как третье по важности основание для определения своего отношения к трудовым мигрантам.

Что же касается студентов берлинских ВУЗов, то поведение (35%) и национальность (28%) также являются определяющими основаниями для определения своего отношения к трудовым мигрантам. Но вот третье основание – сфера деятельности (20%) – является более важным для студентов Берлина, нежели для студентов Москвы. Принадлежность трудового мигранта к определенной вере имеет гораздо меньшее значение, нежели его занятость в определенной сфере жизнедеятельности людей в Берлине.

Стоит отметить, что 68% респондентов в Москве и 60% респондентов в Берлине пересекаются с трудовыми мигрантами. При этом, 66% студентов в Москве не считают необходимым общаться с трудовыми мигрантами. Чуть больше половины респондентов в Берлине (55%) солидарны со студентами в Москве и не желают общаться с трудовыми мигрантами.

Меньше половины респондентов в Берлине (45%) и в Москве (34%) общаются с трудовыми мигрантами. Нами также были выделены три главные причины наличия общения с трудовыми мигрантами: знакомство, желание помочь, необходимость.

Наиболее важны новые знакомства для тех, кто общается с трудовыми мигрантами. В Москве этот вариант выбрало 58% респондентов, а в Берлине – 60%. Мы предполагаем, что московские и берлинские студенты стремятся к общению для культурного разнообразия, для изучения другой культуры и расширения собственного окружения. Также, 49% респондентов в Москве и 51% респондентов в Берлине испытывают желание помочь людям, которые приехали в столицы работать. 41% московских и 39% берлинских студентов вынуждены взаимодействовать с трудовыми мигрантами – это может быть связано с общей трудовой деятельностью или наличием общих знакомых. Необходимость носит менее положительный, скорее, нейтральный характер в отличие от стремления к общению или желания помочь. Однако необходимость является определяющей причиной наличия общения, так как студенты и трудовые мигранты сталкиваются или взаимодействуют почти каждый день, тем более, в таких мегаполисах как Москва или Берлин. Основной сферой пересечения московской студенческой молодежи и трудовых мигрантов стала сфера услуг, из которой оптовая и розничная торговля – 32%, а услуги личного характера – 5%.

Большинство респондентов в Москве видят в трудовых мигрантах качества с негативным оттенком. 37% московских студентов считают, что тру-

довые мигранты – это малообразованные люди, которые способны на низкоквалифицированный труд. Студенты также видят в трудовых мигрантах мошенников и правонарушителей, которые нарушают правопорядок в столичном мегаполисе. 29% опрошенных отметили то, что трудовые мигранты являются неудачниками и не способны реализовать себя в своей стране.

Что же касается студентов Берлина, то они видят более нейтральные качества, когда речь заходит о трудовых мигрантах. Они в большей степени испытывают симпатию и жалость, поэтому 30% берлинских студентов считают, что трудовые мигранты – это люди из неблагополучных семей и социальных слоев общества. Равное процентное соотношение студентов (25%) из Берлина выбрало то, что трудовые мигранты являются несчастными людьми, которым приходится терпеть множество трудностей, и что трудовые мигранты – это кормильцы, которые заботятся о благополучии своей семьи.

Кроме того, студенты Москвы и Берлина объяснили причины своей неприязни к мигрантам. В итоге, получилось примерное равное процентное соотношение, но мы можем выделить три главных причины негативного отношения к трудовым мигрантам: незнание местного языка (в Берлине – 20%, в Москве – 18%), низкий уровень культуры (в Берлине – 18%, в Москве – 19%) и внешний вид трудовых мигрантов (в Берлине и в Москве – 16%). Стоит все же отметить, что для московских студентов уровень культуры трудовых мигрантов имею чуть большее значение, чем их знание русского языка. При этом, студенты Берлина больше ценят в трудовых мигрантах их знание местного языка, нежели их уровень культурного развития.

Большинство респондентов считает, что трудовые мигранты работают там, где не хочет работать местное население. Это связано с тем, что работа трудовых мигрантов в Москве низкооплачиваема и проистекает в ужасных санитарных условиях. Также 23% московских студентов считают, что трудовые мигранты привносят этническое и культурное разнообразие. Но 21% респондентов из Москвы категорически не видят ничего положительного в присутствии трудовых мигрантов в Москве.

Также этот же вопрос мы задали студентам из Берлина. Также самой популярной причиной положительного отношения к трудовым мигрантам среди студентов Берлина является тот факт, что мигранты работают там, где не хочется работать местное население (59%). Мы можем говорить о том, что трудовые мигранты в обоих мегаполисах работают, примерно, в одинаковых условиях. Причем в таких условиях, в которых отказываются работать местное население и Москвы, и Берлина. Также 36% студентов считают, что трудовые мигранты привносят разнообразие в их город. По мнению 26 % опрошенных, город пополняется энергичными людьми. Вариант «ничего» был выбран меньшим количеством студентов (12%) в отличие от студентов Москвы.

57% студентов Москвы серьезно настроены на изгнание трудовых мигрантов из российской столицы. 36% респондентов из Москвы сочли ненужным исключения трудовых мигрантов из общества. Практически половина берлинских студентов (48%) уверены в том, что они не готовы выдворить трудовых мигрантов из столицы Германии. Опять же, мы уже до этого начи-

нали убеждаться, что берлинские студенты более толерантны по отношению к трудовым мигрантам. И лишь 39% респондентов из Берлина солидарны со студентами из Москвы и готовы высылать трудовых мигрантов из немецкой столицы.

Таким образом, установка поведения по отношению к трудовым мигрантам у студентов Берлина имеют положительную и нерадикальную направленность, в отличие от московской студенческой молодежи, которая в большинстве своем радикально настроена на избавление от трудовых мигрантов. При этом студенты Москвы и Берлина осознают, что необходимо совершенствовать и улучшать отношения с трудовыми мигрантами.

Студенты Берлина придерживались принципов толерантности и в этом вопросе, и поэтому главным способом улучшения отношения для них является проявление толерантности (63%). Также немецкие студенты призывают к созданию хороших условий для проживания (51%). Хорошая работа (32%) может тоже привести к улучшению отношения с трудовыми мигрантами. 23% студентов из Берлина считают, что стоит повысить социальные выплаты. Этот вариант является наименее распространенным среди немецких респондентов, так как трудовым мигрантам и мигрантам вообще выплачивают хорошие социальные льготы, которые позволяют жить в немецкой столице. 27% немецких студентов уверены, что не нужно обращать внимание на трудовых мигрантов, то есть эти выбрали позицию равнодушия.

В отличие от немецкой студенческой молодежи, большинство студентов из Москвы не видят особых способов по улучшению отношения с трудовыми мигрантами и поэтому считают, что стоит просто не обращать внимание на трудовых мигрантов (56%). Почти половина (45%) не отказывается от принципов толерантности, и эти люди уверены, что проявления этой самой толерантности поможет улучшить отношения студентов с трудовыми мигрантами. Практически, равно процентное соотношение между берлинскими и московскими студентами выбрало путь помощи в быту – в Москве 37% респондентов стремятся таким образом улучшить отношения с трудовыми мигрантами. 30% призывают создавать хорошие условия для проживания, и примерно столько же студентов уверены в том, что нужно давать хорошую работу. Стоит отметить, что повышение социальных выплат (21%) и среди московских студентов является наименее эффективным способом улучшения отношения с трудовыми мигрантами.

Студенты Москвы выбирают вариант оставаться в стороне, и не менять ситуацию, связанной с отношением к трудовым мигрантам. Студенты Берлина призывают к определенным действиям, а именно – проявление толерантности. Больше половины респондентов (52%) положительно относятся к внутренним мигрантам, то есть к немцам, которые приехали работать в Берлин из других городов Германии. Берлинские студенты не выступают против того, чтобы их сограждане приезжали в немецкую столицу и зарабатывали деньги. Это в малой степени показывает народное единство Германии.

В отличие от берлинских коллег, студенты Москвы негативно относятся к внутренним мигрантам. 43% студенческой московской молодежи нега-

тивно относится к трудовым мигрантам с Северного Кавказа. Это связано с множеством конфликтов, которые происходят в российской столице между студентами и кавказскими рабочими. Также неудивительно, что 38% студентов из Москвы отрицательно относятся к трудовым мигрантам из Средней Азии. Конфликты с ними стали реже, но вот их количество увеличивается. Несмотря на то, что сегодня в Москве трудовых мигрантов среднеазиатской внешности проверяют сотрудники полиции (проверка прописки, разрешения на работу), то есть сегодня с ними ведут себя строже власти города, московские студенты по-прежнему имеют негативное отношение к мигрантам из Средней Азии. Также 32% студенческой молодежи Москвы негативно относится к рабочим мигрантам Закавказья.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что этническая принадлежность трудовых мигрантов влияет на формирование отношения студентов Москвы и Берлина к трудовым мигрантам.

Для более углубленного изучения особенностей отношения студентов к трудовым мигрантам, мы решили выявить гендерные различия. Нами была использована шкала Багардуса. Эта шкала позволяет измерить дистанции, связанные с расой и национальной принадлежностью, возрастом, полом, профессией, религией. Она показывает степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. Суть наших вопросов заключалась в готовности принять трудового мигранта не только в качестве приезжего, но и в другом амплуа. Касаясь принятия мигранта в качестве партнера по трудовой деятельности, то тут 55% женщин готовы это сделать, как и 45% мужчин. При этом 60% молодых людей отвергают трудового мигранта, когда речь заходит о партнерстве в трудовой деятельности. Большинство представителей мужского пола не видят трудового мигранта как соседа. Однако 55% женщин готовы принять рабочего в качестве соседа. Опираясь на полученные данные, мы делаем вывод о том, что есть гендерные различия у студентов Москвы – женщины более толерантно относятся к трудовым мигрантам.

Что же касается студентов Берлина, то здесь 54% женщин готовы принять трудового мигранта в качестве партнера по трудовой деятельности, в то время как 55% мужчин этого делать не намерены. Девушки Берлина оказались более толерантны и в вопросе принятия трудового мигранта в качестве соседа, и 54% готовы это сделать. При этом из мужского населения такую готовность выразили только 46%. Более половины молодых людей (55%) не готовы принять трудового мигрантам в качестве соседа, и с ними согласны 45% девушек студенческой молодежи Берлина.

Стоит отметить, что и в Москве, и в Берлине девушки чаще затруднялись ответить на эти вопросы. Вероятно, что гендерная особенность мужчин заключается в том, что у них имеется более сформированное представление о трудовых мигрантах, и поэтому они более уверены в своем выборе. Но причина может быть и в другом – женщины не готовы дать ответ, готовы ли они принять трудового мигрантам в определенном амплуа, пока они этого, действительно, не сделают.

Итак, девушки Берлина и Москвы более толерантно относятся к трудовым мигрантам, чем молодые люди. Но при этом юноши Берлина более положительно относятся к мигрантам, чем юноши из Москвы.

Мы попытались разработали типологию отношения студентов Москвы и Берлина к трудовым мигрантам. За основу взяли типы толерантного отношения молодежи к мигрантам О.М. Коморниковой [2], которая выделяла 4 типа отношения к мигрантам среди молодежи: крайне интолерантный, умеренно интолерантный, умеренно толерантный и толерантный типы. Каждый из этих типов концентрируется на восприятии/отторжении мигрантов, на том, готовы люди молодые люди сосуществовать в обществе с мигрантами и их особенностями поведения, культуры или нет.

Для разработки данной типологии, мы проверили статистическую значимость между признаками и отношением студентов к трудовым мигрантам. Наиболее сильную связь мы выявили по показателям «толерантность», «негативное/положительное отношение к трудовым мигрантам», «выгонять/не выгонять трудовых мигрантов». Данные показатели стали определяющими для определения типов отношения студентов к трудовым мигрантам и причисления респондентов к данным типам. Нами были выделены следующие типы: 1) радикальный; 2) терпимый; 3) толерантный; 4) смешанный.

Радикальные студенты характеризуются агрессивным настроением против трудовых мигрантов. Они не готовы принимать рабочих из других городов, стран и регионов в своем обществе и испытывают чувство отторжения к ним. Более того, они видят в трудовых мигрантах угрозу для своего города и призывают к полному исключению их из своего города. Мигрантофобия проявляется у таких студентов очень часто.

Студенты, относящиеся к терпимому типу, допускают присутствие трудовых мигрантов в обществе, при этом они могут негативно или положительно относится к приезжим рабочим, но они свое отношение показывать не будут. Что же касается социокультурных признаков трудовых мигрантов, то некоторые из них будут вызывать отторжение.

Наконец, толерантные студенты положительно относятся к трудовым мигрантам. Эти молодые люди будут показывать свое отношение разными способами и будут призывать окружающих к тем же действиям. У таких студентов абсолютно лояльное отношение ко всем социокультурным признакам трудовых мигрантов.

Что же касается смешанного типа, то сюда относятся те люди, которые часто затруднялись отвечать на вопросы в анкете. Мы можем говорить о том, что их отношение еще не сформировано до конца. Они могут призывать как к толерантному, так и к радикальному отношению к трудовым мигрантам. Их отношение будет меняться от контекста ситуации.

В итоге, мы выявили распространенность типов отношения студентов к трудовым мигрантам в Москве и в Берлине (рис. 1).

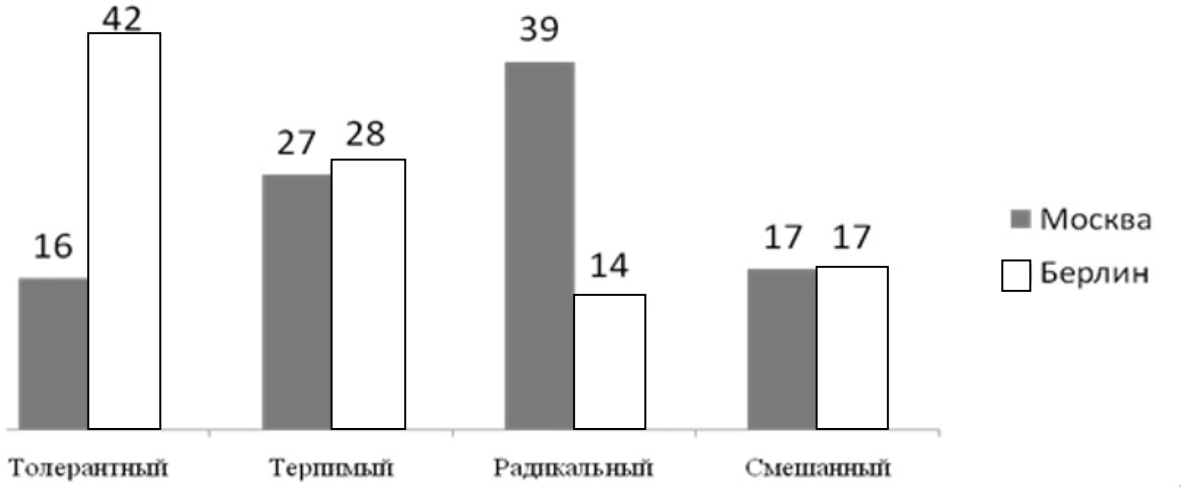

Рис. 1. Распространенность типов отношения студентов к трудовым мигрантам в Москве и в Берлине, %

В Москве самым часто проявляемым типом является радикальный (39%). В Берлине же этот тип распространен наименее всего (14%). Терпимый и смешанный типы имеют примерно равное процентное соотношение в обеих столицах – 27% респондентов в Берлине и 28% в Москве относятся терпимо, а 17% берлинских и 17% московских студентов мы причислили к смешанному типу. В Берлине самым распространенным типом отношения студентов к трудовым мигрантам является толерантный (42%).

Итоги нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что отношение к трудовым мигрантам в Москве и Берлине проявляется по-разному. Проблема трудовой миграции сегодня актуальна в обеих столицах, но восприятие берлинских и московских студентов этой ситуации различно. Берлинские студенты толерантно относятся к трудовым мигрантам, московские студенты настроены радикально. Принципы толерантности к разным социальным явлениям гораздо больше распространены в немецкой столице. В Москве эти идеи имеют гораздо меньшую популярность, воспитание молодых поколений не подразумевает под собой обучение принципам толерантности.

Проблема трудовой миграции в Москве актуальна гораздо дольше, чем в Берлине. Студенты немецкой столицы еще не успели полностью сформировать свое отношение к трудовым мигрантам, которые большими потоками прибывают в их город последние несколько лет. Возможно, в связи с этим студенты Берлина часто затруднялись ответить на наши вопросы, нежели московские студенты – студенческая берлинская молодежь еще не успела столкнуться со всеми последствиями пребывания трудовых мигрантов в их городе.

Гендерные различия в обоих городах носят примерно одинаковый характер – девушки более толерантно относятся к трудовым мигрантам, чем юноши. Этническая принадлежность трудовых мигрантов играет важную роль для студентов Москвы и Берлина. В Берлине молодежь более патриотично

настроена на прибытие в их город сограждан из других немецких городов. В Москве уже было достаточно случаев и инцидентов с внутренними российскими мигрантами, которые потом имели не самые приятные последствия.

Проблема взаимоотношения с трудовыми мигрантами сегодня стоит остро для студенческой молодежи обоих городов. В Москве студенты уже меньше думают о своем отношении к трудовым мигрантам, однако в Берлине студенты осознают, что проблема только начинает приобретать самые крупные масштабы.

Результаты данного исследования могут стать отправной точкой для решения данной проблемы. Власти Берлина и Москвы могут учесть наши полученные данные для улучшения отношения студенческой молодежи к трудовым мигрантам. Таким образом, гипотеза о том, что распространенность типов отношения студентов к трудовым мигрантам в Москве и в Берлине различается, подтвердилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Зиньковский О. Число мигрантов в Берлине внезапно увеличилось вдвое [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kontinent.org/article.php?aid=4877fed7704fc (Дата обращения: 10.06.2017).

2. Коморникова О.М. Типы толерантного отношения молодежи к трудовым мигрантам//Журнал «Социологические исследования». 2010. № 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Komornikova_18 (Дата обращения: 15.01.2018).

3. Левада-Центр, опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 17 февраля 2017. 48 регионов РФ, 137 населенных пунктов, 1600 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam/ (Дата обращения: 10.06.2017).

4. Места, куда боятся ходить. Как живут районы под контролем мигрантов в ЕС [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/world/20180314/1516282771.html (Дата обращения: 10.06.2017).

5. Миграция и рынок труда [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fom.ru/Rabota-i-dom/11946 (Дата обращения: 10.06.2017).

6. Паскачев А.Б., Волох В.А., Суворова В.А. Государственная миграционная политика Российской Федерации в новых условиях / Отв. ред. А.Б. Паскачев; Ин-т миграции и межнациональных отношений. М.; Ярославль: Литера, 2017.

7. Пятов Г. Как гастарбайтеры подтачивают Россию. Комсомольская правда. 07 апреля 2018.

8. Рудаков О.В. Формирование региональной программы повышения занятости населения в Курской области // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2014. № 1 (2). С. 72–75.

9. Стоянова Л.И. Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mos.ru/upload/documents/files/8263/Migration.pdf (Дата обращения: 30 ноября 2018 г.).

МОГУТ ЛИ БЕЖЕНЦЫ БЫТЬ РЕСУРСОМ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОЛГАРИИ?[1]

НАКОВА Албена Илиева, кандидат социологических наук, доцент, Институт исследований обществ и знания при Болгарской академии наук, София (Болгария). E-mail: albena_nakova.manolova@abv.bg

ХРИСТОВА-ДИМИТРОВА Таня Неделчева, доктор социологических наук, профессор, Институт исследований обществ и знания при Болгарской академии наук, София (Болгария). E-mail: inadim@dir.bg

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты двух типов социологических исследований – национального репрезентативного опроса населения Болгарии и фокус-групп дискуссий, проведенных в рамках двух проектов, в которых приняли участие авторы этой статьи. Представленные данные показывают отношение болгарских граждан к беженцам – готовность принять их и жить с ними, а также видят ли они в них ресурс, который мог бы принести пользу страны в долгосрочной перспективе и внести вклад в ее социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: беженцы, представления о беженцах, отношение к беженцам, беженцы как ресурс для социально-экономического развития.

CAN REFUGEES BE A RESOURCE FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF BULGARIA?[2]

Albena I. NAKOVA, PhD (Sociology), Associate Professor, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia (Bulgaria). E-mail: albena_nakova.manolova@abv.bg

Tanya N. HRISTOVA-DIMITROVA, DSc (Sociology), Professor, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia (Bulgaria). E-mail: inadim@dir.bg

Abstract. This article presents the results of two types of sociological survey conducted using the quantitative and qualitative methods – a nationally representative survey and focus group discussions – carried out in the framework of two projects, in which the authors of this article took part. The data presented show the attitude of Bulgarian citizens to refugees – the willingness to accept them and live with them, and if they see them as a resource that could benefit the country in the long term and contribute to its socio-economic development.

Keywords: refugees, representations of refugees, attitudes towards refugees, refugees as a resource for socio-economic development.

[1] Исследование проведено при поддержке Фонда научных исследований при Министерстве образования и науки Республики Болгарии, проект № 15/3–11.12.2017

[2] The study was conducted with the support of the National Science Fund at the Ministry of Education and Science of the Republic of Bulgaria grant № 15/3–11.12.2017

Главной особенностью современного глобализирующегося мира является перемещение человеческих сообществ. Мотивы этого движения различны – экономические, политические, военные, экологические и т. д. Безусловно, носителями высокого риска в этом отношении являются беженцы, люди, спасающиеся от войны, преследования, терроризма, голода и ищущие лучшее будущее в Европе. Военные конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке за последние несколько лет породили огромную волну беженцев, направленную на Старый континент. Первоначально правительства развитых западноевропейских странах рассматривали миграцию в целом и беженцев, в частности, как ключевой фактор стимулирования развития экономики ЕС, как источник рабочей силы и возможный ресурс для преодоления негативных демографических тенденций в развитых странах Однако впоследствии ЕС оказался перед серьезным миграционным кризисом, который поставил под сомнение европейские ценности и концепции гуманности, толерантности, свободы и равенства и вызвал опасения разрушения тех же самых ценностей. В ряде западноевропейских стран существует все более ощутимое несоответствие между официальными политическими позициями и общественными настроениями. Серьезные противоречия оказались в отношении беженцев и между странами Западной и Восточной Европы.

Болгария, как часть Европы и внешняя граница ЕС, оказывается на пути миграционных потоков и не остается не затронутой ими, хотя в Болгарии в настоящее время находятся не большое число беженцев. В докладе Государственного агентства по делам беженцев за период с 01.01.2000 по 30.06.2018 г. видно, что увеличение потоков беженцев в результате войны в Сирии, начавшейся в 2011 г., вовлеченные этими потоками беженцы из других стран региона, также как и объявление европейской политики „открытых дверей“ для беженцев оказались решающими факторами для увеличения числа лиц, ищущих международную защиту в Болгарии с 2013 г. до сих пор. Согласно статистическим данным Государственного агентства по делам беженцев в период 2007 (присоединение Болгарии к ЕС) – июнь 2018 г. 68201 человек ищут международную защиту в Болгарии. Из них – 11912 получили статус беженца, 8024 – гуманитарный статус, 8833 – получили отказ, а для 38426 – процедура прекращена [1]. Основные страны происхождения лиц, ищущих международную защиту в Болгарии – Афганистан, Сирия, Ирак, а в последние несколько лет Пакистан и Иран.

Следует специально отметить, что Болгария признана преимущественно транзитным пунктом для большинства иностранцев, ищущих защиту в Европейском Союзе. Болгария, как и практически все страны Юго-Восточной Европы, рассматриваются беженцами как транзитный коридор на пути в Центральную и Западную Европу. Транзитная роль страны подтверждается большим количеством прекращенных процедур по предоставлению статуса беженца. Причем наиболее частой причиной этого является то, что лица, обращающиеся за международной защитой, направляются в другие страны, не дожидаясь окончания процедуры предоставления защиты.

Таблица 1

Информация о лицах, которые искали защиту, и о принятых решениях за период 01.01.2007–30.06.2018

Год	Число лиц, ищущих защиту	Предоставлен статус беженца	Предоставлен гуманитарный статус	Отказ	Прекращенные процедуры	Общее количество решений
2007	975	13	322	245	191	771
2008	746	27	267	381	70	745
2009	853	39	228	380	91	738
2010	1025	20	118	386	202	726
2011	890	10	182	366	213	771
2012	1387	18	159	445	174	796
2013	7144	183	2279	354	824	3640
2014	11081	5162	1838	500	2853	10353
2015	20391	4708	889	623	14567	20787
2016	19418	764	587	1732	8932	12015
2017	3700	804	900	3048	9662	14414
2018	591	164	255	373	647	1439
Общее число	**68201**	**11912**	**8024**	**8833**	**38426**	**67195**

Источник: Государственное агентство по делам беженцев [1]

В таком случае можно ли рассматривать беженцев как ресурс для социально-экономического развития страны?

В настоящей работе представлены результаты двух типов социологических исследований – национально репрезентативного опроса населения Болгарии и фокус-групп дискуссий – проведенных в рамках двух проектов, в которых приняли участие авторы этого доклада. Первый проект финансируется Национальным научным фондом Министерства образования и науки Болгарии и направлен на установление отношения болгарских граждан к беженцам, а второй был реализован Болгарской академией наук в ответ на правительственный заказ и связан с разработкой мер по преодолению демографического кризиса в Болгарии. Представленные данные показывают отношение болгарских граждан к беженцам – готовность принять их и жить с ними, а также видят ли они в них ресурс, который мог бы принести пользу страны в долгосрочной перспективе и внести вклад в ее социально-экономическое развитие.

Начнем с данных национального репрезентативного опроса населения Болгарии, которые показывают доминирующее отношение болгарских граждан к беженцам. Опрошенным лицам были заданы два вопроса о беженцах, а именно: *„Считаете ли вы, что Болгария должна принимать беженцев?“* и *„Считаете ли вы, что поселение беженцев в нашей стране принесет пользу стране в долгосрочной перспективе?*“.

Вот что показывают результаты. Что касается первого вопроса, то только 31,6% респондентов считают, что Болгария должна принимать беженцев. Их мотивы сводятся к следующему: *потому что у нас есть обязатель-*

ства по европейскому и международному праву – 7,9%; *потому что людям, нуждающимся в помощи, надо помогать* – 22,1%; потому что *мы нуждаемся в рабочей силе* – 1,6%.

Как видно, в этом случае причины позитивного отношения к приему беженцев в Болгарии являются чисто психологические, связанные с проявлением эмпатии и сочувствия к людям, находящимся в беде. Некоторые респонденты также оправдывают свой выбор и обязательствами нашей страны по европейскому и международному праву.

Очевидно, однако, что опрошенные лица не рассматривают беженцев как возможный ресурс для болгарского рынка труда. Люди, считающие, что они являются рабочей силой, в которой страна нуждается, составляют всего 1,6%, что ниже статистической ошибки и поэтому этим мнениием можно принебречь.

Ответы большинства респондентов (64,1%) негативны, а именно: Болгария не должна принимать беженцев. Их мотивы связаны со следующими ответами: *потому что у государства нет экономических возможностей для покрытия расходов на их содержание* – 20,9%; *потому что среди них могут быть люди, представляющие угрозу национальной безопасности страны* – 20,7%; *потому что возможно возникновение гражданских конфликтов в населенных пунктах, где они размещены*– 13,5*%; потому что они являются носителями другой культуры, совершенно отличной от нашей* – 9,0%.

Как видно, люди, которые выступают против приема беженцев в Болгарии, в два раза больше тех, кто поддерживает их прием.

Ответы на вопрос о том, должна ли Болгария принимать беженцев, находятся в соответствии и предопределяют ответы на вопрос *„Считаете ли вы, что поселение беженцев в нашей стране принесет пользу стране в долгосрочной перспективе?“*. Примерно та же доля респондентов, которые считают, что Болгария не должна принимать беженцев, разделяют мнение о том, что не будет никакой пользы для страны от поселения беженцев в Болгарии – 68,8%.

Доля тех, кто согласен, что поселение беженцев в нашей стране принесет пользу стране в долгосрочной перспективе, составляют 25,3%. Причины, по их утверждению, связаны с: *поселение беженцев окажет положительное влияние на экономическое развитие страны* – 9,1%; *поселение беженцев будет способствовать преодолению демографического кризиса в стране* – 6,5%; *поселение беженцев будет стимулировать культурное разнообразие и обогатит национальную культуру* – 5,2%; *поселение беженцев укрепило бы межгосударственные контакты со странами их происхождения* – 4,5%.

Как показывают результаты, есть люди, которые считают, что поселение беженцев в нашей стране положительно скажется на экономическом развитии страны и будет способствовать преодолению демографического кризиса в Болгарии. Но их доля минимальна на фоне почти 70% населения, которые разделяют мнение, что не будет никакой пользы для страны от беженцев.

Результаты обсуждений в фокус-группах, проведенных в различных регионах страны и в различных типах поселений, подтверждают данные национального репрезентативного опроса. Они показывают, что наиболее нега-

тивным является отношение к беженцам в этнически однородных регионах страны с преимущественно болгарским этническим населением, где кроме того местные жители никогда не имели прямого контакта с беженцами, что еще больше усиливает опасения встречи с „чужими“ и незнакомыми и нежелание контакта с ними. В этом случае из-за отсутствия прямых контактов с беженцами и прямых впечатлений от бежанцев отношение местного населения к ним формируется полностью под влиянием отражения и интерпретации темы „бежанцев“ в средствах массовой информации, которые в Болгарии сильно негативны и способствуют формированию отрицательного отношения у местного населения.

Дополнительным аргументом в пользу непринятия беженцев является убеждение местных жителей о том, что вместо того, чтобы работать и способствовать развитию местной экономики, беженцы будут только пользоваться нашей системой социального обеспечения, в которой и без того средств не хватает. Они считают не справедливым принимать беженцев и заботиться о них, когда государство о собственных гражданах не в состоянии заботиться.

„Люди против них, потому что думают так: „Вот, им дают все, а я всю жизнь плачу здесь налоги и ничего не получаю.“… По нашему мнению, деньги, которые государство дает этим людям, лучше бы предоставлять их нашим детям, зачем отдавать их незнакомым людям… Я считаю, что государство должно давать прежде всего болгарским гражданам“ (женщина, 28 лет, участник фокус-группы в деревне Хотница, район Велико Тырново).

„На самом деле Болгария ничего не предлагает молодым семьям, но будет предлагать дома незнакомцам. Я думаю, что все так считают… Помощь беженцам – для меня это абсолютно пустая трата денег – мы даем наши деньги, а они через пять месяцев решают отправиться в Грецию, например, потому что им не нравятся условия здесь и денег немного“ (женщина, 27 лет, участник фокус-группы в деревне Хотница, район Велико Тырново).

Отношение к беженцам значительно более позитивное и готовность поддержать их интеграцию среди местного населения выше в этнически смешанных районах страны. Здесь сосуществуют представители разных этнических групп, из-за чего местное население имеет многолетний опыт общения с людьми разной этнической принадлежности, а также оно уже было в контакте с беженцами и имеет некоторые знания о них. Поэтому в этих районах первоначально нейтральное отношение к беженцам под влиянием прямого контакта с ними постепенно перерастает в позитивное. Непосредственный контакт с беженцами и их близкое знакомство в такой степени влияют на отношение местных жителей к ним, что даже негативное воздействие средств массовой информации не в состоянии изменить их отношение.

„По телевидению, когда речь идет о беженцах, говорят, что они плохие, но у нас они были хорошие“ (женщина, 75 лет, участник фокус-группы в деревне Крушево, район Благоевград).

Тем не менее, хотя люди в этих районах утверждают, что готовы принять беженцев в своих поселениях и жить вместе с ними, они ставят одно

главное условие: беженцы должны работать и вносить свой вклад в развитие поселений, в которых они живут, т.е. местные жители ожидают от них соответствующего отношения и поддержки для развития поселения.

„Мы согласны принять их, если они согласны жить здесь и работать в поле. Поля сейчас пусты, пусть они работают… Если они не работают, им не на что жить“ (женщина, 60 лет, участник фокус-группы в деревне Крушево, район Благоевград).

Местные жители однако полностью осознают, что готовность беженцев работать и вносить свой вклад в развитие нашей страны вовсе не высока.

„Мы привыкли работать. Наши мужчины работают в каменоломне, в полях… Наши мужчины взяли их с собой работать, но они не привыкли так работать. Один сказал, что был учителем, другой работал на заводе и эта работа кажется им тяжелой“ (женщина, 78 лет, участник фокус-группы в деревне Крушево, район Благоевград).

„Хорошие люди и нам понравились, но они привыкли жить на большие деньги, а у нас нет таких. У наших мужщин зарплата 800–900 левов и наши женщины радуются этому, а они говорят, что это небольшие деньги, так как привыкли жить по-другому” (женщина, 75 лет, участник фокус-группы в деревне Крушево, район Благоевград).

Несмотря на заявленное позитивное отношение к беженцам, и в этих районах страны наблюдается уже отмеченное выше критическое отношение местных жителей, связанное с тем насколько справедливо принимать беженцев, заботиться о них и предоставлять им государственную помощь, если государство не в состоянии заботиться о своих собственных гражданах.

„Наша деревня действительно очень доброжелательна, но есть одно „если“. Если у меня нет денег на выращивание собственного ребенка и я местный житель, я врядь ли буду согласен, что бы государство помогало детям беженцев… Когда у государства будут средства заботиться о болгарских детях, которые живуть в бедности, то тогда я буду не против заботиться и о детях беженцев“ (женщина, 53 года, участник фокус-группы в деревне Крушево, район Благоевград).

Это и вышеупомянутые другие заявления показывают, что возражения местного населения вызывают меры, связанные с предоставлением социальной помощи беженцам со стороны болгарского государства, даже в тех местах, где отношение к беженцам весьма позитивно.

На этом этапе в официальной политике Болгарии отсутствует концепции, рассматривающая беженцев как фактор, благоприятствующий социально-экономической и демографической ситуации в стране, что, скорее всего, является препятствием для реализации эффективной программы интеграции беженцев, несмотря на наличие разработанной Стратегии интеграции лиц, пользующихся международной защитой в Республике Болгарии [2]. В отличие от официальной государственной политики, результаты дискуссий в фокус-группах показали, что среди населения существуют мнения о том, что беженцев можно рассматривать как фактор социально-экономического и демографического развития.

„Лично я, как экономист, считаю, что мы можем использовать их для улучшения экономической ситуации в стране. Это цель большинства западноевропейских стран“ (участник фокус-группы в городе Харманли).

Участники в фокус-группах в местах нахождения центров размещения беженцев видят и конкретные экономические выгоды от беженцев для своих населенных мест.

„В лагере открыли много новых рабочих мест. Здесь работает много людей… Так они кормят свои семьи“ (участник фокус-группы в городе Харманли, где расположен центр размещения беженцев).

„Эти люди тратят свои деньги в магазинах города и это тоже выгодно для города“ (участник фокус-группы в городе Харманли).

Интересно то, что сами беженцы считают себя способными внести вклад в социально-экономическое развитие Болгарии – страны, которая приняла их чтобы жить в ней.

„Я живу и работаю здесь уже три года (у меня есть ресторан) и я плачу здесь налоги. И не только я один. В городе есть еще один сириец и у него также ресторан …И он тоже платит налоги. У него работают двое болгар. Он создал рабочие места для болгар“ (участник фокус-группы в городе Харманли, сириец, ждет получение статуса).

„Я строитель и я хотел бы работать в строительстве в Болгарии“ (участник фокус-группы в городе Харманли, сириец, ждет получение статуса).

„Я могу определенно играть положительную роль в развитии страны. Во многих странах есть знаменитые люди, которые были беженцами. Я могу быть хорошим примером, могу популяризовать вашу культуру, могу работать для вашей страны“ (участник фокус-группы в городе Харманли, афганец, ждет получение статуса).

„Я хочу жить как болгары. Я работала в банке в Ираке. Хочу иметь возможность работать в этом секторе и в Болгарии. Могу быть полезной на основе опыта, который у меня есть от работы в Ираке“ (женщина, из Ирака, участник фокус-группы в городе Софии, приобрела гуманитарный статус).

Опыт, однако, показывает другое – несмотря на желание, высказанное частью лиц, ищущих международную защиту в Болгарии, остаться, работать и внести вклад в социально-экономическое развитие страны, большинство из них сразу после получения статуса (беженца или гуманитарного статуса) покидает страну и уезжает в Западную Европу, а некоторые из них даже не дожидаясь завершения процедур, уезжают. Причина – неудовлетворенность социальной системой, получаемыми денежными пособиями и уровнем жизни в Болгарии.

„Люди не довольны условиями здесь, поэтому они отправляются в другие страны. В других странах, таких как Германия или даже Румыния, жизнь не лучше, только одна разница – там не останешься на улице и без еды“ (участник фокус-группы в городе Харманли, ждет получение статуса).

Так что на поставленный в начале вопрос – могут ли беженцы быть ресурсом для социально-экономического развития страны – сейчас ответ, скорее всего отрицательный. На этом этапе беженцы скорее пытаются воспользовать-

ся той помощью, которую болгарское государство предоставляет людям, таким как они, несмотря на то, что они ее считают крайне недостаточной, вместо того, чтобы стремиться остаться в стране, работать и вносить свой вклад в ее развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.aref.government.bg/index.php/bg/aktualna-informacia-i-spravki

2. НАЦИОНАЛА СТРАТЕГИЯ ЗА ИНТЕГРАЦИЯТА НА ЛИЦАТА, ПОЛУЧИЛИ МЕЖДУНАРОДНА ЗАКРИЛА В РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ (2014 – 2020 г.). Электронный ресурс. Режим доступа: https://zakrila.info/wp-content/uploads/2013/10/RefugeesStrategy.pdf

Раздел 3.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Section 3.

MODERN TRENDS OF MIGRATION IN THE EURASIAN AREA

MIGRATION ISSUES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Madina M. YESSIRKEPOVA, PhD (Law), associate professor, International Law Department L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana (Kazakhstan). E-mail: madina_e85@mail.ru

Abstract. Since the break-up of the Soviet Union, migration has developed dynamically in the region. The newly introduced freedom of movement has allowed people in post-Soviet countries to return to their former homelands or to move because of better economic prospects. Located in the Central Asian part of the former USSR, Kazakhstan is a case in point for high migration rates.
Keywords: migration, Republic of Kazakhstan, labor migration, protection.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

ЕСИРКЕПОВА Мадина Меирбековна, кандидат юридических наук, доцент международно-правового факультета Л.Н. Гумилева, Евразийский национальный университет, Астана (Казахстан). E-mail: madina_e85@mail.ru

Аннотация. После распада Советского Союза миграция в регионе динамично развивалась. Недавно введенная свобода передвижения позволила людям в постсоветских странах вернуться на родину или переехать из-за экономических перспектив. Казахстан, расположенный в центральноазиатской части бывшего СССР, является примером высоких темпов миграции.
Ключевые слова: миграция, Республика Казахстан, трудовая миграция, защита.

The migration concept in the Republic of Kazakhstan is regulated by Constitution of the Republic of Kazakhstan and by the Law of the Republic of Kazakhstan "On migration of population" dated by July 22, 2011 [2].

In accordance with this law migration is a permanent or temporary, voluntary or forced movement of individuals from one state to another, as well as within the state. Migration itself is subdivided into 2 broad categories: immigration (the entry of foreigners or stateless persons into the Republic of Kazakhstan for temporary or permanent residence) and emigration (the departure of Kazakhstani citizens from its territory). The mentioned-above law regulates only the process of immigration. According to the law depending on the purpose of entry into the territory of the Republic of Kazakhstan and staying on the territory of the Republic of Kazakhstan, the following main types of immigration are distinguished:

1) with the aim of returning to the historical homeland;
2) for the purpose of family reunification;
3) for the purpose of obtaining an education;
4) for the purpose of carrying out work;
5) for humanitarian and political reasons.

The main principles of immigration are as follows:

1) Recognition and guarantee of rights and freedoms of migrants in accordance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, laws and international treaties;

2) Protection of national interests and ensuring national security;

3) A combination of the interests of the individual, society and the state

4) Transparency of regulation of migration processes on the basis of updating and re-use of the information used;

5) The state's differentiated approach to the regulation of various types of immigration.

2. The main objectives of the state policy in the field of population migration are:

1) protection of the rights and freedoms of migrants;

2) The organization of the rational distribution of oralmans, taking into account the interests of the demographic and socio-economic development of the regions;

3) Attracting a highly skilled foreign labor force to carry out labor activity in the Republic of Kazakhstan;

4) Protection of the domestic labor market by means of quoting foreign labor;

5) Ensuring the integration of Kazakhstan into the international labor market;

6) Development of cooperation of the Republic of Kazakhstan with other states in order to prevent and prevent conflicts that may lead to mass migration of the population;

7) Optimization of internal migration flows, ensuring rational migration of migrants throughout the country;

8) Support and development of relations with former compatriots and ethnic Kazakhs living abroad, including in the field of cultural cooperation and information support;

9) Facilitating the resettlement of ethnic Kazakhs to their homeland;

10) International cooperation in the field of regulating migration processes, preventing and suppressing illegal immigration [3].

Immigrants in the Republic of Kazakhstan have the right:

1) To enjoy the rights and freedoms established for the citizens of the Republic of Kazakhstan, unless otherwise provided by the Constitution, laws and international treaties;

2) For education, medical and social assistance in accordance with the procedure established by the legislation of the Republic of Kazakhstan;

3) For free movement through the territory of the Republic of Kazakhstan, open for visiting by immigrants;

4) For free choice of place of residence in accordance with the procedure established by the legislation of the Republic of Kazakhstan

5) Apply to the court and state bodies for the protection of their property and personal non-property rights;

Immigrants have the following duties in the Republic of Kazakhstan:

1) To bear the obligations established for the citizens of the Republic of Kazakhstan, unless otherwise provided by the Constitution, laws and international treaties

2) Are obliged to observe the Constitution and legislation of the Republic of Kazakhstan, including the established order of entry, exit and stay on the territory of the Republic of Kazakhstan.

Foreigners and stateless persons who live outside the Republic of Kazakhstan apply for permission for permanent residing in the Republic of Kazakhstan to an overseas institution of the Republic of Kazakhstan.

Foreigners and stateless persons who temporarily stay in the Republic of Kazakhstan with a visa for permanent residence or who have come from states that have concluded agreements with the Republic of Kazakhstan on visa-free entry and stay, as well as ethnic Kazakhs regardless of the visa issued to them, apply to the internal affairs bodies for obtaining permission for permanent residence. Foreigners and stateless persons can not apply for a permanent residence permit in the Republic of Kazakhstan:

1) Traveling through the territory of the Republic of Kazakhstan by transit within a period not exceeding five days;

2) Arriving in the Republic of Kazakhstan with the purposes of tourism, treatment, participation in programs of youth, student and school exchanges, support of humanitarian assistance, negotiation, rendering of audit and consulting services, as well as business trips;

3) Who are on military service in parts located on the territory of the Republic of Kazakhstan;

4) Members of diplomatic missions, consular offices and international organizations accredited in the Republic of Kazakhstan;

5) Representatives of foreign mass media accredited in the Republic of Kazakhstan;

6) Who are members of the crews of sea and river vessels, air, rail and road transport located on the territory of the Republic of Kazakhstan;

7) Who are members of organizations banned on the territory of the Republic of Kazakhstan,

7) Staying on the territory of the Republic of Kazakhstan for the purposes of charitable, religious and (or) missionary activity;

9) Who have lost citizenship of the Republic of Kazakhstan;

10) Whose citizen was annulled.

Analyzing external migration processes in the Republic of Kazakhstan the following conclusions may be made:

1. The characteristic features of the demographic development of the republic are the high intensity of the ongoing processes in the natural movement of the population and its migration, which, first of all, immediately affected the decline in the population of the republic. The negative phenomenon is the aggravation of the demographic situation.

2. The situation in the field of migration of the population is characterized by high migration mobility of the population outside the country, a decrease in the number of arrivals, and a decrease in intra-republic migration.

3. The demographic situation in the country is significantly influenced by the age and educational level of migrants.

4. More people who are related to family ties come to the Republic of Kazakhstan.

5. The main factors determining the migration moods of the population and its emigration are socio-economic, ethno-cultural and economic.

The complexity and inconsistency of the migration of the population and the workforce objectively causes the need to regulate this process, and pursue an optimal migration policy [1].

Stabilization of migration processes in the Republic of Kazakhstan should include a complex of socio-economic, political, legal and organizational measures in the field of immigration, emigration, and internal migration. The legal, economic and social foundations of migration processes should be clearly defined, as well as the creation of necessary living conditions in a new place for individuals and families returning to their historic homeland.

REFERENCES AND SOURCES

1. Esetova S. K., Serikova L. S. The legal position of migrants with the purpose of family reunification. Electronic resource. Access mode: https://articlekz.com/article/9167

2. Law of the Republic of Kazakhstan “On migration of population” dated by July, 22, 2011

3. Official website http://egov.kz/cms/ru/articles/oralman_rk

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

АЛИЕВ Магомед Далгатович, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия). E-mail: myrad@inbox.ru

Аннотация. В современных исследованиях миграции акцент ставится на максимальном отражении множественности условий миграции и содержится синтез различных подходов к изучению её причин. В статье представлен анализ особенностей миграции населения, включающий три основные характеристики движения населения: причины возникновения миграции; глобальные процессы, активизирующие миграцию; мотивация выбора страны выезда и въезда, рассматриваемые в контексте индивидуального, структурного и системного подходов.
Ключевые слова: миграция, факторы миграции, причины миграции, глобализация.

THE MAIN FACTORS OF INTERNATIONAL MIGRATION PROCESSES

Magomed D. ALIEV, PhD (Economics), Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia). E-mail: myrad@inbox.ru

Abstract. Modern studies of migration focus on the maximum reflection of the plurality of migration conditions and contains a synthesis of different approaches to the study of its causes. The article presents an analysis of the characteristics of migration, including three main characteristics of population movement: the causes of migration; global processes that activate migration; motivation of the choice of the country of departure and entry, considered in the context of individual, structural and systemic approaches.
Keywords: migration, factors of migration, causes of migration, globalization.

Стремление к перемене мест является одной из основных характерных особенностей человека. Право на свободу закреплено во Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства» и «Каждый человек имеет право выезда, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну», одновременно в Декларации не регламентируется право въезда [1].

Возрастающая экономическая взаимозависимость государств является общепризнанным проявлением глобализации. В том, что касается воздействия на этот процесс миграции, можно привести выводы одного из исследований, проведенных МОТ: «Данные свидетельствуют об усилении миграционного давления во многих частях земного шара... Процессы, присущие глобализации, усилили разрушительные последствия модернизации и капиталистического развития... Многие развивающиеся страны столкнулись с серьезными социальными и экономическими проблемами, связанными с ус-

тойчивой бедностью, ростом безработицы, разрушением традиционных торговых связей и тем, что получило название «нарастающий кризис экономической безопасности» [8].

В современных исследованиях миграции акцент ставится на максимальном отражении множественности условий миграции и содержит синтез различных подходов к изучению ее причин. Сложность анализа построения системы и особенностей международной миграции населения, построения системы понятий и универсальной классификации, обусловлена многообразием и разноплановостью обстоятельств и причин, лежащих в основе этого процесса, одни из которых объективно побуждают людей к добровольной или вынужденной смене местожительства, а другие подчас носят случайный характер. В большинстве разработанных теорий миграции в качестве эмпирической основы выдвигается объяснение особенностей движения населения в экономически развитых и развивающихся странах мира.

Причины возникновения миграций. Питер Стокер выделяет индивидуальный, структурный и системный подход для объяснения причин миграции [3], глобальных процессов, активизирующих миграцию; мотивов, влияющих на выбор страны выезда и въезда.

В *индивидуальном подходе* каждый мигрант рассматривается в качестве разумного человеческого существа, который анализирует возможные направления и выбирает наилучшую комбинацию: уровня заработной платы, безопасности работы, и стоимости жизнеобеспечения. В основе индивидуального подхода лежит концепция «человеческого капитала», когда каждый человек рассматривается как продукт целого ряда инвестиций – в образование, квалификацию, здоровье и др. Так же как финансовый капитал может странствовать по всему миру в поисках наилучшего места приложения инвестиции с целью получения максимальной прибыли, каждая единица человеческого капитала может стремиться туда, где он или она могут рассчитывать на наилучшую отдачу от произведенных капиталовложений в их квалификацию и опыт. При этом сам факт миграции может рассматриваться как дополнительное вложение в человеческий капитал, поскольку зарубежный опыт несет в себе качественное изменение рабочей силы, которой обладает мигрант. Например, ученые из России и стран СНГ считают, что уровень зарплаты для них в США выше, чем в Европе.

В *структурном подходе* учитывается социальное давление, вызванное ростом населения, безработицей, воздействием международных средств массовой информации. Безработный мигрант подвергается постоянному воздействию СМИ, которые оповещают его, что переезд в другую страну может дать ему дополнительные возможности. В реальной жизни чаще всего возникает необходимость комбинировать подходы. Каждый человек находится в пределах определенных структур: социальной, экономической, политической, которые в значительной степени влияют на жизнь человека, заставляя менять привычное место проживания. Отдельный индивидуум не может принять решение в отрыве от структуры, в которой он находится, так же как структура не может существовать независимо от индивидуума, который сам

участвует в создании и изменении своего экономического и политического пространства.

Для достижения более полного понимания миграционной картины отдельных стран и регионов мира применяют *системный подход*, который не просто рассматривает международную миграцию как результат индивидуальных решений, зависящих от тех или иных структур, но анализирует ее в контексте мировых потоков товаров и капиталов, действия глобальных политических, экономических, культурных факторов. В результате строится сложная система взаимосвязей между различными элементами, воздействующими на процесс миграции.

Преимуществом системного подхода является возможность отражения взаимосвязанной и сложной природы миграции, данный подход может содержать большое количество различных академических разработок – из экономической, социологической, политической, демографической, психологической и многих других областей, но при этом, возможно, придется пожертвовать ясностью. Фактически существующие ныне теории международной трудовой миграции сочетают в себе индивидуальный и структурный подходы; некоторые основаны на системном подходе. В соответствии с тремя подходами к анализу особенностей международной миграции исследуются: причины возникновения миграции, глобальные процессы, активизирующие миграцию; мотивация выбора страны выезда и въезда.

К основным причинам возникновения миграции относятся:

1) Экономическое неравенство между богатыми и бедными странами. Различия в уровнях экономического развития национальных государств в мировом хозяйстве, в неравенстве доходов (заработной платы, уровня жизни социального обеспечения) и возможностей в развитых и развивающихся странах являются одной из наиболее очевидных причин международной миграции рабочей силы. В то же время растет разрыв в уровне экономического развития и уровне жизни между развитыми и развивающимися странами, существенно снижаются «относительные показатели бедности» развивающихся стран, в частности, ВВП на душу населения, поскольку население бедных стран растет более быстрыми темпами, чем население индустриально развитых стран по сравнению с ростом ВВП. Около 71% людей в мире живут менее чем на $10 в сутки. Об этом говорится в исследовании Всемирного банка и Люксембургского центра изучения доходов, опубликованном Научно-исследовательским центром Pew [7].

Доходы в развивающихся странах тех, кто имеет работу, несравнимы с оплатой труда в развитых странах. Именно разница в уровне жизни и экономических возможностях в богатых и бедных странах является наиболее сильным стимулом для формирования миграционных потоков с «бедного Юга» на «богатый Север». Впрочем, не только международные различия в зарплате являются проявлением экономического неравенства между богатыми и бедными странами. Структурная трансформация, происходящая в более бедных странах и «выталкивающая» население из традиционных секторов экономики в рыночные, не создает одновременно необходимых рынков капиталов (валютно-

го, кредитного, страхового и др.) для того, чтобы переходящие на «рыночные рельсы» домохозяйства могли защитить себя от неизбежных рисков. Таким образом, возникают стимулы к «самострахованию», которое можно обеспечить, посылая одного – двух членов семьи на работу за рубеж: денежные переводы от них могут предоставить домохозяйству необходимые средства для ведения хозяйства в новых условиях. Огромные совокупные денежные переводы мигрантов на родину свидетельствуют о том, что мигранты из более бедных стран сохраняют устойчивую связь со своими семьями и являются для последних важным поддерживающим элементом.

Экономический разрыв в уровнях экономического развития и соответственно в уровнях и качестве жизни, в частности в том, что касается уровня дохода и занятости, очевидно, является наиболее существенным объяснением миграции.

2) Демографический дисбаланс. Миграция и население – два неразрывных геодемографических понятия, которые развиваются одновременно. Для существования мигрирующего населения неизбежны социально-демографические изменения. Развитие человеческого общества приводит к интенсификации более четко ориентированных направлений миграционных процессов. На современном этапе характер, интенсивность, цели и направления миграционных процессов населения на современном этапе коренным образом отличаются от миграции населения прошлых исторических периодов.

Дисбаланс численности и темпов роста населения в развитых и развивающихся странах стремительно возрастает. В 2015 г. общая численность населения развитых стран мира составляла 1,3 млрд. человек. Ожидается, что к 2030 г. она возрастет не более чем до 1,4 млрд. В то же время численность населения развивающихся регионов мира, которая сейчас составляет 6 млрд. человек, достигнет 7 млрд. человек [5].

Продолжительный демографический рост в развивающихся странах, не сопровождающийся соответствующим созданием рабочих мест, появление относительного избытка трудовых ресурсов, которые выталкиваются на другие территории, испытывающие недостаток определенных категорий работников. В развитых странах, наоборот, наблюдается демографический спад, замедление темпов роста населения, особенно на европейском континенте.

3) Разрушение социальных связей, вызываемое экономическим развитием. Поскольку экономический разрыв и демографический дисбаланс между богатыми и бедным странами, очевидно, вызывают миграцию, может показаться, что одним из путей приостановления потока людей из бедных стран, может быть ускорение демографического перехода в них и увеличение уровня их экономического развития. В реальности происходит обратное: ускорение развития страны на определенном этапе приводит к увеличению миграционного оттока из развивающихся стран.

Таким образом, готовые к миграции за рубеж группы населения возникают не в самых бедных и отсталых регионах мира, изолированных от влияния глобальных рынков, а там, где наблюдаются быстрые экономические и социальные изменения в результате включения этих стран в процесс глоба-

лизации. Иными словами, международная миграция является результатом не отсутствия развития, а как раз результатом самого развития [3].

4) Связи между донорами и реципиентами. Экономические и демографические различия между развитыми и развивающимися странами, определенно, предполагают, что для рабочих было бы логично переезжать из бедных в богатые страны. Другая структурная перспектива рассматривает значение фундаментальных связей между отдельными богатыми и бедными странами, которые порождают и поддерживают миграцию между ними.

5) Институты посредников (движение профессионалов). Также как и миграция неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, движение образованных профессионалов может рассматриваться как движение «человеческого капитала» с целью получения более высокой отдачи от своих знаний и квалификаций в другом месте. Такая миграция часто носит временный или циркуляционный характер и может включать переезд из богатых стран в бедные. Миграция большого количества профессионалов, в настоящее время, скорее не «утечка мозгов», а «обмен мозгов». Этот динамичный обмен людьми использует механизмы аналогичные неофициальной сети мигрантов. В этом случае, организацией, которая плетет сеть, является не семья или родственники, а многонациональная корпорация.

Многонациональные корпорации постоянно распределяют свое производство, сбыт продукции и операции по продаже по всей Земле и при этом, обычно руководство компаний и большинство исследовательских подразделений сосредоточено в одной стране.

Дополнительным фактором, обеспечивающим функционирование миграционных систем, является наличие коммерческих организаций по зарубежному трудоустройству рабочей силы, которые выступают в роли посредников между работодателями и потенциальными трудовыми мигрантами.

В современном мире трудоустройство с помощью посреднических фирм является наиболее реальным шансом найти работу за рубежом, поскольку большинство работодателей предпочитают подбирать иностранный персонал только через специализированные фирмы по трудоустройству, получая тем самым определенную «гарантию качества».

Глобальные процессы, активизирующие миграцию. Директор МОТ (1999–2012) Хуан Сомавия сказал «если посмотреть на глобализацию с точки зрения того, как она влияет на людей, то очевидно, что ее основным негативным проявлением является ее неспособность создавать рабочие места там, где живут люди» [4]. В результате по мере сокращения возможностей занятости и экономического выживания в менее развитых странах нарастает миграционное давление из них на те страны, где такие возможности имеются.

С другой стороны, в развитых странах возрастает спрос на труд мигрантов. Демографические тенденции и старение рабочей силы привели к тому, что иммиграция стала исключительно важным ресурсом, не просто обеспечивающим спрос на рынке труда во многих развитых странах, но гарантирующим их будущее экономическое развитие и социальное обеспечение.

1) Формирование международного рынка труда проявляется в формировании глобального спроса и предложения рабочей силы, что, в частности, отражается в росте числа работодателей, осуществляющих поиск и найм рабочей силы за пределами национальных рынков труда, увеличении контингента работников, предлагающих свой труд зарубежным работодателям. Оно сопровождается развитием механизмов, обеспечивающих функционирование этого рынка, в том числе системы национального и наднационального регулирования вопросов, связанных с использованием иностранной рабочей силы, расширением деятельности агентств по зарубежному трудоустройству и т.п., которые способствуют росту и упорядочению экономической миграции.

Процессы глобализации, приводящие к расширению финансовых, торговых и инвестиционных связей между государствами, требуют повышения мобильности управленческого и технического персонала.

Региональные интеграционные объединения, снимая государственные барьеры на пути движения рабочей силы и капитала, унифицируя законодательные нормы в сфере трудовых отношений и занятости, оказывают существенное воздействие на рынки труда стран, входящих в указанные объединения.

Миграция является одним из необходимых условий функционирования рынка труда, снижения издержек производства и повышения национальной конкурентоспособности. Многие развивающиеся страны (Китай, Индия, Турция, Филиппины) стали активными участниками глобальной экономики, благодаря мобильности своей рабочей силы.

2) Глобальная информационная и транспортная сеть. Важную роль в усилении миграции играет развитие транспорта и коммуникации, стремительное увеличение числа пользователей Интернета и мобильной связи.

Формирование глобальных информационных сетей, значительно повлияло на обеспеченность широкого доступа к международной информации, касающейся спроса на труд и образование в других странах, а оперативная электронная связь по всему миру, расширение зарубежных контактов служит катализатором территориальных передвижений людей.

Теория человеческого капитала рассматривает этот фактор как обстоятельство, значительно снижающее прямые издержки миграции. Развитие транспортной инфраструктуры сокращает издержки на передвижение и увеличивает мобильность рабочей силы. Рост телекоммуникационных сетей сократил «эмоциональную дистанцию» мигрантов, что позволяет поддерживать контакты и снижает моральные издержки, связанные с миграцией. В то же время информационно–коммуникационные технологии (ИТК) способствуют расширению дистанционных форм занятости, удаленного труда на зарубежных заказчиков, в том числе в рамках зарубежного аутсорсинга, ослабляя потенциал физической эмиграции, но фактически интенсифицируя «виртуальную эмиграцию».

Расширение мировой транспортной системы сделало путешествия на дальние расстояния более легкими и дешевыми. Развитие железнодорожного, автомобильного, морского, авиационного транспорта делает возможным

быстрое передвижение через государственные границы мигрантов – как легальных, так и нелегальных.

3) Расширение международной преступной деятельности. Расширение международной преступной деятельности, связанной с контрабандным ввозом людей. Этот канал провоцирует интенсификацию нелегальных потоков мигрантов. Нередко подобный бизнес организуется по типу предприятий «полного цикла»: от изготовления фальшивых документов и незаконных провоза иностранцев через границу до обеспечения их жильем и нелегальной занятостью.

К третьей характеристике структуры международной миграции относятся мотивация выбора страны выезда и въезда, которые в свою очередь включают следующие компоненты: 1) географическая близость стран исхода и приема мигрантов; 2) историческая связь между странами; 3) близость культур стран исхода и приема; 4) семейные стратегии; 5) миграционные сети (набор рабочей силы).

Географическая близость стран исхода и приема мигрантов (1). Е. Равенштейн вывел «закон миграции», основным принципом которого выступает следующий: интенсивность миграционных потоков между двумя географическими пунктами обратно пропорциональна расстоянию между ними [6].

Роль территориального фактора отчетливо прослеживается в так называемых миграционных коридорах, по которым текут людские потоки из Мексики в США, из Восточной в Западную Европу, из Северной Африки в Южную Европу. Имеют значение наличие связи между странами возникшие в колониальную эпоху. Такие исторически сложившиеся отношения между государствами (2) обуславливают потоки мигрантов из Латинской Америки в Испанию и Португалию, из стран Африки – в Бельгию, Францию, Португалию и Великобританию и т.п.

Высококвалифицированными мигрантами в значительной мере движут потребности самореализации, мотивация достижений, профессионального роста и социально-статусного продвижения и т.п., для них большее значение имеет близость культур стран исхода и приема (3) и другие неэкономические факторы, содействующие применению их способностей и использованию социального потенциала. По мере расширения потоков интеллектуальной миграции, в возникновении которых важную роль играют социально-психологические и социокультурные факторы, значение последних в формировании географического выбора мигрантов растет.

Семейные стратегии (4). Расширяющийся экономический разрыв между индустриально развитыми и развивающимися государствами, их быстро увеличивающееся население, разрушение социальных связей, вызванное социально- экономическим развитием, и развитие транспортной сети и систем коммуникаций – все это создает предпосылки, которые подталкивают каждого человека рассматривать вопрос о возможности жизни на другом месте.

При анализе мотивов миграции важно понимать, что большинство мигрантов из бедных социальных слоев играют существенную роль в семейной стратегии существования. В условиях большой семьи решение о том, что це-

лесообразно отправить одного или нескольких членов на работу за границу, принимается, как правило, главой семьи. При этом принимаются во внимание все возможные факторы. В частности, на Филиппинах отец семейства скорее примет решение отправить на заработки за рубеж не сына, а дочь, поскольку филиппинской девушке проще найти работу в Сингапуре или на Ближнем Востоке в качестве домашней прислуги.

Мигрантом может стать и глава семьи. Типичны случаи, когда отправляющийся на заработки муж оставляет жену и детей, поддерживая их существование денежными переводами из-за рубежа. Весьма часто в этом случае выезд главы семьи в другую страну является лишь первым актом общей семейной стратегии, согласно которой, «закрепившись» в стране въезда, муж начнет ходатайствовать о переезде к нему жены и детей в рамках политики воссоединения семьи.

Миграционные сети (набор рабочей силы) (5). Существование миграционных сетей является ярким примером того, что в реальной жизни индивидуальный и структурный подходы в объяснении характеристик миграции являются неразрывными.

Суть миграционной сети заключается в том, что следом за мигрантами-первопроходцами, которым наиболее трудно и решиться на отъезд и жить в незнакомой стране и чужой культуре, следуют земляки, привлеченные успехами первопроходцев. Часто именно первые мигранты из какой-либо страны или района страны, или даже отдельной деревни становятся инициаторами создания миграционной сети.

Важной чертой миграционных сетей является их способность к самовоспроизводству, т.е. наличие миграционной сети может само по себе поддерживать миграционный процесс даже тогда, когда условия для миграции становятся неблагоприятными, в частности, когда ей противостоит ограничительная иммиграционная политика или условия экономического спада в принимающей стране.

Современная миграция вызвана целым комплексом движущих сил наряду с базовыми причинами, обусловленными различиями в уровне развития и состоянии общества в разных государствах, действуют процессы, связанные с глобализацией, которые способствуют интенсификации миграции, а также факторы, определяющие выбор конкретной страны назначения и влияющие на географическое распределение людских потоков. Перемещение людей объясняется сочетанием нескольких причин, связанных с другими компонентами общественной среды и с определенным временным периодом. Данные причины являются основополагающими в росте масштабов и выборе направления миграционных потоков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая декларация прав человека, ООН, 1 декабря 1948 г. См. источник в Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/declarat/declhr.htm

2. Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции. Серия: «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 10. М.: МАКС Пресс, 2002. 163 с.

3. Стокер П. Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. М., 1995. С. 29.

4. Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека. // Век глобализации. Волгоград. 2010. Вып. 5. С. 66–98.

5. Цапенко И.П. Иммиграция населения как фактор экономического развития (на примере развитых стран): Дис. док. экон. наук. М.: РГБ, 2009. С. 120.

6. Human Development Report 2016 Published for the United Nations Development Programme (UNDP) 2016. [Electronic resource]. Access mode: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf

7. Ravenstain E.G. The Laws of migration// Journal of the statistical society. Vol. 48. 1885. P. 167–227.

8. Seven-in-ten people globally live on $10 or less per day. Pew Research Center. [Electronic resource]. Access mode: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/09/23/seven-in-ten-people-globally-live-on-10-or-less-per-day/

9. Stalker P. Workers Without Frontiers – the Impact of Globalization on International Migration. Geneva: ILO, 2000.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И ПОТЕНЦИАЛ ТАДЖИКСКОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

БАБАЕВ Анвар Абдулаевич, кандидат экономических наук, заведующий сектором «Миграция населения» отдела «Демография» Института экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, Душанбе (Таджикистан). E-mail: anvar.boboev2016@gmail.com

АЗИМОВА Зулайхо Абдумавлоновна, соискатель Института Экономики и Торговли Таджикского Государственного Университета Коммерции, Худжанд (Таджикистан)

Аннотация. В данной статье проведен анализ развития миграционных процессов в Республике Таджикистан в условиях глобализации. Важное внимание уделено вопросу адаптации мигрантов, а также проблемам международного сотрудничества в области миграции населения.

Ключевые слова: глобализация, миграционные процессы, трудящиеся-мигранты, инновационное развитие, международное сотрудничество, денежные переводы мигрантов.

MIGRATION PROCESSES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE POTENTIAL OF TAJIK MIGRATION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Anvar A. BABAEV, PhD (Economics), head of the sector of Migration, Department of Demography, Institute of Economics and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Duchanbe (Tajikistan). E-mail: anvar.boboev2016@gmail.com

Zulaikho A. AZIMOVA, competitor of the Institute of Economy and Trade of Tajik State University of Commerce, Khujand (Tajikistan)

Abstract. This article analyzes the development of migration processes in the Republic of Tajikistan in the context of globalization. Important attention is paid to the issue of adaptation of migrants, as well as problems of international cooperation in the field of migration.

Key words: globalization, migration processes, migrant workers, innovative development, international cooperation, remittances.

Происходящие процессы глобального потепления на планете Земля наравне с экономическими, социальными, политическими и демографическими факторами, также вызвали и экологические проблемы, которые вместе являются причиной возникновения массовой миграции людей в другие страны и континенты, что в разы увеличивает масштабы миграции населения на международном уровне. Учитывая все эти факторы, эксперты ООН утверждают, что если в 60-е годы прошлого столетия в мире насчитывалось всего 75,5 млн. мигрантов, то в 2000 г. их численность возросла до 176,6 млн. человек, а в 2010 г. до 213,9 млн. человек. Прогнозы экспертов ООН показывают, что к

2050 г. количество мигрантов в мире составит более 415 млн. человек [5], и это лишний раз подтверждает актуальность и глобальность вопросов миграции в ближайшее столетие.

Анализ миграционной ситуации, как в Таджикистане, так и в других странах мира показывает, что нельзя отрицать факт глобализации миграционных процессов.

Таджикистан за последние 3–4 года испытал серьезные финансово-экономические проблемы, которые привели к ряду негативных социальных последствий, таких как снижение уровня жизни населения страны, спада производства и производительности труд, резкого роста численности безработных граждан и доли бедного населения. Это, в свою очередь, привело к тому, что возросли потоки трудовой миграции из Таджикистана в другие страны (Табл. 1).

Таблица 1.

Внешняя трудовая миграция граждан Республики Таджикистан

Годы	Количество выехавших трудящихся мигрантов (человек)	В том числе женщин
2003	347556	18914 (5,4% от общей численности)
2004	420622	19753 (4,2%)
2005	412123	23452 (5,6%)
2006	609316	30034 (4,9%)
2007	573953	36725 (6,3%)
2008	646298	41369 (6,4%)
2009	677414	48365 (7,1%)
2010	736446	62278 (8,5%)
2011	750070	86733 (11,5%)
2012	739017	87015 (11,6%)
2013	793447	100875 (13,8%)
2014	669090	106416 (15,8%)
2015	552596	64667 (11,7%)
2016	517308	81851 (15,6%)
2017	487757	68036 (15,1%)

Источник: [1, 2, 4].

Экспорт рабочей силы в Таджикистане еще не приобрел характер хорошо продуманной государственной политики, что связано с решением целого комплекса сложных вопросов, а именно:

- необходимостью изучения конъюнктуры мирового рынка труда;
- изучения мирового опыта в области экспорта рабочей силы;
- налаживания отношений со странами-импортерами рабочей силы, и т.д. [3]

То есть, необходимо научно обосновать возможности для направления трудовых ресурсов из Таджикистана, чтобы максимально увеличить ее по-

ложительный эффект и свести к минимуму ее потенциально негативные последствия.

Для Республики Таджикистан вопросы, связанные с трудовой миграцией, внутренним рынком труда, уже долгое время являются очень актуальными. Количество граждан Республики Таджикистан, относящихся к категории «неактивного населения», за последние 25 лет возросло более чем в 4 раза, что не может не вызывать беспокойства на правительственном уровне. В 1991 г. численность трудовых ресурсов Таджикистана составляла 2 млн. 526 тысяч человек, из которых 1 млн. 971 тысяч человек являлись экономически активным населением, и 555 тысяч человек экономически неактивным населением [6].

По состоянию на 2017 г., численность трудовых ресурсов в Таджикистане увеличилась более чем в 2 раза и составила 5 млн. 389 тысяч человек. Из них 2 млн. 505 тысяч человек являются экономически активным населением, а остальные 2 млн. 883 тысяч человек экономически неактивным населением [3]. Фактически это указывает на рост безработицы.

В 2017 г. официальный уровень занятости составил лишь 44,2%, и этот показатель существенно хуже показателя 1991 г., когда уровень экономически активного населения в Таджикистане составлял 76,3% [3].

В целях обмена опытом в области миграции и занятости населения, Республику Таджикистан по приглашению Правительства страны, Международной организации по миграции и Всемирного банка, неоднократно посещал первый Руководитель и основатель Миграционной службы Филиппин, а также автор многих национальных и международных законодательных актов в области трудовой миграции и занятости населения, Томас Ачакосо.

По его утверждению, Филиппинам понадобилось более 30 лет, чтобы упорядочить миграционные потоки за рубеж и на государственном уровне осуществить деятельность по управлению миграционными процессами. Однако, Республика Таджикистан, по его мнению, при желании сможет пройти этот путь за 5 лет, если правильно и профессионально будут проведены реформы в этой сфере.

Ранее было отмечено, что ежегодно из Таджикистана за рубеж в поисках трудоустройства выезжают сотни тысяч трудящихся-мигрантов и все они в надежде на то, что государство проявит заботу о них и обеспечит социально-правовую защиту на территории страны трудоустройства посредством межправительственных соглашений и официальных представительств Таджикистана за рубежом. Внешняя трудовая миграция в Таджикистане в настоящее время вносит огромный вклад в развитие национальной экономики. Только за период 2007–2016 гг. сумма денежных переводов трудящихся-мигрантов, диаспор и зарубежных соотечественников составили 27 млрд. 22 млн. долларов США. Кроме денежных переводов в страну поступают в виде товаров и другие материальные ценности, которые позволяют избавить от нищеты большое количество домохозяйств, что также повышает роль и значимость трудовой миграции в развитии государства и формировании человеческого капитала.

О важности денежных переводов в процессе экономического развития Таджикистана свою точку зрения высказал министр экономического развития и торговли Республики Таджикистан Неъматулло Хикматуллозода. На презентации Стратегии партнерства Таджикистана с Азиатским банком развития на 2016 – 2020 гг., проходившем 23 сентября 2016 г. в городе Душанбе, он заявил следующее: «Денежные переводы трудовых мигрантов наряду с государственными капитальными вложениями ранее были основным источником экономического роста и сокращения уровня бедности в Таджикистане. Экономика Республики Таджикистан за последние 20 лет в среднем росла на 7%, а уровень бедности сократился с 81% в 1999 г. до 31,5% в 2015 г.» [7].

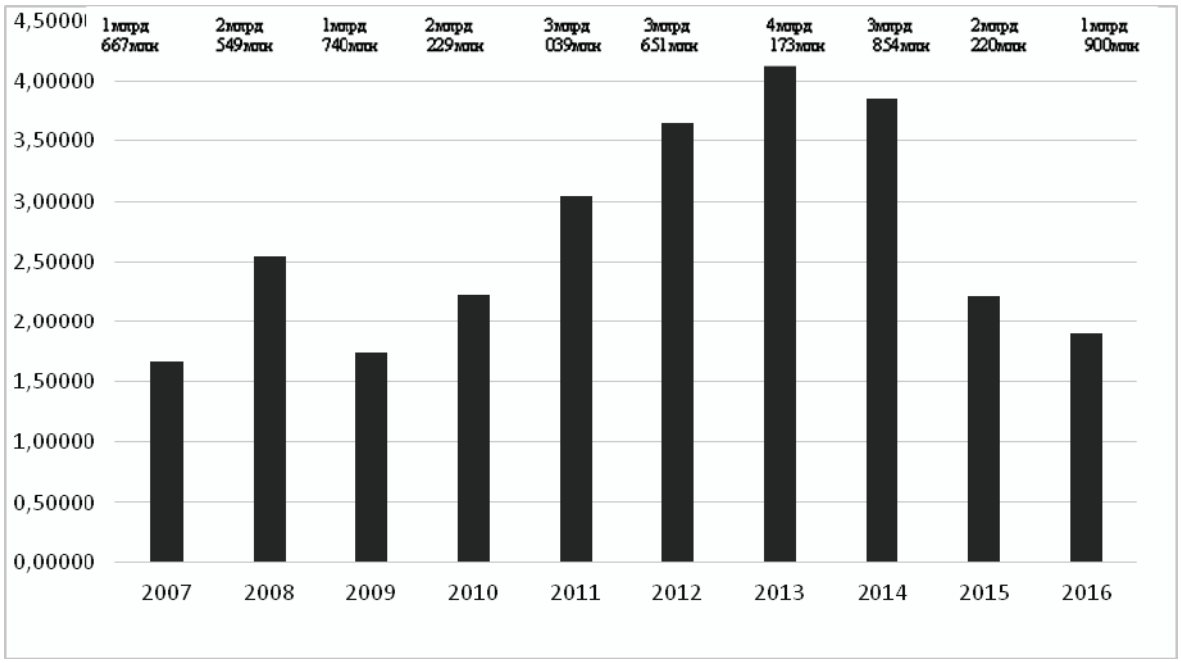

Рис .1. Денежные переводы физических лиц – трудящихся мигрантов и зарубежных соотечественников в РТ за период 2007–2016 гг.

Столь открытая и правдивая оценка ключевого министерства республики в области экономической политики лишний раз подтверждает, что внешняя трудовая миграция оказывает значительное влияние на развитие общества, и в особенности в условиях необходимости стимулирования инновационного развития. Такая эффективная форма деятельности характерна для Таджикистана, и чтобы добиться желаемых результатов, необходимо обозначить три основных решения: 1) избрание гибкой и целенаправленной политики в области миграции; 2) совершенствование законодательства с учетом развития международного сотрудничества; 3) административное регулирование миграцией с повышением статуса миграционной службы. В случае реализации этих трех задач, Таджикистану сможет свести к минимуму потенциально негативные последствия в сфере миграции, которые сопровождают страну в последние годы, и увеличить положительный эффект миграции, направив ее потенциал на инновационное развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Аминджанов Р.М., Бабаджанов Р.М., Мукимова Н.Р. Миграция и возможности инновационного развития Республики Таджикистан. Аналитический центр «Наво». Душанбе. 2017. С. – 322.

2. Бобоев А.А. Мухочирати ахоли дар Чумхурии Точикистон, Матбааи хисоби хочагии Вазорати мехнат ва хифзи ичтимоии ахолии Чумхурии Точикистон, Душанбе, 2006.

3. Государственная программа содействия занятости населения Республики Таджикистан на 2016–2017 годы. Приложение №1. С. 19–20.

4. Демографический ежегодник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015

5. Отчеты Миграционной службы РТ, 2003–2004, 2015–2017 гг.

6. Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Статистический сборник Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2011 г.

7. Денежные переводы были основным источником роста Таджикистана. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.news/Tajikistan/economic/20160923/231233

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ РОССИИ В КООРДИНАТАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (на примере Республики Беларусь)[1]

ГРИШАНОВА Александра Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: gralexandra1949@gmail.com

КОЖЕВНИКОВА Наталия Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: dema1@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены теоретические вопросы определения понятия «миграционный потенциал». Показана актуальность изучения теоретических аспектов проблемы формирования и использования миграционного потенциала стран нового зарубежья для России. На обсуждение поставлен вопрос о целесообразности и социально-политической необходимости оценки миграционного обмена между Россией и Республикой Беларусь в исторической ретроспективе. Рассматриваются особенности этого обмена для Республики Беларусь, в рамках Союза ССР, а в постсоветский период, в координатах Таможенного союза, а затем Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: миграционный потенциал, исторические отношения, Россия, Республика Беларусь, демографические процессы, международные миграционные взаимосвязи.

THEORETICAL PROBLEMS OF THE MIGRATION POTENTIAL FOR RUSSIA IN THE COORDINATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)[2]

Aleksandra G. GRISHANOVA, PhD (Economics), leading researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: gralexandra1949@gmail.com

Natalia I. KOZHEVNIKOVA, PhD (Economics), leading researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: dema1@mail.ru

Abstract. Theoretical issues of definition of the concept "migration potential" are considered. The relevance of studying the theoretical aspects of the problem of formation and, most importantly, the use of migration potential of the countries of the new foreign countries for Russia is shown. The question was raised about the expediency and socio-political necessity of assessing the migration exchange between Russia and the Republic

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-22-01001 ОГН

[2] The study was conducted with support from RFBR grant № 17-22-01001 ОГН

of Belarus in a historical retrospective. The peculiarities of this exchange for the Republic of Belarus, within the framework of the USSR Union, are considered, and in the post-Soviet period, in the coordinates of the Customs Union and the Eurasian Economic Union.
Key words: migration potential, historical relations, Russia, Republic of Belarus, demographic processes, international migration interconnections.

Актуальность исследования теоретических вопросов миграционного потенциала для России в странах нового зарубежья для России в условиях депопуляции, обусловлена, во-первых, отсутствием общепризнанного определения данного термина и теоретической концепции на общегосударственном уровне, что нами уже доказано [2, с. 3–5]. Вместе с тем, актуальность рассмотрения данной проблемы, в координатах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), на примере Республики Беларусь, в рамках настоящего исследования уже требует обоснования.

Актуальность практического исследования межгосударственных миграций и их роли в социально-демографическом развитии России определяют на сегодняшний день, прежде всего, процессы глобализации: достаточно привести тот факт, что на 2017 г. по данным ООН, она заняла четвертое место в мире по числу иммигрантов после США, Германии и Саудовской Аравии. Актуальность теоретических исследований межгосударственных миграций объясняется фактически отсутствием теоретических исследований межгосударственных миграций в принципиально новых социально-политических, социально-экономических и социально-демографических исследованиях. В отечественной научной литературе за постсоветский период их число ничтожно мало. Поэтому, в условиях глобализации еще не до конца осознана роль процессов миграции, которые, по мнению Н.М. Римашевской, являются важнейшей составляющей процессов глобализации населения.

Рассмотрение теоретических проблем формирования миграционного потенциала, а, следовательно, процессов межгосударственной миграции для России в рамках ЕАЭС, обусловлена спецификой процессов глобализации на настоящий момент – так называемой «регионализацией глобализации». А важность исследования теоретических аспектов проблем межгосударственной миграции, на примере проблемы миграционного потенциала для России одного из членов ЕАЭС – Республики Беларусь, объясняется следующими моментами.

Во-первых, для процессов миграции характерным является встречное движение потоков, с одной стороны, и исторически сложившиеся взаимосвязи между отдельными государствами, с другой стороны. А в исторической ретроспективе, когда Россия во второй половине 1950-х-до начала 1970-х гг. отдала на поднятие хозяйства других союзных республик около 5 млн. россиян, исключительно только миграционный потенциал Белоруссии положительно реализовывался в России, формируя в этом взаимном обмене миграционный прирост на российской территории. В то время, как для самой Белоруссии в эти годы наблюдалась миграционная убыль, и такой характер

миграционного взаимодействия с Россией, на наш взгляд, не мог и не должен был бы расцениваться как благоприятный. В то же время в целом, в обмене с другими членами ЕАЭС, как правило, для России наблюдалась обратная, негативная картина. Особенно в миграционном обмене с Казахстаном, когда Россия несла значительные миграционные потери, которые, на наш взгляд, и до сегодняшнего дня все еще имеют некоторые нежелательные демографические и социально-экономические последствия.

В связи с вышесказанным, следует сделать следующий теоретический вывод, который должен определять методологию оценки межгосударственного миграционного обмена между Россией и Республикой Беларусь. Хотя в современный, постсоветский период, Республика Беларусь, в отличие от других стран нового зарубежья (в том числе – всех без исключения стран-членов ЕАЭС), фактически в единственном числе формировала в отдельные годы убыль в межгосударственном обмене России, такой характер обмена с Республикой Беларусь не следует рассматривать для России как нежелательный. Причем и с теоретической, и с практической точки зрения.

На наш взгляд, до сих пор не осознано и должно не оценено то, что в кардинально изменившихся условиях рыночных отношений, после создания зоны свободной торговли в 1996 г. между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, и Российской Федерацией, последовало заключение Договора о создании Союзного государства России и Белоруссии 8 декабря 1999 г. Методологически требует осмысления и учета то, что только с Республикой Беларусь с 26 января 2000 г., после ратификации парламентами двух стран было заключено такое исторически важное соглашение. Этот Договор и в настоящее время необходимо рассматривать в более широких исторических рамках.

Почему это важно? Для того, чтобы учесть и никогда не забывать путь становления белорусского этноса, национальности, самосознания на всем протяжении тысячелетней истории – от удельных княжеств в составе Киевской Руси, в Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой, Российской империи и, наконец, СССР. Для чего это нужно? Чтобы суметь оценить «сложную диалектику становления белорусов и Белоруссии в условиях триединства восточнославянского племени (белорусы, украинцы, русские) и в ходе ожесточенной борьбы геополитического, национального и внутринационального контекста». Последнее замечание особенно важно в свете социально-политических событий последних лет на Украине.

Современные военные действия на территории Украины, противостояние с Российской Федерацией, попытки «объяснения» их правомерности со стороны руководителей Украины, фактически перечеркивают даже память об общем, вышеназванном историческом прошлом Украины, Российской Федерации и Республики Беларусь. На сегодняшний день вопросы миграционных взаимосвязей между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, на наш взгляд, должны приобретать не просто первостепенную, но, с позиций формирования и использования миграционного потенциала Республики Беларусь для России – исключительную не только, и даже, не столько, социально-демографическую и социально-экономическую, сколько – социально-политическую значимость.

Вследствие этого, мы и обратились в данном исследовании к рассмотрению миграционного взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в современных условиях.

Выбор предмета исследования – теоретических аспектов миграционного потенциала стран нового зарубежья для России, объясняется отсутствием концепции миграционного потенциала, как вообще, так и стран нового зарубежья для России – в частности. С теоретической точки зрения, на наш взгляд, особенно пагубно отсутствие даже просто общепризнанного определения понятия «миграционный потенциал». Почему «общепризнанного»? Потому что с древних времен известно изречение, что о терминах не спорят, о терминах договариваются. А в отечественной науке в сфере процессов миграции, как это ни парадоксально, но даже общепризнанного определения понятия «миграция» не существует, а в Википедии их столько, сколько авторов. К чему это приводит? К тому, что абсолютное большинство споров и разногласий при обсуждении проблем миграции, межгосударственной миграции, а тем более, проблемы формирования и использования миграционного потенциала той или иной страны – в нашем случае – Республики Беларусь для Российской Федерации, объясняется разночтениями в понятийном аппарате. Когда, либо одно и то же явление авторы называют разными терминами, либо, наоборот, под одним и тем же понятием авторы подразумевают различные явления. Поэтому приведем определение термина «миграционный потенциал», данное в Демографическом понятийном словаре. «Миграционный потенциал (лат. potential) – этот термин стал широко применяться для оценки объемов возможных к переселению в Россию из нового зарубежья соотечественников, оставшихся там после образования независимых государств. Это понятие трактуется неоднозначно. В частности, в качестве миграционного потенциала принимается либо все русскоговорящее население, проживающее в новом зарубежье, либо только титульные для России национальности, либо те, кто является в этих странах мигрантами, всех лет вселения туда из России (не их уроженцы), либо те, у кого социологические опросы выявили установки на миграцию в Россию и др. По-видимому, оценка миграционного потенциала как возможной к иммиграции численности населения должна исходить из страновой направленности миграционных потоков и предпочтительного отношения к составу мигрантов страны вселения» [3, с. 177].

Из данного определения следует, что для РФ, в условиях депопуляции – миграционный потенциал других стран (в том числе – стран нового зарубежья как в целом, так и в координатах ЕАЭС), единственно возможная на сегодняшний день положительная составляющая динамики численности российского населения.

Почему мы предлагаем в настоящем докладе, прежде всего, рассматривать как объект не ЕАЭС в целом, а только одного его члена – Республики Беларусь? Потому что, на наш взгляд, теоретические аспекты формирования и использования миграционного потенциала для России, в рамках ЕАЭС, должны быть, с одной стороны, методологически едиными, а, с другой, специфичными, причем – только для Республики Беларусь. Обусловлено это тем, что на

современном этапе развития производительных сил, важнейшую роль для каждой отдельно взятой страны играет, прежде всего, исторический аспект параллельности ее потоков эмиграции и иммиграции с ограниченным числом других стран мира. При этом, теоретически, для каждого государства в отдельности важен уровень нацеленности той или иной формы его межгосударственного типа миграции населения в виде эмиграции конкретно на ту или иную страну, при уровне нацеленности той или иной части иммиграционного потенциала соответствующей страны на нее. В нашем случае, Республики Беларусь, с одной стороны, как страны исхода, и Российской Федерации, как страны приема, с другой стороны. И приведенные выше моменты, свидетельствуют, по нашему мнению, о возможности и правомерности нетрадиционного методологического подхода к оценке (с количественной точки зрения, в том числе) характера миграционного сальдо Российской Федерации с Республикой Беларусь в современных условиях. Когда даже отрицательный миграционный баланс с данным государством Россией не должен рассматриваться как неблагоприятная ситуация, из-за учета специфики межгосударственного обмена в предшествующие исторические периоды – советский, послевоенный в рамках Союза ССР, с одной стороны, и постсоветский, в рамках союзного государства России и Республики Беларусь, с другой стороны.

Общеизвестно, что соотношение конкретных параметров эмигрантов и иммигрантов для каждого государства зависят, в тот или иной период времени, в первую очередь, от конкретной социально-политической, социально-экономической, социально-демографической ситуации и геополитики в каждой стране. А в свете всего вышесказанного, чисто теоретически представляется логичным, чтобы исторический и этно-политический аспект оценки результатов межгосударственного миграционного взаимообмена Российской Федерации с отдельными государствами нового зарубежья, в том числе – в координатах Евразийского экономического союза, в качестве наиболее желательного для привлечения на российские территории считал бы миграционный потенциал Республики Беларусь.

В новых геополитических и социально-экономических реалиях мирового финансового кризиса, для России (в связи с созданием Евразийского экономического союза) становится особенно важным, чтобы в миграционное межгосударственное взаимодействие были в первую очередь активно вовлечены страны – участницы: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика. Миграционный потенциал стран нового зарубежья, прежде всего, в рамках ЕАЭС, представляет для России в координатах интеграционных евразийских процессов, особый интерес. Даже несмотря на то, что в последний тридцатилетний период, по сравнению с другими, так называемыми государствами нового зарубежья на постсоветском пространстве только с Республикой Беларусь в целом за 1989–1999 гг. для Российской Федерации совокупный миграционный баланс был отрицательным, убыль составила 4,4 тыс. человек. Интересно, что если брать в расчет только 1990-е гг., тогда за 1990–1999 гг. совокупный миграционный баланс представлял бы положительную, хотя совсем незначи-

мую величину в 141 человек. При этом в 1989–1999 гг. в разрезе отдельных годов для трех случаев из четырех фиксировался именно отрицательный миграционный баланс для нашей страны с Республикой Беларусь. В 2000-х гг. сохранилась эта же ситуация [1, с.2, 265].

Положительное сальдо миграции в обмене с Республикой Беларусь наметилось для России только с 2007 г. И хотя это были относительно небольшие положительные величины, они были важны с позиций «перелома» сложившейся ранее для Российской Федерации тенденции. Хотя, на наш взгляд, именно с данным государством на постсоветском пространстве в виде исключения для России представляется возможным рассматривать отрицательный миграционный баланс как естественный характер миграционного взаимодействия. Особенно – в свете не только и не столько социально-политических, сколько этно-политических аспектов. Для подтверждения возможности такого теоретического подхода к оценке миграционного сальдо между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, мы проанализировали величину вклада в негативный тренд сальдо миграции с Республикой Беларусь для Российской Федерации лиц их титульных национальностей: белорусов и русских, и пришли к следующим выводам.

В этнической структуре миграционного взаимообмена в 1990-е гг. русскими и белорусами в Российской Федерации по отношению к Республике Беларусь наблюдалась соразмерность масштабов снижения числа выбывших по обоим этносам, то есть относительной близостью характеризовались, прежде всего, этнические аспекты эмиграции из Республики Беларусь. В 2000-е гг., наоборот, для Российской Федерации соразмерными стали процессы снижения количества прибывших из Республики Беларусь и для русских, и для белорусов. В этот период относительной близостью характеризовались этнические аспекты процессов иммиграции в Российскую Федерацию. Это же показывают и коэффициенты результативности миграционных связей (КРМС) Российской Федерации с Республикой Беларусь за периоды 1989–1999 гг. и 2000–2007 гг.

И, в заключение, несколько слов о статистических аспектах оценки миграционного потенциала Республики Беларусь для Российской Федерации в рамках ЕАЭС. В координатах ЕАЭС вклад Республики Беларусь в миграционный прирост Российской Федерации в последние 2012–2017 гг. характеризуется очень незначительными параметрами, которые волнообразно менялись: от минимума в 0,44% в 2012 г. до максимума в 1,65% – в 2014 г. После того, как этот вклад достиг своего максимума за последние шесть лет, он снизился до 0,57% в 2017 г. Но даже несмотря на такую мало убедительную картину реального вклада миграционного потенциала Республики Беларусь в положительную динамику численности Российской Федерации в координатах такого важного для нашей страны Евразийского экономического союза, на наш взгляд, именно этот вклад наиболее желателен и целесообразен с этно-политической и социально-политической точки зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Антонович И.И. Беларусь в глобальном мире. Диалектика становления и интеграции. Минск: Книжный дом, 2014. 384 с.

2. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. 183 с.

3. Рыбаковский Л.Л. Демографический понятийный словарь. М.: ЦСП, 2003. – 352 с.

TRANS-REGIONAL MIGRATION GOVERNANCE INITIATIVES IN THE EURASIAN MIGRATION SYSTEM[1]

Oleg V. KORNEEV, PhD (History), Principal Investigator (GlobalContest / ANR), research centre CERAL, Faculty of Law, Political and Social Sciences, University of Paris 13, Paris (France); Associate Leading Research Fellow, Tomsk State University, Tomsk (Russia). E-mail: oleg.vl.korneev@gmail.com

Andrey S. LEONOV, Assistant Professor, Department of European and International Law / Jean Monnet Module and Project Coordinator, Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia). E-mail: andrei_leonov@yahoo.fr

Abstract. This paper explores a number of trans-regional migration governance initiatives that have emerged in the Eurasian migration system since the break-up of the USSR. The paper shows that the Eurasian migration system has experienced influence of multiple external actors, mostly international organizations both from and beyond the UN system. The paper argues that the European Union (EU) has often served as a role model, a donor or both. In other cases, such trans-regionalism has been of a more symbolic nature relying on success stories and best practices imported to the post-Soviet space from other regions of the world by various international organizations.

Keywords: trans-regional migration governance, international organizations, the European Union, Eurasian Migration System, Regional Consultative Processes.

ТРАНС-РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ МИГРАЦИЕЙ В ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ[2]

КОРНЕЕВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель проекта GlobalContest (ANR), центр CERAL, факультет права, политических и социальных наук, Университет Париж-13 Париж, (Франция); ведущий научный сотрудник, Томский государственный университет, Томск (Россия). E-mail: oleg.vl.korneev@gmail.com

ЛЕОНОВ Андрей Сергеевич, старший преподаватель кафедры европейского и международного права, руководитель Модуля Жана Монне EUGLOBE и Проекта Жана Монне EUSECU-POLE, юридический факультет, Университет Лобачевского (ННГУ), Нижний Новгород (Россия). E-mail: andrei_leonov@yahoo.fr

[1] Research for this work was supported by the European Union through its Erasmus+ Jean Monnet Programme (grant number 575476-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-PROJECT and 565369-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE), the French National Research Agency through its programme Hosting High Level Researchers (grant number ANR-16-ACHN-0034) and the "Tomsk State University competitiveness improvement programme" (grant number 8.1.27.2018)

[2] Исследование проведено при поддержке Европейского Союза по Программе Жана Монне (номера грантов 575476-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-PROJECT и 565369-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE), Национального исследовательского агентства Франции по Программе «Привлечение исследователей высокого уровня» (номер гранта ANR-16-ACHN-0034) и Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета (номер гранта 8.1.27.2018)

Аннотация. В данной работе рассматривается ряд транс-региональных инициатив в сфере управления миграцией, которые появились в Евразийской миграционной системе после распада СССР. Отмечается, что Евразийская миграционная система испытала влияние множества внешних акторов, в основном международных организаций, как из системы ООН, так и вне ее. В качестве ролевой модели и донора таких инициатив часто выступает Европейский союз (ЕС). В других случаях транс-регионализм носит более символический характер, основываясь на «лучших практиках», импортируемых на постсоветское пространство из других регионов мира.
Ключевые слова: транс-региональное управление миграцией, международные организации, Европейский Союз, Евразийская миграционная система, региональные консультативные процессы.

Introduction

This paper explores a number of trans-regional migration governance initiatives that have emerged in the Eurasian migration system since the break-up of the USSR. The paper shows that the Eurasian migration system has experienced influence of multiple external actors, mostly international organizations both from and beyond the UN system. Various international organizations have been playing a leading role in the establishment and further development not only of migration policies, but also of the very institutional structures responsible for these policies and their implementation in post-Soviet countries. At the inception phase, right after the break-up of the Soviet Union, their involvement was mostly linked to general design of migration policies and relevant institutions, as well as fostering governmental capacities, creating and reforming agencies, etc. With time, they advanced in terms of promoting complex governance frameworks and more specific best practices through a multitude of formal and informal governance formats and venues emerged within this region.

The paper argues that such external actors – global migration governors – have significantly contributed to trans-regional or trans-systemic migration governance initiatives where the European Union (EU) has often served as a role model, a donor or both. In other cases, such trans-regionalism has been of a more symbolic nature relying on success stories and best practices imported to the post-Soviet space from other regions of the world by various international organizations. Many such external interventions in migration governance within the post-Soviet space have been orchestrated through Regional Consultative Processes (RCPs), others have taken the shape of long-term regionally focused migration management projects. This paper briefly discusses history of RCPs and such major trans-regional projects in the Eurasian migration system, as well as their role in the development of trans-regional migration governance schemes. The paper argues that, despite their human rights discourse, such trans-regional migration governance initiatives have often focused on issues of forced migration – de-facto limited to facilitating the emergence of regional protection zones for eventual containment of undesirable flows within the region – and fight against irregular migration.

Trans-regionalism and Regional Consultative Processes

Betts [1] has convincingly pictured three formats of global migration governance: multilateralism, embeddedness and trans-regionalism. First, Betts argues that "a thin multilateralism" is manifested at two levels as "a basic multilateral framework – with its origins in the Inter-War period – regulating states' behaviour in relation to refugees, international travel, and labour migration. [… and] a more recent and emerging form of 'facilitative multilateralism' which […] serves to enable states to engage in dialogue and information-sharing as a means through which to develop predominantly bilateral cooperation" [1: 12]. Second, Betts applies the anthropological concept of "embeddedness" to describe instances of global migration governance that are "not explicitly labelled as 'migration' but nevertheless regulate how states can and do behave in relation to migration" [1: 15] He, thus, indicates that "international human rights law, international humanitarian law, WTO law, maritime law, labour law, for example, all represent important elements of global migration governance" (Ibid). This embeddedness is also reflected in a significant number of international bodies whose mandates do not explicitly mention migration but that anyhow deal with migration issues.

Finally, the format of "trans-regionalism" denotes "a set of formal and informal institutions that cut across and connect different geographical regions, constituting or constraining the behaviour of states and non-state actors in a given policy field" [2]. Betts claims that "it is a type of governance that is arguably increasingly important in the context of Northern states' attempts to regulate irregular flows within and from the South" [1:18]. A well-known form of trans-regional governance of migration issues is informal regional dialogues – so-called "Regional Consultative Processes" that gradually spread all over the world [19]; see also [16]. Providing evidence for existence of some migration governance at the global level in such formats as multilateralism and embeddedness, Betts admits their limited scope and argues that international migration governance is much more witnessed at the (trans)regional level. EU cooperation with many states and regions in the world is one of the most prominent examples of this trend, whereas RCPs supported by the EU have served as an important mechanism of its influence on other regions of the world. An important argument has been put forward by Channac and Thouez: "Given the multiplicity of RCMPs, a natural reflection might be to conclude a divergence of views accompanying each of these. In fact, what might on the face appear to be a fragmentation of discussions on international migration policy as an increasing number of RCMPs and other fora emerge, can actually be seen as a growing convergence in similar if not identical methods of cooperative interaction. This is also true across regions, where there is a deeper convergence by the exchange of experiences and approaches from one RCMP to another" [18: 7].

Relatedly, discussing the role of RCPs in global governance of irregular migration, Duvell underlines that such RCPs as the Budapest Process "are based on very dense agendas of almost weekly meetings, consultations, exchange of data, training, and joint exercises for intelligence and enforcement staff" [4: 99]. This shows a very high degree of intensity of communication in some of the existing

RCPs. What remains unnoticed is that RCPs, beyond creating tangible administrative and policy networks and beyond being mere "discussion forums" [5] also contribute to the emergence of less noticeable knowledge networks in regional and, eventually, global migration governance.

Regional Consultative Processes in the Eurasian Migration System

The CIS Conference Process (The Regional Conference to Address the Problems of Refugees, Displaced Persons, Other Forms of Involuntary Displacement and Returnees in the Countries of the CIS and Relevant Neighbouring States) was the first RCP encompassing countries within the Eurasian Migration System. It was initiated in 1996 and has slowly vanished by 2005, producing mixed results in terms of its concrete influence on targeted countries' legislation [3]. In parallel to the CIS Conference Process, but only from 2000, Central Asian countries also participated in the Issyk-Kul Dialogue that lasted until 2010. This was a product of an inter-agency International Migration Programme with the UNITAR taking the lead [10].

The oldest existing RCP in the post-Soviet region is the Budapest Process. It has developed and significantly changed over time – in particular in its geographic focus. Since its inception in 1993, it has targeted cooperation with the Central European countries, as well as with the countries of South-East Europe. As the Central European countries have joined the EU, the Budapest Process has moved further to the East to include the post-soviet countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) into its cooperative framework. In the context of EU Eastern enlargement, the International Centre for Migration Policy Development (ICMPD) supported by the EU started implementing the project on the Re-direction of the Budapest Process to the CIS in 2003 [8].

The only Central Asian states that regularly participate in the meetings of the RCP are Kyrgyzstan and Tajikistan. This is very indicative both for the lack of genuine cooperation efforts among Central Asian states and for the different level of engagement with international initiatives on the part of the Central Asian governments, more specifically Uzbekistan and Kazakhstan. The reasons for this limited engagement in the case of international migration cooperation are, however, different. Whereas Uzbekistan insists on the fact that migration is not among its policy priorities and in general prefers to avoid international interventions in this policy field , Kazakhstan positions itself as a developed country of destination and thus does not want to be present in these meetings on the same side as Afghanistan or Tajikistan . The overall participation of the Central Asian states in the activities of the Budapest Process is rather low.

Another EU led RCP – the Prague Process – is a case apart due to its hybrid nature. It is not a RCP in the strict sense of the term, since it emerged in 2009 as a project funded by the EU and the Government of the Czech Republic under the title "Building Migration Partnerships" in the framework of EU cooperation with the Eastern Partnership countries and was designed only for two years. However, after its formal termination in 2011, the participating parties (mostly EU Member States and the European Commission) endorsed a follow-up with the action plan from 2012 till 2016. This double nature of the Prague Process – a migration man-

agement project that has successfully grew into a regular dialogue among the participating states – makes it quite innovative compared to the "old-fashioned" Budapest Process. The popularity of the Prague Process among the participating states, including those that are usually quite reluctant to engage in substantial talks on migration (such as Uzbekistan) is to a large extent due to the ideology of the project: all of the states are supposed to be equal in the process of creation of migration partnerships, the "peer pressure" on the countries of origin and transit is thus much more politically correct and more bearable.

Various governors face different reactions in the target countries. This becomes clear from the analysis of activities undertaken by IGOs such as ILO, IOM and UNHCR. The situation of ICMPD is quite particular. Just like IOM [6], ICMPD was created with a very specific and limited mission – to be the secretariat of the Budapest Process – but with time has overgrown its initial function and become a widely recognized "migration" international organization [7]. It is very strongly linked – both substantially, but also in terms of self-positioning in relations with the regional governments – with the EU. This link – giving the ICMPD the right to claim that it is working on behalf of the EU – is important for strengthening its authority. In other words, in this case two governors – the EU and ICMPD – promote each other's authority, even though in different ways. Whereas the EU is gaining points as an important transmitter of norms, ICMPD stands out as an efficient provider of concrete expertise and tailor-made solutions. To date, an important output of the Prague Process is a set of Migration profiles for several Central Asian countries, which may, at least serve as platforms for changes in these countries' migration policies.

The Budapest Process, on the other hand, has become too broad, and it does not focus on specific situations and challenges of cooperation that exist in Central Asian countries. Moreover, it shifts attention from Central Asia as such to the neighbouring states regrouped under the label "silk routes countries". This diverted attention is mostly due to the fact that the EU perceives "threats" and challenges from these countries for the EU territory as more important than those that they might present for Central Asia and the larger post-soviet region. The same applies to the Prague Process that seems to mostly reflect concerns of the EU and does not take into account other grass-root visions from the region. It is perhaps accurate to argue that one of the most important factors adversely affecting the Budapest and Prague Processes could be called "the threshold of association effect" when perception of ICMPD as an EU-led/driven actor becomes harmful for its image of an independent technocratic knowledge-based agency and contributes to complications in its relations with the states involved in the RCPs.

Importantly, however, the EU has also attempted to promote a "genuinely regional" – that is initiated, developed and "owned" by the countries of the region – regional consultative processes in Central Asia. This has been done, among others through two projects implemented by ILO, one of which was discussed in the first sub-section. The first overarching project in the field of labour migration funded by the EU and implemented by ILO was called "Towards sustainable partnerships for the effective governance of labour migration in the Russian Federation, the

Caucasus and Central Asia" [9]. Activities within this project have brought back to life the half-dead Issyk-Kul Dialogue that was initiated within the CIS structures in 2000. This migration dialogue was covering even a larger region including also the Caucasus. However, after quite a dynamic start it has lost its pace. Due to the intensified involvement of the EU in the Central Asian soft security field since 2007, the Issyk-Kul Dialogue has held new meetings in 2009 and 2010, but after the end of the second large ILO project, it has again lost its momentum.

The absence of a bottom-up regionally initiated process was a serious challenge for external actors who did not get a chance to use pre-existing structures of cooperation for transforming the agenda of migration governance. As stated by Koehler "RCPs embody a particular form of "multilateral cooperation" that provides the basis for convergence of perceptions and eventual policy harmonization" [16: 69]. This trans-regional cooperation implies, however, a certain degree of pre-existing cooperation if not in a given policy field, than at least in overarching issues and, by default, some kind of regional homogeneity within the (sub)regions involved in a RCP. If one can talk about the presence of these conditions on the EU side, this was certainly not the case for Central Asia. This was one of the key exogenous challenges that external migration governors faced in the region [17].

The situation started to change with the launch of a new RCP – the Almaty Process that de-facto emerged in March 2011 thanks to the Regional Conference on Refugee Protection and International Migration in Central Asia that adopted the Almaty Declaration. The Almaty Process, administered by the tandem of IOM and UNHCR, involves four out of five post-Soviet Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan), and three neighbouring states (Afghanistan, Azerbaijan, Turkey), whereas Pakistan and Iran have observer status. Importantly, neither Russia (the major destination country in the Eurasian migration system), nor Uzbekistan (the major migrant origin country in the region) are not participating in the Almaty Process. However, initially Russia, as well as Uzbekistan and even China took part in some of the Process events before it was officially launched in June 2013 with Kazakhstan acting as the chair. Participating states defined several key issues of common interest, including compliance with international law and standards for migrants with protection needs, national security and border protection, cross-border migration-related crime, especially human trafficking and smuggling, statelessness, emergency preparedness, and irregular migration from Central Asia. The Almaty Process produced the Regional Action Plan built on UNHCR's 10-Point Plan of Action on Refugee Protection and Mixed Migration. This plan is organized around four objectives: (1) Managing borders and ensuring security while ensuring protection; (2) Differentiated processes and procedures; (3) Viable solutions for different groups; and (4) Developing legal migration opportunities and gender-sensitive migration policies.

This emphasis on the local ownership might at least partly be the case for the states in the region. However, there are clear indicators that the Almaty Process is rather closed for other types of local actors, most notably – NGOs working in the fields of migration and human rights. They are underrepresented in the Process and even those that have formally indicated status have issues with actually accessing

meetings at various levels. Invited organizations are not representative of the actual civil society stakeholders in the field of migration, for example, the Human Rights Centre from Tajikistan was never invited [13, 14]. If at the start of the Process, civil society actors were at least formally invited to attend Process meetings, in 2015 and, especially, in 2017 their number has significantly decreased [11].

Concluding remarks

An important trend that deserves more attention than it has so far received from scholars of migration governance in the post-Soviet space is the continuous attempts of international organizations to approach and frame some countries in the Eurasian Migration System as new regions. This is specifically the case of Central Asia where – up to very recently – almost all projects of international organizations were so much region-oriented that they were almost losing sight of very significant country-specific features and needs. This is certainly one important point to keep in mind when analyzing migration governance in this part of the world.

Another key observation that needs further exploration is that often projects launched by international organizations – often because the donors want it this way – do not include Russia. This has also been contributing to either intentional or accidental re-shaping of the region. The problem, however, is that Russia has remained the main destination country in the whole post-Soviet space, definitely the main destination for Central Asian migrants. Not including Russia in relevant governance frameworks or specific projects can hardly be beneficial in the long-term perspective.

Originating in the EU, Budapest and Prague Processes have been rather unsuccessfully trying to involve the countries from the post-Soviet region. IOM with its more recent Almaty Process that is being presented as "native" to the region and, even more importantly, region-owned has been hoping to fill this niche, in particular through widening participation in this process on the part of other IGOs, as well as NGOs active in the region. From a closer look, Almaty Process seems to be an overarching and rather hybrid framework that aims at covering both migration and asylum issues in Central Asia and larger region, but paradoxically does not include Russia unlike the longer existing Budapest and even Prague Process.

The genesis of RCPs in Central Asia (and wider post-soviet space) is very interesting since it is indicative of major trends in regional migration governance. The role of (destination) states and IOs is very visible. Moreover, regional integration with direct consequences for regional migration governance has pushed international organizations to adjust their strategies in order to continue to be seen as bringing some added value in now genuinely regional (or at least sub-regional) migration governance. Consequently, international organizations attempted to enter the newly created government networks and utilize their previously created networks to promote their agenda and their relevance. Since 2015, in the context of rapid developments in regional migration governance within the Eurasian Economic Union, IOM and UNHCR have had to gradually refocus the Almaty Process and pay more attention to issues of refugee reception (protection) with Central Asian countries taking on the role of countries of destination. The core issues of

labour migration to Russia, thus, have been at least partly replaced by another arguably important issue. However, field material provides serious grounds to doubt the actual importance of this issue for the countries in question and for international actors at the moment when the Almaty Process was piloting its initiatives in this field [12].

It seems very important to explore interactions of international organizations and RCPs with the newly created structures and rules in the context of relatively recent dynamics of Eurasian regional integration (the Eurasian Economic Union). First RCPs were addressing all sorts of migration issues, including labour migration. They were in many ways competing with state actors and, eventually, losing in this competition. The Almaty Process has been primarily concerned with a major issue that had not come into the orbit of inter-state cooperation in this space: development of refugee protection norms and mechanisms. This, at least partly, explains the relative success of this "locally owned" RCP in relation to the previous initiatives.

However, overall, despite their normatively framed narratives and discursive focus on protection of migrants' rights, RCPs and other trans-regional migration governance initiatives have often focused on issues of forced migration – de-facto limited to facilitating the emergence of regional protection zones for eventual containment of undesirable flows within the region – and fight against irregular migration. Taking into account a certain level of contestation already emerged in the field both from state-led initiatives and civil society actors, this security-oriented approach can eventually jeopardize sustainability of external interventions in migration governance within this large and complex migration system.

REFERENCES AND SOURCES

1. Betts, A. Global Migration Governance. Oxford: Oxford University Press, 2011.
2. Betts, A. The Global Governance of Migration and the Role of Trans-regionalism. In Kunz R., Lavenex S. and Panizzon M. (eds.) Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership. New York: Routledge, 2011. Pp. 36–75.
3. Druke, L. Refugee policy in Eurasia: The CIS Conference and EU Enlargement Process 1996–2005. Geneva: UNHCR, 2006.
4. Düvell, F. Irregular Migration. In Betts, A. (ed.) Global Migration Governance. Oxford: Oxford University Press, 2011.
5. Geiger, M. and Pécoud, A. The Politics of International Migration Management. In Geiger M. and Pécoud A. (eds.) The Politics of International Migration Management. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 2010. P. 1–20.
6. Georgi, F. For the Benefit of Some: The International Organisation for Migration and its Global Migration Management. In Geiger, M. and A. Pécoud, eds. The Politics of International Migration Management. Basingstoke et al.: Palgrave Macmillan, 2010. pp. 45–72.
7. Hess, S. "We are Facilitating States!" An Ethnographic Analysis of the ICMPD. In Geiger, M. and A. Pécoud, eds. The Politics of International Migration Management. Basingstoke et al.: Palgrave Macmillan, 2010. pp. 96–118.

8. ICMPD. Overview of the Migration Systems in the CIS Countries. ICMPD, Vienna, 2005.
9. ILO. Project Evaluation Summary: Towards sustainable partnerships for the effective governance of labour migration in the Russian Federation, the Caucasus and Central Asia. ILO, Geneve, 2009.
10. Interview with a former member of staff of an international organization, Geneva, June 2017.
11. Interview with a member of staff of an international organization, Bishkek, March 2017.
12. Interview with a member of staff of an international organization, Almaty, August 2014.
13. Interview with a member of staff of an NGO, Dushanbe, June 2014.
14. Interview with an independent expert, Almaty, August 2015.
15. Ivakhnyuk, I. Evraziiskaya migratsionnaya sistema: teoria I praktika. Moscow: MAKS Press, 2008.
16. Koehler, J. Regional Consultation Processes and Global Migration Management / In Kunz R., Lavenex S. and Panizzon M. (eds.) Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership, New York: Routledge, 2011. P. 67–93.
17. Lewington, R. The Challenge of Managing Central Asia's New Borders. Asian Affairs 41 (2). 2010. Pp. 221–236.
18. Thouez, C. and Channac F. Regional Consultative Processes for Migration: An Evaluation Based on IMP's Work. New York: United Nations Population Fund, 2005.
19. Thouez, C. and Channac, F. Shaping International Migration Policy: The Role of Regional Consultative Processes // West European Politics 29 (2). 2006. Pp. 370–387.

ИНИЦИАТИВА КИТАЯ «ПОЯС И ПУТЬ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ В КАЗАХСТАНЕ

САДОВСКАЯ Елена Юрьевна, кандидат философских наук, международный консультант по миграции и миграционной политике, Алма-Ата (Казахстан). E-mail: esa2004@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена Инициативе Китая «Пояс и Путь» (ИПП) и его составляющей – проекту «Экономический пояс Шелкового Пути» (ЭПШП) по строительству наземных транспортных коридоров из Китая через Центральную Азию в Европу и ее влиянию на трудовую миграцию в Казахстане. Определяется важность ЭПШП для Казахстана, который не имеет выхода к морю; определяются основные виды трудовой миграции, Китая; выявляются противоречивые последствия китайской трудовой миграции и бизнеса в РК.
Ключевые слова: трудовая миграция, бизнес, Казахстан, Китай, проект «Экономический пояс Шелкового Пути», влияние.

CHINA'S BELT AND RAOD INITIATIVE AND ITS IMPACT ON LABOUR MIGRATIONS IN KAZAKHSTAN

Yelena Yu. SADOVSKAYA, PhD (Philosophy), International Consultant on Migration and Migration Policies, Almaty (Kazakhstan). E-mail: esa2004@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to China's Belt and Road Initiative (BRI) and the Silk Road Economic Belt (SREB) i.e., the development of an integrated transport network through Central Asia and further on to Europe and its impact on migration. The paper explores the importance of transit corridors for the land locked Kazakhstan and focuses on labor migration: its major patterns and controversial impacts on local labor markets and local business.
Keywords: labour migration, business, Kazakhstan, China, Silk Road Economic Belt, impact.

Инициатива Китая «Пояс и Путь» в Казахстане: инвестиции, инфраструктурные проекты и трудовая миграция

Проект по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) впервые выдвинут Председателем КНР Си Цзиньпином во время его первого государственного визита в столицу Казахстана Астану 7 сентября 2013 г. Вместе с предложенной в октябре 2013 г. Инициативой по совместному строительству «Морского Шелкового пути XXI века», они составили один мега проект «Один пояс, один путь», озвученный в марте 2015 г. [2].

Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) – это проект по строительству наземных транспортных коридоров из Китая в Европу через Центральную Азию (ЦА), включая Республику Казахстан (РК), и развитию морских путей

через моря Тихого и Атлантического океанов. Строительство транзитной транспортно-коммуникационной инфраструктуры очень важно для Казахстана, не имеющего выхода к морю, и будет способствовать развитию торговли и кооперации, взаимосвязанности инфраструктуры, передвижению капиталов, росту мобильности.

Китайские инвестиции в Казахстан в последние годы постоянно растут, подписанs соглашениz и контрактs на десятки миллиардов долларов. По сообщению Посольства КНР в РК, в Казахстане намечено реализовать 51 проект стоимостью более 27 млрд. долл. США в рамках ЭПШП [12]. В соответствии с Программой сотрудничества, 20 000 новых рабочих мест будет создано на предприятиях транспорта и логистики, нефтегазовой, химической и легкой промышленности, в сфере строительства и сельском хозяйстве и т.д.

Инвестиции, инфраструктурные проекты, торговля имеют самое прямое отношение к миграционным процессам, потому что миграции, в частности, трудовые являются неотъемлемой частью постоянного трансграничного движения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы. С ростом первых, интенсифицируется и мобильность в целом, поэтому мы изучим трудовую миграцию в связке с экономическими проектами КНР.

Китайская трудовая миграция в Казахстан включает торговую миграцию, бизнес миграцию и работу по найму. Торговая миграция появилась еще в конце 1980-х – начале 1990х гг., сначала из Китая в РК, а потом – двусторонняя: для казахстанцев это был способ экономической мобилизации и выживания в период кризиса.

В период экономического роста, с середины 2000-х гг. резко возросло привлечение китайской рабочей силы для реализации китайских и совместных проектов в РК. Еще одной причиной рекрутирования китайских работников стал дефицит высококвалифицированных кадров и недостатки в системе высшего и среднего профессионального образования РК, которое не обеспечивает рынок труда квалифицированными инженерными и рабочими кадрами.

Сегодня в Казахстане наблюдается устойчивое присутствие китайской рабочей силы и бизнеса. Китайские менеджеры, инженерно-технические работники и другие профессионалы, а также рабочие, заняты в приоритетных секторах сотрудничества КНР в каждой из стран. Они работают в основном на крупных китайских и совместных предприятиях, компаниях, подрядных организациях в энергетике, строительстве, сфере услуг.

Привлечение иностранной рабочей силы и ее регулирование

Трудовая иммиграция в РК регулируется национальным законодательством, которое устанавливает категории приглашаемых работников (CEO, менеджеры, специалисты, квалифицированные рабочие и др.), а также количественные и временные рамки для их пребывания в стране. Для этого в Казахстане государство ежегодно устанавливает (численную) квоту на привлечение иностранной рабочей силы (ИРС). Квота нацелена на привлечение в страну наиболее востребованных профессионалов и одно-

временно – для защиты внутреннего рынка труда. Иностранные работники имеют право трудиться временно – сроком до одного года, с правом продления. Высококвалифицированные специалисты в некоторых секторах имеют возможность работать по контракту до 5 лет, в том числе и китайские профессионалы [3].

Отметим, что для того чтобы увеличить число привлекаемых квалифицированных кадров и увеличить сроки их занятости в Казахстане, приняты многочисленные исключения, например, без оформления разрешения иностранцы могут работать в стратегически приоритетных национальных проектах; отдельных отраслях и учреждениях; если они прибыли в рамках внутрикорпоративного перевода и т.д. Казахским репатриантам (оралманам) из Китая и других иностранных государств тоже установлены льготные условия для трудоустройства и ведения бизнеса.

Законодательство регулирует соотношение местных и иностранных работников на предприятиях путем введения требования в местном содержании кадров, т.е., о соотношении численности национальных и иностранных кадров. Например, в Казахстане в 2016 г. введено правило о соотношении 70 к 30% численности казахстанских и иностранных кадров по первой и второй категории (руководители, их замы, и руководители структурных подразделений) и не менее 90 и 10% – на третьей и четвертой (специалисты и квалифицированные рабочие). Как правило, эти требования к китайской рабочей силе на казахстанских предприятиях соблюдаются.

Китайская трудовая и бизнес миграция в Казахстан

Казахстан имеет длительный опыт привлечения китайской рабочей силы в контексте интенсивного сотрудничества с КНР. Его динамика за 2000–2017 гг. показана на рис. 1. Граждане КНР заняты в строительстве, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, в секторе услуг почти во всех областях РК, в первую очередь в нефтегазовом секторе западных областей: Атырауской, Актюбинской, Мангистауской; в Восточно-Казахстанской и Кзыл-ординской, а также в городах Астана и Алма-Ата [10; 5].

По информации Министерства национальной экономики (МНЭ) РК, по состоянию на 1 января 2018 г. в Казахстане зарегистрировано более трех тысяч малых и средних предприятия с совместной и китайской формой собственности [4], работает несколько десятков крупных компаний и предприятий. Среди крупных компаний: совместное предприятие Акционерное общество (АО) «CNPC-Актобемунайгаз», компания «ПетроКазахстан», АО «Тургай Петролеум», Атырауский нефтеперерабатывающий завод (АПНЗ), Шымкентский НПЗ и др.

Экономический вклад крупных китайских и совместных компаний дополняется программами корпоративной социальной ответственности бизнеса (КСО). Например – АПНЗ, построенный в Атырау на кредиты Эксимбанка Китая в 1,130 млрд. долл. США. В периоды повышенной нагрузки на АНПЗ трудится 700 иностранных, в том числе китайских, специалистов и четыре

тысячи местных жителей. 115 местных молодых людей получили высшее образование в китайских вузах и работают в Атырау специалистами-инженерами или переводчиками [9]. На некоторых предприятиях среднего бизнеса, например, в совместной компании по производству томатной продукции Цинказ, также реализуется политика КСО.

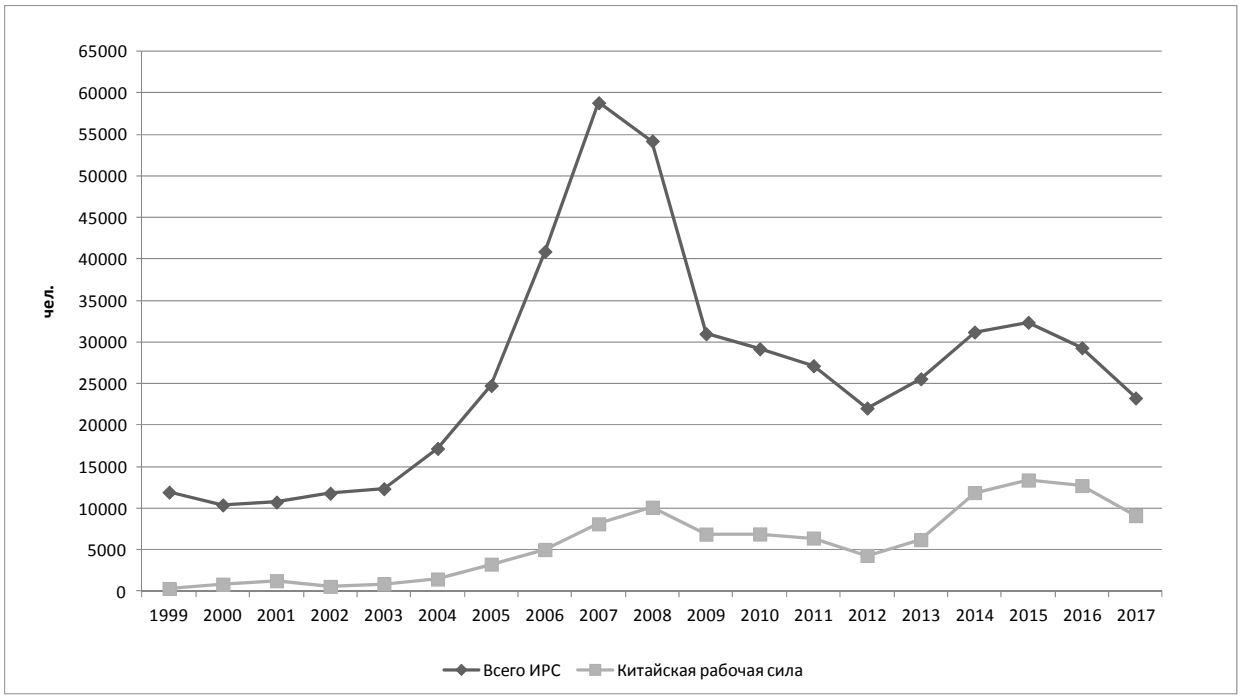

Рис. 1. Привлечение китайской рабочей силы в Казахстан в 2000–2017 гг., человек [10; 5]

Трудовая и бизнес миграция из КНР и ее влияние на местный бизнес и рынки труда

Китайские компании, китайский бизнес и рабочая сила вносят существенный вклад в строительство промышленных и логистических объектов, решение экологических проблем (особенно в крупных компаниях), рост производительности труда, реализуют политику КСО. В целом, вклад китайских и совместных компаний в развитие отдельных секторов экономики значителен; несколько компаний входят в список 50-ти крупнейших налогоплательщиков в казахстанский госбюджет [1].

Влияет ли трудовая и бизнес миграция из Китая на местный бизнес и локальные рынки труда? Рабочая сила из Китая занята, как правило, на китайских или совместных предприятиях, или работает вахтовым методом на отдаленных участках при строительстве газо- и нефтепроводов, либо занята в специфическом национальном бизнесе – китайских ресторанах и медицинских центрах, где нередко обслуживаются сами граждане из КНР. Доля китайской рабочей силы среди общего числа занятых в Казахстане невелика: в 2017 г. она равнялась 0,1% и не оказывала существенного влияния на рынок труда РК (Рассчитано автором на основе национальной статистики рынка труда, данных Комитета по статистике МНЭ РК и МТСЗН РК). Вместе с тем,

для Казахстана характерны значительные региональные и отраслевые диспропорции развития, дисбалансы на национальном и локальных рынка труда, низкая мобильность рабочей силы, поэтому востребованы прикладные региональные и локальные исследования влияния занятости иностранной рабочей силы, включая китайскую, на местные рынки труда.

Велика роль китайского бизнеса в РК как поставщика почти всех видов повседневных товаров. Бум торгового бизнеса в 1990-е гг. повлек за собой изменение структуры занятости и перетекание рабочей силы из производственного в торговый сектор, в частности торговлю китайскими товарами. Многие китайские малые и средние предприятия производят востребованные на рынке Казахстана строительные материалы, мебель, товары повседневного спроса. Однако, в некоторых секторах, в результате сложной совокупности внешних и внутренних факторов местные предприятия проигрывают в конкуренции с китайскими предприятиями. Наиболее заметным, хотя и опосредованным, негативным последствием китайской деловой активности является упадок обувной, швейной и текстильной промышленности в Казахстане и сокращение занятости в этих секторах [8, с. 205–208].

Китайские предприятия порой работают недостаточно эффективно, но это в значительной мере – ответственность казахстанской бюрократии. Например, в г. Кокшетау в Северном Казахстане на маслоперерабатывающее предприятие «Тайынша Май» планировалось привлечь 11 высококвалифицированных кадров из КНР: гендиректора, управляющий персонал и инженеров и трудоустроить 60 граждан РК в качестве рабочих [9]. Однако граждане Китая не могли въехать в РК, потому что им отказывали в предоставлении долгосрочных трудовых виз. Никто из казахстанских рабочих не смог работать на китайском оборудовании, т.к. китайские инженеры не переобучили местный персонал; не были решены многие другие технические вопросы, поэтому завод многие месяцы простаивал. Эта проблема не единична; как отметил Генеральный секретарь Союза китайских предпринимателей в РК Ху Хайсинь, «Ваши чиновники хотят, чтобы к ним приходили деньги иностранных инвесторов, но не хотят, чтобы вслед за этими деньгами приходили сами инвесторы» [9].

К другим негативным сторонам трудовой миграции из Китая относятся проблемы в процессе привлечения и занятости. Как и другие иностранцы, китайские работники порой нарушают правила трудоустройства, работая не в тех областях или предприятиях, которые установлены уполномоченным органом; отмечены нарушения в правилах регистрации в органах МВД и визового режима, когда они остаются в РК свыше срока визы.

Незаконная миграция из Китая в республику незначительна, так как правительство КНР ориентирует китайских предпринимателей на строгое соблюдение законов в странах приема. Имеются единичные случаи незаконного пересечения границ, но чаще происходят нарушения национального миграционного и трудового законодательства во время пребывания трудовых мигрантов в странах ЦА. Так, по данным Комитета национальной безопасности (КНБ) Казахстана, свыше половины всех зафиксированных нарушений (400) за 2015–

2017 гг. – это нарушения правил пребывания в РК. Китайские работники, не имеющие квалификации, порой предоставляют поддельные дипломы о высшем образовании, ложные приглашения и договора подряда, чтобы получить разрешение на работу или визы в Казахстан [7].

Еще один риск китайского присутствия – это коррупция, причем не со стороны китайского бизнеса, а со стороны принимающей страны. Подтверждение этому можно найти в одном из последних сообщений СМИ о нелегальных каналах для трудоустройства китайских граждан: две транснациональные преступные группы через 85 зарегистрированных казахстанских компаний организовали канал массового нелегального въезда из КНР в Казахстан [11].

Заключение

На основе сравнения миграционных потоков, сложившихся в 1990–2000-е гг., и миграций под влиянием китайских проектов ЭПШП/ИПП в середине 2010-х (после начала реализации ЭПШП), можно сделать вывод о сохранении основных видов миграций между КНР и Казахстаном, т.е., трудовой, бизнес и торговой, а также развитии других видов, например, образовательной.

К новейшим трендам под влиянием ЭПШП можно отнести определенное сокращение торговой миграции и рост найма китайской рабочей силы на строительство инфраструктурных объектов и предприятий. Растет и численность, и доля китайской рабочей силы в привлекаемой иностранной рабочей силе [10].

Китайские и совместные компании, китайский бизнес и рабочая сила вносят существенный вклад в развитие отдельных отраслей экономики РК. Они реализуют политику КСО: переобучают и повышают квалификацию кадров, обеспечивают их социальную защиту, что повышает конкурентоспособность работников, предприятий и компаний. Вместе с тем, имеются и негативные последствия китайской трудовой миграции и бизнеса. Несмотря на противоречивость процесса, комплексных прикладных исследований на эту тему не проводилось, вклад Китая и ЭПШП/ИПП в экономическое развитие и развитие человеческого капитала в РК слабо отражен в научном и публичном дискурсе. Необходимы системные исследования и модельные прогнозы для обеспечения устойчивости в реализации проектов ЭПШП и их сопряжения с национальными планами развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Есеналина А. Кто кормит Казахстан. 50 крупнейших налогоплательщиков страны. Электронный ресурс. Режим доступа: https://lsm.kz/kto-kormit-kazahstan-50-krupnejshih-nalogoplatel-shikov-strany 11.01.2018. Доступ 13 апреля 2018.

2. МИД КНР и Министерство коммерции КНР. «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века» (2015), Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции.

Март 2015. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml Доступ 2 июня 2018.

3. МИД РК, МИД РК. Подбор визы для иностранных граждан, желающих посетить Казахстан. На 2 февраля 2018 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.mfa.gov.kz/

4. МНЭ РК. Министерство национальной экономики РК. Письмо 36-11/101-с-504 от 5 мая 2018 г., Астана.

5. МТСЗН РК. Министерство труда и социальной защиты населения РК. Письмо 06-2-16/11149 от 10 июля 2017, Астана.

6. МТСЗН РК. Министерство труда и социальной защиты населения РК. Письмо 06-2-16/10330 от 10 мая 2018, Астана.

7. ПС КНБ РК. Письмо Пограничной службы КНБ РК 15/3-3-2780 от 17.05.2018. Астана, 17 мая 2018 г.

8. Садовская, Е.Ю. Китайская миграция в Республике Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества. Алматы, Изд-во Раритет. 2014.

9. Сурганов В. Дракон оскалился. Что раздражает крупный китайский бизнес в Казахстане. Специально для ИА «Фергана». 15.12.2017. Ист.: http://better.kz/20171218/drakon-oskalilsya-chto-razdrazhaet-krupnyj-kitajskij-biznes-v-kazaxstane/ Доступ 16 апреля 2018.

10. Sadovskaya, Yelena. China’s Belt and Road Initiative and its Impact on Migration Flows and Policies in Central Asia. ICMPD, Vienna. December, 2018. (forthcoming).

11. Tengrinews.kz Канал массового въезда из Китая в Казахстан создали преступники – Божко. Электронный ресурс. Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kanal-massovogo-vyezda-kitaya-kazahstan-sozdali-prestupniki-342155/16.04.2018. Доступ 16 апреля 2018.

12. Zhumadilov A. Kazakh-Chinese business forum marks fifth anniversary of Belt and Road Initiative. Электронный ресурс. Режим доступа: https://astanatimes.com/2018/09/kazakh-chinese-business-forum-marks-fifth-anniversary-of-belt-and-road-initiative/ 11.09.2018.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ И БЕЛОРУССКИЕ РЕАЛИИ[1]

ТИХОНОВА Людмила Ефимовна, доктор экономических наук, профессор кафедры международного менеджмента Белорусского государственного университета, Минск (Беларусь). E-mail: tihonovale@mail.ru

ПУГАЧЁВ Василий Павлович, доктор технических наук, профессор кафедры международного менеджмента Белорусского государственного университета, Минск (Беларусь). E-mail: pugachov19@gmail.com

Аннотация. Исследуются направления сложившихся трудовых миграционных потоков в миграционном пространстве ЕАЭС, состояние миграционного взаимодействия государств союза, реалии белорусской миграционной политики и обосновываются предложения по развитию дальнейшей миграционной политики Республики Беларусь в формате ЕАЭС в контексте обеспеченности народного хозяйства страны необходимыми трудовыми ресурсами.

Ключевые слова: миграция, международно-правовое регулирование миграции, миграционное взаимодействие, Евразийский экономический союз, Содружество независимых государств.

MIGRATION POLICY: EURASIAN CONTEXT AND BELARUSIAN REALITIES[2]

Ludmila E. TIHONOVA, Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University, Minsk (Belarus). E-mail: tihonovale@mail.ru

Vasily P. PUGACHEV, Dr. Sc. (Technical), Professor, Belarusian State University, Minsk (Belarus). E-mail: pugachov19@gmail.com

Abstract. The directions of the existing labor migration flows in the EAEU's migration space, the state of the migration interaction of the Union states, the realities of the Belarusian migration policy are investigated, and the proposals for the development of the future migration policy of the Republic of Belarus in the EAEU format in the context of providing the national economy with necessary labor resources are justified.

Keywords: migration, international legal regulation of migration, migration interaction, Eurasian Economic Union, Commonwealth of Independent States.

В формате Евразийского экономического союза с учетом ключевых тенденций развития мирового хозяйства экономическая интеграция является одним из основных ресурсов стратегического сотрудничества Беларуси, Российской Федерации, Казахстана, Киргизской Республики и Армении [8; 9]. В рамках ЕАЭС экономическая интеграция служит базисом для развития трудовой миграции между странами-членами объединения. Одновременно, трудовая миграция является важной формой реального социально-экономиче-

[1] Исследование проведено при поддержке гранта БРФФИ №Г17Р-007

[2] The study was conducted with support from BRFFR grant №Г17Р-007

ского взаимодействия данных государств. Движение граждан СНГ через границы в поисках работы во многом способствовало образованию Евразийского экономического союза. Таким образом, налицо глубокая взаимосвязь и взаимообогащение процессов экономической интеграции и международной миграции на евразийском пространстве.

Как показывает анализ, Российская Федерация является главным центром притяжения мигрантов из всех стран союза и СНГ [2]. Наиболее весомым поставщиком рабочей силы на российский рынок труда из стран евразийской интеграции является Киргизская Республика. Из таблицы 1 видно, что в 2016 г. в Россию на работу прибыли 361,9 тыс. граждан Кыргызстана, или почти половина от общего числа трудовых мигрантов из государств-членов ЕАЭС.

Таблица 1.

Иностранные граждане стран ЕАЭС, прибывшие в Россию с целью работы по найму в 2016 г.

Страна	тыс. человек	%
Всего в том числе:	741,1	100,0
Армения	209,9	28,3
Белоруссия	97,7	13,2
Казахстан	71,6	9,7
Кыргызстан	361,9	48,8

Источник: данные МВД России

Второе место по абсолютному количеству трудовых мигрантов занимает Армения – 209,9 тыс. человек, третье – Беларусь, из которой на работу в Россию в 2016 году прибыло 97,7 тыс. человек.

По данным МВД России, на середину 2017 г. на российской территории число иностранных граждан из стран, вошедших в новое интеграционное пространство ЕАЭС, составило 1,2 млн. человек. В общем миграционном потоке доминируют граждане Киргизии, их доля превысила треть (34,1%) от общей численности мигрантов из стран ЕАЭС. Более четверти (27,5%) составили граждане Армении, доля выходцев из Казахстана и Беларуси составила соответственно 22,7% и 15,7%, что наглядно представлено на рисунке 1.

По итогам 2017 г. число трудовых мигрантов из государств ЕАЭС прибывших в Россию с целью работы (по сравнению с 2016 г.), увеличилось из Армении на 10,7%, Беларуси – на 27,5%, Казахстана – на 23,2%, а Кыргызстана – всего на 4,1%. При этом количество мигрантов из Таджикистана выросло на 11,8%, а из Узбекистана – сразу на 27,2%.

Сложность задач евразийской интеграции требует решения ряда вопросов, касающихся дальнейшего развития международного сотрудничества в миграционной сфере. Одной из целей Договора о создании ЕАЭС [5] является формирование единого миграционного пространства, однако в рамках

интеграционного объединения пока не произошло унификации миграционных политик стран-членов союза. В реальности государственная миграционная политика в странах Союза строится на основании Договора о создании ЕАЭС, но прежде всего с учетом собственных интересов государств – участников. Посылающие страны стараются отправить за границу возможно большее количество трудовых эмигрантов, чтобы получить от них больше денежных переводов. Вопросы подготовки эмигрантов к адаптации и интеграции зачастую ограничиваются попытками защитить права своих эмигрантов за рубежом. Меры принимающих государств не всегда последовательны и прозрачны. Одновременно каждое государство проводит свою собственную визовую политику в отношении третьих стран.

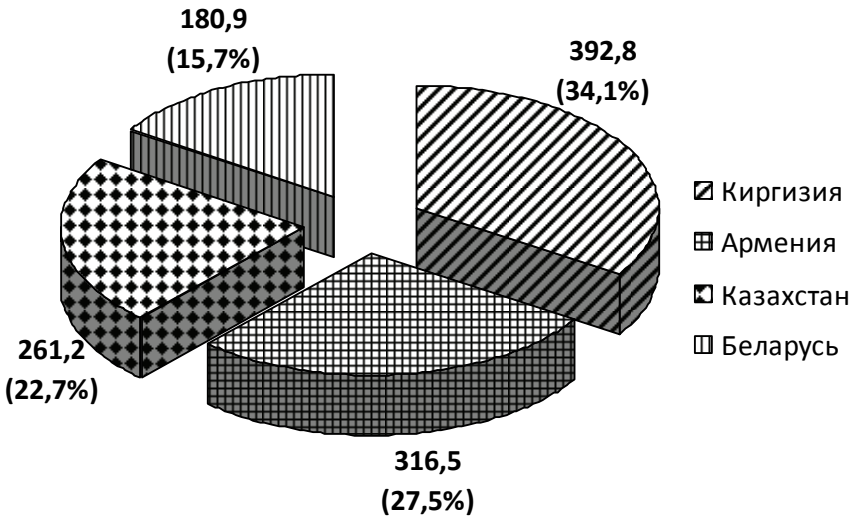

Рис. 1. Количество иностранных граждан из стран ЕАЭС в России, на середину 2017 г., тыс. чел. Источник: по данным МВД России

К проблемным вопросам расширения интеграционного сотрудничества государств-участников ЕАЭС в сфере миграции и проведения скоординированной межгосударственной миграционной политики относится незавершенность разработки правового обеспечения миграционных процессов, отсутствие унифицированной правовой системы, регулирующей трудовую миграцию. Важной задачей является определение согласованной позиции государств-участников ЕАЭС в отношении правовых, экономических и организационных механизмов содействия организованному привлечению и использованию иностранной рабочей силы. Неоправданно затянулось решение задач в области пенсионного обеспечения и социального страхования трудящихся-мигрантов на территории государств-членов союза.

Открытие границ между странами союза создает риски террористических угроз и притока под видом рабочей силы криминальных и экстремистских элементов. В этой связи особую значимость в расширении интеграционного взаимодействия в миграционной сфере приобретают вопросы координации деятельности участников ЕАЭС в области установления визовых режимов с соседними странами, углубления сотрудничества в области

пограничного контроля, формирования единой системы иммиграционного контроля, действующей внутри Союза, что требует создания эффективной, достоверной и адекватной требованиям времени информационной базы развития миграционных процессов в формате ЕАЭС.

Важнейшим условием успешного решения задач управления процессами международной миграции является обеспечение всестороннего многоуровневого взаимодействия заинтересованных органов государств союза между собой, с международными, общественными и национальными организациями, средствами массовой информации, изучение опыта авторитетных интеграционных образований и отдельных государств по вопросам международной миграции.

В ЕАЭС вопросы взаимодействия государств-членов в сфере трудовой миграции регламентированы Разделом XXVI «Трудовая миграция» Договора об образовании ЕАЭС [5]. Так, п.1 ст. 96 Договора о ЕАЭС «Сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции» гласит: «Государства-члены осуществляют сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах».

Под согласованной политикой понимается «политика, осуществляемая государствами – членам и в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных настоящим Договором» [5].

Следовательно, как отмечается рядом авторов, важнейшей задачей государств ЕАЭС является установление сопоставимых норм правового регулирования вопросов миграции в своих законодательствах. То есть – государства – члены ЕАЭС должны согласованно, с учетом законодательств партнеров по Союзу установить сопоставимое нормативное правовое регулирование вопросов трудовой миграции и трудовой деятельности [3; 4; 6: 10; 11].

При формировании миграционных правил следует больше внимания уделять использованию потенциала зарубежных диаспор, которые играют роль агентов влияния своей исторической родины и порой способны лоббировать интересы страны исхода. Диаспоры, являясь социальным капиталом для потенциальных мигрантов, обладают определенными существенными возможностями поддержания миграционных потоков. С другой стороны, активное сотрудничество государства с диаспорами предоставляет дополнительные инструменты и механизмы «мягкого» воздействия на потенциальных и реальных мигрантов.

В 2014 г. Национальным собранием Беларуси принят закон о белорусах зарубежья, который регулирует порядок отнесения лиц к белорусам зарубежья, а также регламентирует меры государственной поддержки этой категории граждан. В настоящее время в Парламенте создана и работает Парламентская группа по делам белорусов зарубежья в целях совершенствования взаимодействия с диаспорами за рубежом. При Министерстве иностранных

дел Республики Беларусь в 2014 г. создан Консультативный совет по делам белорусов зарубежья.

Что касается белорусских демографических и миграционных реалий, то следует отметить, что на 1 января 2018 г. численность населения Беларуси составила 9491,8 тыс. человек, а на 1 октября 2016 г., она составляла 9505,2 тыс. человек. По прогнозам демографов, население Беларуси будет и далее уменьшаться, так по данным директора НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Татьяны Мироновой, по итогам исследования «Состояние и перспективы демографического развития в Республике Беларусь» без учета миграционных процессов численность населения Беларуси в 2030 году может составить 8964 тыс. 600 человек [12]. Исследование было проведено НИИ труда при поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА).

Основные направления миграционной политики Беларуси в ЕАЭС на современном этапе определяются в соответствии с комплексным программно-целевым подходом к регулированию миграционных процессов. Принята Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг., включающая в себя подпрограмму «Внешняя миграция», основными задачами которой являются:

- управление внешней миграцией с учетом демографического и социально-экономического развития регионов страны, а также возвращения соотечественников;
- совершенствование системы выявления, предупреждения и пресечения незаконной миграции, а также интеграции иностранцев;
- совершенствование порядка привлечения иностранных специалистов в Республику Беларусь, а также противодействия нелегальной интеграции [11].

Итоги выполнения предыдущей Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы свидетельствуют, что проблемы стабилизации численности населения и создание предпосылок для ее последующего роста остаются острыми и требуют дальнейшего государственного регулирования.

Важнейшими негативными демографическими тенденциями в Беларуси являются: снижение численности населения, его старение, проблемы воспроизводства трудовых ресурсов и другие проблемы. Эти тенденции обусловливают важность задачи уточнения ключевых приоритетов в стратегии миграционной политики с учетом опыта других стран.

В современных социально-экономических условиях Беларусь является как потенциальным импортером, так и экспортером рабочей силы. Снижение жизненного уровня и обострение проблем занятости ведут к тому, что многие специалисты, рабочие высокой квалификации, научные работники, предприниматели, молодежь без специальности и другие категории населения страны в целях реализации своих трудовых интересов, улучшения своего, материального положения и положения семьи ищут возможность получить работу за границей. Число таких граждан, как подтверждают социологические исследо-

вания, колеблется от 0,6 до 1,5 млн. человек. Наиболее активны потенциальные мигранты в младших возрастных группах: 16–20 лет и 21–25 лет. Доля средней возрастной группы (36–45 лет) более чем в полтора раза меньше доли молодежной возрастной группы (23,4%).

Среди потенциальных трудящихся-мигрантов преобладают мужчины. В целом желают найти работу за границей 30,2% среди мужчин и 20,1% – среди женщин. Социально-профессиональное положение людей также влияет на их миграционную активность. Наиболее активными являются представители нового социального слоя – предприниматели (51,1%). На втором месте по миграционной активности среди социальных групп стоят учащаяся молодежь и студенты: 42,0% из них желают поработать за границей. На третьем месте по миграционной активности – безработные -33%.

В 2016 г. в Беларуси миграционный прирост уменьшился более чем в два раза, а число жителей страны опустилось ниже отметки 9,5 млн. По данным Статистического обозрения Беларуси, подготовленного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, в 2016 г. в Беларусь прибыло на семь тысяч мигрантов меньше, чем годом ранее – 21 038 против 28 349. Большинство мигрантов приехали из стран СНГ – 15 615 (в 2015-м –22 505) человек. Больше, чем из других стран, приехало из России – 6611 (7837).

При этом уехали из Беларуси за 2016 г. 13 098 человек против 9855 в 2015 г., большинство в страны СНГ – 8997 (6679 в 2015-м), из которых в Россию – 5912 (5137). В страны вне СНГ уехали 4101 (3176) человек, больше всего в Литву – 624 (589), Германию – 527 (439), Израиль – 520 (286), США – 464 (327). Причем наибольшую эмиграционную активность проявляют молодые специалисты с высшим образованием и представители бизнеса – предприниматели.

Настораживает сохранение данной тенденции международной миграции в 2017 г., когда в Беларусь прибыл 18961 мигрант – меньше чем в 2016 г. на 3077 человек, а также сокращение за 6 месяцев 2018 г. на 7,6 % количества иностранцев, обратившихся за разрешениями на временное проживание (по сравнению с аналогичным периодом 2017 г.)

В заключение следует отметить, что в целях углубления евразийской экономической интеграции и совершенствования белорусской миграционной политики, актуальным является дальнейшее развитие взаимодействия между государствами – членами ЕАЭС по следующим направлениям:

1) разработка миграционной стратегии стран Евразийского экономического союза, отражающей общее понимание, цели, задачи и конкретные формы сотрудничества и взаимодействия государств-членов в миграционной сфере в рамках ЕАЭС и определяющей приоритетные направления регулирования миграции населения в формате интеграционного объединения;

2) гармонизация национальных миграционных законодательств государств-членов в целях установления сопоставимого нормативного правового регулирования миграционных процессов, сближение миграционной полити-

ки и политики занятости государств–участников нового интеграционного объединения прежде всего в таких ключевых сферах:

- трудовая политика, образование, занятость и миграция, медицина, и здравоохранение;
- разработка системы унифицированных социальных гарантий и индикаторов, приемлемых для апробации и внедрения на уровне государств – членов Евразийского экономического союза;
- укрепление социального партнерства и социальной ответственности;
- институциональное развитие органов социальной сферы, в том числе на международном уровне;

3) сближение законодательства государств-членов ЕАЭС должно проходить не только в сфере трудовой миграции, но трудового права в целом, так как вопросы порядка заключения, изменения, прекращения трудового договора регулируются трудовым правом в комплексе и требуют тесного взаимодействия;

4) формирование единой системы иммиграционного контроля, действующей внутри Союза. Развитие системы статистического наблюдения за миграционными потоками на основе административных данных учета населения и системы выборочных исследований, создание автоматизированной информационной системы о миграционных перемещениях населения, возможностях трудоустройства и обустройства трудовых мигрантов;

5) обоснование приоритетов миграционной политики в отношении стран-партнеров и мер по разработке и внедрению программам профессионально-технической подготовки трудовых ресурсов по требуемым специальностям и целевого приема востребованных отечественной экономикой трудовых мигрантов, используя в этих целях заключение международных соглашений об организованном привлечении и использовании иностранных работников;

6) формирование миграционной инфраструктуры (бирж, агентств, социальных центров поддержки трудящихся-мигрантов) для обеспечения информацией о возможностях трудоустройства, занятости и социальной защиты, создания условий для эффективного использования объединенного трудового потенциала государств-партнеров путем организованного перемещения рабочей силы в регионы дефицита трудовых ресурсов;

7) принятие международного договора Союза, регулирующего вопросы пенсионного обеспечения трудящихся–мигрантов государств ЕАЭС и обеспечивающего их равные права и гарантии в пенсионной сфере.

Таким образом, формирование сбалансированной миграционной политики Республики Беларусь в контексте ее активного участия в процессах экономической интеграции в формате Евразийского экономического союза требует принципиального учета реального состояния и тенденций изменения демографического потенциала Беларуси и международной миграции, необходимости гармонизации национальных миграционных законодательств государств членов ЕАЭС в целях установления сопоставимого нормативного правового регулирования миграционных процессов, а так же опыта ведущих

интеграционных региональных образований и рекомендаций авторитетных международных организаций. Решение этих сложных задач требует системного подхода и активного взаимодействия компетентных государственных органов стран ЕАЭС с участием экспертов Евразийской экономической комиссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алиев С.Б. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2016, 120 с.

2. Бокова Л.Н., Тенденции российской миграционной политики в перспективе евразийской интеграции, Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации № 19(676) 2017.

3. Воронина Н.А., Вопросы трудовой миграции в рамках евразийской интеграции, Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации № 19(676) 2017.

4. Дюваль Ф., Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинар. учеб. пособие / Центр миграц. исслед.; под ред. Ж. Зайончковской и др. – М., 2007.

5. Договор о Евразийском экономическом союзе // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Korneev O. and Leonov A. Eurasia and Externalities of Migration Control: Spillover Dynamics of EU-Russia Cooperation on Migration / In: Zaiotti, R. (ed.) Externalizing Migration Management: Europe, North America and the Spread of ‘Remote Control’ Practices. London: Routledge, 2016.

7. Киселева Е.В. Основные формы межгосударственного сотрудничества в сфере миграции, Российский университет дружбы народов. Юридический институт, 2016.

8. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Миграция в условиях глобализации. // Народонаселение – 2010. – №4. – С. 67–82.

9. Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А., Письменная Е.Е., Храмова М.Н., Сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС в условиях усиления экономической интеграции, Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации № 19(676) 2017.

10. Сивопляс А.В. Правовые основы иммиграционной политики Евросоюза. Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 2. – С. 115–117.

11. Тихонова Л.Е., Красинец Е.С. Трудовая миграция и миграционная политики Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз. Изд. ООО «Развитие», 2015.

12. Снижение социальной потребности в детях. Демографы прогнозируют сокращение численности населения. Электронный ресурс. Режим доступа: https://news.tut.by/society/520370.html

Раздел 4.

МИГРАЦИЯ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Section 4.

MIGRATION
AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT

TRAFFICKING OF WOMEN FOR SEXUAL EXPLOITATION PURPOSES: WHY IS EUROPE FAILING TO TACKLE IT? WHAT CAN WE DO?

DI MAURO Flavia, Master Degree Student (World Politics), MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: dimauro.f@my.mgimo.ru

Abstract. In the European Union the percentage of people trafficked for sexual exploitation is as high as 65%, making up the highest portion compared to other regions of the world. The EU has widely acknowledged the problem and its root causes, which are in large part social and cultural. Accordingly, the legal status of prostitution in a country can significantly affect the flows. In this view, I argue for EU member states to consider the "Nordic model" as a possible tool in the fight against human trafficking.
Keywords: human trafficking, forced migration, prostitution, Nordic Model, sex buyer law

ТОРГОВЛЯ ЖЕНЩИНАМИ В ЦЕЛЯХ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ: ПОЧЕМУ ЕВРОПА НЕ СПРАВЛЯЕТСЯ? ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ?

Флавиа ДИ МАУРО, магистрант, МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: dimauro.f@my.mgimo.ru

Аннотация. В Евросоюзе доля лиц, проданных с целью сексуальной эксплуатации достигает 65%, являясь наиболее высоким показателем в сравнении с другими регионами. Страны ЕС признают данную проблему и ее истинные причины, которые в значительной степени носят социальный и культурный характер. Соответственно, правовой статус проституции в стране может существенно скорректировать потоки. В этой связи государствам-членам ЕС целесообразно рассмотреть «Северную модель» в качестве возможного инструмента борьбы с торговлей людьми.
Ключевые слова: торговля людьми, вынужденная миграция, проституция, Скандинавская модель, закон о покупателях секс-услуг

Introduction. The alarming dimension of human trafficking for sexual exploitation is a longstanding stain on EU's policies against trafficking in persons. According to UNDOC's *Global Report on Trafficking in Persons*, 67% of the victims of human trafficking detected in Western-Central Europe and 65% of the victims detected in Central-South Eastern Europe were involved in sexual exploitation business [10]; out of this, 95% were women. Compared to other regions of the world, Europe shows the highest percentage of victims trafficked for sexual exploitation purposes. There are a variety of reasons why human trafficking for sexual exploitation is so hard to eradicate compared to other forms, ranging from in-

herent difficulties in the detection of the crime to inefficient national legislation and flawed understandings of prostitution. According to EIGE's director Virginija Langbakk «trafficking for sexual exploitation is rooted in gender inequalities», meaning that «anti-trafficking efforts cannot and must not overlook the gender-specific roots of this crime, which make women and girls more vulnerable to trafficking» [5]. Accordingly, the European Commission has defined trafficking of women for sexual exploitation as a form of violence against women. In this view, I contend that migration control policies and criminal justice improvements are not enough to reduce the figures: in order to improve the situation, the EU must tackle demand. In the first paragraph, I provide key data concerning human trafficking in Europe and its links with international migration. In the second, I supply a brief overview of the main legal instruments the EU has recently adopted in the field. The third paragraph will be devoted to understanding why the EU criminal justice system has been scoring poor results so far. Finally, in the fourth paragraph, I will explore how prostitution policies affect the situation and why the Nordic Model appears particularly indicated to improve it.

The weight of trafficking: key data and trends. Before moving deeper into the gendered aspects of human trafficking, it is necessary to clarify the main concepts and the dimension of the problem. To what extent is human trafficking related to international migration? Is human trafficking the same as migrant smuggling? According to UNDOC, victims of human trafficking are often «international migrants who, in some cases, may have been smuggled or may also be refugees» [10, p.17]. However, not all victims are international migrants, refugees or smuggled migrants, either because they where trafficked within the borders of their countries either because they did not avail themselves of the services of smugglers. Yet, international migrants – especially women– are particularly vulnerable to this form of exploitation: on average 6 in 10 victims have been trafficked across at least one national border» [10, p.18].

In Western and Southern Europe, only 18% of the victims are trafficked within domestic borders, making the international dimension of the issue particularly relevant. The bulk of the victims comes from South-Eastern Europe, which holds a share of 33%, followed by Sub-saharan Africa (16%) and Central Europe (14%). Moreover, Europe is the second region for long routes trafficking, which accounts for 39% of the flows [10, p.39]. More generally, 137 different citizenship where detected among victims in the region [10, p.75]. As we have seen, an overwhelming majority of these people are women involved in sexual exploitation business. Why is Europe failing to protect these women? To find it out, we first have to see what the EU has been doing until now.

What is Europe doing? Over the past few years, the EU has shown an unprecedented commitment to tackling the gendered dimension of human trafficking, with an impressive number of resolution, documents, and reports being issued on the topic. Provided that all the legal instruments addressing human trafficking in more general terms are applicable to victims of sexual exploitation, I am now going to present only some of those which are specifically adopting a gendered perspective.

In *Directive 2011/36/EU on preventing and combating trafficking in human beings and protecting its victims*, it is specifically stated that: «(the EU) recognises the gender-specific phenomenon of trafficking and that women and men are often trafficked for different purposes» [7, p.1]. The directive goes on claiming that: «assistance and support measures should also be gender-specific where appropriate» [7].

Likewise, in *Resolution (2013/2103(INI))* the European Parliament expressly acknowledges the relationship between prostitution and human trafficking and their impact on gender equality. Besides recognising the gendered aspect of the phenomenon and repudiating any form of human trafficking in Europe, the resolution confirms the link between trafficking and demand. The EP thus contends that: «prostitution functions as a business and creates a market, with different actors being interlinked and where pimps and procurers are calculating and acting to secure or increase their markets and maximising profits» adding that:«the buyers of sex play a key role as they maintain the demand in this market» [6]. Accordingly, the resolution calls on member states to consider the adoption of the so-called Nordic Model – which we will discuss more deeply in paragraph 4 – as a means to intervene on demand and ameliorate the victims' situation. However, as a resolution, the document represents nothing more than a declaration of good intentions, and it itself underlines that member states are free to decide how to regulate prostitution according to the model they prefer.

In its *Gender Action Plan 2016–2020*, the European Commission calls for strong gender-sensitive legislation against trafficking of human beings as well as investing in governmental and non-governmental services to survivors, for their empowerment. In 2017, the *Report on Equality Between Men and Women in the European Union* dedicated the whole fourth Section to "Combating gender-based violence and protecting and supporting victims". More recently, the European Institute on Gender equality released a long report entitled *Gender Specific Measures in Anti-Trafficking Actions*, envisaging a series of improvements to the criminal justice systems which MS should adopt to build a better understanding of the victims' backgrounds. Again, while recognising that:«in order to eliminate violence against women, there needs to be a societal change in attitudes, stereotypes and norms» the report makes no mention about concrete strategies addressing society.

Accordingly, while the EU furnishes a multifaceted theoretical understanding of the gender equality dimensions of trafficking, this understanding is not translated into practice because of a mismatch in European competences. Not much has changed since 2005, when now professor Heli Askola described the situation as such:

On the one hand, where there is explicit competence to take action with regard to trafficking, an understanding of the gendered aspects of the phenomenon is absent; on the other hand, where the broader gender dimensions of trafficking could be located, trafficking as an issue tends to fall in the periphery of relevant EC policies [1].

Ultimately, there is no doubt among European policymakers on human trafficking being highly gendered, at the point of being defined as a form of violence

against women. Yet, because of a lack of competences, this understanding cannot be translated into practice. EIGE's report provides a paradigmatic image of this situation, for which reason the next paragraph will be in large part devoted to its analysis.

Why is the criminal justice system failing? One of the reasons why Europe is failing at eradicating trafficking for sexual exploitation is that victims face a variety of illegal discriminations in accessing health, welfare and criminal justice service. The very first steps of the process present various complications ranging from the victims' reluctance to report the crime to the difficulties in identifying the victims. EIGE's report *Gender Specific Measures in Anti-Trafficking Action* identifies 11 reasons why victims omit to disclose their condition while undergoing the process of identification, assistance and protection. The list includes merely practical impediments, such as lack of linguistic skills, and complications of a more psychologic or systemic nature, such psychological dependence on the offender or lack of trust in the legal system. The latter point appears particularly well founded in the case of international migrants, which are sometimes treated as criminal offenders themselves when seeking help. Sometimes authorities would assume that the victims are looking for an immigration advantage, for which reason they are often relabelled as prostitutes or illegal migrants. According to EIGE «migrant women at risk of deportation might face the preconception that they are pretending to be victims of trafficking to avoid sanctions or deportation» [4, p.15], while criminal justice professionals «expect victims to act according to gender and victim stereotypes, in spite of being more aware of the dynamics of victimisation» [4, p.17]. Ultimately, stereotyping and victim blaming attitudes constitute a serious obstacle for Europe to tackle the issue.

Not only this sort of crime is widely underreported: when proceeding along the criminal justice assembly line, we observe that a very small percentage of the reported crimes leads to a prosecution, let alone a conviction, given the difficulties in identifying actual victims. Firstly, it can be hard to spot victims in the mixed population of prostituted women, a situation which gets even harsher in MS where prostitution is legal, as traffickers can play on the legal framework to more easily exploit victims [4, p.25]. Moreover, even where crimes are reported, the means used by the offender to control the victim are very often difficult to identify and prove. The issue of consent is particularly relevant to this respect, as victims appearing to have consented to trafficking may be relabelled as voluntary prostitutes, regardless of the means and the context in which consensus was given. According to UNDOC, the presence of consent is irrelevant to qualify human trafficking whereas any of the following means have been used to achieve it: *a*) threat or use of force *b*) coercion *c*) abduction *d*) fraud *e*) deception *f*) abuse of power or vulnerability *g*) giving payments or benefits to a person in control of the victim. Yet, most of these behaviours, in particular those at points *d*, *e* and *f* are by their nature very difficult to prove in material terms, and call for a broader understanding of the victims' reality of deprivation and, very often, previous abuses. For this reasons, EIGE advocates for an effective acknowledgement by criminal justice professionals of the conditions of vulnerability most of the victims experience before

and during the offence when evaluating a case. Accordingly, the report calls for a differentiation in the treatment of victims trafficked for sexual exploitation and victims of other forms of trafficking, as the formers' experience must be understood as a form of violence against women.

In order to overcome this alarming situation, EIGE has developed a victim focused model which should orient the way the criminal justice system treats the phenomenon. Besides guaranteeing early access to support, the report includes measures such as need assessment, accommodation, medical and psychological assistance, and protection of victims during investigation and criminal proceedings. While the report mentions the centrality of the socio-cultural dimension of the problem several times, most of its provisions are only targeting the cultural biases of a very specific community: that of criminal justice professionals. For encouraging the report and well sound the provisions, such a narrow approach is not enough to solve the problem, as it neglects the main element on which it thrives: the existence an ever-widening demand.

What to do? Prostitution trade and women trafficking are underpinned by the principles of supply and demand. The continuation of trafficking in women for sexual exploitation relies on two conditions: first, the existence of a large number of women that can be targeted for exploitation relatively easily, and second the existence of an ever-widening demand for sexualised services that cannot be satisfied through domestic supply [1]. Accordingly, the only hope to eradicate it is to target both the structures that produce impoverished and marginalised women in sending countries and the factors that sustain the expansion of sex industries in receiving ones. In this paragraph, I will focus on the second aspect of the solution, exposing the role of national legislations on prostitution as a means to boast or cut demand.

Evidently enough, a complete eradication of trafficking for sexual exploitation will not come until member states will engage in a coherent and data-based discussion on prostitution. In paragraph two, we observed how the EP acknowledged the link between prostitution and trafficking and called for the adoption of the Nordic Model; in the same resolution the parliament claimed that «looking upon prostitution as legal 'sex work', decriminalising the sex industry in general and making procuring legal is not a solution to keeping vulnerable women and under-age females safe from violence and exploitation, but has the opposite effect and puts them in danger of a higher level of violence, while at the same time encouraging prostitution markets» [6]. In paragraph four, we saw how pimps and traffickers can benefit from legalisation, as it gets even harder than it already is to spot a victim of trafficking or forced prostitution in the population of prostituted women. Yet, at the Member States level, the discussion around prostitution tends to be very biased by moral, religious or economic views and very rarely focuses on the victims' perspective. Accordingly, the national legislations on prostitution are quite varied and based on different understandings of the issues at stake. A complete legalisation of prostitution is sometimes argued to be the best solution in that it is expected to move the market from the pimps' hand to those of the state, thus improving the sanitary and social condition of prostitutes, while increasing

revenues through taxation. However, data and research do not seem to support this statement. First of all, legalisation does not improve the working condition of prostitutes. Farley reports that in the Netherlands, where prostitution is legal, «60% of prostituted women suffered physical assaults, 70% experienced verbal threats of physical assault; 40% experienced sexual violence; and 40% had been forced into prostitution or sexual abuse by acquaintances» [8, p.1095]. Secondly, there is evidence that men who purchase sex are more likely to excuse violence towards women. In a 2014 study on 103 London men, it was found that:«the more accepting they were of prostitution, the more likely they were to also accept cultural myths about rape» [9, p.13]. Consistently with Farley's findings on the occurrence of assaults among prostitutes, the notion that prostitutes are "unrapable" was also found to be very common among sex buyers. If we accept, as data seems to prove, that buying sex reinforces hostile masculinity behaviours, it is fair to argue that discouraging the purchase of sex – as the Nordic Model does – does not only benefit victims of human trafficking, but women as a whole. Having seen why a complete legalisation of prostitution is unadvisable in generic terms, it is now necessary to explain how different legal regimes impact human trafficking.

In a 2012 study by London School of Economics scholars Cho Dreher and Neumayer [2] plenty of evidence is provided that in countries where prostitution was legalised the flows were larger. The study compares the case of Sweden, Denmark and Germany, which in the late 90s adopted more or less contemporarily three different models of prostitution regulation, quickly leading to completely different situations. In 1999 Sweden became the first country to adopt what would later become known as the Nordic Model. The Nordic Model or "Sex buyer law" requires governments to take three crucial actions to tackle abuses: *a*) decriminalise the sale of sex acts *b*) criminalise the buying of sex acts *c*) provide support and exiting services for those exploited through prostitution. In the same year, Denmark allowed self-employed prostitution while prohibiting brothel operation. Finally, in 2002, Germany introduced a very liberal prostitution law which regarded prostitution as a regular job subject to tax payment and retirement schemes. In 2002, the stock of victims of human trafficking in Germany was estimated to be 19.740. Whereas there is no data regarding flows to Sweden and Denmark before the reforms, the authors contend that being the two country socio-culturally and geographically close they can be used to compare the effects of different legislations in similar environments. The study reports that in 2004, the stocks of victims of human trafficking in Germany and Denmark were respectively 32.800 and 2.250, whereas in Sweden they were 500. In Denmark, whose population is 40% smaller than that of Sweden, there were about 4 times more victims than in Sweden, whereas in Germany, whose population is ten times larger than that of Sweden, the number of victims of human trafficking was 62 times larger. In a two years period, the stock of victims of human trafficking in Germany almost doubled, while Sweden was broadly over-performing neighbouring Denmark. As for the flows, in 2014, the detected victims of trafficking for sexual exploitation were 2 in Sweden, while in Germany they were 557 [11]. The Nordic model seemed thus to yield the best results, while liberalised prostitution systems seemed to go along with increased human trafficking flows.

The Nordic Model has now been adopted by eight countries in the world, namely Sweden, Norway, Iceland, Northern Ireland, Canada, France, and most recently, Ireland. The principal purpose of the law is to make clear what the society considers to be unacceptable. Consistently, since its adoption, the number of individuals purchasing sex in Sweden has decreased from 13.6% to 7.9% [3]. The number of political, human rights and research institutions which have praised this model has increased sharply in the last few years, with the EU itself calling for it in many occasion. The Nordic Model has widely proven to be a very effective way to reduce a country's flow while reshaping how society perceives the very act of buying sex. For this reason, its adoption by member states could bring a concrete reduction human trafficking for sexual exploitation in Europe.

Conclusions. In the last few years, the European Union has widely acknowledged the alarming gendered dimension of human trafficking within its border, with an impressive number of documents being issued in this respect. EIGE's R*eport on Gender-specific Measures in Anti-trafficking*, was one of the latest products of this trend, suggesting a series of well sound measures to improve victims' interaction with the criminal justice system. Yet, the broad theoretical understanding of the social roots of this issue is not matched by any concrete measure in this respect. While European legislation on human trafficking is consistently applied throughout member states, the latter are still adopting very different legislations concerning the legal status of prostitution. As trafficking of women for sexual exploitation is underpinned by the logic of supply and demand, it is only by tackling them that we will achieve concrete results in eradicating this plague, and the way prostitution is understood by society plays a central role in this process. The Nordic Model has proven to be very effective in discouraging men from buying sex, and data shows that an effective adoption of the model has a positive impact the dimension of human trafficking in countries which adopted it. If member states are seriously committed to ending the slavery of women for sexual exploitation, a serious, fact-based national discussion on the legal status of prostitution seems thus to be a compulsory step.

REFERENCES AND SOURCES

1. Askola H., Gender Equality, Trafficking in Women and the European Union, workshop "The Future of Gender Equality in the European Union", EPCR Joint Sessions University of Granada, Granada, 2015
2. Cho S, Dreher A. & Neumayer E., Does legalized prostitution increase human trafficking? World development, 41. pp. 67–82.
3. Coalition Against Trafficking in Women Australia,Demand Change: Understanding the Nordic Approach to Prostitution, 2013
4. European Institute for Gender Equality, Gender-Specific Measures in Anti-Trafficking Actions. 2018. 15 p.
5. European Institute for Gender Equality, Trafficking for Sexual Exploitation: a Gendered Crime. Electronic resource. Access mode: https://eige.europa.eu/news-and-events/news/trafficking-sexual-exploitation-gendered-crime
6. European Parliament, Resolution (2013/2103(INI)), 2014

7. European Parliament and the Council, Directive 2011/36/EU, 2011
8. Farely M., "Bad for the Body, Bad for the Heart": Prostitution Harms Women Even if Legalized or Decriminalized, Violence Against Women, 2004. Vol. 10, No. 10, pp. 1087–1125.
9. Farley M. , Bindel J. & Golding J.M., Men who buy sex, Who they buy and what they know p. 13, Eaves, London Prostitution Research & Education, San Francisco, 2009
10. United Nations Office on Drug and Crime, Global Report on Trafficking In Persons, 2014
11. United Nations Office on Drug and Crime, Country Profile: Western and Central Europe, 2016

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КООРДИНАТАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ СИСТЕМЫ (некоторые теоретические аспекты)

ГРИШАНОВА Александра Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: Gralexandra1949@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретические вопросы развития демографических процессов на Дальнем Востоке в координатах международной торговой системы. Проанализирован понятийный аппарат и показана особая роль социально-политических аспектов такого развития, особенно – сточки зрения миграционных процессов на Дальнем Востоке за последние полтора века.
Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ, Дальний Восток, Китай, международная торговая система, социально-политические аспекты, демографические процессы, миграционные процессы, Экономическая система Шелкового пути.

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN THE INTERNATIONAL TRADING SYSTEM (some theoretical aspects)

Alexandra G. GRISHANOVA, PhD (Economics), leading researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: Gralexandra1949@gmail.com

Abstract. The article deals with theoretical issues of development of migration processes in the Far East in the coordinates of the international trading system. The conceptual apparatus is analyzed and a special role of socio-political aspects of the development of migration processes in the Far East over the past century and a half is shown.
Keywords: Far Eastern Federal District, Far East, China, international trading system, migration processes, economic system of the "Silk route".

В настоящей работе анализируется социально-политическая специфика демографических процессов на Дальнем Востоке в координатах международной торговой системы. Для достижения данной цели необходимо рассмотреть, в первую очередь, понятийный аппарат, сосредоточившись на таких терминах как «миграция населения», «международная система торговли». Это необходимо для обоснования авторского подхода к оценке демографических и миграционных процессов на Дальнем Востоке в координатах международной торговой системы с социально-политической точки зрения, в контексте общих и региональных особенностей геополитики на Дальнем Востоке. На наш взгляд, от научной обоснованности и методологических подходов к решению данной теоретической задачи во многом зависит конструктивность решения многих соци-

ально-демографических задач Российской Федерации в ДФО как в целом, так и на уровне отдельных субъектов. В особенности – сбережения нации в условиях депопуляции и глобализации, когда миграционные процессы имеют не только и не столько социально-демографические и социально-экономические последствия, сколько социально-политические последствия.

Начнем с определения термина «понятие». На сегодняшний день во многих социальных науках, как социология, психология и ряде других, этот термин не имеет единого, универсального определения. К примеру, «понятие» – это и символическое отображение существенных свойств у предметов окружающего мира, и одна из логических форм мышления, и высший уровень обобщения, и совокупность свойств, признаков и отношений объектов, выделяемых данным понятием, и форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств и т.д. На наш взгляд, важно и позитивно то, что все перечисленные современные формулировки мало чем отличаются от определения, которое еще более века назад стало энциклопедическим благодаря Ф.А. Брокгаузу и И.А. Эфрону. Понятие – это представление, при помощи которого мысленно рассматриваются одни лишь существенные признаки объекта [7]. В этом определении, «понятие» означает мысленное отображение существенных свойств явлений, их объективной природы. Поэтому именно вышеупомянутая фиксация мысленного отображения сути объекта, означает что понятие – это не только выделение в обобщенном виде свойств и функций объективно существующих явлений, но и субъективное установление границ, в пределах которых проявляют себя те или иные явления. И именно данный момент определяет не только объективность, но и субъективность формулировки не только самого термина «понятие», но и обуславливает необходимость совершенствования со временем конкретных формулировок различных понятий, в том числе – и по отношению к одному и тому же объективно существующему явлению.

Теперь перейдем к понятию «миграция населения». Его суть заключается в пространственном движении населения, перемещения людей из одного места в другое. Поэтому процессы миграции населения всегда касаются одновременно двух территорий – территории выхода и территории вселения мигранта, во-первых. Среди других демографических процессов его особенность заключается в том, что именно для процесса миграции населения, этот процесс перемещения из одного места в другое никогда не является его конкретной целью, а лишь выступает в качестве средства для достижения каких-то других целей.[1]

И последнее – особенно важно с точки зрения методологии изучения миграционных процессов в координатах международной торговой системы.

[1] Исключение – когда акт перемещения для человека выступает в виде непосредственной цели и для своего обозначения имеет специальный термин – «дромомания», или страсть к бродяжничеству, патологический туризм. Такие случаи, как правило, рассматривается в рамках медицинской науки, в сфере психиатрии, где такие люди – «дромоманы», безответственно относятся к акту перемещения, зачастую – в страхе, что без его совершения с ними случится что-то неблагоприятное.

Потому что испокон века, именно торговля воздействовала на формирование установки на миграцию – то есть предшествовала акту непосредственной смены места жительства человека, то есть процессу миграции населения в узком понимании.

Далее обратимся к понятию «международной торговой системы». В своем наиболее кратком определении оно означает следующее: «Часть международной экономической системы, ее подсистема, которая обеспечивает правопорядок в сфере международной торговли – международный правопорядок». На сегодняшний день в мире сложилась и функционирует как глобальное явление международная торговая система. Она сформировалась к середине 1990-х гг. Представляет собой систему взаимных торговых связей всех стран мира, выросшую на базе международного разделения труда и сложившуюся на этой основе многосторонней системы торгово-политического регулирования международной торговли, включающую и национальные компоненты. Современная международная торговая система относится к классу систем большой сложности. В этой системе взаимодействуют миллионы хозяйственных единиц всех стран мира, в том числе, и, естественно, Российской Федерации. Она является объединяющим механизмом, включающим международный товарооборот, международную торговлю с участием государств, компаний и частных представителей бизнеса, а также ряд международных регулирующих институтов. Хотя ее развитие чаще всего рассматривают на государственном уровне, однако в нашем исследовании мы сконцентрировали внимание лишь на российском Дальнем Востоке. Поскольку русский Дальний Восток на протяжении почти двух последних веков играл важную роль в системе Российской и мировой торговли, в том числе – с Китаем, на настоящий момент это делает исследование особенно актуальным. Как и то, что, на наш взгляд, именно ДФО является наиболее геополитическим значимым федеральным округом Российской Федерации.

Общеизвестно, что Дальний Восток – это традиционно очень важный стратегически и геополитически регион еще со времени Петра Первого. И на сегодняшний день, его края и области, за исключением Республики Саха (Якутия), являются приграничными территориями. Довольно протяженна граница с Китаем. Трудно недооценить реальную геополитическую значимость такого соседства, во-первых. Во-вторых, с 1992 г., когда численность населения ДФО достигла своего максимума – 8,0 млн. чел. (всего 5,4% общей численности российского населения), Дальний Восток теряет свое население: к началу 2018 г. численность населения всех регионов ДФО снизилась до 6,2 млн. человек как за счет естественной убыли, так и отрицательного миграционного сальдо, являясь при этом самым слабозаселенным и наименее хозяйственно освоенным макрорегионом РФ. В начале 1990-х гг. плотность населения ДФО составляла всего 1,3 чел. на 1 кв. км. В то время как средняя плотность населения на всей территории России составляла 8,7 чел. На начало 2018 г. – соответственно 1,0 и 8,6 человека на кв. км. В-третьих, в условиях депопуляции в ДФО рост численности населения может быть связана только с миграцией населения. Отметим, что поставленные в специально принятой

20 июня 2017 г. Концепции демографического развития Дальнего Востока до 2025 г. задачи, на наш взгляд, скорее всего, не будут выполнены [2].

Говоря о важности роли международной торговой системы в развитии Дальнего Востока, отметим ее традиционность. В исторической ретроспективе, это доказывают многие исследования. Но более всего по характеру и точке зрения, нам представляется исследование Казарян Э.Э. «Русский Дальний Восток в системе Российской и мировой торговли на рубеже XIX–XX веков» [5]. Автором, с очень интересной, на наш взгляд, социально-политической точки зрения, рассматриваются вопросы налаживания Имперской Россией связей через механизм формирования добрососедских отношений. По мнению автора, главное содержание их определяла торговля: «Без тесного сотрудничества в торговой сфере с Китаем, Кореей, Японией русский Дальний Восток не добился бы тех впечатляющих результатов, которые сделали его в начале XX в. одним из самых передовых районов России. Обеспечив тем самым, бесконфликтный путь развития на международной арене в бассейне Тихого океана, что позитивно сказалось на процессе колонизационного движения, экономического освоения и развития по капиталистическому пути дальневосточного народного хозяйства. И сделано это было лишь всего за полвека» [5, с. 3].

Для понимания контраста с современной ситуацией на Дальнем Востоке, в том числе и в отношении торговой системы и ее ролью в дальневосточном развитии, приведем слова известного исследователя социально-экономических проблем Дальнего Востока, Павла Минакера. Еще двадцать лет назад он писал: «Сравнительно недолгая история экономического освоения Дальнего Востока России не очень богата поворотными пунктами, и повороты все время совершались вокруг одной и той же оси: внутренний рынок – внешний рынок. Каждый раз такой поворот был болезненным и надолго менял облик региона. Очередной поворот начал совершаться с конца 80-х – начала 90-х годов и, строго говоря, не был непосредственно связан с радикальной экономической реформой 1992 г. Реформа лишь обострила и сделала явными давно накапливавшиеся проблемы и усугублявшиеся диспропорции. В течение шести предшествовавших десятилетий Дальний Восток был плотно спеленут государственными гарантированными заказами, дотациями, планами. В конце 80-х годов регион получил возможность самостоятельного выхода на внешний рынок, но одновременно потерял гарантированную поддержку со стороны Центра и, самое главное, государственный гарантированный рынок для тех отраслей, которые были созданы и развиты почти исключительно под этот рынок. Внешняя торговля оказалась не в состоянии компенсировать потерю государственного рынка, который ранее поглощал до 80% всего валового регионального продукта. Внутренний рынок самого Дальневосточного региона слишком узок, возможности дальневосточников конкурировать с производителями из других регионов России ничтожны без широкомасштабной модернизации производственно-технологического аппарата и структуры производства. Таким образом, Дальний Восток России оказался обреченным на постепенное свертывание экономической активности. Попытки перело-

мить эту тенденцию наталкиваются на отсутствие ясной перспективы, четкого представления о реальных возможностях экономического развития региона и путях их реализации» [8, с. 11].

Мы привели столь длинную цитату, поскольку, на наш взгляд, она очень точно охарактеризовала ситуацию не только конца 1990-х гг., но и современную. В ней совершенно справедливо рассмотрены основные факторы катастрофической социально-экономической и социально-демографической ситуации именно в ДФО.

Мы согласны с ошибками, которые автор относит к периодам, как советского строительства, так и 1990-х гг. – вхождения в рыночные отношения в постсоветский период. Разделяем мнение, что они и обусловили снижение роли ДФО в торговой системе России на рубеже XX–XXI веков. В отношении последнего еще раз подчеркнем, что это происходит на фоне стремительного снижения доли ДВФО в численности российского населения (табл. 1). Стоит отметить, что в 2000-х гг. наметились определенные позитивные сдвиги. Для субъектов РФ, входящих в ДВФО, наблюдается картина разнонаправленной динамики их вклада в общероссийский и экспорт, так и импорт. Например, снижается неуклонно вклад в общероссийский экспорт Хабаровского края. В то же время, в Магаданской области, наоборот, этот вклад повышается, а в Сахалинской области мы не наблюдаем ярко выраженной динамики. Все эти моменты имеют большое значение на формирование, в том числе, миграционных установок дальневосточного населения, и, зачастую, именно они способствуют росту негативных установок на выезд из региона.

Таблица 1.

Доля численности ДВФО и его субъектов в численности населения РФ в 2000-х годах (в %)

	2000	2005	2010	2014	2015	2016
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Дальневосточный ФО	4,7	4,5	4,4	4,3	4,2	4,2
Республика Саха (Якутия)	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7
Камчатский край	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Приморский край	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3
Хабаровский край	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9
Амурская область	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5
Магаданская область	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Сахалинская область	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3
Еврейская авт. область	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Чукотский авт. округ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,03

Источник: [9]

Повышается доля участия ДФО в РФ в отношении участия в мировой торговой системе в экспорте в страны так называемого старого зарубежья. Хотя в отношении импорта из этих стран имеет место волнообразное снижение доли ДФО по отношению к Российской Федерации в целом (табл. 2).

Таблица 2.

Удельный вес Дальнего Востока и его регионов в структуре торговли РФ со странами дальнего зарубежья в 2000-х годах (в %)

	2000		2005		2010		2015	
	экс-порт	им-порт	экс-порт	им-порт	экс-порт	им-порт	экс-порт	им-порт
Дальневосточный ФО	4,1	2,9	4,3	7,1	5,5	3,9	6,8	3,5
Дальний Восток	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Рес-ка Саха (Якутия)	30,0	5,5	24,0	1,2	17,1	1,1	18,4	3,2
Камчатский край	3,4	4,5	1,6	0,7	3,4	0,9	2,7	1,1
Приморский край	16,8	50,1	11,8	39,2	7,6	65,6	13,2	62,9
Хабаровский край	36,0	17,9	31,4	9,8	6,6	12,1	5,6	8,0
Амурская область	1,6	2,5	1,8	2,0	0,9	3,7	1,9	2,9
Магаданская область	0,1	6,3	0,2	1,4	0,6	1,7	0,7	0,8
Сахалинская область	11,7	12,2	11,9	44,2	63,6	12,9	56,8	19,1
Еврейская авт.область	0,3	0,7	0,1	0,2	0,0	0,5	0,2	0,7
Чукотский авт.округ	0,0	0,3	17,1	1,2	0,2	1,5	0,4	1,2

Источник: [9]

Сложившийся характер миграционных процессов в регионах ДФО, а также уровень участия дальневосточных территорий в мировой торговой системе указывает на то, что требуется не просто трансформация, а кардинальные социально-экономические изменения на всей его территории. Проблемы Дальнего Востока нельзя решить «точечным» методом, как это происходит в настоящее время. Решение может быть найдено путем более активного включения регионов ДФО в международное социально-экономическое пространство через механизм международной торговой системы, в первую очередь – в рынки стран АТР. Последнее обусловлено тем, что пять лет назад, в сентябре 2013 г., председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею создания Экономического пояса Шелкового пути (далее ЭПШП), которая вскоре была дополнена идеей создания Морского шелкового пути XXI века, и вместе, они стали известны как инициатива «Один пояс и один путь». Вэнь Хун, эксперт Центра исследований китайско-российского стратегического взаимодействия, зам. руководителя Центра исследований «Пояса и Пути» при Академии общественных наук, отметил: "Страны Центральной Азии граничат с Китаем. Древний Шелковый путь когда-то связал Китай с соседними странами Центральной Азии и с Россией. Среди «пяти взаимосвязей» (согласование политических установок, налаживание дорожно-транспортных связей, беспрепятственная торговля, свободное обращение капиталов, духовное сближение народов) согласование политических установок занимает первое место. Китай и Россия на основе высокоуровнего обмена достигли общего понимания. Правительства обеих стран подписали в Москве совместное заявление о сотрудничестве в рамках сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Обе страны прилагают общие усилия, содействуют развитию региона. Первоначальной целью инициативы «пояс и путь» было со-

единить тихоокеанский и европейский рынки, стимулировать перемещение промышленных мощностей на Евразийском континенте. В этом плане Россия ведущий и обязательный партнер сотрудничества в рамках «пояса и пути». Маршруты Экономического пояса Шелкового пути идут по территории России. Железнодорожные линии Китай-Европа также идут через Россию. Налаживание дорожно-транспортных связей и беспрепятственная торговля принесут России реальную пользу [4]. Мы разделяем это мнение, поскольку ранее писали, что «Неравномерность распределения железнодорожных путей если не впрямую, то косвенно, в большей или меньшей степени, но безусловно, отражаются на различиях в характере и параметрах демографической ситуации на различных российских территориях. В том числе для дальневосточных субъектов РФ. Представляется возможным сделать вывод, что на уровне субъектов РФ, особенно в восточных районах страны, существующая плотность населения, недостаточное наличие железных дорог, современные нежелательные значения важнейших демографических показателей, свидетельствуют о том, что это препятствует реализации целей не только общефедеральной, но даже региональной демографической политики. Даже ближайших целей, поставленных в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.). М: «Наука», 1982. С. 131.
2. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Концепция демографической политики на Дальнем Востоке и национальная безопасность: вопросы теории // Миграционное право. 2018. № 1. С. 33–37.
3. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Демографическое развитие России в координатах ее железнодорожной сети // СОТИС. 2017. № 6; 2018, № 3.
4. Журнал «Китай». 2018. № 9 (155).
5. Казарян Э.Э. Русский дальний восток в системе Российской и мировой торговли на рубеже XIX–XX веков. Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Нижний Новгород. 2006. 28 с.
6. Малый энциклопедический словарь. Издание Брокгаузъ-Ефронтъ. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1997.
7. Минакер П. Интеграция Российского дальнего Востока в АТР и СВА: возможности и реальности». / В кн.: Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г Витковской и Д. Тренина; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С.11.
8. Росстат. Официальный сайт. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916653609
9. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М. 2003. С. 239

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

ДОБРОХЛЕБ Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Аннотация. Доказано, что демографические процессы имеют гендерное измерение. Дан обзор разработанным программой развития ООН (ПРООН) специальным индикаторам, позволяющим наблюдать и измерять различия положения мужчин и женщин по основным характеристикам деятельности человека. В подобных условиях возрастает роль проектов, направленных на преодоление гендерных разрывов и неравенства в целом, что может способствовать достижению устойчивости демографического развития.
Ключевые слова: естественное воспроизводство населения, гендер, гендерное измерение, индекс гендерного неравенства.

THE GENDER ASPECT OF DEMOGRAPHIC DYNAMICS IN MODERN RUSSIA[2]

Valentina G. DOBROKHLEB, Doctor of Economics, Professor, chief researcher of the Institute of Socio-Economic Problems of Population RAS, chief researcher of the Institute of Socio-Political Research RAS, Moscow (Russia). E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Abstract. It was shown that demographic processes have a gender dimension. Special indicator created by the United Nations development programme (UNDP) to monitor and measure the differences between men and women in the main characteristics of human activities were discussed. In these conditions, the role of projects aimed at overcoming gender gaps and inequalities in General is increasing, which can contribute to the achievement of sustainable demographic development.
Keywords: reproduction of population, gender, gender dimension, gender inequality index.

Общественные науки сегодня различают дефиниции «пол» и «гендер». Первая из них изначально используется при определении именно анатомо-физиологических особенностей людей, по которым человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Во многом пол (именно биологические особенности) индивида считались фундаментом и первопричиной психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами.

[1] Исследование проведено в рамках бюджетной темы фундаментальных научных исследований «Гендерные аспекты социально-экономической динамики современной России» № 0165-2018-0001
[2] The study was conducted within the budget theme of fundamental research "Gender aspects of socio-economic dynamics of modern Russia" № 0165-2018-0001

При этом гендерный подход подчеркивает, что важны не только, а зачастую не столько, биологические или физические отличия между мужчинами и женщинами, сколько культурное и социальное значение, которое сформировалось в обществе в отношении полов. Понятие «гендер» − справедливо определяется как социальный пол, связан с социальными гендерными стереотипами.

Исследование демографической динамики может иметь различные аспекты, но при этом важнейшим является анализ смены поколений. Естественное воспроизводстоа населения обусловлено процессами рождаемости и смертности. На динамику населения влияют и процессы миграции. Можно выделить как исследования демографического состояния на определенную дату времени, так и анализ изменений в соответствующий период. Наука располагает значительным материалом по демографической динамике. При этом к гендерному аспекту демографической динамики внимание исследователей привлекается нечасто.

Основоположник российской социо-демографической научной школы − Наталья Михайловна Римашевская не только «проторила путь» гендерным исследованиям в нашей стране, но и определила новые теоретические подходы данного научного направления. Эта парадигма, в первую очередь, связана с гендерными исследованиями на уровне макроэкономики, которые позволили обосновать фундаментальные теоретические выводы, имеющие существенное прикладное значение. Было установлено, что «гендерные отношения и макроэкономика находятся в состоянии взаимовлияния». В монографии «Человек и реформы» [5, с. 272–275] Римашевская Н.М. писала: «С одной стороны, можно рассматривать влияние макроэкономики на гендерные отношения, а с другой – влияние гендерной асимметрии на экономическое развитие». Предложенная ею методология позволяет устанавливать взаимосвязь различных уровней экономического анализа и то, как гендерное неравенство, например, существующее в семье (микроуровень) или в сфере труда (мезоуровнь) влияет на развитие экономики в целом: «гендерная асимметрия, существующая на микроуровне (в семье) − и мезоуровнях (на рынках труда) оказывает влияние на макроэкономику. Эмпирические исследования позволили показать, что 1) высокая бедность женщин; 2) более слабые позиции женщин во внутрисемейных отношениях; 3) худшее состояние индивидуального здоровья женщин, которое неизбежно влечет за собой снижающийся уровень здоровья детей при рождении возникают в следствии [6, с. 4–11]. экономических различий в положении мужчин и женщин.

Демографические процессы имеют гендерное измерение. Формирование новой России, как в период трансформаций 90-х годов, так и первых десятилетий текущего века, связано с большим количеством гендерных проблем, значительная часть которых относится к процессу естественного воспроизводства населения. Наиболее острые из них − мужская сверхсмертность в трудоспособном возрасте, невысокая ожидаемая продолжительность жизни населения и сроки дожития пожилых людей, как мужчин, так и женщин, разрыв в показателях продолжительности жизни по регионам страны.

Демографическая гендерная асимметрия в возрастной структуре населения приводит к возникновению ряда социально-экономических проблем. В 2017 г. население старше трудоспособного возраста почти на 10 млн. человек превышало численность детей и подростков. В условиях демографического старения населения происходит также старение рабочей силы, что может затруднить процессы модернизации экономики. В целом, в возрастных группах до 39 лет наблюдается относительная демографическая гендерная сбалансированность, а гендерная асимметрия, которая в России характеризуется превышение численности женщин, начинает складываться в старших рабочих возрастах после 45 лет. В группах старше трудоспособного возраста численность женщин в 2,4 раза выше численности мужчин, а для 80 и более лет разрыв достигает более трех раз [2]. Россия в определенном смысле страна пожилых и старых женщин, их 25905 тыс. человек. Различия в приведенных показателях возрастной структуры населения непосредственно связаны с гендерными особенностями повозрастной смертности. В ходе исследования была предложена авторская методология анализа гендерных аспектов социо-демографической динамики, которая основывается на анализе процессов воспроизводства и специфике формирования численности населения современной России.

Демографическая динамика во многом определяется особенностями различных видов демографического поведения – репродуктивного, самосохранительного, миграционного. Характер демографического поведения существенным образом зависят от социальных норм и гендерных стереотипов, которые широко распространены среди населения.

Программой развития ООН (ПРООН) разработаны специальные индикаторы, позволяющие наблюдать и измерять различия положения мужчин и женщин по основным характеристикам деятельности человека. Показаны и определены взаимоподдерживающие барьеры гендерного неравенства, которые стоят на пути полноценной реализации человеческого потенциала женщин и мужчин. Следует отметить, что Индекс Человеческого Развития (ИЧР) Российской Федерации невысок (49 место), а по Индексу гендерного неравенства рейтинг нашей страны еще ниже – 53 место. В этих обстоятельствах возрастает роль проектов, направленных на преодоление гендерных разрывов и неравенства в целом. Наименьший показатель по индексу гендерного неравенства в 2017 г. был у Швейцарии – 0,039, показатель у России – 0,257 [1]. Данный индекс отражает разницу положений мужчин и женщин в трех сферах: на рынке труда, в политике на уровне принятия решений, а также в репродуктивном здоровье. Последний фактор учитывает коэффициент материнской смертности: число смертей от связанных с беременностью причин смерти на 100 тыс. живорождений и подростковую рождаемость: число родившихся у женщин в возрасте 15–19 лет на 1000 женщин в возрасте 15–19 лет. Эти данные, в том числе, позволяют анализировать гендерные аспекты воспроизводства населения.

В 2015 г. мировое население составляло 7383009 тыс. человек, в том числе 3724132 тыс. мужчин и 3658877 тыс. женщин. Достижение гендерного

равенства является одной из 17 Целей Устойчивого Развития на период до 2030 г. [4].

В разных странах приоритеты, актуальность выдвинутых задач имеет различные аспекты, направленные на повышение гуманистической составляющей социально-экономического развития. Для России серьезным вызовом является второй этап депопуляции. В майских 2018 г. Указах Президента РФ Путина В.В. [7] определены конкретные цели демографической политики о 2024 г. Среди них снижение младенческой смертности до 4,5‰, а также смертности в трудоспособном возрасте и в результате ДТП (до 4 случаев на 100 тыс. чел.), рост ожидаемой продолжительность жизни (ОПЖ) до 78 лет, рост коэффициента рождаемости до 1,7, обеспечение устойчивого естественного роста численности населения страны.

Извечный вопрос: «ЧТО делать»? Можно двигаться вперед в «технокибертронную постэкономику, в которой возможно при тотальной информатизации социума не будет потребности в «когнитивной хомо-социальной стоимости» или вести все же преобразования существующей экономики в более соответствующую потребностям человека, пока еще не полного киборга [3, с. 174], в том числе через достижения гендерного равенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Индекс Гендерного Неравенства за 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/composite/GII (Дата обращения 26.10.2018).
2. Население России по полу и возрасту: статистика, распределение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.statdata.ru/nasel_pol_vozr (Дата обращения 15.09.2018)
3. Осипов Ю.М. Экономика как есть (откровения Зоила или Судный день экономизма) – М.: ТЕИС, 2017. 174 с.
4. Повестка дня в области Устойчивого Развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.by.undp.org/ Дата обращения 18.05.2018.
5. Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания − М.: РИЦ ИСЭПН РАН, 2003, с.272–275.
6. Римашевская Н.М. Положение детей и качество человеческого потенциала в России // Народонаселение. 2002. № 3. с. 4–11.
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 Дата обращения 21.06.2018.

ВЛИЯНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ[1]

ЗЛОТНИКОВ Анатолий Геннадьевич, кандидат экономических наук, доцент, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Гомель (Беларусь). E-mail: zlot@tut.by

Аннотация. Рассматриваются тенденции в миграционных процессах Беларуси. Выявляется роль трудовой миграции в демографическом развитии страны. Анализируются факторы, обуславливающие негативные процессы в репродуктивной сфере Беларуси. Раскрывается влияние на миграционные процессы проблем использования трудового потенциала в национальной экономике.
Ключевые слова: Миграция, трудовая миграция, рынок труда, миграционный имидж Беларуси, депопуляция, социокультурные факторы.

IMPACT OF BELARUSIAN LABOUR MIGRATION ON DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE COUNTRY AND NEIGHBORING COUNTRIES[2]

Anatoly G. ZLOTNIKOV, PhD (Economics), Associate Professor, Belarussian Trade and Economics University of Consumer Cooperation, Gomel' (Belarus), E-mail: zlot@tut.by

Abstract. Trends in the migration processes of Belarus are considered. The role of labour migration in the demographic development of the country is revealed. The factors causing negative processes in the reproductive sphere of Belarus are analyzed. The influence on migration processes of the use of labour potential in the national economy is revealed.
Keywords: Migration, labour migration, labour market, migration image of Belarus, depopulation, socio-cultural factors.

Миграционные процессы в отрыве от других социальных явлений и процессов не существуют. Верным методологическим подходом является их рассмотрение в системе взаимодействия политических, экономических, социальных, демографических, географических, бытовых, личностных и других многочисленных процессов и явлений. С помощью миграционных процессов различные страны пытаются решать свои социально-экономические и политические проблемы. Для Беларуси среди острых демографических проблем начала XXI столетия миграционные процессы – наиболее злободневные

[1] Исследование выполнено по ГПНИ Республики Беларусь «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества»
[2] The study was carried out by the SPSR of the Republic of Belarus "Economy and humanitarian development of the Belarusian society"

и требуют неотложного решения. Это, прежде всего: нейтрализация депопуляционных процессов; решение проблем использования трудового потенциала на национальном рынке труда; обеспечение национальной и демографической безопасности; сохранение и укрепление национально-культурной и исторической идентичности.

Их острота и злободневность для Беларуси выражается, прежде всего в том, что миграция на рубеже XX–XXI столетий стала важнейшим фактором депопуляции. Хотя властные структуры обходят молчанием их остроту и злободневность. Две последние национальные переписи населения страны (1999 и 2009 гг.) зафиксировали рост доли миграции в сокращении численности населения страны. Так, за последнее десятилетие XX века удельный вес миграции в сокращении численности населения страны составил 23,7%. А за первое десятилетие XXI века удельный вес миграции в депопуляционных процессах Беларуси вырос до 41,9% [4, с. 95].

Важнейшей тенденцией миграционных процессов в Беларуси является постоянный рост их отрицательного сальдо. Хотя в первые годы (до 1994–1995 гг.) после распада Советского Союза Республика Беларусь среди новых независимых государств постсоветского пространства считалась страной, куда русскоязычное население и представители других национальностей бежали из конфликтных регионов Средней Азии и Закавказья, а также стран Балтии. Динамику изменений в этнических общностях, численность которых в Республике Беларусь превышает тысячу человек (таких в настоящее время в Республике Беларусь – 18 наций и народностей), в результате миграционного исхода из зон межнациональных конфликтов, характеризует увеличение в этнической структуре населения Беларуси в последнем десятилетии XX века граждан пяти национальностей. Наибольший рост пришелся на граждан армянского (206,6%), немецкого (136,6%), азербайджанского (127,0%), грузинского (106,7%) и белорусского (103,2%) этносов. Вместе с тем во второй половине 1990-х гг. в Беларуси наряду с ростом миграционных потоков из указанных регионов и увеличением в этнической структуре перечисленных, а также некоторых малочисленных в Республике Беларусь национальностей стала формироваться и тенденция выезда из страны белорусских граждан разных этносов.

В 1999–2009 гг. численность населения большинства этнических групп в Республике Беларусь с численностью более одной тысячи человек, существенно сократилась. Среди этих этносов, которые в предшествующем десятилетии характеризовались наибольшим увеличением, в новом десятилетии, их численность сократилась: среди немцев – с 4805 чел. до 2474 чел. (на 51,5%), грузин стало даже меньше, чем в советский период – с 3031 чел. до 2400 чел. (на 20,8%), армян – с 10191 чел. до 8512 чел. (на 16,5%), азербайджанцев – с 6387 чел. до 5567 чел. (на 12,8%) и белорусов – с 8159073 чел. до 7957252 чел. (на 2,5%). Продолжалось уменьшение и большинства населения других этнических групп с численностью более одной тысячи человек. Среди них наибольшее уменьшение пришлось на евреев – почти в 2 раза – с 27798 чел. до 12926 (на 53,3%). Затем идут этносы, граничащих с Беларусью государств:

украинцы – с 237014 чел. до 158723 чел. (33,0%), русские – с 1141731 чел. до 785084 чел. (31,2%), латыши – с 2239 чел. до 1549 чел. (30,9%), поляки – с 395712 чел. до 294549 чел. (25,6%) и литовцы – с 6387 чел. до 5087 чел. (20,6%). Также очень высокий показатель уменьшения численности чувашей: третий показатель после немецкого и еврейского этносов – с 2242 чел. до 1277 чел. (на 43,0%) [6, с. 8].

В результате положительное сальдо миграции сменилось на отрицательное. Этот рост эмиграции (переезд на постоянное место жительства в другие страны, временной трудовой миграции, причем, значительную их часть составляет длительная трудовая миграция, характеризующаяся таким явлением, как экспаты) связан с состоянием занятости на национальном рынке труда. В последнем десятилетии XX века наибольшие масштабы сокращения численности занятых в экономике Республики Беларусь пришлись на 1990–1995 гг. – более чем на 700 тыс. чел. – с 5150,8 тыс. в 1990 г. до 4409,6 тыс. в 1995 г. Наибольшие масштабы падения занятости пришлись за этот период на промышленность (376,7 тыс.), строительство (269,0 тыс.), сельское хозяйство (141,9 тыс.), науку и научное обслуживание (56,9 тыс.), а также транспорт (56,6 тыс.). Наибольшее падение занятости в 1990–1995 гг. в относительных показателях пришлось на самую интеллектуальную отрасль – науку и научное обслуживание – на 44,5% при общем сокращении масштабов занятости в целом по Республике Беларусь за соответствующий период – на 15,4% [2, с. 125].

Эта негативная тенденция на национальном рынке труда, сказывающаяся на росте миграции, продолжает иметь место и в настоящее время. Так, за 2010–2017 гг. численность белорусского населения, занятого в национальной экономике, уменьшилась почти на 400 тыс. чел. Кроме того, наряду с сокращением масштабов занятости следует добавить, что и заработная плата в странах реципиентов существенно выше, чем в белорусской экономике.

В отношении характеристики состояния миграционных процессов в Беларуси существуют противоречивые оценки. Властные структуры считают, что Беларусь характеризуется положительным сальдо миграции. Но итоги национальных переписей населения Беларуси выявляют отрицательное сальдо миграции страны, что отражено в наших публикациях «Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное?» [4] и «Имеет ли Беларусь положительное сальдо миграции» [3], чего властные структуры не хотят признать.

Существенным, даже основным фактором влияния миграции на депопуляционные процессы в Беларуси является рост масштабов белорусской трудовой миграции. Среди миграционных процессов в Республике Беларусь трудовая миграция – самая многочисленная. Причем, численность белорусских трудовых мигрантов, занятых на рынке труда Российской Федерации, колеблется в пределах 600–800 тыс. чел. По данным миграционных служб Российской Федерации численность прибывших в 2017 г. белорусских трудовых мигрантов на российский рынок труда составила 394400 чел. Причем, в последние годы наблюдается рост прибытия трудовых мигрантов из

Беларуси на российский рынок труда. Так, в 2015 г. на российский рынок труда из Беларуси прибыло 307510 чел. а в 2016 г. – 345801 чел. Белорусская трудовая миграция была больше мигрантов прибывших в Республику Беларусь на постоянное место жительства (15,1 тыс. чел.) – в 32 раза; выбывших из Беларуси на постоянное место жительства в другие страны (18,9 тыс. чел.) – в 26 раз; трудовых мигрантов на белорусском рынке труда (20,7 тыс. чел.) – в 24 раза.

Кроме этого, по данным Евростата в странах Евросоюза за 2015–2017 гг. зарегистрировано белорусов в качестве резидентов: в 2015 г. – 80,0 тыс. чел., 2016 г. – 82,2 тыс. чел. и в 2017 г. – 51,8 тыс. чел.

Республика Беларусь имеет низкий миграционный имидж, выражающийся в том, что, во-первых, сокращается численность мигрантов, прибывающих в Беларусь из других стран на постоянное место жительство; а также, во-вторых, постоянно сокращается количество трудящихся-иммигрантов (на основе подписанных договоров и контрактов). В ноябре 2016 г. в рамках VIII Международного Форума «Миграционные мосты в Евразии» ИСПИ РАН совместно с белорусским Фондом ООН в области народонаселения и НИИ труда и социальной защиты Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь была проведена Международная научно-практическая конференция «Вклад миграции в демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных государств». В ее ходе привлекли внимание выступления зарубежных участников конференции – из Португалии, США, Финляндии, Бразилии, Венгрии и других государств, анализировавших проблемы массовой миграции в европейских странах. И в кулуарах белорусские участники конференции по этому поводу высказывали мысль, а может то, что Беларусь в силу ее низкого уровня благосостояния имеет этот низкий миграционный имидж и не привлекает мигрантов из Ближнего Востока и Африканского континента, является добром для Беларуси.

Негативные тенденции в межгосударственной миграции Республики Беларусь последних лет (2015–2017 гг.) характеризуются, во-первых, уменьшением численности иммигрантов, составившее 33,1%, и особенно миграционного сальдо – в 4,8 раза, и, во-вторых, ростом численности выбывших из Республики Беларусь – почти 2 раза. Миграционная ситуация последних лет характеризуется и тем, что численность возвращающихся в Беларусь граждан Беларуси (т.е. возвратная миграция) имеет тенденцию к уменьшению, а численность белорусских граждан, покидающих ее растет, в результате чего отрицательное сальдо миграции значительно выросло. Если отрицательное миграционное сальдо граждан Беларуси, обозначившееся в 2015 г., составляло 328 чел., то в следующем 2016 г. миграционные потери граждан Беларуси выросли почти в 7 раз. В следующем 2017 г. по сравнению с предыдущим годом миграционные потери граждан Беларуси выросли еще почти на одну тысячу человек (табл. 1).

Пока, имеющийся по текущему статистическому учету, миграционный прирост Республики Беларусь связан в основном с украинской миграцией (мы отметили «пока, имеющийся по текущему статистическому учету», ибо

тенденции прежних лет также показывали, что текущий статистический учет показывал постоянно положительное сальдо, но переписи населения в итоге вносили корректировку – и вместо миграционного прироста выявлялась миграционная убыль). Также низкий миграционный имидж характеризует и тенденция постоянного сокращения количества трудящихся-иммигрантов (на основе подписанных договоров и контрактов), что отражают следующие данные. Их численность по данным МВД составляла: в 2016 г. 20741 чел., в 2017 г. – 15844 чел. Продолжается их сокращение и в 2018 г: за первое полугодие количество трудящихся-иммигрантов составило 7600 чел. (Справочно: в первом полугодии 2017 г. их было на 13,5% больше – 8627 чел.).

Таблица 1.

Характеристика международной миграции Республики Беларусь по гражданству за 2015–2017 гг. (чел.).

	Число прибывших			**Число выбывших**			**Миграционное сальдо**		
	2015	**2016**	**2017**	**2015**	**2016**	**2017**	**2015**	**2016**	**2017**
Всего	28349	21038	18961	9855	13098	15087	18494	7940	3874
в т.ч. граждане:									
- Беларуси	5440	4505	4142	5768	6567	7149	-328	-2062	-3007
- стран СНГ	18974	13230	11297	2975	5076	5341	15999	8154	5956
- других стран	3935	3303	3523	1112	1455	2597	2823	1848	925

Источник: Рассчитано по материалам Национального статистического комитета Республики Беларусь [1, с. 422] .

Как итог, белорусская миграция стала наиболее существенным компонентом дестабилизации демографического развития Республики Беларусь, которое наиболее отчетливо проявилось в 2016–2018 гг. Так, по сравнению с предыдущим годом рождаемость в Республике Беларусь в 2016 г. сократилась на 1,5%, составив 12,5‰, в 2017 г. – на 12,93%, составив 10,7‰, за три квартала 2018 г. по сравнению с январем-сентябрем 2017 г. – на 8,17%. Это означает, что в текущем году рождаемость в Республике Беларусь может снизиться до уровня 93–94 тыс., т.е. составит примерно 9,4–9,6‰.

До 2017 г. в отношении рождаемости в Республике Беларусь властные структуры (и особенно Министерство по труду и социальной защите населения), средства массовой информации, основываясь на данных статистики, постоянно уделяли внимания, ежемесячно и по кварталам сообщались статистические данные о рождаемости и рассматривали ее состояние, как прогрессивный и положительный процесс. И в ноябре 2016 г. было заявлено, что Беларусь впервые с 1992 года вышла на «светлую дорогу демографии», что наконец удалось сжать «демографические ножницы» [7]. Но уже в январе 2017 г. и по сей день ежемесячная, квартальная и полугодовая информация о рождаемости перестала поступать, потому, как видно из таблицы 2, с последнего квартала 2016 года в Республике Беларусь произошло резкое снижение рождаемости.

Таблица 2.

Данные о рождаемости по полугодиям и кварталам в Республике Беларусь за период 2010–2018 гг. (детей)

Год	Всего за год	в т.ч. за:		
		1-е полугодие	3-й квартал	4-й квартал
2010	108050		27918	27231
2011	109147	50801	30142	28204
2012	115893	54155	30779	30959
2013	117997	56184	32733	30080
2014	118534	57284	31957	29293
2015	119028	56548	32431	30049
2016	117779	58266	30668	28845
2017	102556	50556	27185	24815
2018		46743	24655	

Источник: Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [1, с. 133] и расчеты автора по текущим статистическим данным.

И здесь возникает проблема факторов и роль миграции в это снижении. В статье «Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси» [5] нами на основе официальной статистической информации обоснована гипотеза, что такое резкое падение рождаемости связано, во-первых, с изменениями в критериях учета трудового стажа для назначения пенсии, а именно – исключения периода нахождения женщин в декретном отпуске по уходу за ребенком и, во-вторых, с проблемами обеспечения занятостью населения на национальном рынке труда. Министерство по труду и социальной защите населения Республики Беларусь такое сокращение рождаемости обосновывает уменьшением численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста.

В их обосновании есть несколько важных моментов. Во-первых, действительно начинает оказывать влияние новый виток демографической волны – резкое снижение рождаемости, пришедшееся на 1996–2006 гг., когда рождаемость в Республике Беларусь снизилась ниже уровня 100 тыс. Статистические данные о нынешней половозрастной структуре населения Беларуси не дают оснований для таких утверждений. Нынешнее сокращение численности родившихся пока незначительно связано с уменьшением численности репродуктивного потенциала. Родившиеся в 1996–2006 гг. будут существенно влиять на снижение рождаемости в Беларуси после 2020 года. Уменьшение численности тех возрастных когорт демографического потенциала Беларуси, где в предыдущие годы наблюдался рост рождаемости (женщин в возрасте 25–34 года), в 2016 г. по сравнению с 2015 г. составило 0,4%. Однако численность родившихся в 2016 г. по сравнению с 2015 г. снизилась на 1,15%. Нет оснований для такого утверждения и сопоставление, с одной стороны, уровня рождаемости населения Беларуси в 2017 г. и, с другой стороны, уменьшением численности репродуктивных возрастных когорт. В 2017 г. численность родившихся по сравнению с 2016 г. снизилась на 12,93%. А умень-

шение численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста, исходя из имеющейся статистической информации о половозрастной структуре населения Беларуси, оказалось в 10 раз меньшим – 1,13%.

Но, во-вторых, как показывают данные переписей населения Республики Беларусь, после их проведения происходит корректировка не только общей численности населения, но меняются и исходные данные о половозрастной структуре населения, что связано с неполным учетом текущей статистикой трудовой миграции.

Высокая трудовая миграция последних лет в российском направлении (примерно 600–650 тыс. чел.), а также за три (2015–2017 гг.) года более 214 тыс. белорусских граждан получили право резидентов в странах Евросоюза, к сожалению, не отражается национальной статистикой. А высокие масштабы трудовой миграции в российском и в западном направлениях характерны для возрастных групп наиболее активного репродуктивного возраста. И потому информация о половозрастной структуре населения в действительности может оказаться совсем иной и соответствовать выводам Национального статистического комитета и Министерства по труду и социальной защиты населения Республики Беларусь. Но для этого, прежде всего, следует признать то обстоятельство, что миграционное сальдо Беларуси не является положительным, что оно – отрицательное.

Именно трудовая миграция белорусов питает нынешние процессы межгосударственной миграции. В связи со сложными процессами получения гражданства во многих странах значительная часть трудовых мигрантов являются экспатами, т.е. живущими по сути дела в двух государствах и подготавливающих почву для выезда из страны – находятся в стране, которая может стать местом иммиграции, но временно не порывают связей с пока еще Родиной.

Таким образом, белорусская трудовая миграция обостряет депопуляционные процессы в Республике Беларусь, влияя на уменьшение численности населения страны и падение уровня рождаемости. Одновременно она способствует перекачки демографического потенциала в соседние страны – в Украину, Россию, Евросоюз (и прежде всего в Польшу), Литву и Латвию.

Стратегическим направлением демографической политики Республики Беларусь является преодоление депопуляционных процессов, чему должна способствовать и миграционная политика. В ней немаловажное место отводится привлечению мигрантов и прежде всего населения близких белорусам по социокультурным ценностям и созданию им благоприятной среды для социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в белорусское общество.

В связи с негативными социально-политическими процесса в соседней Украине предполагалось, что население Украины может стать потенциалом положительных демографических тенденций в Беларуси. Тем более, что в последние годы после «революции достоинства» масштабы эмиграции с Украины в Беларусь значительно выросли. Так, если за 2010–2013 гг. из стран СНГ удельный вес мигрантов с Украины в общей численности иммиграции Беларуси составил 16,9%, то в 2014 г. он увеличился до 31,8%, а в 2015 г. – до

47,0%. Общий прирост населения Беларуси за счет мигрантов с Украины в 2011–2013 гг. составил 5205 чел. В 2014 г. он превысил этот суммарный трехгодовой показатель, составив 5882 чел. А в 2015 г. этот показатель был превышен в 1,9 раза – прирост населения Беларуси за счет мигрантов с Украины составил 9678 чел.

Думалось, что будет прервана негативная для Беларуси ситуация в украинско-белорусской миграции, которая ранее характеризовалась следующей тенденцией. На рубеже XX–XXI столетий в этнической структуре населения Беларуси наибольшее уменьшение близкого по социокультурным ценностям пришлось на украинский этнос. Численность украинцев в этнической структуре населения Беларуси за период 1989–2009 гг. сократилась в 1,8 раза – с 291008 чел. до 158723 чел. Однако, несмотря на рост положительного сальдо белорусско-украинской миграции второго десятилетия XXI века в последние годы численность украинских иммигрантов в Беларуси стала уменьшаться: составив в 2016 и 2017 гг. соответственно 5492 чел. и 3491 чел. Уменьшился и удельный вес мигрантов с Украины в общей численности иммиграции из стран СНГ, составив соответственно 35,2% и 26,2%.

В Республике Беларусь в отношении «временно прибывших граждан Украины в Беларусь» (так официально были названы после «революции достоинства» мигранты с юго-востока Украины) 30 августа 2014 г. был подписан Указ Президента Республики Беларусь № 420 «О пребывании граждан Украины в Республике Беларусь». Этим Указом был урегулирован правовой статус, находящихся в Беларуси данных граждан Украины, в социальной и трудовой сферах, тем самым облегчая их пребывание и трудоустройство в Беларуси. В частности, была упрощена процедура назначения государственных пособий гражданам Украины, право на получение дошкольного, общего среднего и специального образования наравне с несовершеннолетними белорусами. Указ освободил граждан Украины от необходимости предоставлять в учреждения образования Беларуси для зачисления их несовершеннолетних детей документов, которые не могут быть предоставлены по объективных причинам. Этот Указ также освобождает от уплаты государственной пошлины за выдачу разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь и др.

Белорусская сторона, пытаясь решить свои проблемы на рынке труда, ориентируясь на размещение временных украинских мигрантов в сельской местности и обеспечении их занятостью в сельском хозяйстве. Но это не отвечало интересам временных украинских мигрантов, которые прибыли в Беларусь в основном из городской местности востока Украины и ранее не были связаны с сельскохозяйственным производством. В результате пребывание украинских переселенцев Беларуси и юридически и фактически стало временным, Это означает, что вряд ли Беларуси стоит рассчитывать на них, как на демографический потенциал, который может способствовать преодолению депопуляционных процессов. И при урегулировании критической социально-политической ситуации в Украине они в Беларуси не задержатся. А это значит, что надеяться на улучшение в Беларуси демографических показателей за счет мигрантов надеяться не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2018. 431 с.

2. Злотников А.Г. Демографическое измерение современной Беларуси. Минск: право и экономика, 2006. 212 с.

3. Злотников А.Г. Имеет ли Беларусь положительное сальдо миграции // Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран: Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 3, № 2 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., к.ф-м.н. Храмовой М.Н. – Москва, Минск: 2017. С. 41–50.

4. Злотников А.Г. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 91–97.

5. Злотников А.Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 59–68.

6. Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 2009. Том III. Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2011. 438 с.

7. «Рэспубліка», 2017, 28 кастрычніка (№ 206); СБ (Беларусь сегодня), 2017, 28 октября (№ 208).

ВОЗРАСТНОЙ ВЕКТОР ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИИ НА СМЕРТНОСТЬ В МЕГАПОЛИСЕ[1]

СЕМЕНОВА Виктория Георгиевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН; Москва (Россия). E-mail: vika-home@yandex.ru

ИВАНОВА Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, зав. отделом здоровья и самосохранительного поведения Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН; Москва (Россия). E-mail: ivanova-home@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния миграционных потоков на смертность, ее масштабы и структуру. Установлено, что в зависимости от возраста миграционный фактор обладает существенной спецификой. Иногородние дети в столице явно относятся к полностью адаптированным социальным стратам. Что касается трудоспособного населения, то в этих возрастах миграция заметно маргинализует картину смертности. В составе мигрантов в зоне повышенного риска находятся лица с неизвестным статусом (с высокой вероятностью лица БОМЖ), а также внешние мигранты. В целом миграция вносит существенный вклад в смертность.

Ключевые слова: смертность, эндогенные причины смерти, экзогенные причины смерти, мигранты.

AGE VECTOR OF INFLUENCE OF MIGRATION ON MORTALITY IN THE METROPOLIS [2]

Victoria G. SEMENOVA, Doctor of Economics, Chief Researcher of the Centre for Social Demography, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences; Moscow (Russia). E-mail: vika-home@yandex.ru

Alla E. IVANOVA, Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Health and Self-Protection Behavior of the Centre for Social Demography, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences; Moscow (Russia). E-mail: ivanova-home@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of impact of migration flows on mortality, its scale and structure. It has been determined that, depending on age, the migration factor has essential specificity. Nonresident children in the capital clearly belong to fully adapted social strata. As for the able-bodied population, in these ages, migration markedly marginalizes the picture of mortality. In the composition of migrants in the high-risk zone are persons with unknown status (with a high probability the homeless persons), as well as external migrants. In general, migration essentially contributes to mortality.

Key words: mortality, endogenous causes of death, exogenous causes of death, migrants.

[1] Исследование проведено при поддержке РФФИ проект № 17-02-00234-ОГН

[2] The study was conducted with the support of the RFBR, project № 17-02-00234-OGN

Миграция в последние десятилетия становится одной из самых актуальных проблем в Европе, ставя новые задачи перед системами здравоохранения этих стран [1, 4, 7, 9]. В настоящее время Россия, по данным ВОЗ, по миграционным потокам уступает в настоящее время только США. Наиболее привлекательным для мигрантов регионом России, исходя из ее экономического потенциала, является Москва.

Эти соображения затрагивают в первую очередь трудовую миграцию, которая формируется в основном за счет лиц трудоспособных возрастов, картина потерь среди которых в последние годы исследована достаточно подробно [2, 3, 5, 6, 8]. Однако проблему потерь детей в столице в контексте их места проживания нельзя считать решенной. Более того, закономерным представляется вопрос: насколько однородными в социальном контексте в 2000-е годы были 2 возрастные группы – дети и трудоспособное население, не зарегистрированное в Москве? Исследование данного вопроса составляет цель настоящего исследования.

Материалы и методы

Существующая система учета позволяет дифференцировать всех умерших только по двум группам. Первая – жители Москвы, имеющие адрес постоянного или временного места жительства, вторая – лица, умершие в Москве, но постоянное место жительства имеющие: в других регионах Российской Федерации, в других странах или не имеющие постоянного места жительства вовсе (БОМЖ). Таким образом, вторая группа является крайне неоднородной: в нее могут входить как вполне социально благополучные лица, приехавшие в столицу, так и те, кто находится в городе на нелегальном или полулегальном положении.

Имеющиеся данные не позволяют напрямую рассчитать смертность среди мигрантов (в силу отсутствия данных об их численности), но позволяют оценить структуру смертности мигрантов и постоянного населения России, и, следовательно, – оценить миграционную компоненту потерь населения Москвы как в целом, так и в отдельных возрастах.

В ходе исследования была использована информация о потерях среди мигрантов и их статусе, полученная из деперсонифицированной базы данных по смертности Росстата за соответствующие годы.

Отметим, что социальный статус умерших, независимо от их возраста, достаточно объективно характеризуется структурой потерь, а именно – соотношением вклада экзогенных и эндогенных причин смерти. В адаптированных стратах потери определяются в большей мере эндогенными причинами, и сдвиг в сторону эндогенных причин в структуре смертности следует рассматривать как свидетельство позитивных изменений как в работе здравоохранения, так и в социальной сфере в целом.

С учетом возрастной специфики, основными эндогенными причинами смерти детей 1-го года жизни являются врожденные аномалии, 1–9-летних – врожденные аномалии и новообразования, детей и подростков 10–17 лет – новообразования. Их антиподом – маркером социального неблагополучия – у

детей выступают внешние причины и, особенно, симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния.

Результаты

Обсуждая структуру смертности детей, следует отметить более «цивилизованный» ее характер у иногородних (табл. 1).

Таблица 1.

Структура причин смерти детей, умерших в Москве, в зависимости от места их жительства, %

	2000–2004	2005–2010	2011–2016	2000–2004	2005–2010	2011–2016
	мигранты			москвичи		
	0 лет					
Болезни перинатального периода	56,5	48,3	49,3	41,5	36,4	51,8
Врожденные аномалии	32,5	40,2	41,1	39,3	43,2	36,9
Неточно обозначенные состояния	2,3	3,0	2,5	4,5	8,2	3,8
Внешние причины	2,3	2,4	1,1	2,6	1,6	0,8
Другие причины	6,3	6,1	6,1	12,1	10,6	6,6
Все причины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	1–9 лет					
Врожденные аномалии	36,3	29,2	29,6	28,7	31,0	27,2
Внешние причины	16,5	15,1	14,2	34,1	30,1	31,5
Новообразования	20,7	30,8	35,2	14,2	14,2	14,9
Неточно обозначенные состояния	4,2	5,1	2,6	4,1	5,5	8,3
Инфекции	5,1	4,5	5,2	3,9	4,3	6,0
Другие причины	17,3	15,4	13,3	15,0	14,9	12,0
Все причины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	10–17 лет					
Внешние причины	43,9	47,2	38,0	62,0	56,6	48,8
Новообразования	21,3	21,3	29,1	9,6	10,1	14,1
Врожденные аномалии	5,9	7,9	8,9	6,9	6,9	7,4
Неточно обозначенные состояния	5,0	7,2	9,5	6,8	11,7	14,4
Болезни системы кровообращения	5,0	3,9	3,9	4,8	3,9	2,1
Другие причины	18,8	12,5	10,6	9,9	10,8	13,2
Все причины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Так, у детей первого года жизни следует указать на стабильный рост вклада пороков развития у иногородних мальчиков в 2000-е гг. (с 32,5% до 41,1%) на фоне сократившейся доли их у москвичей (с 39,3% до 36,3%), вследствие чего в настоящее время значимость врожденных аномалий у иногородних мальчиков оказалась выше, чем у москвичей.

При этом следует отметить существенно меньшую значимость симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний у иногородних мальчиков в 2000-е гг. на фоне вполне сопоставимого (1,1% и 0,8% соответственно) вклада внешних причин у иногородних мальчиков и москвичей.

Что касается непосредственно детской смертности, т.е. потерь среди детей 1–9 лет, то парадоксальным образом в течение всего периода исследования структура потерь иногородних детей носила существенно более цивилизованный, нежели у москвичей, характер: значимость и пороков развития и новообразований у иногородних была выше, чем у москвичей, и совокупная доля этих эндогенных патологий в 2000-е годы у мальчиков выросла с 57% до 64,8% против 42%-45% у москвичей, у девочек эти тенденции являются еще более выраженными.

Рассматривая ситуацию с такими социальными маркерами, как инфекционные болезни и неточно обозначенные состояния, укажем, что только в настоящее время у иногородних мальчиков вклад инфекций оказалась несколько меньшей, чем у москвичей (5% против 6%), а значимость неточно обозначенных состояний – меньшей кратно (2,6% против 8,3%).

На этом фоне следует отметить, что значимость внешних причин у иногородних детей в 2000-е годы была кратно меньшей, нежели в московской популяции.

Как и в более ранних возрастах, структура потерь иногородних детей и подростков 10–17 лет носит существенно более цивилизованный характер, нежели у московских детей. Так, и у иногородних детей, и у москвичей 1-е место занимали внешние причины, 2-е место – онкология. Однако в течение всего периода исследования значимость внешних причин у иногородних мальчиков была существенно меньшей, а онкологии – кратно большей, нежели у москвичей, и в настоящее время эти показатели составляют у иногородних менее 40% и почти 30% соответственно против почти половины и 14% у москвичей.

Особо следует указать, что вклад неточно обозначенных состояний в 2000-е гг. существенно увеличился и у иногородних детей, и у москвичей, однако у иногородних вклад этих размытых причин в общие потери в течение всего периода исследования был ниже, чем у москвичей, и в 2010-е гг. значимость неточно обозначенных состояний у москвичей превысила таковую у иногородних детей в полтора раза.

Оценивая миграционный компонент, следует указать, что в течение всего периода исследования вклад иногородних в потери детей 1-го года жизни был близок к половине младенческой смертности. Иными словами, младенческая смертность среди постоянного населения столицы практически вдвое ниже, чем о том свидетельствует официальная статистика, фиксирующая показатель в целом по мегаполису. Среди 1–9-летних доля иногородних в этих возрастах в 2000-е гг. стабильно росла, превысив в настоящее время 40% и у мальчиков, и у девочек. У детей и подростков 10–17 лет в 2000-е гг. доля иногородних также стабильно росла, превысив в 2010-е гг. треть и в мужской и в женской популяциях.

Таким образом, можно констатировать, что у детей, независимо от их возраста, социальный вектор «иногородние – москвичи» является позитивным скорее для иногородних: структура потерь среди них носит существенно более цивилизованный характер, нежели у москвичей, Парадоксальным образом иногородние увеличивают масштабы потерь детского населения в Москве, но существенно улучшают их структуру.

Напомним, что по результатам ранее проведенных исследований [2, 3, 6, 8], картина потерь мигрантов трудоспособных возрастов по обоим параметрам свидетельствует об обратной ситуации.

Во-первых, у мигрантов на 1-е место выходят неточно обозначенные состояния (30% против 20% у постоянного населения), на 2-е – внешние причины (25% против 12%). Что касается онкологии, то ее значимость у мигрантов является кратно меньшей, чем у москвичей (6% против 16%) (табл. 2).

Таблица 2.

Структура причин смерти лиц 20–59 лет, умерших в Москве, в зависимости от места их жительства, % (мужчины, 2014 г.)

	москвичи	**мигранты**
Инфекции	3,6	4,9
Новообразования	16,2	6,0
Болезни системы кровообращения	32,1	24,3
Болезни органов дыхания	2,6	3,0
Болезни органов пищеварения	7,7	4,0
Неточно обозначенные состояния	20,5	29,7
Внешние причины	12,5	24,6
Другие причины	4,9	3,3
Все причины	100,0	100,0

Во-вторых, миграционный компонент в потерях трудоспособного населения столицы в 2000-е гг. существенно вырос и в мужской и в женской популяциях, превысив в настоящее время четверть у мужчин и приближаясь к 20% у женщин. Увеличение миграционной компоненты определялось практически всеми причинами смерти. Максимальный рост миграционной компоненты зафиксирован для внешних причин (табл. 3).

Обсуждая ситуацию среди населения трудоспособных возрастов, подчеркнем, что потери от таких социально значимых причин смерти, как туберкулез, транспортные происшествия, убийства и повреждения с неопределенными намерениями практически наполовину формируется лицами, не зарегистрированными в столице [3, 6].

Таким образом, в трудоспособных возрастах миграция и увеличивает масштабы потерь в Москве, и существенно ухудшает их картину.

Обсуждая вклад миграционной компоненты в смертность, важно дифференцировать составляющие этого потока. Официальные данные позволяют разделить умерших внутри второй группы по 3 категориям: внутренние мигранты, т.е. мигранты из одного российского субъекта федерации в другой;

внешние мигранты – граждане других стран и лица, чей статус неизвестен. Далее рассмотрим специфику влияния отдельных групп мигрантов в смертность на примере лиц молодого трудоспособного возраста, т.е. населения в возрасте от 20 до 40 лет в целом по Российской Федерации.

Таблица 3.

Миграционная компонента смертности 20–59-летнего населения Москвы в 2003 и 2014 г. (% иногородних в числе умерших от отдельных причин)

	мужчины		женщины	
	2003	**2014**	**2003**	**2014**
Все причины	19,2	27,7	10,8	18,9
Инфекции	38,2	34,5	30,9	34,7
Новообразования	2,5	12,5	1,2	13,5
Болезни системы кровообращения	12,9	22,5	7,5	16,8
Болезни органов дыхания	20,7	31,4	19,6	18,8
Болезни органов пищеварения	7,5	16,8	6,0	14,4
Неточно обозначенные состояния	34,3	35,7	24,8	22,4
Внешние причины	32,9	43,1	25,6	34,2

Характерной чертой иностранных мигрантов в мужской популяции является крайне высокая значимость внешних причин смерти (72% против 52% у постоянного населения России) на фоне заметно меньшего вклада таких эндогенных патологий, как болезни системы кровообращения (12,5% против 16%) и новообразования (1,8% против 3,5%). При этом достаточно неожиданным представляется низкий (особенно у мужчин) вклад таких причин, как инфекционные болезни (5% против 10%) и симптомы, признаки и не точно обозначенные состояния (2% против 4,5%) соответственно.

Нозологический профиль потерь среди внутренних мигрантов характеризуется наибольшим сходством с картиной смертности постоянного населения России, тем не менее, в этой группе следует указать на существенное превышение значимости инфекционных заболеваний по сравнению с постоянным населением: так, у мужчин соответствующие показатели составили 14% против 10%, на фоне меньшего вклада новообразований (2,4% против 3,5%) и болезней системы кровообращения (14% против 16%). Интересно, что доля внешних причин и неточно обозначенных состояний у внутренних мигрантов и постоянного населения в мужской популяции оказались сходными.

Крайне интересной (в силу полной закрытости этой группы) представляется картина потерь лиц с неизвестным статусом. Первое, что следует отметить – это крайне высокую значимость инфекционных заболеваний, составившую у мужчин 14% против 10%, а также неточно обозначенных состояний (10% против 4,5%) на фоне достаточно низкого вклада сердечно-сосудистых заболеваний (12% против 16%) и крайне низкой доли новообразований (1% против 3,5%). Второе – сходные с постоянным населением вклады внешних причин (50% против 52%) (табл. 4)

Таблица 4.

Структура причин смерти лиц 20–39 лет в зависимости от миграционного статуса, % (2014 г.)

	мужчины			
	внешние мигранты	**внутренние мигранты**	**статус неизвестен**	**постоянное население РФ**
Инфекции	5,1	14,0	13,7	9,6
Новообразования	1,8	2,4	1,0	3,5
Болезни системы кровообращения	12,5	14,3	12,2	15,6
Болезни органов дыхания	1,8	3,7	5,6	4,0
Болезни органов пищеварения	3,6	7,0	6,0	7,9
Неточно обозначенные состояния	1,8	4,5	10,1	4,5
Внешние причины	72,1	52,0	49,6	51,9
Другие причины	1,4	2,0	1,8	3,1
Все причина	100,0	100,0	100,0	100,0
	женщины			
Инфекции	11,7	16,5	17,3	13,7
Новообразования	12,9	8,5	1,7	13,7
Болезни системы кровообращения	11,7	14,0	14,0	15,1
Болезни органов дыхания	7,4	6,3	7,7	4,9
Болезни органов пищеварения	8,0	11,7	12,5	11,4
Неточно обозначенные состояния	0,6	3,9	11,0	2,9
Внешние причины	41,7	34,7	32,1	31,9
Другие причины	6,1	4,5	3,8	6,4
Все причина	100,0	100,0	100,0	100,0

Ситуация в женской популяции характеризуется теми же закономерностями (табл. 4).

Таким образом, можно констатировать, что 3 основные группы мигрантов характеризуются явной спецификой. Так, превышение значимости внешних причин над таковой у постоянного населения формируется в первую очередь за счет иностранных мигрантов; высокий вклад инфекционных заболеваний обусловлен внутренними мигрантами и лицами с неизвестным статусом; в свою очередь, высокая значимость неточно обозначенных состояний формируется практически полностью за счет лиц с неизвестным статусом.

Подчеркнем, что последний показатель – значимость неточно обозначенных состояний – несет не столько медицинскую, сколько социальную нагрузку. Класс «Симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния» (МКБ-9) включает около сотни нозологий, но в настоящее время в России потери от него в трудоспособных возрастах практически полностью определяются диагнозом «Причина смерти не установлена» (R99). Согласно МКБ-10, в этот класс должна входить только соматическая патология, однако недавние исследования показали, что в России этот канон соблюдается далеко не всегда: представляется, что аномально высокая доля неточно обозначенных состояний на фоне низкой

доли внешних причин у лиц с неизвестным статусом объясняется переводом существенной части внешних причин в латентную форму.

Подобная картина смертности (высокая значимость и инфекционных заболеваний, и неточно обозначенных состояний) свидетельствует о том, что группа лиц с неизвестным статусом формируется за счет наименее социально адаптированных слоев населения. В социальном контексте эти факторы в целом можно охарактеризовать как маргинализацию с такими неотъемлемыми ее чертами, как бедность и криминалитет.

Чтобы оценить влияние незарегистрированных мигрантов на потери здоровья населения России, укажем, что в 2014 г. ими определялось 11,5% потерь 20–39-летних мужчин и 10,2% – их ровесниц.

Заключение

Можно констатировать достаточно парадоксальное явление – в социальном контексте возрастной вектор миграции в Москве является вектором негативным: иногородние дети в столице явно относятся к полностью адаптированным социальным стратам, доходов которых хватает для лечения детей в столице. Что касается трудоспособного населения, то в этих возрастах миграция заметно маргинализует картину смертности. Об этих принципиальных различиях свидетельствуют как различия в структуре смертности в контексте эндогенных и экзогенных причин, так и масштабы миграционной компоненты в этих патологиях.

В составе мигрантов в зоне повышенного риска находятся лица с неизвестным статусом (с высокой вероятностью лица БОМЖ), значительная часть причин смерти которых (более 10%), не расследуется (неточно обозначенные состояния), а также внешние мигранты, более 70% которых среди мужчин и 40% среди женщин в возрастах от 20 до 40 лет погибают от внешних причин. Суммарно на эти две группы приходится немногим менее половины всех умерших мигрантов в Российской Федерации

В целом миграция вносит существенный вклад в смертность. В столице она определяет от 30% всех смертей подростков до половины младенческой смертности, а в трудоспособных возрастах превышает четверть у мужчин и приближается к 20% у женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. International Migration Report 2015. Highlights. – United Nations New York, 2016 32 p.

2. Ivanova A., Zemlyanova E., Ryazantsev S. Death causes of resident population and migrants in megalopolis. European Population Conference 2016. Mainz. Germany. Electronic resource. Access mode: http://epc2016.princeton.edu/uploads/160819

3. Semyonova V.G., Sabgayda T.P. Migration Component in Health Losses of Population in Russian Megapolis (for example of Moscow). Book of Abstracts. 17th Applied Stochastic Models and Data Analysis International Conference with Demographics Workshop ASMDA 2017/Ed. Chr. H. Skiadas. Publ. London. P. 169. Electronic resource.

Access mode: http://www.asmda.es/images/Corrected-book_of_abstracts-asmda2017-5-22.pdf

4. Здоровье беженцев и мигрантов. Анализ региональной ситуации, практика, опыт, извлеченные уроки, перспективные направления). – Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген. 2018 г. 37 стр.

5. Иванова А.Е., Рязанцев С.В. Трудовые мигранты из стран центральной Азии на российском рынке труда: условия жизни и самосохранительное поведение. // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Том 20, выпуск 4. с. 69–78.

6. Иванова А.Е., Рязанцев С.В., Семенова В.Г. Вклад миграции в смертность российского населения трудоспособного возраста. // Демография: социологический аспект. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016; 6: 47–60.

7. Инструментарий для оценки потенциала системы здравоохранения в области реагирования на значительное увеличение притока беженцев, лиц, ищущих убежища, и мигрантов). – Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген. 2016 г. 49 стр.

8. Семенова В.Г., Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Лопаков К.В., Никитина С.Ю., Запорожченко В.Г., Евдокушкина Г.Н., Гаврилова Н.С. Потери населения мегаполиса в контексте миграции (на примере Москвы). // Социальные аспекты здоровья населения [электронный научный журнал] 2016; 51(5). Электронный ресурс. Режим доступа: http://vestnik.mednet.ru/content/view/776/27/lang,ru/ DOI: 10.21045/2071-5021-2016-51-5-5

9. Стратегия и план действий в отношении здоровья беженцев и мигрантов в Европейском регионе ВОЗ. – Европейский Региональный комитет, Шестьдесят шестая сессия, Копенгаген, Дания, 12–15 сентября 2016 г. 34 стр.

AGEING EXPERIENCE OF WOMEN-MIGRANTS IN GERMANY: QUALITATIVE STUDY

Adel Sh. KOSHERBAYEVA, graduate student, Nazarbayev University, Astana (Kazakhstan). E-mail: adel.kudaibergenova@nu.edu.kz

Abstract. The paper examines experience and perception of ageing of three women migrants in Germany who came there about 20 years ago from Post-Soviet countries. Despite of many differences, what is a common for three women is the Soviet socio-cultural context where they were born and spent most of their lives.
Key words: ageing, ageism, late-in-life migration, women, transnationalism.

ОПЫТ СТАРЕНИЯ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОК В ГЕРМАНИИ: КАЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

КОШЕРБАЕВА Адель Шакерхановна, магистрант Назарбаев Университета, Астана (Казахстан). E-mail: adel.kudaibergenova@nu.edu.kz

Аннотация. Статья рассказывает об опыте и восприятии старения трех женщин-мигранток в Германии, приехавших из Пост-Советского пространства около 20 лет назад. Несмотря на многие различия, Советский социально-культурный контекст, в котором женщины родились и прожили большую часть своей жизни является общим для участников исследования.
Ключевые слова: старение, эйджизм, поздняя миграция, женщины, транснационализм.

During the summer semester (2018) that I have spent in Humboldt University of Berlin I met many Russian speaking migrants, which is not surprising due to large waves of out-migration from Post-Soviet states, and conducted a small study that connect my primary research interest – social ageing – and migration. I believe that the results will contribute to the both fields as aged migrants and ageing experience in receiving countries have not been studied enough, especially in respect to women [7].

In terms of methodology, as I am the proponent of ethnography but unfortunately did not have the opportunity to use it as a research design, I collected the qualitative data from three in-depth face-to-face interviews (for 1,5 hours in average) with women migrants from three different post-Soviet countries – Russia, Kazakhstan, and Ukraine.

Migration and transnationalism. Every woman in my study has her own world view, motivations, and specific circumstances that are reflected in her experience of ageing. However, due to their common background I have identified the following common traits. First, their self-assessment of level of integration to German society is low, albeit to varying degrees, due to late-in-life migration experience in their 40s as they compare it to their children. All of them expressed

some alienation from German way of life, social norms and values, even if they rejected the notion of nostalgy. Second, all of them are protected by German social welfare system (*Sozialhilfe*), so they find economic security, but do not feel economic freedom compared to their German peers:

"We have small pensions, we could not earn it" (Anna[1], 62).

Because the three women migrated to Germany in late middle-ages, migration experience penetrates almost all the spheres of their life and ageing particularly. They lived, got education, created their families, worked in country that now disappeared from the maps, but they still refer to Russia as a mythical homeland, working as eschatological concept of the end of times, which is a defensive mechanism – migrants' respond to a not accepting and not acceptable society [10].

Anna (62 y.o.) migrated from Russia in the end of 1990s to Berlin suburbs, where she lives until the present time. She lives with her second husband, whereas her children left home, but still do not have their own children. She is a half German, but she identified herself with Russian or Soviet identity – they never used German within the family, and never planned to leave the motherland that gave her professional skills as an engineer and career opportunities. However, times of difficulties in post-Soviet transitional Russia and life events have changed her life trajectory completely:

"I remember when my daughter was born, I became a single mother… I got paid about 12 rubles[2]. It was quite something, when I recall it now, if I had not had friends, I would not have survived. My mother lived far from me, and I lived in [the name of city] with two children. It was awful." (Anna, 62).

In terms of her self-representation, Anna does not think that she is elderly, although there are interesting contradictions will be presented further.

The second woman – Lena (67 y. o.) – is a Soviet German in terms of her ethnic origin, who lived in Northern Kazakhstan. Her children and grandchildren live separately from her and her husband. Her extended family including parents and siblings with their families came to Germany in the beginning of 1990s driven by the collapse of the USSR, economic instability, unemployment, and raised level of nationalism among Kazakhs. She knew German language even before migration, so she was advantageous compared to the other participants and her work experience is the longest among other two women. Still, she is very upset that they were settled down in the former Eastern Germany at the time of widespread unemployment. She believes this negatively affected her, and her husband's experience related to work and, therefore economic situation, especially compared with their peers who had been distributed to cities of former West Germany and who work even now, as unskilled workers though (e.g. nursery schools or nursing homes for old people). Lena more often than others considered herself as elderly, but she related it to the depression.

Svetlana (66 y.o.) is a Russian woman, who left Kiev with her husband and two children in 2001 when she almost turned 50. She lives with her son and

[1] All names used are pseudonyms in order to protect participants' confidentiality

[2] According to the Federal State Statistic Service, the average salary in 1998 was 1051 rubles.

daughter-in-law in small city near Berlin for more than 3 years in order to be involved in grandson upbringing. She also characterizes her migration experience as hard *("It was very late. I would not wish this to my worst enemy").* Moreover, she still does not know German to communicate with people and evaluate her integration level as very low. I would say the lowest among the three women. She came with her family under the conditions for Jewish immigrants from countries of the former Soviet Union and was driven by nationalist and particularly anti-Russian sentiments in Ukrainian capital and the idea that her homeland ceased to exist *("The main reason was the notion that the country where I was born, where I lived, was destroyed. The USSR was broken up. I am a Soviet. My Russian experience…Soviet experience…").* Basically, she does not consider herself as elderly.

Overall, their perception of facing later life in receiving country of particular interest. On the one hand, they often feel as aliens there, longing for the years of their youth and relating it with the Soviet Union, and evaluate their experience negatively compared to German aged people, who are wealthy and therefore can mitigate negative consequences of ageing with money. On the one hand, they believe that their live is better compared to their peers who stayed in the Post-Soviet states – the citizenship gives them many opportunities to be supported by the state and advanced German medicine. With the help of internet and social media networks (Odnoklassniki, WhatsApp, Skype) they keep in touch with relatives and friends in sending states. Svetlana emphasized that she regularly sends parcels with clothes to her friends in need.

Ageing and strategies to "avoid" oldness. There is no agreement on the definition of ageing and the threshold that can signal that person became old (different perspectives have different terminology – demography, science, policy-makers, bureaucracy, etc.). This confusion is apparent in the social world of the aged themselves and reflected in their self-definition that is socially constructed and, therefore, cannot be an ideal benchmark for ageing [5]. However, it is useful for research on social ageing because researcher should "situate these words by exposing the cultural contexts that shape them" [3, p. 185].

When the women became aged themselves, as it is imposed to them by different external perspectives, they feel that life has not totally changed as they anticipated it should be. Their elderly identity is highly unstable and changes according to the context. During the interview participants used different understandings of ageing that allowed them to exclude themselves from this category and again unconsciously include when it was necessary.

The internalized ageism implies that oldness is always negative. However, all participants showed some admiration to peers who stay active because they related such cases to positive experiences of ageing, so the notion of oldness was fully or partly rejected or equated to "not to feel as old".

The participants' understanding of positive ageing follows these range of conditions:

- due to good economic situation: "Germans enjoy life. They have earned high pensions, it is a pleasure to look on them" (Anna, 62);

- stories about staying active voluntarily (usually about Germans): "Even if a person has health problems but they are moving, dancing somewhere, I don't know, going somewhere, travelling, contacting with people, they don't notice it." (Anna, 62); "German women have a character of fighters" (Svetlana, 66);
- stories about staying active as a need to survive: "I know that all elderly people on the post-Soviet space are hard workers. They live off *dachas* and vegetable gardens, they need it, they are forced [in order to survive]. And in general, it is good for them, for their health, they are moving all the time, life forces them" (Anna, 62).

This, on the first glance benevolent intention to avoid negative perspective of ageing is based on an ageist assumption that the natural deterioration of body is a misery, distinguishing one people from another, not only young from old, but "successful" old from "unsuccessful" ones [3]. It is society constructed ageing as a problem that need to be solved [5], and burden that people need to overcome as long as possible [1]. The dominant discourse that ageing is bad becomes normative one, and therefore attempts to postpone it becomes an expectation that is shared in a society and distinguishes superior from inferior [2]. Calasanti & Slevin refer this to a "dictate to age successfully by remaining active" [5, p. 182] as much as possible and marginalize those who do not or cannot.

In this regard participants raised topics of staying active as a strategy to postpone or to turn a blind eye on negatively evaluated consequences of ageing such as the degradation of body and mind.

"My husband became elderly much earlier than me. Not in a physical way, not because of age, but because he became unemployed and spent all the time at home. And he became to degrade severely. Then, there was a such period – our son began to build a house. And he [husband] became engaged in this process and this somehow has lifted him and somehow hindered degradation." (Lena, 67)

Here, the participant presented being not active as more crucial factor in defining of oldness than the deterioration of the physical body, although before she prioritized health.

As Allain and Marshall [1] showed, my participants also tried to discipline in Foucauldian manner the bodies of inactive peers, sometimes showing power they gain when comparing with their experience of staying active, but more often they negatively evaluated themselves for any failure to be active as they were before.

But then I had serious leg traumas and became to work less and use computer more [sidet' za komp'uterom]. It's bad. (Svetlana, 66).

The importance of being needed. Staying active has very broad meaning, and not limited only to a body maintenance. It is more about retaining the activities from the middle-ages or acquiring new ones, but not as promoted by policy-makers Western model of successful ageing dictate (to stay productive, contribute to society). Indeed, their understanding of staying active does not fully correspond with the state's perspective such as to remain in work force as much as possible.

As Polish women they feel that the retirement system that implies equal age of retirement for men and women is unfair, even with the notion that women's early retirement leads to their lower income in old age [8].

Two out of three participants are retired, and Anna is officially job-seeker. Svetlana and Lena adopted family-focused model of retirement, in former case it was a matter of choice, in the latter is the matter of necessity, and Anna, although is not retired yet, because of the lack of grandchildren adopted service-focused and partially family-focused (husband) model of spending free time [9]. However, the topic of work was important for women, whereas only Svetlana's perceptions of work were restricted to a source of income because she was employed on hard manual labor:

"I was told on courses: "Russische Frau can only count on cleaning here" (Svetlana, 66).

For Lena work meant social inclusion together with the better economic situation. When she got retired she became socially isolated, her social network reduced to family members, which resulted to decline in flow of the latest information and knowledge, and lack of motivation to maintain previous appearance (dressing, hairstyle, etc.).

In case of Anna, she still hopes to find a job related to engineering, the field of her competence and passion. At the same time, she works as a volunteer [*Ehrenamtlich Arbeit*], because it is honorable, and she feels she is needed.

As it is pointed above, family plays one of the most decisive roles in their lives. The women do not accept German family norms to live separately (or it is better to say far from children, because the notion of the joint family is also not very satisfactory for them) from families of their children or be it Western individualistic idea of being independent [11].

"Well…freedom is generally good. But when you are not needed to anyone…One must be a big egoist to think only about oneself. Sleeping as much as one wants, doing whatever one wants. This is not for me. When my mother passed away and children left home I was alone, yes. I began to suffer from loneliness. And when you are suffering, the health problems occur." (Anna, 62).

"I…You know…I don't understand how they live [about German peers]. My neighbor who is German lives with a dog. Although she has a son! But I have never seen him visiting her. And I see many such families. And I don't understand it. This is not right. It shouldn't be this way." (Lena, 67).

Due to the internalized norms of women as primarily caregivers, since children left home, and they stopped to work for one or other reason they adopted a variety of strategies to feel needed. Anna justified her late marriage (when she was 59) with a man from her past (they studied in one university) primarily as an intention to help her husband, to be useful, to give care to someone:

"If I had grandchildren, I would not get married again."

"Generally, I would not get married…I am told "Are you crazy?". When we were students I liked him very much, and once I found out that he is in dire straits, in difficulties. And I…he asked, when asked to be his wife, I understood that he needs help."

It was like she adopted the image that woman in her ages cannot fall in love or is asexual or should have not put such efforts to move a man from Russia to Germany in her ages, whereas an involvement to the grandmothering would be more socially accepted activity.

Two other women's involvement in grandchildren upbringing also related to the importance of being needed, and fulfillment of caregiving role. At the same time, they perceive this as a sacrifice because an upbringing of a child is never easy and very time-consuming aspect of life. It can be said that this grandmothering pattern does not fit to allegedly "Eastern" or "Western", because on the one hand the women feel that they culturally and ideologically obliged to provide support for family members as some Chinese grandmothers do [6]. On the other hand, it is better for them to distance from children's families, not to be involved in their personal affairs and appreciate their own space, freedom, and personal life. For example, Lena emphasizes the importance of living separately from children, but wishes they lived closer:

"No matter how much time I spend with my grandson, I anyway want to watch some TV shows that I like, I can't eat what children eat, I want to relax, sew something..."

Appearance and body. Age as a basis of stratification retained its importance and "there is practically no social role which does not entail some kind of age boundary" [3, p.61]. In daily life, it is apparent in people's appearance and stereotypes about it. While those who are considered as young have a wider range of acceptable options of clothing, hair style and color, countenance, posture, etc., with age these are increasingly reducing. An old woman who dresses as adolescent becomes a subject of social criticism and sanctions. Even in society like German, where freedom of personal choice is more developed, participants feel and reproduce social sanctions on old women's appearance.

"Here it is recognized as funny if an elderly woman walks on heels or, let's say, very well-dressed. She would be regarded with skepticism or laughing than those who would go like this [slouching], and people would help her, with her roller, and so on." (Lena, 67).

"There are also love parades, gay parades, and so on. There are old women (Babushki), who are about 100 years old, kind of. They are called verrückt here, means crazy." (Anna, 62).

However, their image of how an old woman has to look like mainly influenced by their culture of origin ("I was in shock, I have never seen this before, did not know about this"; "As for my *mentalitet"*). Being aged women themselves, the participants showed recognition and obedience to the "rules" of appropriate dressing for women of their age. For example, Anna showed a judgment to women who are older than she and still do not try to hide her aged body behind the clothes as much as possible, because it is improperly, and they are "not normal" and have mental problems. This is because of dominant understanding of an aged body as asexual, not attractive, even disgusting, which is supported by media.

"I saw, an old woman, very old… I can understand that it is hot weather, but she had a dress with thin straps… it displays everything… There was a kind of

bows on her head, so basically, she was dressed as a girl. But it's obvious for everyone that she is 90 or 100 years old. But she likes that everyone pays attention to her. But not because it is beautiful, but because it is unusual." (Anna, 62).

Regarding the participants' own appearance, there is an ambiguous situation. On the one hand, the culture of their origin is putting pressure to them as women to look with dignity, take care of the face, put a make-up, control their weight, hide grey hair, etc.

"As for my mentalitet, I believe that an elderly woman should look well, not to be fallen." (Lena, 67).

On the other hand, this pressure became less important for them, I assume because they are more or less marginalized from the society where only young bodies and faces are deemed attractive, so the participants excuse themselves for the impossibility for one or other reason to apply strategies to "control" their aged bodies.

"All my friends say: "What you've become!". I do not color my hair, although my daughter-in-law is a hair stylist. First, I don't want to waste her time. Second, for what? Wasting… I came the way I am." (Svetlana, 66).

"I have neither resources, nor will to have some kind of cosmetic surgery. I am the way I am. Beautiful or not beautiful, old or not old, I don't care." (Anna, 62).

However, their daily self-care practices (washing up, brushing hair, etc.) and motivations for it can be compared with their South Korean "fellows" [4]. For instance, the pervasive cult of youthfulness also exists in South Korean society, but it does not negatively affect Korean elderly women's sense of self. Regarding their appearance, beauty practices and motivations for maintaining a positive body image for most of the participants mean the sign of respect to people around, but not the pursuit of the youthfulness.

Moreover, Lena has noted that it is primarily the economic situation that constrain her from more intensive self-caring (e.g. dying her hair in hairdressing salon is expensive, and she has no more physical strength to do it herself without anyone's help). For Anna it is more important to care for her health (because of the car accident, she needs to do exercises to maintain her body). And Svetlana pointed *out the lack of free time because of the small grandson:*

"Well, when there is a small child in your house, you "live" in housecoat (zhivesh v halate). You don't have time for yourself. It is normal." (Svetlana, 66).

Conclusion. The women's career on a highly skilled job was disrupted. However, the topic of work was often raised and seemed important for women, but in different ways: ranging from purely economic consideration to a bridge to social world, knowledge, motivations to maintain the appearance, and the sense of being needed. Their alienation from the German understanding of "successful ageing" combined with quite long experience of migration (about 20 years) hold them somewhere in between their past and present, sending and receiving country, positive and negative ageing.

The participants' perceptions of oldness confirmed the idea of the ageist society [3, 5]. Generally, the participants relate oldness to the deteriorated health but

tend to distinguish between mind (soul, spirit), and body, which is out of their control. The participants created strategies to cope with ageism: the oldness is imposed to them, but they can reject it, divide old body and not-old mind, emphasize independency, relating oldness to the disabled and dependent body. As long as they can help (to their grandchildren, husband, or other people in need) they are not old.

REFERENCES AND SOURCES

1. Allain, K., & Marshall, B. (2017). Foucault Retires to the Gym: Understanding Embodied Aging in the Third Age. Canadian Journal on Aging / La Revue Canadienne Du Vieillissement, 36(3), 402–414. doi: 10.1017/S0714980817000216
2. Bourdieu, P. (1984). Distinction: A social critique of the judgement of taste. London: Routledge & Kegan Paul.
3. Calasanti, T., & Slevin, K. (2001). Gender, social inequalities, and aging. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
4. Elfving-Hwang, J. (2016). Old, down and out? Appearance, body work and positive ageing among elderly South Korean women. Journal of Aging Studies, 38, 6–15. https://doi.org/10.1016/j.jaging.2016.04.005
5. Hazan, H. (1994). Old Age: Constructions and Deconstructions (Themes in the Social Sciences). Cambridge: Cambridge University Press.
6. Leanne Chang, & Basnyat, I. (2017). Exploring Family Support for Older Chinese Singaporean Women in a Confucian Society. Health Communication, 32(5), 603–611. https://doi.org/10.1080/10410236.2016.1146568
7. Mahler, S., & Pessar, P. (2006). Gender Matters: Ethnographers Bring Gender from the Periphery toward the Core of Migration Studies. The International Migration Review, 40(1), 27–63. http://www.jstor.org/stable/27645578
8. Ostrowska, A. (2010). Polish Women 50: How do We Age? Polish Sociological Review, 172, 411–428. http://www.jstor.org/stable/41275172
9. Price, C. A., & Nesteruk, O. (2010). Creating retirement paths: examples from the lives of women. Journal Of Women & Aging, 22(2), 136–149. https://doi.org/10.1080/08952841003719240
10. Safran, W. (1991). Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. Diaspora: A Journal of Transnational Studies 1(1), 83–99. University of Toronto Press.
11. Wray, S. (2003). Women Growing Older: Agency, Ethnicity and Culture. Sociology, 37(3), 511–527. doi: 10.1177/00380385030373007

ВТОРОЙ ЭТАП ДЕПОПУЛЯЦИИ В РОССИИ И РОЛЬ МИГРАЦИИ В СОХРАНЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА

РЫБАКОВСКИЙ Леонид Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: 1284781@mail.ru

КОЖЕВНИКОВА Наталия Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: dema1@mail.ru

МАЕВСКИЙ Дмитрий Павлович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор Омского государственного технического университета, Омск (Россия). E-mail: maevskiydp@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются этапы депопуляции России. Показаны возможности и трудности в преодолении депопуляции в прошлом и в настоящее время. На основе информации о рождаемости, смертности населения, миграционной составляющей дана характеристика различных этапов депопуляции в Российской Федерации.

Ключевые слова: депопуляция, рождаемость населения, смертность населения, демографическая динамика, миграция населения.

THE SECOND STAGE OF DEPOPULATION IN RUSSIA AND THE ROLE OF MIGRATION IN PRESERVING DEMOGRAPHIC GROWTH

Leonid L. RYBAKOVSKY, Doctor of Economics, Professor, chief researcher of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: 1284781@mail.ru

Natalia I. KOZHEVNIKOVA, PhD in Economics, leading researcher of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: dema1@mail.ru

Dmitriy P. MAEVSKIY, PhD in Economics, associate professor, vice-rector of the Omsk State Technical University, Omsk (Russia). E-mail: maevskiydp@gmail.com

Abstract. The article discusses the stages of depopulation of Russia. The possibilities and difficulties in overcoming depopulation in the past and in the present are shown. Based on information on fertility, mortality population, the migration component is given a description of the different stages of depopulation in the Russian Federation.

Keywords: depopulation, the birth rate of the population, the mortality of the population, demographic dynamics, migration of the population.

В начале 90-х годов XX столетия произошли эпохальные события, радикально повлиявшие на судьбу народов, проживавших в развалившемся по объективным, а еще больше по субъективным причинам Советском Союзе.

Наиболее значительный по численности народ, позже названный российским, ко времени распада общей страны проживал на территории нынешней России и еще примерно три десятка миллионов его представителей – за её пределами в других союзных республиках. Развал экономики, дезорганизация социальной сферы, замена во многом криминальными методами социалистических устоев капиталистическими, переход от образа жизни «человек человеку друг, товарищ и брат» к «человек человеку волк», все это привело к резкому падению уровня жизни населения, потери им уверенности в завтрашнем дне, в том, что оно не останется без работы, что его права и сама жизнь будут защищены. Одним из наиболее негативных и мгновенных результатов такой трансформации оказался небывалый для мирного времени рост смертности населения. Достаточно сказать, что за три года (1992–1994 гг.) численность умерших в России увеличилась с 1690 до 2300 тыс. человек или на 610 тыс. (36%). В эти три года число умерших в расчете на тысячу человек населения возросло с 11,4 промилле до 15,7 (на 38%), тогда как за предшествующие два десятка лет, т.е. с1970г. по 1990г. этот показатель увеличился всего на 29% (с 8,7 до 11,2 промилле) [1].

Одновременно с ростом смертности шло последовательное сокращение, хотя и более медленными темпами, показателей рождаемости. Уменьшение суммарных коэффициентов рождаемости вследствие ряда причин, в т.ч. и не связанных с происшедшими событиями, привело к тому, что к 1999 г. этот показатель стал ниже, чем он был в 1991г. на 33% (в 1999 г. опустился до 67% относительно уровня 1991 г.). К этому времени сократилось также на 580 тысяч число рожденных (на 32%). Происшедшее уменьшение чисел родившихся в наибольшей мере было вызвано сокращением суммарного коэффициента рождаемости. Начиная с 1992 г. в России числа родившихся стали меньше чисел умерших, т.е. естественный прирост населения сменился его естественной убылью. Проще говоря, в стране наступила депопуляция.

Принципиальная особенность этого этапа депопуляции в России, назовем его первым, состоит в том, что её наступление, как и двадцатилетнее существование, было обусловлено, с одной стороны, беспрецедентным ростом смертности и сохранением её высокого уровня вплоть до середины нулевых годов XXI столетия, а с другой стороны, резким сокращением рождаемости. В отдельные годы (1999–2002 гг.) число родившихся были меньше числа умерших почти на один миллион человек. В 1999–2000 гг. величина суммарного коэффициента рождаемости была ниже 1,2, что составляло всего 55% относительно уровня простого воспроизводства населения. *За весь период депопуляции (1992–2012 гг.) естественная убыль населения превысила 13,2 млн. человек.* Ц*ифра эта равнозначна всем людским потерям России (военного и гражданского населения) в годы Великой отечественной войны.*

По мере накопления финансовых ресурсов преодоление депопуляции явилось хотя и трудной, но разрешимой задачей. Это подтвердили, прежде всего, годы реализации приоритетного национального проекта «Здоровье», когда, начиная с 2006 г. последовательно осуществлялось сокращение чисел умерших и увеличение продолжительности жизни населения. Если еще в

2005 г. число умерших составляло 2.3 млн. человек, то в 2010 г. оно снизилось до двух миллионов и в 2015 г. – до 1,9 млн. Соответственно ожидаемая продолжительность жизни населения с 66,37 лет в 2005 г. возросла до 68,94 – в 2010 г. и 71,39 лет – в 2015 г. Подобное произошло и в сфере рождаемости, где годом позже стала осуществляться достаточно результативная демографическая политика, направленная в значительной мере на увеличение вторых рождений и, в конечном счете, на повышение суммарного коэффициента рождаемости. Если его величина в 2006 г. составляла 1,210, то спустя пять лет в 2011 г. увеличилась до 1,582 и в 2016 г. достигла – 1,762, тем самым превысив уровень 1991 г., года предшествовавшего началу депопуляции. В первый год реализации новых мер демографической политики (2007 г.), в частности, применения такой меры как материнский капитал, суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям возрос относительно предыдущего года на 17,3%. Рост суммарного коэффициента рождаемости наряду с увеличением численности женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте (в 2010 г. к 2002 г. на 5%) привел к увеличению числа родившихся с 1480 тыс. в 2006 г. до 1797 тыс. в 2011 г. и 1889 тыс. в 2016 г [2].

Время этого этапа депопуляции в России совпало с благоприятными возможностями частично её нейтрализовать, точнее, уменьшить влияние естественной убыли на демографическую динамику. Таким нейтрализатором явился достаточно масштабный приток мигрантов из государств, возникших на постсоветском пространстве. С образованием из бывших союзных республик самостоятельных государств, составивших для России «новое зарубежье», в них за редким исключением началось притеснение так называемого не титульного, преимущественно русскоязычного населения. Это придало его реэмиграции многомиллионные масштабы. Особенно интенсивным этот процесс был в 90-е годы минувшего столетия. Всего в период депопуляции (1992–2012 гг.) численность иммигрантов, влившихся в население России, согласно данным Росстата РФ составила 8,1 млн. человек. Благодаря этому, общая убыль населения за рассматриваемый 21 год (1992–2012 гг.) оказалась лишь 5,1 млн. Не будь миграционного прироста численность населения России на начало 2013 г. была бы не 143,3 млн. человек, а 138,2 млн.

С 2013 г. в России наступил благополучный с точки зрения демографического развития период: в стране в течение четырех лет был не только миграционный, но и небольшой естественный прирост, общая величина которого за эти благополучные годы составила чуть меньше 100 тыс. человек. Это короткое благополучие в 2017 г. вновь сменилось депопуляцией. Наступивший этап депопуляции существенно отличается от первого этапа. Прежде всего, он будет менее глубоким, чем был первый. Однако, вследствие особенностей формирования естественной убыли населения в наступивший период, преодолеть этот этап депопуляции будет чрезвычайно трудно. Главная трудность в преодолении депопуляции состоит в том, что она вызвана не сокращением суммарного коэффициента рождаемости, его величина остается достаточно высокой, а в последовательным сокращении численности женщин репродуктивных возрастов. Уже в текущем 2018 г. согласно среднему

варианту прогноза Росстата РФ численность женщин наиболее активных репродуктивных возрастов сокращается по сравнению с 2010 г. на 2 млн., затем к 2020 г. она уменьшится еще на 1,2 млн. и в 2025г. станет меньше чем в 2010 г. на 5,7 млн. человек или на 32%. Компенсировать такое сокращение увеличением суммарного коэффициента рождаемости навряд ли удастся, о чем свидетельствует его динамика. В течение благополучных 2013–2016 гг., когда был естественный прирост населения, а суммарный коэффициент рождаемости находился в интервале 1,7–1,8, ежегодная прибавка его величины составляла менее 0,02 или менее 1%. В 2016 г. этот показатель начал снижаться и потерял (0,015). С наступлением депопуляции, уже в первый год суммарный коэффициент рождаемости по отношению к предыдущему году сократился до 1,621 или потерял также 0,015. Чтобы достигнуть величины суммарного коэффициента рождаемости в 1,9, даже если принять в качестве исходной базы 2015 г., когда этот показатель был самым высоким (1,777), то пришлось бы его увеличить на 0,13, а к исходной базе 2017 г. (1,621) на 0,28. Очевидно, что должны быть найдены возможности не только для повышения суммарного коэффициента рождаемости в большей мере, чем один процент в год, но и увеличения численности репродуктивного контингента и большего участия, составляющих его единиц в воспроизводстве населения.

Другой компонент формирования депопуляции – это смертность населения. Участие этого компонента в наступившей вновь естественной убыли населения принципиально иная, чем она была еще не так давно. Тогда роль смертности в формировании естественной убыли была не меньшей, чем значение рождаемости. После наступления депопуляции в течение 17 лет, начиная с 1993 г. вплоть до 2010 г. числа умерших превышали отметку в 2 млн. человек, причем в 1994, 2002, 2003 и 2005 гг. числа умерших были больше 2,3 млн. и еще в 1995, 2000,2001 и 2004 гг. – выше 2,2 млн. В тот период лишь однажды, в 1998 г. число умерших опустилось ниже отметки в два млн. человек (1989 тыс.). В свою очередь общий коэффициент смертности лишь дважды в эти 18 лет опускался ниже 14 промилле (1997 и 1998 гг.), а в остальное время он превышал 14–16 промилле, тогда как во все послевоенные годы этот показатель вплоть до 1992 г. оставался ниже 14 промилле (исключение 1984 г., когда он составил 14,3 промилле). Естественно, поэтому происходившее сокращение чисел родившихся в годы депопуляции дополнялось растущими числами умерших. Эти числа, составляя с 2000 г. 2,2–2,3 млн. человек, так и превышали до 2012 г. числа родившихся, иногда на 800–950 тыс. Лишь в 2012 г. число умерших достигло 1,9 млн. человек. Эта цифра продержалась вплоть до начала нового этапа депопуляции. Наименьшее число умерших в 2012–2016 гг. было в 2013 г., составив 1878 тыс., тогда как в остальные годы колебалось вокруг отметки 1,9 млн. человек.

В 2017 г. числа умерших сократились до 1826,1 тыс. человек, а общий коэффициент смертности составил 12,4 промилле, т.е. вернулся на уровень годов, предшествовавших началу депопуляции. Благодаря этому, при сокращении чисел родившихся до 1690,3 тыс. человек, т.е. примерно на 200 тыс. по сравнению с предшествующим годом, естественная убыль составила все-

го 135,8 тыс. Подобный результат естественного движения населения в 2018 г. трудно ожидать. Если судить по данным за 8 месяцев, то числа родившихся вновь сократятся на 50–100 тыс. человек. В свою очередь числа умерших либо сохранятся на отметке 2017 г., либо даже немного возрастут (число умерших за 8 месяцев 2018 г. больше, чем за аналогичный период 2017 г. на 11 тыс.). В любом случае в ближайшие годы числа умерших, скорее всего, не возрастут, но и не снизятся настолько, чтобы нейтрализовать депопуляцию. Ожидать значительные темпы сокращения смертности в направлении того уровня, который был в 60–80-е годы XX столетия, можно лишь при радикальном изменении всех влияющих на неё факторов, а это кроме системы здравоохранения, еще и такие более сильные детерминанты, как условия и образ жизни населения [3].

Таким образом, причины наступившего в 2017 г. второго этапа депопуляции принципиально отличаются от того, что обусловливало депопуляцию в 1992–2012 гг. *Современная депопуляция инициируется не сокращением суммарного коэффициента рождаемости (нынешний его уровень выше, чем был в 1991 г.) и не ростом смертности, она хотя и медленно, но продолжая снижаться все последние 12 лет, к настоящему времени достигла отметок 1980-х гг. Второй этап депопуляции вызван начавшимся существенным уменьшением численности женщин репродуктивного возраста, её наиболее активной части (20–34 года).*

Наступивший этап депопуляции отличается от преодоленного в начале десятых годов не только спецификой его формирования, но и происшедшим за истекшие 20–25 лет сокращением того миграционного потенциала, использование которого позволяло России компенсировать значительную часть естественной убыли, удержавшись тем самым от еще более значительного сокращения численности населения. Естественно, что в условиях нового этапа депопуляции России будет чрезвычайно трудно сохранять восходящую демографическую динамику, которая была весь послевоенный период вплоть до начала 1993 г. В тот год была достигнута самая большая численность населения (148562 тыс. человек). Затем до начала 2010 г. в России была нисходящая динамика населения, численность которого в течение 1993–2009 гг. сократилась на 5,7 млн. человек. Лишь в 2010 г., несмотря на сохранявшуюся естественную убыль населения, Россия снова стала страной с восходящей демографической динамикой.

В настоящее время отсутствуют для России такие миграционные возможности, какие были в 90-е годы XX в., да и в нулевые годы XXI столетия. В первом случае за счет миграционного прироста (4,6 млн. человек) было компенсировано 71% естественной убыли населения, а во втором (св. 2,9 млн. человек) – 47%. В 2011–2015 гг. доля компенсации естественной убыли снизилась до 15%. За 25-тилетний период в целом вклад миграционной компоненты в компенсацию естественной убыли населения составил 2/3. Этот вклад мог бы быть еще значимее, если бы Россия в 90-е годы XX века проводила миграционную политику, соответствующую её геополитическим интересам.

С тех пор прошло свыше 25 лет и миграционный потенциал, которым могла воспользоваться Россия в прошлом, сократился в разы. Миграционным потенциалом для России является до настоящего времени большая часть бывших союзных республик. За прошедшие годы его масштабы существенно сократились. Только за 1991–2000 гг. численность русских в новом зарубежье уменьшилась примерно на 7,5 млн. человек. Из этого числа Россия получила всего 2,9 млн. мигрантов. На остальную численность русских повлияла депопуляция, эмиграция за пределы постсоветского пространства. Наибольшая по численности группа, растворилась в населении стран нового зарубежья.

Давая оценку реальному миграционному потенциалу, который сохраняется в новом зарубежье, следует иметь в виду, что за прошедшие более чем 25 лет у титульных народов России, проживающих за пределами своей родины, родились дети. Это уже люди, у которых формируется иной менталитет, чем он был прежде у советских людей в единой стране. Социализация многих поколений детей в странах нового зарубежья, наступившая с начала 1990-х годов (рожденных до распада СССР и достигших того или иного возраста), проходила в иных социально-экономических и политических условиях как по сравнению с Россией, так и по сравнению друг с другом. Каждый год увеличивается в населении стран нового зарубежья доля тех, кто вырос вне единого государства, в ином социуме. В настоящее время миграционный потенциал для России в странах нового зарубежья с учетом возрастной динамики и её социальной трансформации, скорее всего в 3–5 раз меньше, чем проживающая там численность русских. И каждый год эта величина уменьшается. Учитывая, происшедшие изменения в структурах населения (генетической и возрастной), реальная величина миграционного потенциала русских вместе с другими титульными для России народами в настоящее время может быть оценена в 3–5 млн. человек. Но сможет ли Россия воспользоваться этим остаточным миграционным потенциалом, покажет время? Если сможет, то сохранит восходящую демографическую динамику или, по крайней мере, замедлит её нисхождение, не сможет, вновь углубится в пучины депопуляции.

Завершая отметим, то, что надвигается новый этап депопуляции в России, инициированный сокращением рождаемости, вызванным уменьшением численности женщин репродуктивного возраста, это должны были предвидеть ведомства, отвечающие за регулирование соответствующих параметров демографического развития России, в частности, Минтруд, Минздрав и МВД, в структуре которого теперь находится миграционная служба. К сожалению, эти ведомства запоздали с разработкой предложений по стимулированию роста рождаемости, сокращению смертности и оптимизации миграционных процессов. К тому же в российском правительстве нет структуры, которая своевременно бы информировала руководство страны о возможных изменениях в демографической ситуации и координировала бы сроки разработки и очередность осуществления мер по повышению рождаемости, сокращению смертности, определению масштабов замещающей миграции и мер по её регулированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Компоненты изменения численности населения России, 1927–2017. Демоскоп Weekly. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_components.php

2. Демографический ежегодник России – 2017. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm

3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm

Раздел 5.

РОССИЯ В МИРОВОМ МИГРАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Section 5.

RUSSIA IN WORLD MIGRATION SPACE

RUSSIAN ARCTIC: MIGRATORY HUB TO FINNISH AND EU/SCHENGEN BORDERS?[1]

Joni VIRKKUNEN, PhD (admin.), Research Manager, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Joensuu (Finland). E-mail: joni.virkkunen@uef.fi

Minna PIIPPONEN, PhD (human geography), Researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Joensuu (Finland). E-mail: minna.piipponen@uef.fi

Abstract. Our study focuses on the migratory process of Russia and Eurasia by analysing the so-called 'Arctic route' migration to Finland 2015–2016. Russia is a significant country of immigration and transit, and the main hub of migratory movements in Eurasia. The on-going de- and re-bordering processes of Russia and Eurasia have impacts on how borders, immigrant groups and population movements are governed and managed.

Keywords: Arctic route, migrant stories, irregular migration, securities, Europe, Finland, Russia.

РОССИЙСКАЯ АРКТИКА: МИГРАЦИОННЫЙ ХАБ НА ГРАНИЦЕ ФИНЛЯНДИИ И ЕС/ШЕНГЕНСКОЙ ЗОНЫ?[2]

ВИРККУНЕН Йони, доктор наук, научный руководитель, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу (Финляндия). E-mail: joni.virkkunen@uef.fi

ПИИППОНЕН Минна, доктор наук, научный сотрудник Карельского института Университета Восточной Финляндии, Йоэнсуу (Финляндия). E-mail: minna.piipponen@uef.fi

Аннотация. Наше исследование фокусируется на миграционном процессе России и Евразии путем анализа так называемого "арктического маршрута" миграции в Финляндию 2015–2016 гг. Россия является страной иммиграции и транзита, а также основным центром миграционных потоков в Евразии. Происходящие процессы деразграничения и смены границ России и Евразии оказывают влияние на управление границами, группами иммигрантов и перемещениями населения.

Ключевые слова: арктический маршрут, миграционные истории, нелегальная миграция, ценные бумаги, Европа, Финляндия, Россия.

Introduction. Up to 1,756 persons travelled to Finland to apply for asylum through the Russian Arctic between September 2015 and February 2016. In addition to transit migrants, a notable share of the asylum seekers were actually immigrants from the Russian Federation, persons who had stayed in the country as students, labour migrants etc. prior remigrating to Finland. The asylum seekers represented over 30 nationalities and countries of origin, over half of whom were Afghan or African origin.

[1] The study is conducted with support of the Academy of Finland, project numbers 303480, 308914, 309602

[2] Исследование проведено при поддержке Академии Финляндии, проекты № 303480, 308914, 309602

This paper sheds light on the broader migratory process of Russia and Eurasia by analysing the so-called 'Arctic route' migration to Finland 2015–2016 in detail. The starting point to our study is the realisation that Russia is a significant country of immigration and transit. It is one of the main hubs of migratory movements in Eurasia and we argue that the on-going de- and re-bordering processes of Russia and Eurasia have impacts on how borders, immigrant groups and population movements are governed and managed. Besides border management, particularly important for migration are societal and everyday securities, territorial images in social and transnational media and the role of different intermediaries (e.g. smugglers, travel agencies) that are evident in the migratory stories of those who actually are on the move.

During the 'Arctic route' episode, immigrants interpreted their lives and future perspectives in relation to their everyday struggles related to conflicts, religious extremism, corruption and failed governance as well as the information (or disinformation) of both route and the possible destination in Europe. Our research is based on asylum application protocol material of those who applied for asylum in Finland after travelling the 'Arctic route' (1,165 protocols). This material is interpreted in the light of research literature, governmental and non-governmental reports, and communications with migration experts in Russia.

The main results inform us about mixed migration, different phases and the episodic character of migration and policies that propel people to irregular migration and, further, for remigration. This is what partly happened in the case of the 'Arctic route' too. Public discussions and media representations had very little, if anything, about the asylum seekers personal or family backgrounds, their motivations for migration and, particularly, using the Russian north as a route to Finland. As a result, many interpretations of the 'episode' became relatively weak and skewed. In Finland, they had a narrow focus on rigid, traditional, geopolitical interpretations of the changing security environment and the international role of Russia (see e.g. Moe and Rowe 2016). Concerning migration, they left many broader policy relevant factors of the migration without due attention.

Trapped to irregular status in Russia. About 84% of all the immigrant asylum seekers (who lived in Russia prior) joining the 'Arctic route' to Finland were Afghans or immigrants from different African countries. Immigration from these countries to Russia has its roots the Soviet years when the Soviet state participated in developing their technological-industrial ties through education and exchange of specialists but also integrating the countries ideologically and politically [7; 11]. During the recent years, Russia has become a country of possible asylum for the immigrants from a number of different countries.

With the exception of few studies on Chinese, Vietnamese and other non-CIS immigration to Russia [3; 9; 10; 17; 19; 20] literature concerning immigration from outside the former Soviet states are rare [2; 4; 5; 6; 13]. Most of the attention is paid to labour migration and migratory ties with Central Asia and other former Soviet states (CIS and the Eurasian Economic Union) that are key players in Russian migration processes [18]. However, Russia does receive immigrants from other countries as well, e.g. form South East Asia and Middle East. In this study, we concentrate on

the largest group ‘on the Arctic’, Afghans. Despite its diverse history and ethnic backgrounds, this group of third-country immigrants in Russia was less divided than immigrants from African states who represented 13 different nationalities.

The Afghan immigrant in Russia consists of two main groups. Firstly, the ‘old’ Afghan diaspora is formed of individuals with connections to the Soviet history. It developed particularly with the educated elite many of whom studied in Soviet universities and had close relation with the Soviet-minded regime. Many of these – specialists, teachers, lawyers, economists, university professors, former military, engineering and technical workers etc. – were in Russia with their families and, thus, were not able or willing to return to back ‘home’ when the Islamic regimes replaced the Soviet friendly government of Afghanistan in the early 1990’s. [2; 11]. Secondly, military conflicts and the continuing everyday struggles in the contexts controlled by very conservative Islamic culture, including the impact of Taleban, increased the social pressure among ordinary families. Russia has continued to be one of the destination countries within this new context as well. In Russia, some Afghans have found their place in Russian society as legal immigrants. However, majority of them have ended up into a social trap that is determined by obstacles in legalizing their status as labour migrants or refugees.

The main trap lies in Russian immigration and asylum policy, and the discrepancy of the regulations and the actual enforcement practices by authorities. Many scholars and NGO’s, for example, pay attention to a rather good legislation on refugees and temporary asylum in Russia. That fulfils all the international conventions and agreements, including the UN refugee convention, on paper but does not work in practice [1; 2; 12]. Even if prerequisites for a refugee status or temporary asylum are fulfilled, it is very unlikely that an applicant gets a positive decision for asylum request. In addition, processing times are long and possibilities to get information of the procedures meagre in practice. Many, like most of the Afghans in our material, do not even consider Russia as a possible place asylum due to the lack of trust in the Russian asylum policy and the everyday struggles with racism and corruption.

There were only 598 persons with refugee status in Russia at the beginning of 2017, and only 292 of them were Afghans (Rosstat 2018). At the same time, appearance of Ukrainian refugees since 2014 increased drastically the number of persons with temporary asylum, and it was still about 125,400 at the beginning of 2018. Up to 98% of these statuses were granted for Ukrainians, for Afghans 356. This implies that different conflicts and humane crisis seem to contribute to rather different outcomes in Russian asylum policy. The sporadic and uncertain character of the asylum policy in practice is also reflected in the way that the asylum has to be re-applied. As the asylum seekers from the ‘Arctic route’ in our material well express it, this means further uncertainty that often results in negative decision and dropping into the irregularity in a later phase of the stay. Lately, also Ukrainians have been struggling with the renewal of their temporary asylums and the inadequate state support.

For asylum seekers, this uncertainty contributes to the prevailing hierarchies that are experienced as random selectivity of the asylum bureaucracy. It also re-

sults in invisibility and false figures in immigration registers and statistics. A more accurate estimation of Afghans in the country is somewhere between 100,000–150,000, rather than a few hundred or thousand [2]. Besides many everyday difficulties in Russia, Afghan immigrants are extremely concerned of the (experienced or expected) conditions 'at home' characterized by armed conflict, conservative society, ethnic, political and social pressures. From this perspective, there has been 'no alternative' to living at the edge and beyond legality.

Secondary Drivers of Migration from Russia. Based on the asylum seekers' narrated stories of their lives in Russia, we can say that irregularity contributes significantly to variety of secondary drivers of migration. As irregular migrants, foreign citizens are subjected to different forms of vulnerability and exploitation in housing and labour markets. Work in bazars, petty trade and warehouses, distribution of advert leaflets on metro stations, in households, construction sites or transportation is irregular and unregulated. It is also easily influenced by economic downturns.

Precarious lives of irregular immigrants concretises also in difficulties in finding reasonable housing. Property owners are, basically, looking for reliable 'Slavic' tenants, leaving the immigrants to black housing market where rooms are bad quality, crowded and, in many cases, illegal in terms of registration. [21]. Registration is not only a formal requirement determined by law but also a very practical matter influencing the migrants' access to health care and in children's acceptance to school. For many Afghan immigrants, many of whom lived in Russia for decades, these family and children related matters turned out to be some of the key factors behind remigration. Many of the children were born and raised in Russia but still lack possibilities for future and legal stay in the country.

The second expressed concern behind remigration was everyday and institutional racism. Persons who are 'recognised' as immigrants due to their appearance are often exposed to xenophobia and to structural corruption. In this case, it does not matter why you are in the country, where you are from, or are you even a Russian citizen. The slogans 'Slavs only' in campaigns advertising and mediating apartments illustrate such racist everyday practices in the country. Even more frustrating seems to be the constant on-the-street checks of the documents conducted by the police. Combined with an open demand for bribe, these were experienced not as a control of legal stay but, rather, as a representation of racist and corrupt practises among the police and among Russian authorities in general. In other words, the constant checks and demands for money by authorities created a general distrust to the state. Some NGOs use a fair amount of their work for advising and training immigrants for encountering the police and talking to them on the street.

The third main element behind remigration was a pull factor related to globalisation and the increased use of new ICT technologies: Transnational media and the Internet. Most of the Afghan, and other, immigrants using the 'Arctic route' gained their information about the route through different media sources that in many cases were transnational and shared in social media networks by cell phones. News about the route spread extremely quickly around the world and mixed rumours of 'open borders' in the North. In a way, they started to live life of their own creating an information landscape within which third country citizens,

such as the Afghans, used in their interpretations and strategic life choices in Russia. For them, the 'open border' – no matter if this information was correct or a rumour – meant a possibility to relocate to a context where 'normal' life characterized by safety, employment and access to basic services such as education and health care was finally possible.

Routes and Transiting to and through Russia. Asylum seekers considered Russian and the Arctic as safe and well-functioning routes to the European Union, especially in comparison to the overcrowded and unsafe boats of the Mediterranean and Balkan routes. An implication of this was that up to 45% of the asylum seekers using the Arctic travelled with family members and 1,165 application protocols listed, up to 322 (27,6%) were accompanying children (under 12 years). Despite strong prejudices among the Finnish general public, only very few 'single young men' of Afghan origin came to Finland during the 2015–2016 'refugee crisis'.

In Russia, the route run through Moscow and Murmansk that functioned as hubs to the two Northernmost border stations of the Russian-Finnish border. Most of the transit migrants flew to Moscow and further to Murmansk. Only a few flew to St. Petersburg or used train or other means of transportation during their travel. Yet, smuggling networks and corrupt practices were reflected in the way that Central Asian and Southern Russian borders turned out porous and 'open' for illegal migration traffic by car to and through Russia. Overall, the role of facilitators that varied from 'ordinary' travel agencies to diverse smuggling networks along the route was significant. They mediated the information about possible destinations to the migrants and, significantly, assisted in the practical organisation of the journeys both to Russia and, in the North, to the Finnish borders.

In many cases, the asylum seekers that used Russia as the country of transit had less agency in terms of their travel and destination than immigrants with long-term experience in the country. For many of them, the desired destination was not Finland or 'the Arctic' but Sweden or Central Europe that were more known in terms of their asylum policy. When the rumours about the 'open' border spread among smugglers and among the migrant communities in traditional and social media, both the attention and the 'migration wave' turned to the North. At this point, the agency of migrants varied greatly. Where as many were able to organize their tickets from Moscow to Murmansk and to the Finnish border themselves, with only a few hundred euros for the smugglers in Murmansk, others travels and destinations were determined by the smugglers altogether. Some transit migrants used full service packages through Russia to the West, and paid up to 100,000 euros for the family. Some of them were not stopped even once by Russia (or other) border authorities before the Russian-Finnish border in the North.

Due to very different backgrounds and capacities among the migrants, the time used for the journey varied greatly. Whereas the trip of transit migrants could take weeks or months, with stops and waiting on the way, some applied for e.g. a tourist visa to Russia, bought their flight tickets themselves and reached the EU/Schengen border in the North in only 3–4 days. In Murmansk, everybody needed a person with local knowledge, a 'smuggler' or a 'driver' who would assist in getting a deportation order, buying a bicycle (or later a car) and getting to the

actual border where the first encounters with Russian border authorities took place. In Murmansk and in Kandalaksha (a small municipality close to the border), local businesses and facilitators were offering their services very openly. For them the asylum traffic was a source of income [15].

Conclusions. The article looks at the Russian migratory processes through the 'Arctic route' episode 2015–2016. We argue that an in-depth assessment of the episode requires a certain understanding of the Russian migration policies and its enforcement, understanding broader societal changes producing irregularities of (im)migration and, significantly, listening the stories of (im)migrants who actually used the route. The 'Arctic route' to Finland/EU/Schengen was used both by migrants who had stayed in Russia for years (including Afghans) and by 'transit migrants' who used Russia as the country of transit. Even though only very few citizens from the former Soviet space used the route, the geographic context of processes include neighbouring regions of the former Soviet Union – Central Asia, Ukraine and Belarus in particular – and broader context of international relations.

Contexts within which immigrants and transit migrants interpret and create hopes for their everyday lives, (re)migration and routes is diverse. It is guided by rumours, traditional and social media sources and, increasingly, transnational media landscapes that constantly produces images of Russia, Europe and, in this case, of Finland. In today's media sphere that is both political and extremely unstable – characterized by a great confusion of 'real' and 'fake' news content – these representations and images can well be guided and, in some cases, manipulated.

Migratory processes on the 'Arctic', as well as in today's globalised world in general, are usually mixed in terms of routes, migrant groups and regional scopes. Migratory movements from/through Russia and the nature of the 'Arctic route' cannot be explained by economic or geopolitical factors only. They are results of more complex sets of fragmented journeys getting their impetus in everyday lives of migrants, migrant agency, opening opportunity structures and support [8]. Understanding those requires a more nuanced consideration of security and security environment, which recognises different layers of security from state and border security to everyday security of the migrants.

REFERENCES AND SOURCES

1. Буртина Е.Ю., Коростелева Е.Ю., Симонов В.И. Россия как страна убежища. Доклад об исполнении Российской Федерацией Конвенции о статусе беженцев 1951 года, Москва, 2015. [Electronic resource]. Access mode: https://memohrc.org/sites/default/files/rossiya_kak_strana_ubezhishcha_source.pdf

2. Иванова Т. Есть ли будущее в России у афганских беженцев // Отечественные записки. 2004. No 5. [Electronic resource]. Access mode: http://www.strana-oz.ru/2004/5/est-li-budushchee-v-rossii-u-afganskih-bezhencev

3. Рязанцев С. В., Маньшин Р. В., Нгуен К. Т. Сравнительный анализ вьетнамской и китайской миграции в Россию // Миграционное право. 2013. No 1. PP. 5–10.

4. Boltovskaya S. African Communities in Moscow and St. Petersburg – Issue of Inclusion and Exclusion. In Gdaniec, C. Cultural Diversity in Russian Cities. The Urban Landscape in the Post-Soviet Era. – New York: Berghahn books, 2010. PP. 94–114.

5. Bondarenko D. African Migrants in the Soviet-era Moscow: Adaptation and Integration of Socio-Political Transformations // Journal of African Migration. 2017. No 9. PP. 34–71.

6. Bondarenko D., Googueva E., Serov S., Shakbazyan E. Post-socialism Meets Postcolonialism. African Migrants in the Russian Capital // Anthropological Journal of European Cultures. 2009. 18(2). PP. 87–105.

7. Chudinovskikh O., Denisenko M. Russia: A Migration System with Soviet Roots, Migration Policy Institute, 2017. [Electronic resource]. Access mode: https://www.migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots

8. Crawley H., Düvell F., Jones K., McMahon S., Sigona N. Unvravelling Europe's 'Migration Crisis'. Journeys over land and sea. – Bristol: Policy Press, 2018. 183 p.

9. Dixon M. Is Chinese Space 'Chinese'? New Migrants in St. Petersburg. Gdaniec, C. Cultural Diversity in Russian Cities. The Urban Landscape in the Post-Soviet Era. – New York: Berghahn books, 2010. PP. 21–49.

10. Horie N., Grigorichev K. The Evolution of Chinese Markets in Siberia: Re-building Chineseness and Opening Closed Locality. In Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place. – Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State University, 2015. PP. 141–158.

11. Ivakhnyuk I. Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development, United Nations Development Programme, Human Development Reports Research Paper, 2009. [Electronic resource]. Access mode: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/19196/1/MPRA_paper_19196.pdf

12. Litvinova D. Russia's Refugees: They Picked the Wrong Country // The Moscow Times, 14.10.2016. [Electronic resource]. Access mode: https://themoscowtimes.com/articles/they-picked-the-wrong-country-55702

13. Matusevich M. Journeys of Hope: African Diaspora and the Soviet Society // African Diaspora. 2008. No 1. PP. 53–85.

14. Migratsiya, Rosstat, 2018. [Electronic resource]. Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

15. Mikhailova K. Are Refugees Welcome to the Arctic? – Perceptions of the Arctic Migrants at the Russian-Norwegian Gorderland. In Besier G., Stoklosa K. How to Deal with Refugees? Europe as a Continent of Dreams. – Zürich: Lit Verlag, 2018. PP. 183–200.

16. Moe A., Rowe L. Asylstrømmen fra Russland til Norge i 2015: Bevisst russisk politik? // Nordisk Østforum. 2016. No 2. PP. 80–97.

17. Pismennaya E, Karabulatova I., Ryazantsev S., Luk'yanets A., Manshin, R. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a Factor of Transformation of Geopolitical Relations // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. No 3 S2. PP. 202–207.

18. Ryazantsev S. Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis // Valdai Papers # 55, 2016. [Electronic resource]. Access mode: http://valdaiclub.com/files/11628/

19. Ryazantsev S. Chinese Migration and Chinese Diaspora in Russia, MPC Research Report, 2014, No 1. [Electronic resource]. Access mode: http://www.migrationpolicycentre.eu/

20. Ryazantsev, S.V., Hunmei J. Chinese migration in Russia: trends, consequences and approaches to regulation. – Moscow: “Ekonomicheskoe obrazovanie”, 2010. 147 p.

21. Ryumin A. One Man's Fight Against Slavs-Only Apartment Rentals in Moscow. The Moscow Times 27.2.2018. [Electronic resource]. Access mode: https://themoscowtimes.com/articles/one-man-pushes-back-against-slavs-only-renting-discrimination-60632

THE INTERPENETRATION OF MIGRATION AND TOURISM: THE CASE OF RUSSIAN-SPEAKING TOURISM IN NHA TRANG, VIETNAM[1]

Kenichi OHASHI, PhD, Professor, Rikkyo University, Tokyo (Japan). E-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Abstract: The purpose of this paper is to explore the interrelationship between tourism and migration by the case study on Russian-speaking tourism phenomena observed in Nha Trang, Vietnam. The case challenges us to reexamine our static interpretations of tourism/migration concepts and to focus on the interpenetration of them. This paper tries to educe the multiple intermediate forms of human mobility that go beyond the simple framework of binominal confrontation between tourism and migration.
Keywords: Tourism, Migration, Russian-speaking tourism, Nha Trang, Vietnam.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТУРИЗМА И МИГРАЦИИ: ПРИМЕР РУССКОЯЗЫЧНОГО ТУРИЗМА В НЯЧАНГЕ (ВЬЕТНАМ)

ОХАШИ Кеничи, доктор наук, профессор, Университет Риккио (Токио, Япония). E-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Аннотация. Целью данного исследования является изучение взаимодействия туристических и миграционных потоков на примере русскоязычного туризма, наблюдаемого в Нячанге во Вьетнаме. Этот пример заставляет нас пересмотреть наши статичные интерпретации концепций туризма/миграции и сосредоточиться на их взаимозамещении. В данной работе предпринимается попытка сократить множественные промежуточные формы мобильности людей, выходящие за рамки простого двоичного противопоставления туризма и миграции.
Keywords: Tourism, Migration, Russian-speaking tourism, Nha Trang, Vietnam.

Introduction. The movements of people have become much more diverse phenomena than ever before in contemporary globalized world. The innovations in transport technology dramatically increased the intensity and speed of global flows of people. Now people move more frequently, multi-directionally, easily, inexpensively and casually on the globe. This trend of global mobility of people is exposed clearly and symbolically in an increase of international tourist arrivals. According to the United Nations World Tourism Organization (UNWTO), international tourist arrivals grew to 1,326 million in 2017 and UNWTO forecasts international tourist arrivals to reach1.8 billion by 2030 [7]. The volume and impacts of mobility shown by these figures are not negligible. Today, tourism has become one of the important aspects to discuss on the global movements of people. Along with

[1] The study was conducted with support from JSPS KAKENHI, Grant Number 16K03237

that, static interpretations of the concepts of "tourism" and "migration" traditionally applied are also urged to reexamine for more flexible and dynamic understandings on the phenomena.

The purpose of this paper is to explore the interrelationship between tourism and migration and to examine the interpenetration of tourism and migration in contemporary context based upon the realities found in the case study on Russian-speaking tourism phenomena in Nha Trang, Vietnam. The complex social and political contexts that have been generated historically from the relationships between Vietnam and Russia or the former USSR produced Russian-speaking tourism economy and tourist enclave in Nha Trang, and Nha Trang has become a node of mobility for Russian-speakers who have various different forms of mobility that go beyond the static conceptual frameworks of "tourism" and "migration". This paper tries to examine the linkage between tourism and migration and educe the multiple intermediate forms of human mobility.

This study is based upon the qualitative data collected from the field observations and interviews, along with the investigations of secondary data and information obtained mainly from government offices, travel companies and news reports. The field observations were conducted in Nha Trang intermittently between December 2015 and March 2018 for about two months in total. Additionally, the interview with a travel company in Russia was made in Moscow in June 2017, and the interviews with several Russian tourists at home were made in Vladivostok in August 2017.

The increase of Russian tourists in Nha Trang. Nha Trang, the capital city of Khanh Hoa province located in southern Vietnam, has been seen as one of the best beach resorts in Vietnam since its first development as a resort for colonial officials during the French colonial period. After the Vietnam War, Nha Trang also served as a resort for high-level officials of the socialist government. Since the introduction of economic reforms known as "Doi Moi" in 1986, tourism development has been accelerated in Nha Trang. Nha Trang is now a major tourism destination in Khanh Hoa province, and the province received more than 4.5 million tourists, both domestic and international, in 2016.

Table 1.

Tourist Arrivals from Russia

Year	Khanh Hoa Province*	Vietnam**
2009	19,958	
2010	29,663	
2011	34,317	
2012	82,992	174,287
2013	148,932	298,334
2014	238,334	364,873
2015	229,210	338,843
2016	273,809	433,987

* *Source:* Department of Tourism, Khanh Hoa Province People's Committee [1].
** *Source:* Vietnam National Administration of Tourism [8].

Since around 2010, the number of tourist arrivals from Russia to Nha Trang gradually started to increase, and the sharp increase has been observed especially after 2012. According to the statistical data prepared by the Department of Tourism, Khanh Hoa Province People's Committee, the number of tourist arrivals from Russia to the province reached 273,809 in 2016, and this number accounts for more than 60% of the total number of tourist arrivals from Russia to Vietnam in the same year (433,987). The number of tourist arrivals from Russia to the province in 2016 remarkably increased more than 9 times of the number counted in 2010 when the increase of tourists from Russia started (Table 1).

The factors for rapid increase of Russian tourists in Nha Trang. The primary and direct factor of this rapid increase of Russian tourists in Nha Trang is new business policies adopted by major travel companies in Russia in the early-2010s. Since the mid-2000s, one of the major travel companies in Russia established their business base in Thailand and they started some studies to develop their market in the region [3]. However, more direct factor for Russian travel companies to adopt new business policies to send their clients to Nha Trang was related to international political situations. Between 2010 and 2012, a series of anti-government protests, uprisings and armed rebellions spread across North Africa and the Middle East. This so-called the "Arab Spring" made difficult for Russian travel companies to send their clients to the popular holiday destinations among the Russians such as Tunisia and Egypt. Those companies discovered Nha Trang as an alternative destination with good beaches, which is one of the most important attractions for Russian holidaymakers, and started to send their clients by direct charter flights from several Russian cities to Nha Trang. The rapid increase of Russian tourists in Nha Trang has been mainly brought by this mass tourism system. Additionally, decline of the Russian Rubles, low performance of Russian economy, travel restrictions to Turkey and Egypt in 2015 also helped to increase the numbers of Russian tourists to Nha Trang.

There exist some other factors to develop Russian tourism in Nha Trang. Since the first establishment of diplomatic relationship in the time of the Soviet Union, Vietnam and Russia have maintained a close and strong diplomatic relationship. This special relationship has created some unique conditions and environments that support the recent development of Russian tourism in Nha Trang. One of the conditions that helped the development of Russian tourism in Nha Trang well in very practical level is the Vietnam government's immigration policy to exempt Russian tourists from visa requirement for a short-term stay within 15 days. After the introduction of this policy in 2009, the number of Russian tourist arrivals to Vietnam clearly increased. Additionally, as a historical environment underlying the familiarity or interests of Nha Trang among the Russians, it is worth for us to remember that the naval port of Cam Ranh near Nha Trang was leased and used by the Pacific Fleet of the Soviet and the Russian Navy between 1979 and 2002 as the largest naval base outside of the country, and many Soviet and Russian naval personnel frequented to and stationed in Cam Ranh. This helped for the Russians to be familiar with the name of Cam Ranh or Nha Trang and created their interests for travel to Nha Trang to some extent.

Russian tourist enclave in Nha Trang. The rapid and massive increase of Russian tourists in Nha Trang brought the accumulation of businesses and services for Russian tourists in the central part of Nha Trang city, and this forms a tourist enclave for the Russians.

In the central part of Nha trang city, at the small area of about 0.12 square kilometers, surrounded by Tran Phu Street, the city's main street facing to the beach, Hung Vuong Street and Nguyen Thien That Street, we can observe the accumulation of many hotels, guest houses, restaurants, cafes, tour agents, souvenir shops and other service facilities. Most of them are doing their business mainly for Russian tourists. Within this area, the special environment that makes possible to stay mostly only speaking in Russian is available. Many shops display signs in Russian and many restaurants prepare their menus in Russian. There are many store staffs, waiters and waitresses who speak Russian working in this enclave.

Some of the shops, restaurants, cafes and tour agents in the enclave are owned and managed by the Russians or other Russian-speaking people from the former USSR republics. The rapid and massive growth of Russian tourism in Nha Trang has prepared many business chances for both locals and Russian-speakers.

Various forms of mobility among Russian-speakers in Nha Trang. The backgrounds of the store and restaurant staffs that speak Russian are diverse. There are some local Vietnamese who try to learn and use Russian language to do business with Russian tourists, but there are also many people who came to Nha Trang to do business for Russian tourists from the countries that constituted the former USSR such as Ukraine, Belarus, Armenia, Georgia, Kyrgyz and Tajikistan. What they have in common is their abilities to speak Russian language. The rapid increase of Russian mass tourists in Nha Trang has generated the demand for communication amenity in Russian language, and this demand has created the opportunities of migration for employment and inauguration of business for Russian-speakers.

It is also very important to point out that there exists another type of people who are doing business and providing services to Russian tourists by speaking Russian language. They are the returnees who migrated from Vietnam to the former USSR and Russia as contract workers. In the 1980s, more than 100,000 Vietnamese workers in total were sent to the then USSR because of the labor shortage in the USSR, the surplus of labor in Vietnam after the war and Vietnam's trade deficit accumulation with the USSR [2,p.14]. Some of those workers continued to stay and work in Russia and other former USSR republics after the collapse of the Soviet Union, and they have been playing important roles in the social and economic link between Vietnam and Russia since then. Some of these Vietnamese returnees from Russia are also active in the Russian tourist enclave in Nha Trang by mobilizing their Russian language skills as cultural capital. For example, a middle aged Vietnamese woman from Hai Phong used to manage 3 shops at the bazaar in a city of western Siberia came back from Russia to Vietnam by her brother's request to be the manager of the restaurant opened by him in the enclave. She utilizes her Russian language and business communication skill developed in her business in Russia to manage her restaurant.

As mentioned above, the vast majority of Russian tourists to Nha Trang are so-called mass tourists who purchase packaged tours organized by major travel companies. They spend their holidays in Nha Trang as long as the period of visa exemptions allows, but the length of their stay is relatively short and they are basically temporary visitors. However, there exist other types of Russians who repeat the trips to Nha Trang many times, or change short trips to long-term stay. The prime attraction of Nha Trang for the majority of Russian tourists is inexpensive winter resort. There are some Russians who stay for long-term in Nha Trang during whole winter season to escape from the severe cold of Russia and return to Russia for summer season. In such cases, it is difficult for us to distinguish tourism from migration clearly as practice and we have to identify very mobile and contiguous form of travel and sojourn. Additionally, among the Russian speakers who work for the tourism sector to support the Russian tourism in Nha Trang, there are some people who take Nha Trang as just a waypoint of their journeys of career development, and wander many different resorts for the Russians all over the world. Nha Trang is a node of mobility for such Russian-speakers who have mobile and contiguous forms of travel and sojourn.

Conclusion: Linkage of tourism and migration in Nha Trang. The linkage of tourism and migration elicited from various forms of mobility observed in the case of Russian-speaking tourism phenomena in Nha Trang might be tentatively classified into the following five patterns, namely, a) mass tourists, b) frequent travelers, c) long-term sojourners, d) tourism labour migrants, e) tourism business migrants. However, it is extremely difficult for us to classify them into the fixed patterns based upon certain criteria such as purpose, length of stay, legal status and so on. A movement of people in a pattern easily transforms into another pattern, and patterns are interconnected. For example, there are a lot of Russian-speaking migrant workers in tourism sector of Nha Trang who firstly came to Nha Trang as tourists or visitors for pleasure, and some of them are readily quit their jobs and move to other places. Tourism and migration are interpenetrated in a series of movements or process as actual practice in this context. In this sense, those classified patterns themselves are actually fluid and mobile in nature.

When people move more frequently, multi-directionally, easily, inexpensively and casually on the globe, this fluidity must increase and the interpenetration of tourism and migration proceeds further and escalate. Especially, in the case of Russian-speaking tourism in Nha Trang, the fluidity of Russian political and economic situations and the fluidity of tourism business affect the fluidity of people and accelerate the mobility of people. The inquiries on the linkage of tourism and migration will open up a new approach to our understanding on the movements of people in contemporary world.

REFERENCES AND SOURCES

1. Department of Tourism, Khanh Hoa Province People's Committee. [Electronic resource]. Access mode: http://en.khanhhoa.gov.vn/vi/department-of-tourism

2. Lukyanetz, A. S., Nguyen C. T., Pismennaya, E.E., Ryazantsev, S.V., Tikunov, V.S. and Pham, H.H. Vietnamese Migration in the Context of Climate Change. Geography Environment Sustainability 7(3), 2014. pp.4–21.

3. Mishukova, D., Abdullah Cankaya: Vietnam-Russia tourism at a glance. Business &Leisure. [Electronic resource]. Access mode: http://business-leisure.ru/interview-pegas-touristik-vietnam/?lang=en&lang=en (Accessed:October 31, 2018)

4. Ohashi, K., The Emergence of Russian Speaking Tourism Economy in Nha Trang, Vietnam: A Preliminary Study on the Social-Political Contexts.Critical Issues for Sustainable Tourism Development in South East Asia. Hanoi: Vietnam National University Press. 2017. pp.95–103.

5. Ohashi, K., Contemporary Development of "Socialist Mobilities": Focusing on the Relations between Vietnam and the Former USSR/Russia. K.Kurita(ed.) Mobility and Migration. Kyoto: Showa-do. 2018. pp.89–113. [in Japanese]

6. Pouille, J. 250,000 Russian budget tourists hit Vietnam's beaches. Costa del Cam Ranh. Le Monde Diplomatique English edition, August 2014. [Electronic resource]. Access mode: http://mondediplo.com/2014/08/12russiavietnam (Accessed: October 31, 2018)

7. UNWTO. UNWTO Tourism Highlights:2018 Edition. Madrid: United Nations World Tourism Organization, 2018.

8. Vietnam National Administration of Tourism. [Electronic resource]. Access mode: http://vietnamtourism.gov.vn/english/

НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ[1]

ВАН Сяоцзюй, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории России и стран Восточной Европы Института всеобщей истории Китайской академии общественных наук, заместитель председателя Китайского общества по изучению истории СССР и стран Восточной Европы, Пекин (КНР). E-mail: kaja_65@139.com

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: riazan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ресурсные и экономические особенности Азиатской России. Характеризуется демографический потенциал региона. Рассматривается роль проекта "Один пояс – один путь", который будет активно содействовать улучшению транспортной, энергетической, социальной инфраструктур, строительстве высокоскоростных железных дорог, а также освоени. Арктики, полномасштабно продвигать грандиозное освоение Сибири и Дальнего Востока. Высказывается идея о возможности превращения Азиатской России в привлекательные территории с удобным транспортом, благоприятными условиями жизни и работы при общих усилиях Китая и России.

Ключевые слова: Россия, Азиатская Россия, Сибирь, Дальний Восток, Китай, китайско-российские отношения, экономический пояс Шёлкового пути, Морской шёлковый путь XXI века.

TRENDS AND PROSPECTS OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN DEVELOPMENT OF BORDER REGIONS[2]

Xiaoju WANG, doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of history of Russia and Eastern Europe of the Institute of General history of The Chinese Academy of social Sciences, Deputy Chairman of the Chinese society for the study of the history of the USSR and Eastern Europe, Beijing (China). E-mail: kaja_65@139.com

Sergey V. RYAZANTSEV, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, head of the Department of demographic and migration policy, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: riazan@mail.ru

Abstract. The article discuss the resource and economic features of Asian Russia. The demographic potential of the region is characterized. There considered the role of the project "one belt – one road", which will actively contribute to the improvement of transport, energy, social infrastructure, construction of high-speed Railways , as well as the development of the Arctic, fully promote the grandiose development of Siberia

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ-КАОН № 16-23-21003-а(м)

[2] The study was supported by RFBR-KAON project (grant № 16-23-21003-a(m)

and the Far East. Suggested the possibility of developing the Asian part of Russia in an attractive location with convenient transportation, favorable conditions of life and work with the joint efforts of China and Russia.
Key words: Russia, Asian Russia, Siberia, Far East, China, Chinese-Russian relations, Silk Road economic belt, sea Silk Road of the XXI century.

Под термином "Азиатская Россия" понимается территория России, расположенная за Уралом, т.е. Западная и Восточная Сибирь, а также Дальний Восток. Это огромный регион от Уральских гор на Западе до берегов Тихого океана на Востоке, который занимает три четверти всей территории Российской Федерации. Также здесь сосредоточено три четверти всех природных ресурсов России, в том числе 90% угля, 70% леса, 60% гидроэнергетических ресурсов, огромные запасы нефти, газа, электроэнергии, золота и серебра.

Азиатская Россия является многонациональным регионом. И хотя подавляющее большинство населения здесь – русские, но живут представители различных этнических меньшинств (украинцы, белорусы, буряты, якуты, татары и т.д.). После распада СССР в 1991 г., разрыв в уровне жизни между жителями восточных и центральных регионов России усилился. Глубокий контраст между природными богатствами и уровнеми жизни населения, заметно уступающим европейским районам России, вынуждает мноних жителей уезжать из восточных регионов. Миллионы людей навсегда оставили этот край. Данный факт беспристрастно зафиксировали Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг. Из-за социально-экономических трудностей реформенного периода, в Азиатской России наблюдается сокращение численности населения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Азиатской России проживает около 30 млн. человек, что составляет около 1/5 от общего населения Российской Федерации.

Азиатская Россия имеет очень важное геополитическое положение. Более 250 лет назад, "отец" русской науки Михаил Васильевич Ломоносов говорил, что "Российское могущество будет прирастать Сибирью…". На сегодняшний день, несмотря на то что Азиатская Россия все-таки по экономическим показателям является относительно отсталым регионом, но особо важное значение она приобретает в системах безопасности России и во всем мире (экологической, территориальной, демографической, экономической и социальной). Сибирь и Дальний Восток, имея уникальные запасы природных ресурсов и крупнейший научно-гуманитарный потенциал, являясь важным стратегическим регионом для развития России в XXI веке, а также находясь на Великом Шелковом пути, уже сейчас постепенно становится опорой для реализации российской идее о сильном государстве, а также одной из наиболее перспективно развивающихся территорий планеты. Ни одной другой регион не может сравниться с Азиатской Россией по масштабам и значению. Роль и место России в мире в значительной степени будет определяться результатами освоения Сибири и Дальнего Востока.

На протяжении многовековых российско-китайских отношений, Сибирь и Дальний Восток были как мостом сотрудничества, так и ареной конкуренции. Обмен и сотрудничество между двумя странами в таких областях, как торговля и экономика, рабочая сила, энергетика, наука и технологии, гуманитарное сотрудничество и культура, образование, строительство объектов транспортной инфраструктуры и многие другие сферы, в заначительном мере происходили именно в Азиатской России, или были тесно связаны с этой территорией. После перемен в СССР и странах Восточной Европы, стратегическая позиция Сибири и Дальнего Востока возросла в связи со сложной международной обстановкой и неустойчивым экономическим развитием. И все более заметную роль и значение играет Азиатская Россия в современных российско-китайских отношениях.

Остановимся на некоторых настоящих и перспективных аспектах российско-китайских отношений в приграничных районах.

Во-первых, ***взаимное обогащение опытом освоения содействует развитию отстающих регионов обеих стран.*** Большой опыт в освоении Сибири и Дальнего Востока накоплен Россией, особенно во время Советского Союза, какой период ознаменовались выдающимися достижениями в освоении Азиатской России. Для китайских провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, примыкающих к Азиатской России важное практическое значение имеет российский опыт в области охраны окружающей среды, экологии, развитии городской среды, а также науки и культуры, образования. Китаю следует уделять большее внимание успешному опыту России в освоении и развитии Азиатской России. В то же время Китай имеет богатый опыт в области финансово-экономического развития, строительства инфраструктуры, обустройства переселенцев в процессе освоения и активизации старой промышленной базы Северо-Востока страны. Этот опыт мог бы быть полезен России.

Во-вторых, ***значительное расширение научно-гуманитарных обменов может способствовать совместному расширению научных инновационных возможностей обеих стран.*** Сибирь и Дальний Восток известны во всем мире сильными научными потенциалам. Здесь функционирует крупнейшее научное учреждение – Сибирское отделение РАН, которое в своем составе имеет такие направления как естественные науки, общественные науки и гуманитарные науки, и является крупным комплексным научным центром. Сибирское отделение РАН сыграло важную роль в освоении и развитии Сибири. По словам академика Николая Добрецова: “Нет у России будущего без науки, а у российской науки нет будущего без Сибирского отделения РАН”. Также Дальневосточное отделение РАН является крупным и известным научным комплексом, включающим научные центры во Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском, Магадане, Благовещенске, Южно-Сахалинске, отдельные институты работают в Биробиджане и Анадыре. В настоящее время в составе ДВО РАН работает около 7500 человек, в том числе 2500 научных сотрудников. В Азиатской России есть знаменитые университеты, например, Томский государственный университет, Новосибирский государственный университет, Сибирский федеральный универси-

тет, Дальневосточный федеральный университет, Амурский государственный университет, Якутский государственный университет.

В свою очередь, Китайская Академия общественных наук (КАОН) является крупной научной организацией и комплексным научным центром КНР в области общественных наук. Она поддерживает достаточно высокий уровень науки в области философии, экономики, социологии, истории, археологии, литературы, лингвистики, этнографии. В настоящее время в составе КАОН работает более 4200 человек, среди них более 3200 научных сотрудников. Полагаем, что надо уделять большое внимание гуманитарному взаимодействию и практическому сотрудничеству между КАОН и научными учреждениями и университетами в Азиатской России в различных формах, в том числе обменам учеными, проведению совместных исследований, обменам студентами для долгосрочного обучения за рубежом, проведению двусторонних и многосторонних академических семинаров, приглашению ученых для чтения лекций и другим формам.

В-третьих, ***необходимо воспользоваться уникальной возможностью, предоставляемой проектом Шелкового пути для развития совместными усилиями приграничных районов Азиатской России и Китая.*** В 2013 году, во время государственного визита в страны Центральной и Юго-Восточной Азии, Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул грандиозную инициативу по совместному созданию "Экономического пояса Шёлкового пути" и "Морского шёлкового пути XXI века" (инициатива "Один пояс – Один путь"). В последние годы данная инициатива вдохнула новую жизненную силу во внешние отношения Китая, прежде всего, в китайско-российские отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства. В рамках проекта "Один пояс – Один путь" китайско-российские отношения получают еще более широкие перспективы развития. Русь была важным государством на древнем Шелковом пути. В настоящее время Россия как добрый сосед, большой друг и надежный партнер Китая, бесспорно, является ключевой страной, расположенной на пути реализации проекта "Один пояс – Один путь". Данный проект непременно станет важнейшим историческим шансом для дальнейшего развития Азиатской России.

Проект "Один пояс – один путь" будет активно содействовать улучшению транспортной, энергетической, социальной инфраструктуры, включая реконструкцию Транссиба (Транссибирской магистрали) и Байкало-Амурской магистрали, строительство высокоскоростных железных дорог, а также освоение Арктики, полномасштабно продвигать грандиозное освоение Сибири и Дальнего Востока.

Благодаря совместным возможностям и обоюдному желанию КНР и Российской Федерации, в ближайшей перспективе возможно превращение Сибири и Дальнего Востока и приграничных регионов КНР в привлекательные территории с удобным транспортом, благоприятными условиями жизни и работы, что может представлять яркий пример совместного сотрудничества в освоении приграничных территорий двумя странами-партнерами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Сяоцзюй, Рязанцев С.В., Медведь В.А., Филатов И.А. Русскоговорящие сообщества в Китае: расселение, социально-демографическая структура, самоорганизация // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2017, № 6. – С. 23–34.

2. Международная научная конференция “Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)” // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017, № 1. – С. 117–121.

3. Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г. “Русскоговорящие общины” и “русскоговорящая экономика” в странах Юго-Восточной Азии // Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции “Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран” (Москва – Ставрополь, 13–18 октября 2015 года) / Под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева. – М.: Экон-информ, 2015. – С. 459–464.

4. Сигарева Е.П. Демографические аспекты рекламы // Наука. Культура. Общество. – 2016, № 2. – С. 119–131.

ПРОГРАММА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В РОССИЮ НА ПРИМЕРЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

МАЛАШЕНКОВА Ангелина Александровна, студент МГИМО МИД России**,** Москва (Россия). E-mail: angelina9909@mail.ru

Аннотация: в статье будет дан обзор Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом на примере старообрядческих диаспор из Латинской Америки. Будут рассмотрены основные сведения о Программе, ее исполнителях и правом статусе лиц. Статья опирается на данные из истории переселения старообрядцев в Латинскую Америку. Особое внимание уделяется оказанию помощи старообрядцам при переселении.
Ключевые слова: государственная программа, переселение соотечественников, старообрядческая диаспора, Дальний Восток, Латинская Америка.

RUSSIAN COMPATRIOT RESETTLEMENT PROGRAM AS EXAMPLIFIED BY THE OLD BELIEVER DIASPORAS FROM LATIN AMERICA

Angelina A. MALASHENKOVA, student, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: angelina9909@mail.ru

Abstract. The article focuses on the National program on assistance in the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation as exemplified by the old believer diasporas from Latin America. There will be described the main statements of the Program, its actors and their legal status It also concentrates the legal mechanism of the program support in the Russian Far East. The article will cover the history of old believers' resettlement to Latin America. Special focus will be on the providing support to the diasporas.
Key words: national program, compatriots resettlement, old believer diaspora, Far East, Latin America.

Введение. Миграционная политика России на сегодняшний день является важной составной частью управленческого процесса на государственном уровне. Анализ развитости регионов, оценка их социально-экономического положения представляют собой основу для выявления и дальнейшего следования механизмам управления в сфере миграции. Субъекты, осуществляющие государственное управление в стране, в частности, реализующие миграционную политику, нацелены на создание эффективных программ, обеспечивающих законное пребывание мигрантов и приобретение гражданства лицами, желающими закрепиться в Российской Федерации на постоянной основе.

Одной из таких программ является Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

По официальным данным МВД Российской Федерации о сведениях о миграционной ситуации в РФ на период с января по сентябрь 2018 года было зарегистрировано 192 270 случаев приобретения российского гражданства. Причем наблюдается тенденция роста, так как на период с января по сентябрь 2017 года данное число составляло 184 901 [9].

Общие положения и правовое обеспечение Государственной программы. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, была запущена и утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. [10]. На базе данной программы был сформирован новый организационно-правовой механизм по возвращению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом.

Данная программа действует и реализуется в соответствии с федеральными законами: «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [12], «О гражданстве Российской Федерации» [14], «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [13]; Актами Президента и Правительства, международными договорами.

Помимо вышеперечисленного, основу для проведения и реализации миграционной политики России составляет Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [4]. Согласно данной концепции, миграционные процессы играют значительную роль в социально-экономических процессах государства. За счет миграционных ресурсов в Российской Федерации компенсируется естественная убыль населения. Таким образом, миграция на сегодняшний день является одним из важнейших источников накопления человеческого капитала. Программа по содействию в переселении соотечественников, проживающих за рубежом призвана обеспечить своевременную адаптацию граждан и ускорить процесс получения ими статуса гражданина и паспорта РФ. Исходя из этих соображений, Государственная программа является неотъемлемой частью миграционной политики РФ.

За реализацию и содействие в Государственной программе отвечает определенный круг исполнителей. В общем виде можно представить следующий список: Федеральная миграционная служба (координатор), ныне: Главное управление по вопросам миграции МВД РФ; МИД РФ; Министерство регионального развития Российской Федерации; Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации; Министерство внутренних дел Российской Федерации; Министерство финансов Российской Федерации; Федеральная служба безопасности Российской Федерации; Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков; Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству [6].

Важно отметить, что деятельность вышеперечисленных органов осуществляют свою деятельность не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. Наиболее активную роль в исполнении положений Программы за рубежом осуществляют представительства Федеральной миграционной службы за рубежом и дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации [6].

В Федеральном законе от 24 мая 1999 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» дается следующее определение соотечественникам: «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии» [12].

Обеспечение Государственной программы в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации. Государственная программа на Дальнем Востоке осуществляется за счет региональных программ Камчатского края, Приморского края, Хабаровского края, Амурской, Магаданской и Сахалинской областей и Еврейской автономной области. Для реализации Государственной программы в России была создана служба по переселению старообрядцев на Дальний Восток – Агентство по развитию человеческого капитала, являющегося связующим звеном между переселенцами и органами исполнительной власти.

Дальний Восток представляет для Российской Федерации территорию приоритетного заселения. Это означает, что на этой территории предусмотрены повышенные в два раза подъемные средства, которые участник Государственной программы и члены его семьи получают в два этапа. Общая сумма средств составляет 240 тыс. рублей для самого участника, и 120 тыс. каждому члену его семьи. Таким образом, на сегодняшний день Дальневосточный федеральный округ является важным объектом привлечения человеческого капитала в рамках миграционной политики Российской Федерации. Некоторые итоги реализации Госпрограммы в ДФО представлены в таблице 1.

Данные с Росстата демонстрируют спад в инициативе переселенцев. Тот факт, что число людей, прибывших на территорию подачи заявления гораздо ниже числа лиц, получивших гражданство на данной территории за одинаковый период времени, говорит о том, что за прошлые годы было больше случаев подачи и принятия заявлений с последующим прибытием на территорию. Такой вывод можно сделать, исходя из того, что процедура приобретения гражданства в рамках Государственной программы занимает не один год. Возможно, именно это обстоятельство и является ключевым для лиц, желающих переселиться. Таким образом, количество переселенцев в Дальневосточный Федеральный округ составляет малую долю от тех, что в принципе переселяются в Российскую Федерацию.

Одной из причин этого может служить тот факт, что Дальний Восток является так называемой «зоной рискованного земледелия». При этом главным фактором привлечения переселенцев является именно политика гекта-

ров, которая подразумевает непосредственную заинтересованность лиц в работе на земле. Согласно данной программе, каждый гражданин Российской Федерации имеет право на безвозмездное получение земельного участка площадью до одного гектара на Дальнем Востоке [7]. В законе №119-ФЗ прописано, что земля предоставляется на 5 лет на основании договора безвозмездного пользования. По истечении пятилетнего срока землю можно оформить в собственность или долгосрочную аренду [15]. На сегодняшний день ведущая и связующая организационная роль в программе принадлежит Агентству по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке.

Таблица 1.

Итоги реализации Госпрограммы переселения соотечественников в регионах ДФО в 2017 г.

Регион	Количество принятых заявлений об участии в Госпрограмме	Численность прибывших участников Госпрограммы, человек	Численность участников госпрограммы, получивших гражданство РФ, человек
Камчатский край	265	357	448
Приморский край	1429	1214	2320
Хабаровский край	1006	1292	2352
Амурская область	309	-	463
Магаданская область	296	61	593
Сахалинская область	296	188	628
Еврейская автономная область	231	25	197

Источник: Росстат [11]

Возвращение старообрядцев из Латинской Америки в Россию. Наиболее полную информацию о переселении старообрядцев в Россию можно найти в работе Бородаева В.А. [3]. Переселение первых российских старообрядцев в Латинской Америке зарегистрировано еще в XVIII веке. В основном, все диаспоры по сей день сосредотачиваются в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае, Чили и Венесуэле. Несмотря на то, что вся официальная статистика относит этнических русских, родившихся в данных странах к аргентинцам, бразильцам, т.д., многие переселенцы в XIX–XX вв. называли себя русскими вне зависимости от истинной этнической принадлежности. А потому за этот период в Латинской Америке можно насчитать около полумиллиона человек – иммигрантов из России.

Сам же исторический путь старообрядцев из России в Латинскую Америку очень тяжел. Русскими переселенцами было пройдено три волны миграции. Описание данному отрезку истории дается в монографии «Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы» [2]. Старообрядцы из России были вынуждены эмигрировать в Турцию с начала XVIII века и на Дальний Восток, откуда уже во вторую волну (а именно в период коллективизации) с

Алтая переселялись в Синьцзян, а с юга Дальнего Востока – в Маньчжурию. Далее следует тяжелый период репрессий и депортаций, в результате которого в 1950-е гг. сохранившиеся диаспоры мигрировали опять же через Гонконг в Северную и Южную Америку, где многие из них проживают по сей день.

Почему именно Латинская Америка? Известно, что у России еще в первой половине XX века установились дипломатические связи и экономические отношения с некоторыми странами этой части света. Например, небольшое государство Уругвай было первым в Южной Америке, признавшим Советский Союз. После чего страны вступают на путь крепкого экономического сотрудничества, в Монтевидео открывается представительство советского акционерного общества «Южамторг» [8].

Старообрядческие диаспоры живут исключительно за счет собственного труда на земле. Именно этот фактор и стал решающим при выборе категории переселенцев на Дальний Восток. Огромное количество пустующих земель тормозит интеграцию региона в процессы, связанные с экономическим, социальным и культурным ростом страны в целом. Другим значимым фактором является желание самих старообрядцев вернуться на Родину. В старообрядческой культуре очень большое внимание уделяется традициям и единению с исторической родиной. Однако стоит отметить, что масштабы возвратной миграции старообрядцев в Россию в настоящее время по-прежнему не высоки (табл. 2).

Таблица 2.

Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь – сентябрь 2018 г. с распределением по странам и регионам

Страна	Приобретение гражданства РФ (принято, восстановлено, признано), человек
Аргентина	1
Бразилия	8
Парагвай	1
Уругвай	1

Источник: Данные официального сайта МВД РФ [5]

Причинами могут служить уже все вышеперечисленные, включающие и труднодоступность региона, вхождение его в состав территорий «рискованного земледелия», а также трудности, связанные с самой процедурой приобретения гражданства. Однако сюда следует добавить и то обстоятельство, что лишь с 2017 г. началась активная политика привлечения старообрядцев на данную территорию в рамках программы. Потому не стоит делать поспешных выводов относительно ее эффективности по результатам одного года.

Меры поддержки переселения соотечественников. Активную деятельность по привлечению старообрядцев в регионы Дальнего Востока России вдеет Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. В сферу деятельности Агентства на сегодняшний день входит разработка

и реализация мер поддержки участников Программы. Это способствует приживаемости и последующим интеграции и ассимиляции переселенцев в новом регионе. К этим мерам в первую очередь стоит отнести компенсацию за переезд и перевоз имущества, помощь в трудоустройстве и заключении трудового договора, оплата суточных для безработных, выдача гектара, выплата подъемных участникам Программы и членам семей, помощь в поиске и аренде жилья.

Однако несмотря на все предоставляемые органами исполнительной власти меры и льготы, переселенцы из Латинской Америки довольно прочно успели обосноваться на новых территориях в Бразилии, Аргентине, Уругвае и других странах континента. У многих семей налажено хозяйство, закуплено дорогостоящее оборудование для ведения работ на земле. В Дальневосточном регионе им предстоит все поднимать с самого начала. Возможно, этот фактор также становится тормозящим при принятии решения переселенцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hcfe.ru/
2. Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука. -2013. – 428 С.
3. Бородаев В. А. Русские православные ортодоксы и старообрядцы в Латинской Америке // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. № 5. – С. 175–185.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.garant.ru/ products/ipo/prime/doc
5. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – сентябрь 2018 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/14852910/
6. Официальный информационный пакет о государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. / Ред.: К.О. Ромодановский. – 2014. – 271 с.
7. Программа «Дальневосточный гектар». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hcfe.ru/services/programm-far-east-hectare/
8. Русские в Уругвае: история и современность / [С.Н. Кошкин и др.]; под ред. Д Белова, В. Бойко де Семка, К. Кириченко, А. Семикина, О. Осанина, С. Флегинского; Монтевидео, 2009. – 229с.
9. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – сентябрь 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya
10. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»

11. Федеральная служба Государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/

12. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»

13. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

14. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»

15. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. N 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ ИЗ РОССИИ В КИТАЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ[1]

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

ГУСЕВА Вера Сергеевна, студентка 4-го курса, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия). E-mail: veraguseva97@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании анализируется ситуация с миграционными потоками из России в Китай и делается попытка классифицировать разные виды миграции как составляющие этих потоков. Рассматриваются трудовая миграция, брачная, а также переезд на постоянное место жительства пенсионеров.

Ключевые слова: Россия, Китай, миграция, диаспоры, трудовые мигранты.

MIGRATION FROM RUSSIA TO CHINA: DESTINATIONS, FACTORS, PROBLEMS[2]

Ksenia G. MURATSHINA, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg (Russia). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Vera S. GUSEVA, 4-th year student, Ural Federal University, Yekaterinburg (Russia). E-mail: veraguseva97@mail.ru

Abstract. The authors study the situation with migration flows from Russia to China and make an attempt to classify different types of migration as components of these flows. Labour migration, marriage migration, as well as emigration of pensioners are considered.

Keywords: Russia, China, migration, diaspore, labour migrants.

Миграционные потоки между Россией и Китаем давно являются предметом пристального изучения востоковедов. В основном, внимание (как российскими специалистами, так и зарубежными, в том числе китайскими) уделяется проблемам легальной и нелегальной миграции в Россию из Китая. Исследований миграции из России в Китай значительно меньше, однако это направление тоже требует изучения, с тем, чтобы понять основные закономерности процесса, психологию людей, эмигрирующих в КНР, и риски, с которыми они сталкиваются. Также необходимым представляется оценить масштабы процесса и его значение для обеих сторон.

Для начала отметим, что точная статистика по рассматриваемому вопросу в открытом доступе отсутствует, поэтому возможным представляется лишь собрать разные оценки, например, по отдельным регионам КНР. Проблема усугубляется тем, что в современной российской миграционной стати-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00236

[2] This research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 18-18-00236

стике, с одной стороны, присутствуют «лишние» цифры по выезду из страны из-за включения в число выезжающих тех трудовых мигрантов из-за рубежа, у которых закончилась регистрация; а с другой, недоучета эмиграционного потока трудовых мигрантов – граждан России (из-за включения данных лишь по трудоустройству через официальные фирмы с соответствующей лицензией) [9, с. 96]. Оценки численности российской диаспоры в КНР также условны, поскольку охватывают часто всю русскоязычную диаспору, включая эмигрантов не только из России, но и из других бывших республик СССР [2, с. 190]. Есть и еще один минус в статистике: российские пенсионеры, которые переехали в Китай, могли бы быть отражены в статистике Пенсионного фонда РФ, но если они ездят получать пенсию в Россию, то в качестве эмигрантов не учитываются [9, с. 98].

В целом, наиболее реальной выглядит цифра, приводимая исследователем из Дальневосточного отделения РАН И.Ю. Зуенко, приблизительно в 15 тыс. россиян, переехавших в Китай, в том числе с целью получения работы или вступления в брак, и без учета, что логично, студентов и сотрудников организаций, находящихся в командировках [2, с. 191–192]. Такую же цифру приводит М.С. Рябова [8, с. 138]. Точная статистика по цифрам каждого отдельного вида миграции (трудовая, брачная, выезд на ПМЖ) отсутствует, но зато известно, что наибольшее число россиян сконцентрировано в следующих городах: Пекин, Гуанчжоу, Шанхай, Санья, Урумчи, Харбин, Хэйхэ, Суйфэньхэ, Яньцзи, Хуньчунь, Дуннин [2, с. 191–192]. Преимущественные сферы их занятости – логистика, закупки и контроль качества товаров, идущих на экспорт в Россию, образование, сфера информационных технологий, консалтинг и сфера услуг [3].

Некоторые представления о направлениях эмиграции в КНР можно получить, рассмотрев вопрос на примере выпускников УрФУ 2000-х и 2010-х гг. Среди них присутствуют те, кто, выучив китайский язык, целенаправленно поехал в КНР с целью работы. Одни заняты в логистическом бизнесе, другие в торговле, третьи в преподавании русского языка. Это люди, увлеченные Китаем, решившие связать с ним свою жизнь и карьеру, не собирающиеся возвращаться оттуда в обозримом будущем. Даже те, у кого с первой попытки не получилось устроиться в КНР, ищут возможность вновь поехать туда. Один из выпускников посетовал: «Китай с радостью сует палки в колеса молодым российским гражданам, которые горят желанием связать свою жизнь с этой страной. В моем случае это проблемы/преграды/огромные затраты при получении визы, да и попросту отсутствие реальной возможности получения долгосрочной визы». И все-таки решил попытать счастья еще раз.

Крайне сложно и получить вид в Китае на жительство. Однако представления о жизни в этой стране у большинства собравшихся эмигрировать туда весьма радужные, особенно если они бывали там лишь в качестве туристов в гостиницах высокого класса и в крупных городах. У выпускников, стажировавшихся в китайских вузах, – более реалистичные оценки условий жизни, однако, даже зная о случаях дискриминации трудовых мигрантов-иностранцев в КНР, россияне все равно надеются на лучшее. Часто встречается брачная ми-

грация, когда россиянки выходят замуж за китайцев и переезжают в КНР. Официальный брак упрощает получение вида на жительство.

Китайские СМИ, отмечая рост миграции из России в последние годы, в основном пытаются представить картину в положительном ключе, приводя положительные отзывы россиян и рассказывая, например, о «дешевом жилье и низких ценах на товары», «приемлемых ценах и хорошем обслуживании» в клиниках китайской медицины в Хуньчуне, где живут несколько сотен россиян, преимущественно пенсионеров [7]. Вместе с тем, однако, признается, что «на китайском рынке труда для иностранцев спрос по-прежнему не превышает предложение», и «оклады россиян редко превышают 3000 долларов в месяц». Иностранным специалистам «трудно привыкнуть к условиям жизни» в китайском городе, отмечаются «замедление экономического роста в стране и проблемы с экологией»; постоянно повышаются требования к кандидатам на рабочие места, необходимо «каждый раз собирать документы и доказывать, что квота [на рабочую визу] нужна». А главное, китайские компании, как правило, отдают предпочтение не иностранными специалистам, а вернувшимся после обучения за границей своим соотечественникам [6].

Сотрудники из-за рубежа свободно нанимаются лишь в те сферы, где пока не хватает своих, а именно на высокотехнологичные производства и в научные учреждения. Особенно востребованы специалисты в области информатики, математики, химии, экологии, инженерных наук и материаловедения, с опытом работы и известные в зарубежных научных кругах. Для них необязательно даже знание китайского языка, а достаточно свободного владения английским [1]. Набор высококлассных зарубежных специалистов осуществляется в КНР в рамках долгосрочной программы «План 1000 человек» [10].

Отметим, что, не приветствуя на своей территории большую часть трудовых мигрантов-иностранцев (за исключением наиболее высококлассных специалистов в сфере высоких технологий), Китай требует фактически равных условий в возможности трудоустройства для своих мигрантов в других странах, включая Россию [см., напр., 5]. И это – несмотря на недовольство местного населения и безработицу в регионах чужой страны. За примерами далеко ходить не нужно – совсем недавно, в феврале 2018 г., Омский нефтезавод подписал контракт на строительство комплекса глубокой переработки нефти с Китайской национальной химико-инженерной строительной компанией № 7, входящей в состав корпорации CNCEC. Одним из условий стал завоз в поселок под Омском 3500 китайских рабочих и строительство для них вахтового городка с полной инфраструктурой, магазинами, столовыми, спортзалами, охраной. Омичам – жителям поселка, который местные власти, по сообщениям СМИ, за последние годы не обеспечили ни нормальным уличным освещением, ни детскими площадками, достается, согласно проекту, всего лишь 240 рабочих мест. Естественно, местные жители уже начали активно протестовать, но услышат ли их – большой вопрос [4].

Что означает для России и для Китая это направление миграционных потоков – из РФ в КНР? Китайская сторона может рассчитывать на инвести-

ции россиян, кроме того, не будем забывать, что часть потока составляют специалисты в сфере высоких технологий. Россия же в любом случае, независимо от того, кто уехал – мужчина-программист или молодая неработающая женщина – невеста китайца – несет, в первую очередь, демографические потери, а дальше ущерб, уже экономический, варьируется в зависимости от качества подготовки эмигранта. Вместе с тем, позволить своим гражданам устраивать свою жизнь в комфортных условиях и с пользой для национальной экономики могло бы изменение политики в отношении сибирских и дальневосточных регионов, уход от утвердившегося в России абсолютно ошибочного, потребительского отношения к ним лишь как к источнику сырья, которое нужно «осваивать» – то есть добывать, вывозить и продавать; уход от пресловутой ресурсной экономики, модернизация, восстановление обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, консервация ресурсов для будущих поколений россиян, строительство новых городов – причем своими силами, а не на иностранные кредиты с иностранной рабочей силой. Но пока в достаточной мере мы этого не наблюдаем.

Нельзя не задать вопрос и о будущем самих людей, меняющих прежнее место жительства на Китай. Пожалуй, вряд ли кто-то из них задумывается о том, как он будет чувствовать себя через 20 лет при плохой экологии, употреблении в пищу выращенных (или созданных химическим путем?) в условиях этой экологии продуктов, в объективно чуждой цивилизационно среде.

Таким образом, доступные данные по миграции из России в Китай позволяют выделить следующие ее виды: трудовая миграция, брачная, а также переезд на постоянное место жительства пенсионеров. Можно заметить, что китайские источники пытаются представить картину в позитивном ключе, однако следует обратить внимание на такие риски для эмигрантов в Китае, как невозможность прочно обосноваться и получить вид на жительство либо гражданство, негативное воздействие на здоровье плохой экологической обстановки, а также риск потери этнокультурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. В Китае стартует вторая волна закупки IT-экспатов // Профессионалы.ру. 10.06.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://professionali.ru/Soobschestva/it-specialisty/v-kitae-startuet-vtoraja-volna-zakupki-it/

2. Зуенко И.Ю. Русскоязычная диаспора в Китае на современном этапе // Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 188–197.

3. Зуенко И.Ю. Русские за Китайской стеной // Лента.ру. 10.08.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2016/08/10/russians_in_china/

4. Местные жители восстали против чайна-тауна под Омском // МК. 05.10.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fomsk.mk.ru%2Fsocial%2F2018%2F10%2F05%2Fmestnye-zhiteli-vosstali-protiv-chaynatauna-pod-omskom.html&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

5. МИД Китая попенял России на квоты для трудовых мигрантов // Взгляд. 19.04.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vz.ru/news/2012/4/19/575222.html

6. На китайском рынке труда иностранцев ожидают перемены // Жэньминь жибао онлайн. 05.05.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.people.com.cn/95181/8617240.html

7. Российские пенсионеры переезжают в небольшие приграничные города Китая // Жэньминь жибао онлайн. 17.12.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.people.com.cn/95460/8487949.html

8. Рябова М.С. Процесс признания русской этнической группы как одного из национальных меньшинств Китая // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 136–140. DOI: 10.17223/15617793/406/22

9. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Лукьянец А.С., Сивоплясова С.Ю., Храмова М.Н. Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 93–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107

10. 今日观察：回国人才千人计划 // News.qq.com. 07.07.2010. [Electronic resource]. Access mode: http://view.news.qq.com/a/20100707/000026.htm

Раздел 6.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Section 6.

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF MIGRANT INTEGRATION

LIQUID INTEGRATION. THINKING BEYOND CONVENTIONAL UNDERSTANDING

Jan SKROBANEK, Dr. habil., Professor of Sociology, University of Bergen, Bergen (Norway). E-mail: jan.skrobanek@uib.no

Solvejg JOBST, Dr. habil., Professor of Educational Science, Westland University of Applied Sciences, Bergen (Norway). E-mail: solvejg.jobst@hvl.no

Abstract. The aim of the paper is to lay down a new perspective on integration – namely liquid integration – in the context of increasing international mobilies, migration and social change. Our point of departure is the idea of "liquid" modernity, times and society, introduced by Zygmunt Bauman. With the idea of 'liquid integration', the focus of the analysis turns from the static to the contingent processes and dynamics of adjustment and counter adjustments of individuals, their practices and structures in the context of complex mobilities and migration in a temporal (cross-sectional as well as longitudinal) perspective. We argue that the analyses of this temporal intersection of individual and structural dynamics is crucial for adequately understanding the dynamics of liquid integration in the context of global change. Thus, the concept "liquid integration" presented in this article is intended to capture the complexity and temporal intersection of integration processes and social change.

Keywords: integration, migration, liquid, change, process.

«ЖИДКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ». РАЗМЫШЛЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОБЫЧНОГО ПОНИМАНИЯ

СКРОБАНЕК Ян, доктор наук, профессор социологии Университета Бергена, Берген (Норвегия). E-mail: jan.skrobanek@uib.no

ДЖОБСТ Солвейг, доктор наук, профессор педагогики Вестлендского университета прикладных наук, Берген (Норвегия). E-mail: solvejg.jobst@hvl.no

Аннотация. Цель работы состоит в том, чтобы сформулировать новый взгляд на интеграцию, а именно на «жидкую интеграцию», в контексте увеличения международной мобильности, миграции и социальных изменений. Отправной точкой является идея «жидкой» современности, времени и общества, представленная Зигмунтом Бауманом. С идеей «жидкой интеграции» фокус анализа переходит от статических к случайным процессам и динамике адаптации и контр-адаптации людей, их практик и структур в контексте сложной мобильности и миграции во временной перспективе. Мы утверждаем, что анализ этого временного пересечения индивидуальной и структурной динамики имеет решающее значение для адекватного понимания динамики «жидкой интеграции» в контексте глобальных изменений. Таким образом, понятие «жидкая интеграция», представленное в этой статье, призвано охватить комплексность и временное пересечение интеграционных процессов и социальных изменений.

Ключевые слова: интеграция, миграция, жидкость, изменение, процесс.

Introduction. Integration has always been one of the most controversial topics in science and public debate. Against a background of increasing migration, not least due to the East–West migration after the fall of the Berlin Wall and the growing number of refugees and other migrants from the various war and crisis zones around the globe, the topic has become more and more dynamic and explosive in recent years. Parallel to these developments, the global interconnectedness and interdependence of regional spaces and thus the diversity of social, cultural and economic exchanges has become even more dynamic, complex and unpredictable (Blossfeld, Klijzing, Mills, & Kurz, 2005; Urry, 2007). This does not remain without consequences for the "social integration" of actors (Lockwood, 1964) and for the "system integration" (Lockwood, 1964) of institutions and larger parts of society. Building common and efficient models for understanding and predicting change in the context of globalization, migration and mobility has become illusive, since "development of various global 'networks and flows' undermines endogenous social structures which have generally been taken within sociological discourse to possess the powers to reproduce themselves" (Urry, 2000: 1). Calls are becoming louder for "new rules of sociological method" (Urry, 2000:1) and "new theories" (Grzymala-Kazlowska & Phillimore, 2018; King, 2018; Rytter, 2018; Wieviorka, 2014) which enable us to catch up with contingent dynamics of latest socio-cultural and economic developments.

Classical social theory normally thinks in terms of linearity and stability when it comes to integration in the context of mobility and/or migration. One moves from A to B and depending on the social and system-specific similarities/dissimilarities between context A and B one has a shorter or longer way to go in adjusting to the new social, institutional and structural contexts. However, what this simple linear understanding ignores are the multifaceted dynamics to the integration process. While one tries to adjust oneself to or integrate into new environments, not only does the individual undergo change but also the social and institutional environment one seeks to adjust to is permanently transforming. Thus the process of integration is characterized by threefold simultaneous dynamics: a) the efforts of the individual to adjust to a new social and institutional environment, b) an ongoing transformation of the contemporary social and institutional structures a person wants to adjust to and c) a permanent reevaluation of the adjustment efforts in the context of change of the (new) environment. These dynamics accelerate the efforts and unpredictability regarding integration-related outcomes in the context of individual, group-related and structural change.

Therefore, our main argument here is that integration is an open and more or less unpredictable and contingent process that produces and depends on change (Abbott, 2016: 4; Baker, 1993: 123; Skrobanek & Jobst, 2018; Urry, 2000: 205–210). It includes simultaneous processes of integration and disintegration and its contingent, open and dynamic character of movement and countermovement always implies a retardation of theoretical and empirical accounts of integration processes. This dynamic and its implications for conceptualising and accounting for integration empirically has been underplayed in the sociological debate. Against this background, the classical concept of integration and its perseverance and popularity has to be critically reconsidered.

Based on the idea in the following discussion, we seek to provide a new lens to help encourage the debate about the ways we understand integration and its theoretical and methodological challenges. We derive the idea of "liquid integration" (Skrobanek & Jobst, 2018) from the concepts of "liquid modernity" (Bauman, 2000), "liquid society" (Bauman, 2007: 3) and "liquid migration" (Engbersen, 2012: 98) and combine it with the notion of longitudinal development to reach a new theoretical and empirical understanding of integration. To be clear from the outset, with the idea of LI we aim to elaborate further what has already been implied by the 'liquid idea' (Bauman, 1998; Bauman, 2000, 2002; Bauman, 2007), Giddens' 'duality of structure' approach (Giddens, 1984), Urry's (2007) 'complexity approach' to mobility, Abbott's ideas on 'processual sociology' (Abbott, 2016) or Bronfenbrenner's idea of the 'ecology of human development' (Bronfenbrenner, 1979). In doing so, we wish to go beyond the latest critiques of the integration paradigm, namely 'super-diversity' (Grzymala-Kazlowska & Phillimore, 2018; Vertovec, 2007), 'two-way integration' (Carrera & Faure Atger, 2011; Taft, 1953) or even 'three-way integration' (Garcés-Mascareñas & Penninx, 2016), 'differentiated embedding' (Ryan, 2018), 'counter-integration' approaches (Rytter, 2018; Wieviorka, 2014) or 'transnationalism' (Faist, 2010; Vertovec, 2001). The concept of "liquid integration" we propose thus owes its intellectual heritage to a range of arguments already introduced to the debate, not to mention all the contributions cited in the following chapter. However, as far as we are familiar with the state of the art, the term "liquid integration" has not been used before.

We will outline our argument first by discussing some of the origins of the concept of integration, second by reflecting "liquid integration" in times of uncertainty, change and fluidity (Bauman, 2007: 1) while combining the integration concept with a broader processual perspective (Abbott, 2016; Bronfenbrenner, 1979) – and in a final step by establishing new theoretical and methodological perspectives for further research in the field of integration.

Integration: nothing new but old concepts? Over the course of debate, integration has retained its image of being a kind of conceptual red herring, floppy, slippery and chaotic in the normative and theoretical discourse (Ager & Strang, 2008; Rytter, 2018; Wieviorka, 2014). The term 'integration' appears – as Gans argued in regard to concepts of ethnicity – more as a "bumpy" than a "straight line theory" (Gans, 1992: 44), with progress or setbacks and general unpredictability over the course of time. A source of confusion is, on the one hand, the many normative understandings in the sense of accentuated wishes of the world as to how it should stay or develop in the future and, on the other hand, the existence of many different theoretical ideas which serve as a kind of analytical tool with which to measure the stability and change of personal characteristics and/or social arenas, fields and context within the framework of migration and/or mobility. Despite this vagueness and confusion, the term "integration" still enjoys a high level of popularity in mobility and migration research.

It is worth noting that so-called classical approaches to the problem of integration have more or less slipped from the radar and thus can no longer be consid-

ered substantial starting points for debate and reflection. Such concepts are for example "assimilation" (Gordon, 1964; Park, 1928: 890; Park & Burgess, 1921: 769–770) and "amalgamation" (Park, 1928: 890; Park & Burgess, 1921: 769–770), "accommodation" (Park & Burgess, 1921: 663–665) and their sub-concepts "monistic assimilation" or "pluralistic assimilation" (Taft, 1953:45, 46), "acculturation" (Boas, 1896: 10; Park, 1928: 890; Redfield, Linton, & Herskovits, 1936: 149), "absorption" and "adaptation" (Eisenstadt, 1952: 225ff.), just to name few of them. However, if one examines the current integration debate, many critical voices in the context of the so-called "migration crisis" implicitly or explicitly use arguments from the founding fathers of migration and integration research listed above. Especially the ideas of a "[…] fusion of (two) different cultures in values, skills, identifications and action references to a new cultural unity" (Esser, 1980: 20) (authors' translation), "…subsequent changes in the original cultural patterns of either or both groups" (Redfield et al., 1936:149) or "[…] that not only migrants change their 'frame of reference' while maneuvering in new contexts but that the new contexts and established 'frames of reference' also begin to change as soon as interaction starts (Taft, 1953: 51) are living on.

However, one cannot avoid the impression that the understanding of process and contingence – and thus both simultaneous and longitudinal transformative dynamics – in which different social units march towards a new processual, permanently changing unity are still in its infancy or that such ideas seem even forgotten and buried. Due to this practice it has become easily overlooked that those 'old' perspectives already struggled to theorize and empirically model the manifold dynamics of preserving or transforming the old while somehow accommodating (Park & Burgess, 1921: 663 ff.) new circumstances, generating unity or disunity. Integration theories (and policies) still struggle with the issue of how different people can manage to cooperate and actively participate in different social contexts over the course of time, how risks and malfunctioning social interrelations (Merton, 1938) can be bypassed and how the dialectics of stability and change on the individual and the structural level can be modeled theoretically and approached both methodologically and empirically.

If one consults the relevant literature, it becomes striking that different acculturation policies – or, in the words of Bourhis et al. (1997: 373–375), "integration ideologies" – still share – besides their different perspectives on private values – one common core: the reproduction of so-called "public values" (Bourhis et al., 1997: 373). Thus, almost all of the policies fail to consider that not only the private arena (values, practices etc.) are an open field for change but that the public arena (public values) are in permanent transformation too. They turn their back on the dynamic, contingent and multidimensional appearance of integration on the individual and the structural level (Ryan, 2018: 248). One characteristic example is the 2004 "Immigrant Integration Policy in the European Union" (Union, 2004). In a first statement, it is established that "Integration is a dynamic, two-way process of mutual accommodation by all immigrants and residents of Member States." By this they mean that integration processes are a "dynamic, long-term, and continuous two-way process of mutual accommodation, not a static outcome" (Union,

2004: 13).[1] However, in the very next statement this multiple openness of outcome is already put into perspective when it is underlined that "Integration implies respect for the basic values of the European Union" (Union, 2004: 13) and hence "[…] respect for common European and national values" (Union, 2004: 13) and when integration is defined via participation in employment, education and a "basic knowledge of the host society's language, history, and institutions" (Union, 2004: 13).

As this example shows, integration is conceptualised as social and system integration into something that is a kind of stable category. However, we argue that this is no longer an adequate way of conceptualising integration. Not because it is normative and still preserves the illusion of stability against the stormy waters of change. It is rather because of the social and system dynamics themselves, which have intensified in recent decades (Blossfeld et al., 2005; Buchholz et al., 2009; Grzymala-Kazlowska, 2015; Grzymala-Kazlowska & Phillimore, 2018) and which interlace with contingent integration practices of the mobile (Ryan, 2018).

Processual sociology as a starting point. There has always been a struggle between two (idealistically conceptualised) camps of social theory: a) the reproduction-of-order tradition, which assumes that structural forces manage to reproduce social order (Abbott, 2016: 203; Elder & Georg, 2016: 66) and b) the change-of-order tradition, which assumes a continuous process, change and flow of social order (Abbott, 2016: 204; Bauman, 2007: 1).

Regarding the instability and change of institutions, Bauman (2007: 1) for instance argues in his book *Liquid Times*, "First of all, the passage from the 'solid' to a 'liquid' phase of modernity: that is, into a condition in which social forms (structures that limit individual choices, institutions that guard repetitions of routines, patterns of acceptable behaviour) can no longer (and are not expected) to keep their shape for long, because they decompose and melt faster than the time it takes to cast them, and once they are cast for them to set." Targeting the reproduction-of-order assumption, Bauman writes further: "Forms, whether already present or only adumbrated, are unlikely to give enough time to solidify, and cannot serve as frames of reference for human actions and long-term life strategies because of their short life expectations […]" (Bauman, 2007: 1). From a more ontological point of view, Abbott states that "society is never in equilibrium" (Abbott, 2016: 204) and that "this 'disequilibrium' is typically substantial, not purely formal" (Abbott, 2016: 204). Thus, order and disorder are part of the same situation, both simultaneously and in a longitudinal perspective.

These systemic changes are not without consequences for the individual. Personal traits like "Identities seem fixed and solid only when seen, in a flash, from outside. Whatever solidity they might have when contemplated from inside of one's own biographical experience appears fragile, vulnerable, and constantly

[1] The idea of a "two-way" interaction or process is nothing new. Taft introduced this term to underline that interactions between different actors always imply adjustments by both partners (Taft, 1953: 51).

torn apart by shearing forces which lay bare its fluidity and by cross-currents which threaten to rend in pieces and carry away any form they might have acquired" (Bauman, 2000: 83).

The same holds, in our view, for integration itself, which seems fixed, solid and straight, in common integration ideologies (Garcés-Mascareñas & Penninx, 2016: 12). However, this is just a snapshot which fakes solidity, stability and site-directed convergence of social acts. If one takes a closer look at integration, its fragility, its processual and open-ended dynamic character becomes visible. In this sense, one could say that the focus on integration as a stable outcome seriously limits our understanding of integration as a dynamic open-ended process. Social processes like integration do "not have outcomes": "It just keeps going. Individuals don't have outcomes either, except the invariant one that we must all expect in Keynes's long run" (Abbott, 2016: 4). Applying Abbott's argument to integration, one could say that there is no fixed time point in the flow of integration from whose perspective integration is to be judged (Abbott, 2016: 204). If integration does not have stable outcomes, one can only conceptualise it as something that is in "perpetual motion" (Abbott, 2016: 204). This argument resembles to some extent the uncertainty relation postulated in physics. Since we cannot measure the content and force behind the processes of integration exactly, defining integration outcomes is in fact meaningless.

There seems to be consensus that changes in the context of globalisation, environmental change, cyclical economic shocks and mass migration have accelerated risks and challenges for social and system integration (Bauman, 1998; Bauman, 2002; Bauman, 2007; Beck, 1992; Blossfeld et al., 2005; Buchholz et al., 2009; Castells, 1997; Castles, Haas, & Miller, 2013; Urry, 2000). Mills and Blossfeld (2005: 2) list four interrelated structural shifts which from our perspective accelerate patterns of liquid integration. These shifts are the "internationalisation of markets", "intensification of competition", the "accelerated diffusion of knowledge" and a "rising importance of markets" (Blossfeld et al., 2005: 2). All of these factors have accelerated changes, instabilities and uncertainties not only on the micro- but also on the meso- and macro-level (Blossfeld et al., 2005: 3; Grzymala-Kazlowska, 2015: 1124). In this context, integration can no longer be conceptualised as a start-end process in which an actor (for example a migrant) starts from a state of disintegration and ends up being socially and structurally integrated. The increasingly temporary character of the social, cultural and structural, the corresponding adjustments on the individual level and the feedback effects of agency on the environment forms the matrix of liquid integration. As actors adjust, the structures change and as the structures change, the actors try to adjust both simultaneously and in the long term and this fosters contingence which is yet to be considered and understood with any accuracy in social theory and research.

Liquid integration: conceptualising flow in integration. Almost all of the existing concepts of integration still keep alive the idea that after a certain time different actors (persons, groups or even nations) somehow resemble one another and become, over the course of exchange, integrated in a common, more or less

stable social body – often called the "group, "nation", "society" or "network" (van Reekum, Duyvendak, & Bertossi, 2012; Wimmer & Glick Schiller, 2002). This form of (re)establishment of order (Abbott, 2016: 203) can be achieved whatever time and energy is needed. We argue that it is about time that this view and conceptualisation of integration changes radically. It is becoming increasingly clear that existing integration theory is out of step with current patterns of adjustments in the context of global migration. In our understanding, integration can no longer be defined by an explicit starting and endpoint, it can no longer be reduced to the existing frameworks. Against this kind of "problem-of-order tradition" (Abbott, 2016: 203), integration has rather to be conceptualised as a never-ending open process of change and contingent adjustment over the course of time while having a definite starting point with birth and a definite end with death. However, the time between both events is rather open and contingent (Chaplin, John, & Goldberg, 1988: 542). Hence integration oscillates between temporal stability, temporal order and temporal change of institutional and structural constraints and opportunities on the one hand and life-long individual adjustment to changing situations on the other (Baker, 1993:123; Chaplin et al., 1988: 542; Francis, 1993: 239; Urry, 2000: 206). We call this process "liquid integration" (Skrobanek & Jobst, 2018), an integration which is realised in a "liquid modern society" (Bauman, 2007:1) during movement "in which the conditions under which its members act change faster than it takes the ways of acting to consolidate into habits and routines (Bauman, 2007:1). "Liquid integration", we will argue, no longer has a start and an end, since "life and that of society feed and reinvigorate each other" (Bauman, 2007:1). It has a permanently open shape, fostering integration practices into a multidimensional permanent adjustment to new contexts and – simultaneously – to the permanent ongoing change of the contexts in which the practices and their adjustments are applied. Hence "liquid integration" is characterised by a life-long interdependency and interplay of personal and social structure development in the context of "liquid modernity" (Bauman, 2000), "liquid society" (Bauman, 2007:1) and "liquid migration" (Engbersen, 2012: 98; Skrobanek & Jobst, 2018). It becomes permanently reshaped while remaining dynamic for both the personal, social and structural levels (Skrobanek & Jobst, 2018).

From this point of departure, LI means (Skrobanek & Jobst, 2018):

a) an ongoing adjustment of habits, routines and acts – hence practices – in the context of migration/mobility in the face of changing institutional and structural opportunities and constraints (Dannefer, Kelley-Moore, & Huang, 2016),

b) the production of "emergences" (Sawyer, 2001) and risks (Beck, 1992) for the individual and the system, based on individual or collective practices in the face of temporal existing institutional and structural opportunities and constraints and

c) thinking beyond synthetic group categories ("groupism", Brubaker, 2004: 11) and "national containers" (Wimmer & Glick Schiller, 2002).

Thus, while social and structural changes encourage individuals to adjust to the fluid conditions, the practices of adjustment vice versa feed institutional and

structural change. Moreover, while actors act to tweak the (permanently transforming) environment, they foster (unpredictable) change to this environment. The concept further assumes that contemporary change to the environment (and thus the social and structural) is "faster than it takes the ways of acting to consolidate into" (Bauman, 2007:1).

Hence, the scientific study of "liquid integration" requires at least two perspectives: a multilevel and processual, temporal perspective. The multilevel perspective focuses on the interlinkage and embedding of different levels of the man–environment interaction while the longitudinal perspective focuses on change and/or stability over time. Both perspectives have to be taken into consideration if ones wants to understand and/or explain processes of integration/disintegration (Skrobanek & Jobst, 2017: 188ff.).

To underpin our argument and to systematize the complexity of "liquid integration" in the context of the human-environment relationship, we propose distinguishing between different levels of analysis of the LI process. As we have already outlined elsewhere (Skrobanek & Jobst, 2017, 2018), a number of multilevel models of social explanation have been developed in sociology. Pioneers in this field have been Weber (2007), Bronfenbrenner (1979), Coleman (1990), from a more general sociological point of view and more specifically in regard to migration Park and Burgess (1921), Eisenstadt (1952); Gordon (1964) or Alba and Nee 2003 (Alba & Nee, 2003) just to name a few. What all of these approaches have in common is that they try to interlink more context-specific constraints with personal characteristics and vice versa – thus they try not only to conceptualise interlinkages between the structural conditions and individual practices but also to model feedback loops from the individual to the structural (emergence) (Sawyer, 2001). However, what these approaches have overlooked is the interwoven dynamic flux of change and/or stability on the individual and the structural level in a temporal perspective. Moreover, they struggle to conceptualise the permanent ongoing change over the course of time (the temporal), its contingence and the dynamic forms of adjustment within and between the different levels. Radically put – and drawing on Heraclitus (Chitwood, 2004: 66) – existing approaches still fail to model and understand the complex process of environment (or structural) frames of reference dynamics, migrants' room for maneuver over time under these dynamics and the changes integration practices make to the environment while people act under given circumstances. Thus the processes of adjustment undertaken by the migrant, the impact of ongoing system transformations on the practices of the persons and the feedback of these practices to the system, all of which have simultaneous and longitudinal effects, are still poorly understood.

From our point of view, both Bronfenbrenner's (1979) *Ecology of Human Development* and Giddens' idea of "duality of structure" (Giddens, 1984: 25) offer an essential starting point for underpinning the LI idea, since both approaches understand the interaction between man and the environment as a nested interdependent arrangement of concentric structures (Bronfenbrenner, 1979: 41), labeling

these structures micro-, meso-, exo-, and macrosystems and conceptualizing them as both dynamic and contingent over the course of time.

Related to the integration of migrants (but this also holds for mobile persons in general), this means that the patterns of action and relationships that a migrant experiences during his stays and movement and performs in his microsystem (Bronfenbrenner, 1979: 22) are related to other contexts that are more or less visible to the subject. Based on Bronfenbrenner's definition 1 in the Ecology of Human Development, one could say that the scientific study of LI deals with "the progressive, mutual accommodation between an active, growing human being" – in our case the migrant or mobile person – "the changing properties of the immediate settings in which the developing person lives" (Bronfenbrenner, 1979: 21) and the dynamics of this interlacement in temporal – both cross-sectional and longitudinal – perspective (Abbott, 2016; Dannefer et al., 2016).

The study of LI thus starts with the elaboration of liquid integration practices of the persons involved in social interaction (Bronfenbrenner, 1979: 22). In a second step, the study of LI refers to the mesosystem (Bronfenbrenner, 1979: 25), to "the interrelations among two or more settings in which the developing person actively participates […]". From the perspective of a migrant, for example, the relationship between the "borderland" (Agier, 2016), "camps" (Agamben, 1998), migrant or refugees reception centers, special schools or even special classes for migrants, all embody a mesosystem, and the migrant behavior cannot be properly understood, regardless of the particularities of these systems.

To do justice to the complexity of scrutinizing the dynamics of LI also means to focus on those areas (the exosystem) of life "that do not involve the developing person as an active participant" but which influence the settings in which the migrant is directly or indirectly involved (Bronfenbrenner, 1979: 25). From the perspective of the migrant, this could be for an example a social network, the media, charity organizations, the police etc. The migrant's maneuvering is always to be seen in the context of these social institutions. The macrosystem ultimately refers to "consistencies in form and content of the lower-order systems (micro-, meso-, and exo-) that exist, or could exist at the level of the subculture or the culture as a whole, along with any belief systems or ideology underlying such consistencies" (Bronfenbrenner, 1979: 26).

With the help of this heuristic, it becomes possible to systematise, contextualize and interpret the respective conditions or influencing factors for the individual actions of actors on the micro-level. It is also possible to model how the individual actions interact with or influence the processes on the other levels. By means of this depth of field and complexity of the modeling of LI processes, it is possible to trace the social meaning of migrant-specific actions back to intra- and interpersonal causes and thus at least begin to take into account the general problem of incomplete explanations (Skrobanek & Jobst, 2017: 185).

The assumption that structural constraints have an impact on individual practices and that individual practices vice versa feed the structures is nothing new (see for example the discussion in Zollschan & Hirsch (1964)). Giddens

calls this phenomenon the "duality of structure" (Giddens, 1984: 25). Agents and structures are affiliated with each other and hence they are a precondition for each other's existence (Giddens, 1984: 25). However, what is intended to be emphasized with the concept of "liquid integration" is the explicit focus on the reciprocity of individual adjustment, individual practice and structural change within the context of migration. The LI concept helps us to understand "the interpretive processes whereby choices are imagined, evaluated, and contingently reconstructed by actors in ongoing dialogue with unfolding situations" (Emirbayer & Mische, 1998: 966), it enables us to simultaneously model change in social and system integration arenas (Lockwood, 1964: 252) and it helps us to interrelate these different dimensions for a processual understanding and a processual (time lag) explanation of "liquid integration" (Skrobanek & Jobst, 2018, 2019) in the context of "liquid migration" (Engbersen, 2012: 98). The concept of LI "liquid integration" takes into account situational and personal conditions, its variations over time and the reciprocal relation/interrelatedness between the levels in temporality (Baas & Yeoh, 2018; Cresswell, 2006; Cwerner, 2001; Elder, 1994 ; Emirbayer & Mische, 1998; Giddens, 1984; Skrobanek & Jobst, 2018; Urry, 2000). LI in temporality implies simultaneous as well as time lag dependencies (Skrobanek & Jobst, 2017: 191–192) and thus the LI concept makes it possible to link information about intra- and inter-individual changes directly with the dynamics of the different system levels and their changes and effects over the course of time (Skrobanek & Jobst, 2017: 192, 194).

Overall, this sequential LI perspective (Graph 1) leads to three central foci in the context of liquid integration (Skrobanek & Jobst, 2017: 192):

Focus on 'duality' effects (simultaneous) (Giddens, 1984: 25),

a) Focus on cross-sectional stabilities and changes,

b) Long-term effects.

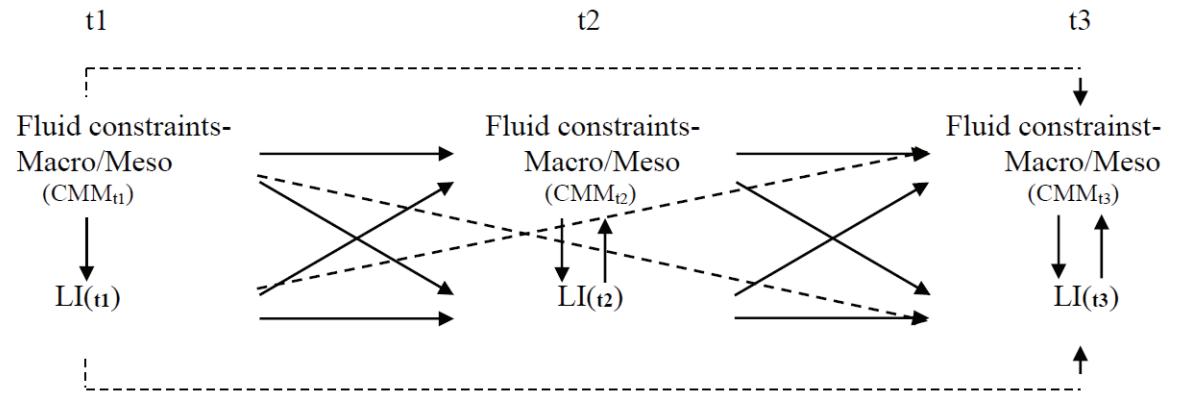
Based on the LI approach, the overall concept further assumes that migrants become actively engaged in defining their social situation and maneuver throughout their life-stage (Dannefer et al., 2016: 91; Elder, 1994; 1995: 47; Elder & Georg, 2016). In doing so, their subjective self-understanding of being agentic becomes discursively develop while a) interpreting, deciding/choosing, acting, incorporating, reproducing or changing their socio- cultural and economic environment/structures, b) being more or less aware of doing these things and c) while doing a and b achieving LI (Skrobanek & Karl, 2016: 99).

This iterative process perspective allows us to scrutinize

a) how change or stability of institutional and structural frameworks and evoking LI practices of migrants are interlaced,

b) to what extent structural and LI practice transformations increase or diminish living opportunities and

c) what effects LI practices and structural changes have on each other over the course of time (Skrobanek & Jobst, 2018).

Note: LI = liquid integration = framing of situation, goals and practices as well as ongoing adjustment of framing, goals and practices in the context of fluidity/change of social and structural integration patterns in temporality.

Pic. 1. Heuristic model for simultaneous and time lag effects in the context of LI.

The proposed concept of liquid integration is principally open regarding the context of "grounded" or "non-grounded lives" (Bygnes & Erdal, 2017). Hence, liquid migration can head towards a more or less reproduction-of-order adjustment, for example that "migrants search for stability and a 're-embedding' through the labour market, career progress, and new community and family networks" (King, 2018: 6) to secure their "psychic wellbeing" and "social recognition" (Esser, 1999: 92; Nauck, 2008: 122) and thus to sustain "ontological security" (Giddens, 1984: 23). However, there is no guarantee that chosen practices match contemporary structural conditions, especially if these contexts – as King underlines in regard to migration – change "both quantitatively and qualitatively" (King, 2018: 5). This "unpredictability" (King, 2018: 5) and "uncertainty" (Bauman, 2007: 1ff.; Blossfeld et al., 2005: 16) regarding adequate practices and related outcomes in the context of structural processes are the fertile soil for liquid integration. Moreover, since these intertwined processes are both complex in a cross-sectional and longitudinal perspective, we argue for a dynamic multilevel and process-focused model of liquid integration.

Conclusion. The liquid integration argument proposed in this paper seeks to underline the dialectical structure–subject relationship in the field of migrant adjustment and structural change in the context of mobility/migration. Our point of departure was the idea of "liquid" modernity, times and society, first introduced by Bauman and later adapted to the context of migration – here especially liquid migration. By "liquid integration" we mean an integration which is characterised by a contingent life-long interdependency and interplay of personal and social structure development in the context of "liquid modernity" (Bauman, 2000), "liquid society" (Bauman, 2007:1) and "liquid migration" (Engbersen, 2012: 98; Skrobanek & Jobst, 2018).

With the word 'liquid', the focus of the analysis turns from the static to the contingent processes and dynamics of adjustment and counter adjustments of individuals, their practices and structures in a cross-sectional and longitudinal perspec-

tive. In our perspective, this temporal intersection of individual and structural dynamics is yet to be sufficiently elaborated in the field of integration-migration research and this prevents us from adequately understanding the dynamics of liquid integration in the context of global change.

If the assumption holds that we presently live in a dynamist, risky, ever-changing and contingent world – then our argument has found the right context. It introduces a new term for understanding integration processes in 'fluid' and 'liquid' times and while doing so argues for a new theoretical perspective on integration, on the complex intersection of individual and structuration dynamics in temporality as well as for the application of new empirical strategies for modelling and researching liquid integration.

REFERENCES AND SOURCES

1. Abbott, A. (2016). *Processual Sociology*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
2. Agamben, G. (1998). *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life* (D. Heller-Roazen, Trans.). Stanford: Stanford University Press.
3. Ager, A., & Strang, A. (2008). Understanding Integration: A Conceptual Framework. *Journal of Refugee Studies, 21*(2), 166–191. doi:10.1093/jrs/fen016
4. Agier, M. (2016). *Borderlands*. Cambridge: Polity Press.
5. Alba, R. D., & Nee, V. (2003). *Remaking the American Mainstream: Assimilation and the New Immigration*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Baas, M., & Yeoh, B. S. A. (2018). Introduction: Migration studies and critical temporalities. *Current Sociology*, doi:10.1177/0011392118792924
7. Baker, P. L. (1993). Chaos, Order, and Sociological Theoy. *Sociological Inquiry, 63*(2), 123–149. doi: 10.1111/j.1475-682X.1993.tb00300.x
8. Bauman, Z. (1998). *Globalization: The Human Consequences*. New York: Columbia University Press.
9. Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
10. Bauman, Z. (2002). *Society Under Siege*. Cambridge: Polity Press.
11. Bauman, Z. (2007). *Liquid times* (Vol. 2). Cambridge: Polity Press.
12. Beck, U. (1992). *Risk Society: Towards a New Modernity*. New Delhi: Sage.
13. Blossfeld, H.-P., Klijzing, E., Mills, M., & Kurz, K. (2005). *Globalization, Uncertainty and Youth inSsociety*. London: Routledge.
14. Boas, F. (1896). The Growth of Indian Mythologies. A Study Based upon the Growth of the Mythologies of the North Pacific Coast. *The Journal of American Folklore, 9*(32), 1–11. doi:10.2307/532988
15. Bourhis, R. Y., Moïse, L. C., Perreault, S., & Senécal, S. (1997). Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach. *International Journal of Psychology, 32*(6), 369–386. doi: 10.1080/002075997400629
16. Bronfenbrenner, U. (1979). *The Ecology of Human Development*. Cambridge, MA: Havard University Press.
17. Brubaker, R. (2004). *Ethnicity Without Groups*. Cambridge, Massachusetts, and London: Havard University Press.
18. Buchholz, S., Hofäcker, D., Mills, M., Blossfeld, H.-P., Kurz, K., & Hofmeister, H. (2009). Life Courses in the Globalization Process: The Development of Social

Inequalities in Modern Societies. *European Sociological Review, 25*(1), 53–71. doi:10.1093/esr/jcn033

19. Bygnes, S., & Erdal, M. B. (2017). Liquid Migration, Grounded Lives: Considerations about Future Mobility and Settlement Among Polish and Spanish Migrants in Norway. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 43*(1), 102–118. doi:10.1080/1369183X.2016.1211004

20. Carrera, S., & Faure Atger, A. (2011). Integration as a Two-way Process in the EU? Assessing the Relationship Between the European Integration Fund and the Common Basic Principles on Integration. Electronic resource. Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1898684

21. Castells, M. (1997). *The Power of Identity* (Vol. 2). Oxford: Blackwell Publishers.

22. Castles, S., Haas, H. d., & Miller, M. J. (2013). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (5th Ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan.

23. Chaplin, W. F., John, O. P., & Goldberg, L. R. (1988). Conceptions of States and Traits: Dimensional Attributes with Ideals as Prototypes. *Journal of Personality and Social Psychology, 54*(4), 541–557. doi:10.1037/0022-3514.54.4.541

24. Chitwood, A. (2004). Death by Philosophy. The Biographical Tradition in the Life and Death of the Archaic Philosophers Empedocles, Heraclitus, and Democritus. In (Vol. 59–93). Ann Arbor: University of Michigan.

25. Coleman, J. S. (1990). *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Harvard University Press.

26. Cresswell, T. (2006). *On the Move. Mobility in the Modern Western World*. New York and London: Routledge.

27. Cwerner, S. B. (2001). The Times of Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 27*(1), 7–36. doi:10.1080/13691830125283

28. Dannefer, D., Kelley-Moore, J., & Huang, W. (2016). Optening the Social: Sociological Imagination in the Life Course Studies. In M. J. Shanahan, J. T. Mortimer, & K. M. Johnson (Eds.), *Handbook of the Life Course* (pp. 87–110). Heidelberg, New York, Dordrecht and London: Springer.

29. Eisenstadt, S. N. (1952). The Process of Absorption of New Immigrants in Israel. *Human Relations, 5*(3), 223–246. doi:10.1177/001872675200500301

30. Elder, G. H. (1994). Time, Human Agency, and Social Change: Perspectives on the Life Course. *Social Psychology Quarterly, 57*(1), 4–15. doi:10.2307/2786971

31. Elder, G. H. (1995). Life Trajectories in Changing Societies. In A. Bandura (Ed.), *Self-Efficacy in Changing Societies* (pp. 46–68). Cambridge: Cambridge University Press.

32. Elder, G. H., & Georg, L. K. (2016). Age, Cohorts, and the Life Course. In M. J. Shanahan, J. T. Mortimer, & K. M. Johnson (Eds.), *Handbook of the Life Course* (pp. 59–85). Heidelberg, New York, Dordrecht and London: Springer.

33. Emirbayer, M., & Mische, A. (1998). What is Agency. *American Journal of Sociology, 103*(4), 962–1023.

34. Engbersen, G. (2012). Migration Transitions in an Era of Liquid Migration. Reflections on Fassmann and Reeger. In M. Okolski (Ed.), *European Immigrations: Trends, Structures and Policy Implications* (pp. 91–105). Amsterdam: Amsterdam University Press.

35. Esser, H. (1980). *Aspekte der Wanderungssoziologie*. Darmstadt und Neuwied: Luchterhand.

36. Esser, H. (1999). *Situationslogik und Handeln* (Vol. 1). Frankfurt am Main and New York: Campus.

37. Faist, T. (2010). Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 36*(10), 1665-1687. doi:10.1080/1369183X.2010.489365

38. Francis, R. G. (1993). Chaos, Order, and Sociological Theory: A Comment. *Sociological Inquiry, 63*(2), 239–242. doi:10.1111/j.1475-682X.1993.tb00305.x

39. Gans, H. J. (1992). Comment: Ethnic Invention and Acculturation, a Bumpy-Line Approach. *Journal of American Ethnic History, 12*(1), 42–52.

40. Garcés-Mascareñas, B., & Penninx, R. (2016). Introduction: Integration as a Three-Way Process Approach? In B. Garcés-Mascareñas & R. Penninx (Eds.), *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors* (pp. 1–9). Cham: Springer International Publishing.

41. Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

42. Gordon, M. M. (1964). *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins.* . New York: Oxford Univerity Press.

43. Grzymala-Kazlowska, A. (2015). Social Anchoring: Immigrant Identity, Security and Integration Reconnected? *Sociology, 50*(6), 1123–1139. doi:10.1177/0038038515594091

44. Grzymala-Kazlowska, A., & Phillimore, J. (2018). Introduction: Rethinking Integration. New Perspectives on Adaptation and Settlement in the Era of Super-diversity. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 44*(2), 179–196. doi:10.1080/1369183X.2017.1341706

45. King, R. (2018). Theorising new European Youth Mobilities. *Population, Space and Place, 24*(1), e2117. doi:doi:10.1002/psp.2117

46. Lockwood, D. (1964). Social Integration and System Integration. In G. K. Zollschan & W. Hirsch (Eds.), *Explorations in Social Change* (pp. 244–257). London: Houghton Mifflin.

47. Merton, R. K. (1938). Social Structure and Anomie. *American Sociological Review, 3*(5), 672–682. doi:10.2307/2084686

48. Nauck, B. (2008). Akkulturation: Theoretische Ansätze und Perspektiven in Psychologie und Soziologie. In F. Kalter (Ed.), *Migration und Integration* (pp. 108–133). Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwissenschaften.

49. Park, R. E. (1928). Human Migration and the Marginal Man. *American Journal of Sociology, 33*(6), 881–893.

50. Park, R. E., & Burgess, E. W. (1921). *Introduction to the Sciense of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.

51. Redfield, R., Linton, R., & Herskovits, M. J. (1936). Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist, 38*(1), 149–152.

52. Ryan, L. (2018). Differentiated Embedding: Polish Migrants in London Negotiating Belonging Over Time. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 44*(2), 233–251. doi:10.1080/1369183X.2017.1341710

53. Rytter, M. (2018). Writing Against Integration: Danish Imaginaries of Culture, Race and Belonging. *Ethnos*, 1–20. doi:10.1080/00141844.2018.1458745

54. Sawyer, K. R. (2001). Emergence in Sociology: Contemporary Philosophy of Mind and Some Implications for Sociological Theory. *American Journal of Sociology, 107*(3), 551–585. doi:10.1086/338780

55. Skrobanek, J., & Jobst, S. (2017). Fans – Soziologische Perspektiven. In J. Roose, M. S. Schäfer, & T. Schmidt-Lux (Eds.), *Fans – Soziologische Perspektiven*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

56. Skrobanek, J., & Jobst, S. (2018). *Liquid Integration – a New Perspective on Assimilation in the Era of Super Mobilities.* Paper presented at the X International Forum "Migration bridges in Eurasia" in Moscow, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

57. Skrobanek, J., & Karl, U. (2016). *Micro – Meso – Macro and Beyond – an Integrative Framework for Researching Migration Mobility*. Luxembourg: University of Luxembourg

58. Taft, R. (1953). The Shared Frame of Reference Concept Applied to the Assimilation of Immigrants. *Human Relations, 6*(1), 45–55. doi:10.1177/001872675300600103

59. Union, C. o. t. E. (2004). Immigrant Integration Policy in the European Union [Press release]. Electronic resource. Access mode: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-04-321_en.htm?locale=en

60. Urry, J. (2000). *Sociology Beyond Societies*. London: Routledge.

61. Urry, J. (2007). *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.

62. van Reekum, R., Duyvendak, J. W., & Bertossi, C. (2012). National Models of Integration and the Crisis of Multiculturalism: a Critical Comparative Perspective. *Patterns of Prejudice, 46*(5), 417–426. doi:10.1080/0031322X.2012.718162

63. Vertovec, S. (2001). Transnationalism and Identity. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 27*(4), 573–582. doi:10.1080/13691830120090386

64. Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its Implications. *Ethnic and Racial Studies, 30*(6), 1024–1054. doi:10.1080/01419870701599465

65. Weber, M. (2007). *Wirtschaft und Gesellschaft*. Paderborn: Voltmedia.

66. Wieviorka, M. (2014). A Critique of Integration. *Identities, 21*(6), 633–641. doi:10.1080/1070289X.2013.828615

67. Wimmer, A., & Glick Schiller, N. (2002). Methodological Nationalism and Beyond: Nation–State Building, Migration and the Social Sciences. *Global Networks, 2*(4), 301–334. doi:10.1111/1471-0374.00043

FEATURES OF THE INTEGRATION OF MIGRANTS IN MOSCOW

Nikita BILLIER, Dual Master Degree Student, University College London – National Research University Higher School of Economics; intern of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, London (United Kingdom), Moscow (Russia). E-mail: nikitabilliermaryioli@gmail.com

Abstract. The objective of our study is to examine the policy undertaken in Moscow since the end of the USSR, that is «a complex mix of Kremlin and municipal power», in focusing on the question of the integration of migrants. In order to do so we are going to build on the conceptual framework defining the core domains of integration suggested by Ager and Strang.
Keywords: Ambitious multi-cultural policy, management, diversity, Russia.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В МОСКВЕ

БИЛЛИЕР Никита, магистрант программы двойных дипломов, Университетский колледж Лондона – НИУ Высшая школа экономики; стажер Института социально-политических исследований РАН, Лондон (Великобритания), Москва (Россия). E-mail: nikitabilliermaryioli@gmail.com

Аннотация. Целью настоящего исследования является изучение политики в области интеграции мигрантов, проводимой в Москве с конца СССР, то есть «сложного сочетания Кремлевской и муниципальной властей», с акцентом на вопросе интеграции мигрантов. Для этого мы будем опираться на концептуальные рамки, определяющие основные области интеграции, предложенные Ager и Strang.
Ключевые слова: амбициозная мультикультурная политика, управление, многообразие, Россия.

Introduction. Since the fall of the USSR, the immigration from the Caucasus and Central Asia has significantly increased in Moscow [17]. The trend has been confirmed by the census of nationalities in Moscow conducted in 2010 [17]. The objective of our study is to examine the policy undertaken in Moscow since the end of the USSR, that is «a complex mix of Kremlin and municipal power» [19], in focusing on the question of the integration of migrants. In order to do so we are going to build on the conceptual framework defining the core domains of integration suggested by Ager and Strang [1].

I. Markers and means of integration

Employment. The scale of the phenomenon of illegal employment in Moscow (sometimes generated by employers themselves (information from the Interview with Mr. Ibrahim Akhmedov, Representative of the Ministry of Labour, Migration and Employment of Tajikistan, Moscow, 06/07/2018), has triggered the differentiation of these categories of migrant worker in response [5]. The first is

comprised of workers from countries that have a visa regime with Russia: these workers must obtain a *work permit*, that is approved in the context of a policy of quotas. The second is comprised of workers from countries that come from countries that do not have a visa regime with Russia: they must obtain a *patent*. The third is comprised of citizens of Eurasian Economic Community member countries, that succeeded to the Customs Union since 2015, who are permitted to work in Russia without either a work permit or a patent. The crucial question to Moscow is, since 2003, what is the quota of migrant workers permitted in the city. On this issue, there is a very clear continuity of the policy of the preceding mayor of Moscow, Yuri Luzkhov (1992–2010), and the current, Sergei Sobyanin (2010-present): both of them « have implemented the Kremlin policy prerogative of scarcity » [19]. An interdepartmental commission is responsible for the definition of quotas [19]. Since 2012, the central institution is the Moscow Centre of Labour Exchange (Moskovskii Tsentr Trudovogo Obmena, or MTsTO), which is « allowed to redistribute its quota allocation to interested employers and workers » [19]. The policy of the city of Moscow is registered in the federal framework of the «Conception of the migration policy in Russia until 2025 », adopted in June 2012 [14], that seems to have the objective of optimising the economic benefits that legal migration could provide to the city (and illegal, as we are going to further clarify)[5], than to socially integrate migrant workers by offering them secure jobs.

Housing. The city of Moscow policy does not develop housing assistance programmes for migrants. The main reason for this is that housing has become, after the fall of the Soviet regime that controlled the housing system [6], a private market, having two consequences. The first is that even if the government of Moscow is opposed to the development of «ethnic enclaves» in the suburban areas of the city (a phenomenon that is however more restricted than in the capitals of the West like London or Paris [17]), it cannot really regulate the places of residence of migrants. The second is just that the housing market has been largely opaque to the authorities, the migrant monitoring policy is not executed on their place of residence, but in the public space, in other words on the street, on the subway or in places of work [9]. Access to housing is primarily found in the centre of interethnic social ability networks that favour integration at the heart of ethnic groups more than at the heart of the Muscovite population as a whole.

Education. The children of legal migrants can of course be freely enrolled in public schools (Interview Akhmedov). However, since 1988, the city of Moscow made it possible (the date of the creation of the Georgian section at school n°1 331), then in the 1990s the creation of schools of an ethno-cultural character in order to respond equally well to the emergence of cultural demands that had increased with migratory flow. Up until the end of the 1990s these schools had a certain freedom: they could use textbooks written in a second language, including those for mathematics, biology, etc., in order to facilitate the academic learning of non-Russian speaking children. The access to a particular education presented as many advantages as disadvantages from the point of view of the integration of migrant populations: it certainly responded to the demand of a right to cultural difference and maintenance of linguistic heritage, but also contained the risk of

community confinement. At the start of the 2000s, the mayor of Moscow significantly reduced the number of hours allocated to ethnocultural options and ensured the restoration of the Russian language as the top priority in academic learning. The awareness by the municipality of Moscow of the risk of a headlong policy to satisfy community demands bought it to put into place a programme of integration for the children of legal migrants through education.

Health. The Multifunctional Migration Centre (MMC), offers migrant workers medical examinations and the sale of private medical insurance [19]. However every migrant, legal or illegal, may benefit from emergency medical assistance for free in Moscow. Medical insurance for a migrant who has a *patent*, costs between 350,000 and 500,000 r per year, but does not cover all of the medical fees in case of a serious condition (according to Mr. Ibrahim Akhmedov's words).

II. Social connections

Social bridges. The widely shared opinion according to which the Muscovite population exercise xenophobia must be rectified, firstly because the numbers of migrants coming from the Ukraine are not subject to any ostracism (the phenomenon of xenophobia primarily concerns the people from the Caucasus, Central Asia and Africa), and secondly because the relationships with the people from the Caucasus and Central Asia are more complex than might have been thought. Field studies using qualitative methods have been able to demonstrate that there exist factors favouring "positive" integrative contact, and others favouring negative and potentially xenophobic contacts [8]. For example, the absence of personal experience of interaction with migrants significantly increases negative feelings regarding them [8], or simply the type of work of migrants: the Central Asians, relatively poor and quite involved in manual labour positions have been the subject of fewer popular demonstrations of hostility than the people from the Caucasus, more wealthy and more invested in commercial activities [9]. However, the Muscovites had close relationships with migrants of the same social standing «stressed that these people – despite having come from countries in Central Asia and the Caucasus – are 'just like us'» [9].

Social bonds. It is necessary to begin by noting that many migrant populations benefit from communities long established in Moscow: sociability networks also exist in which new arrivals can implant themselves within [12]. Most ethnic communities have an official national organisation: there are more than 150 in Moscow. They play the role of official interface between the ethno-national communities and the municipality. One of the main demands of the community organisations on the city of Moscow in the 1990s dealt with the creation of a place dedicated to the cultures of different peoples, where offices for the representatives of different organisations could also be provided. The «House of nationalities» in Moscow was inaugurated on the 18th October 2003. It accommodates 78 community associations. Its official objective is to simultaneously promote the protection of ethnocultural identities and unity of Muscovites. The consensual political discourse, however, covers a more controversial reality. The House of Nationalities

has become a form of administrative institution with which community organisations are confined to a simple role of cultural actors: these organisations by no means have a role of institutional or political bodies. The ethno-cultural diversity management policy at the heart of Moscow, that is the successor to the way of managing nationalities from the Soviet era and from a «*druzhba narodov*» [18] ideal, is characterised by a primordialist view of cultural identities (that is gradually being abandoned by Russian academics) [2], that contains the risk of trapping the community in a fixed identity and of being an obstacle for their integration into the heart of Russian society. It reflects all of the ambiguity of the «multiculturalism of Russia» [10]: on one side, cultural diversity is celebrated by the municipal authorities as a richness that needs to be preserved, on the other hand, the acceptance of cultural diversity is founded on a primordialist conception of the individual identified to an immutable culture, often reduced to simple folkloric representations. Hence a fundamental problem for the integration of migrants caused by the multiculturalism exercised in the city of Moscow: how to really establish a feeling of common belonging to a civil society and an urban community, while the individual is continuously reminded of its ethnic background and whilst the cultures of migrants are regarded as simply an enrichment of the underlying culture that is continually reaffirmed as «Russian»?

Social relationship. The relationships of migrant workers with the municipal services are primarily of three kinds: administrative, police and cultural. The administrative relationship has been ensured since November 2014 by the Multifunctional Migration Centre (Mnogofunktsinoal'nyi Migratsionnyi Tsentr, or MMC), including the functions of the sale of *patents*, the different administrative procedures for registration, medical examinations and the sale of medical insurance, the payment of taxes, etc. The second most frequent contact that migrants have with the official authorities (of Moscow and The Federation), is with the police forces who verify identities: the phenomenon is much more present in Moscow than in the other cities in Russia [9], breaking with the practice of the Soviet era during which the control of immigration was more administrative than police [9]. In Moscow there is the practice of harassment of migrants by the police authorities, targeted primarily on the people from the Caucasus and Central Asia, independently of their legal status (legal or illegal migrants). The contact with the cultural institutions has been outlined above (see II.2). In total the relationship that migrants have with the official services seems to be caught in a tension between integrative factors covered by the various administrative services provided by the MMTs and an anti-integrative factor comprised of the constant reminder to migrants of their status by police pressure and by the corruption of certain municipal services [9].

III. Facilitators

Language and cultural knowledge. These exists notable linguistic differences between migrants: the young migrants from Central Asia and from a rural environment speak very little Russian, unlike, for example, those from Azerbaijan or Armenia who speak it very well. To respond to the problem, since the 1st January 2015, a Russian Federal law has introduced a compulsory examination for all

migrant workers, concerning their knowledge of the Russian language, legislation and the history of Russia [5]. The examination is supposed to help legal migrants to find work and to integrate themselves into Russian society. Is this measure effective in encouraging the integration of migrant populations? To enable it to be so, it is no doubt necessary that it be supported, firstly, by a programme of courses allowing migrants to prepare for the examination for free or at little cost and, secondly, the inclusion of the examination at the heart of a multidimensional policy designed to promote integration, that will facilitate, for example, access to housing and medical treatment for migrants. Yet the city of Moscow does not support such a policy. The compulsory language, legislation and Russian history examination risks therefore to not constitute an integration factor but to expose itself on the contrary as an additional obstacle to integration: the migrants who fail the examination rarely return to their own countries and are thus mechanically rejected towards illegality.

Safety. Personal safety is not solely concerned with the absence of physical agression: it is also concerned with verbal aggression and the feeling of not being the subject of ostracism, harassment or intimidation. In Moscow, as more generally in Russia, xenophobia and racism are widespread feelings but which have to be analysed in a nuanced manner, as we have shown above. The daily experience of migrants from the Caucasus and Central Asia in Moscow does not always translate to the slogans of hospitality of the official policy. The insecurity of a migrant in Moscow is that of continuous identity controls practiced by the police in the street, on the subway or in the stations. Matthew Light emphasizes that the practice of identity controls was not systematic in the Soviet era: it has become so since 1993, a date that corresponds with the liberalisation of Russian laws on internal mobility [9]. The identity control methods employed by the police in Moscow represent a flagrant violation of the Russian law concerning the treatment of citizens by the police [9]. A full series of phenomenon, documents and analyses by Matthew Light shows how migrants are kept in a situation of insecurity in Moscow: corrupt companies that provide valid official documents in exchange for payment, bribes to ignore infractions, bribes to enforce the law, and extorting payments without infraction [9].

IV. Foundations: Rights and citizenship

Immigrants in Moscow mainly come from countries whose nationals do not require a visa to return to Russia. It explains the ease with which nationals from these countries settle in Moscow. They are thus officially on a straight-forward «temporary stay», that has for a long time allowed the municipal and federal authorities to not develop genuine programmes with the purpose of the integration of migrants. In reality, once they have arrived in Moscow, migrants more often than not (with the exception of Chinese migrants who, in most cases, only wish to work in a temporary manner in Moscow) seek to change their status and to obtain a temporary residency permit, then a permanent residency permit, and, for some, the Russian nationality [4]. The official response of the authorities in order to halt the phenomenon of illegal migrant workers, has been to create a system of patent at-

tribution. The first stage was, in 2010, to permit migrants to hold a work permit for specific industries (construction, for example). The second stage was, from the 15th January 2015, the creation of new regulations for the assignment of patents. The new system has advantages and disadvantages. Indeed, on one side, it allows migrant workers to be able to obtain more rights when dealing with employers (they can, for example, change their activity, since the patent, differing from the work permit, does not impose a single activity), and escape from the quotas affecting work permits. On the other hand, the possession of a patent assumes income, as it is profitable. In Moscow, it costs more or less 4000 roubles per month (on the basis of nationality of the migrant)[5], which is not a small sum. The new laws of the Russian Federation, entered into force in January 2015, have, in principal, created new safeguards for the rights of migrant workers: the purchase of a work permit for a duration of three years; the potential to obtain a residency permit for one or three years, and even that of obtaining the Russian nationality (the language and civilisation examination being different for each of the three cases). In reality, the situation is more complicated. The policy of quotas can lead to, for example, the municipal authorities knowing it in advance and "tacitly expect" that the construction companies « hire illegal migrants, according to customary practice in industry » [19]. The most important is without doubt the implementation of a system for the sale of patents, taking place at the same time as the economic crisis; these two factors have decreased the arrival of new migrants in Moscow. However, the migrants who are already present in the city have themselves also suffered with the economic crisis. Henceforth, a part of the migrant population in Moscow, who have certainly not left Russia, «has simply gone underground» [19], sliding towards illegality. Yet the population constitutes a reservoir of cheap labour for the employers of Moscow. It is plausible that the mayor of Moscow has no intention of integrating this population and allowing them access to their rights (the patents, too expensive for them). In total, it seems to us that the fundamental rights of migrants are weakened by two crucial factors. Firstly, by the unequal treatment of migrant ethnic groups: for example, the Chechens are very clearly disadvantaged by the municipal authorities who use them to try and discourage them from settling in a permanent manner in Moscow[9]. Secondly, by the intense police activity regarding certain migrants (Caucasians and those from Central Asia), that seems to have the effect of (perhaps the aim), not to combat the criminality related to these groups of migrants [19] and to deport the illegal migrants, but to simply intimidate the stubborn illegal workers, regardless of some spectacular eviction intended in a populist manner for Russian popular opinion. In a recent publication, Matthew Light describes as a «populist pact» [19] the way in which the two mayors of Moscow manage immigration: a very restrictive public rhetoric in respect of migrants supporting an economic realism policy implicitly accepting that a good portion of migrants constitute a reservoir of cheap labour without legal status or with "fragile rights". «By maintaining a constant pressure on them», writes M. Light, «…the Moscow government forces migrants to evaluate whether the financial gains from remaining in the city outweigh the financial and physical risks. This encourages able-bodied people, (mostly men), to come to the capital to work

on a temporary basis (…). Moscow has created a modernized, de facto *limitchiki (*workers who settle in the suburbs of Moscow during the 1960's) class based on extra-legal coercion rather than, (as in the Soviet Union), legal status» [9].

Conclusion. The city of Moscow leads a very restrictive policy regarding immigration, aimed at maintaining the majority of migrants in a position of temporary worker, whilst simultaneously leading an ambitious policy for the management of the cultural diversity coming from immigration. The factors for integration created by the multi-cultural policy of Moscow and by the impetus of multiple national organisations in dialogue with the municipality seem to be real to us. It is not certain, however, that they compensate for the factors discouraging integration that arise from the economic realism of the municipality.

REFERENCES AND SOURCES

1. Ager, A. and Strang, A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies, 2008. Vol. 21, no. 2, p. 166–191.
2. Akopov, S. Multinationalism, Mononationalism or Transnationalism in Russia? / In: Raymond Taras (ed.), Challenging Multiculturalism. European Models of Diversity, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2013.
3. Alexseev, M. A. Societal security, the security dilemma, and extreme anti-migrant hostility in Russia // Journal of Peace Research, 2011. Vol. 18, no. 4, pp. 509–523.
4. Alexseev, M. A. Immigration Phobia and the Security Dilemma. Russia, Europe, and the United States. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.
5. Bisson, L. Russia's Immigration Policy: New Challenges and Tools. Paris, IFRI, Russie Nei Visions, 2016. No. 91.
6. Colton, T. Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, Mass., 1995.
7. Golunov, S. Ethnic Migration and Crime // Russian Politics and Law, November-December 2014. Vol. 52, no. 6, pp. 42–60.
8. Kosmarskaya, N., and Savin, I. Everyday nationalism in Russia in European context: Moscow residents'perceptions of ethnic minority migrants and migration / In: Pål Kolstø, Helge Blakkisrud (ed.), The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2016.
9. Light, M. Fragile Migration Rights. Freedom of movement in post-Soviet Russia. London, Routledge, 2017.
10. Malakhov, V. and Tishkov, V. (ed.) Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, 2002.
11. Pilkington, H. Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. London, Routledge, 1998.
12. Rahmonova-Schwartz, D. Migrations during the Soviet Period and in the Early Years of URSS's Dissolution: A Focus on Central Asia // Revue européenne des migrations internationales, 2010. Vol. 26, no. 3, pp. 9–30.
13. Ryazantsev, S. The new concept of migration policy of the Russian Federation. Revolution or re-evolution? / In: The 3rd Ruppin International Conference on Immigration and Social Integration: Migration Trends over the Past Quarter Century, Ruppin Academic Center, 2014.

14. Ryazantsev, S., et al. Actual Problems of Human Trafficking and Illegal Migration in the Russian Federation // Mediterranean Journal of Social Sciences, 2015. Vol. 6, No. 3, pp. 621–626.

15. Ryazantsev, S., et al. Migration in the Russian Federation Today // Teorija in Praska, 2017, let.54-6, pp. 969–989.

16. Ryazantsev, S. The Modern Migration Policy of Russia: Problems and Necessary Directions of Perfection. Moscow, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, paper, unpublished, 2018.

17. Röttjer, J. and Kusber, J. Europe's only Megacity. Urban Growth, Migration and Gentrification in 21stCentury Moscow / In: Hans-Christian Petersen (ed.), Spaces of the Poor. Perspectives of Cultural Sciences on Urban Slum Areas and Their Inhabitants. CITY, Transcript Verlag, 2013.

18. Sahadeo, J. Soviet "Blacks" and Place Making in Leningrad and Moscow // Slavic Review, 2012. Vol. 71, No. 2, pp. 331–358.

19. Schenk, C. Why Control Immigration? Strategic uses of Migration Management in Russia. Toronto, University of Toronto Press, 2018.

IF THE OFFICIAL NATIONALISM IS GETTING ETHNICIZED IN RUSSIA, WHY IS IT NOT BECOMING EASIER FOR ETHNIC RUSSIANS TO GET THE CITIZENSHIP? THE CASE OF RUSSIAN DIASPORA AND THE "COMPATRIOTS RESETTLEMENT PROGRAM"

Xeniya KRYAKVINA, MA student (Political Science and International Relations), Nazarbayev University, Astana (Kazakhstan). E-mail: xeniya.kryakvina@nu.edu.kz

Abstract: The presence of large Russian Diaspora in the former USSR states (25 millions) created sort of political leverage for the Russian government in promotion of its interests in the region (Kolstoe, 1995). Inability to make choice between civic and ethnic forms of nationalism, including the issue of granting citizenship for the representatives of the Diaspora was and still is one of the most debated topics in the Kremlin (Kolstoe, 1995; Shevel, 2011).
Key words: nationalism, migration policy, ethnic repatriation, compatriots.

ЕСЛИ В РОССИИ ПРОИСХОДИТ ЭТНИЗАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА, ТО ПОЧЕМУ ЭТНИЧЕСКИМ РУССКИМ НЕ СТАНОВИТСЯ ЛЕГЧЕ ПОЛУЧИТЬ ГРАЖДАНСТВО? НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ И " ПРОГРАММЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ"

КРЯКВИНА Ксения, магистрант программы Политология и международные отношения, Назарбаев Университет, Астана (Казахстан). E-mail: xeniya.kryakvina@nu.edu.kz

Аннотация. Наличие многочисленной русской диаспоры в государствах бывшего СССР (25 млн. человек) создало своего рода политический рычаг для продвижения российских интересов в регионе (Колстое, 1995). Неспособность сделать выбор между гражданскими и этническими формами национализма, включая вопрос о предоставлении гражданства представителям диаспоры, была и остается одной из самых обсуждаемых тем в Кремле (Колстое, 1995; Шевель, 2011).
Ключевые слова: национализм, миграционная политика, этническая репатриация, соотечественники.

Introduction. The presence of large Russian Diaspora in the former USSR states (25 millions) created sort of political leverage for the Russian government in promotion of its interests in the region [11]. Inability to make choice between civic and ethnic forms of nationalism, including the issue of granting citizenship for the representatives of the Diaspora was and still is one of the most debated topics in the Kremlin [11, 27]. Nevertheless, we can observe some sort of ethnicization of

policy of Russia, especially in the recent period [12, 16]. This process affected the citizenship policy by the creation of the "Compatriots" voluntary resettlement program in 2006, which is strongly supported by the official discourse of Kremlin [18]. Nevertheless, throughout the period of development of Russian legislation on migration, many various issues were faced by the people.

In this study I would like to conduct a policy analysis of the citizenship laws in Russia, in particular, to compare the development of the "Citizenship law" and the "Compatriots" resettlement program, thus will try to understand the connection between the nationalism and the inclusion of people.

Literature Review. Nationalism is an "ideology and social and political movement, interested in studying the evolution of human societies" [14]. The debates on nationalism developed three dominant theoretical approaches to the study of the nations and nationalism [14]. These approaches are the primordialism, modernism and the ethno symbolism.

The primordialist approach suggests that the nations are indispensible parts of human nature, and nations exists form the beginning of time [14]. This approach emphasizes the inherited ties of nations like blood, culture, customs and religion (Jaffrelot 2005). There are many dimensions inside the primordialist approach itself; however, the main feature of all of them is that it emphasized the natural origin of these ties [14].

Another major dimension in the study of the nationalism is the modernism, which emerged as a criticism to primordialism, by emphasizing the modern origin of nations [14]. As primordialism, modernism has many divisions. However, they share the idea that in the aftermath of industrialization, societies started to unite under the ideology of social entropy [4, 22]. Most scholars agree that the majority of states currently possess the characteristics of modern states, which means that they possess defined territories and create the sense of belonging to the "imagined communities" [1, 4, 5, 8, 22]. Therefore, the political elites in the attempt to legitimize their power, construct the national identities and the exploit them in the favorable way [6, 13].

The third major approach to the nationalism is ethno-symbolism, which emerged as a criticism of the modernist theoretical framework, emphasizing in their criticism the importance of the pre-modern types of the communities and their impact on the formation of the modern states [14].

These big theoretical frameworks of nationalism created two large ideal types of the nationalism in states: civic and ethnic [2]. They differentiate by the parameters of inclusion of people to their national communities. The ethnic nationalism emphasizes the role of myth of the common ancestry in the process of the formation of the nation, like linguistic, religious and the cultural parameters of the belonging to the group [19]. The civic nationalism puts emphasis on the political identity within the border of the state, which creates the identity irrespective of the cultural differences [19]. However, both ideal types of the nationalism received a lot of criticism, in a sense that they are useful for the creation of the framework for the analytical distinctions, but at the same time they are far from the reality primarily due to their inability to capture the complexity of nationalisms that are present in modern states [2, 19].

In the current research project I would like to focus on nationalism in Russia, and its effect on the change of the citizenship policies. Despite the fact that the creation the official ideology of the state is prohibited in Russian Constitution (Article 13) since 1993 (the Constitution of the RF), from the body of the literature we can find several types of the nationalisms which were applied by the ruling elites in the Russian Federation.

Laruelle [10] argues that there are many different nationalisms in Russia, however the three distinct types of the nationalism are the most prominent: ethnic, civic and the "Greater Russian" nationalism, which goes beyond frames of ideal types of nationalism. The "ethnic Russian" nationalism focuses on the state building around the core Russian ethnic group. Whereas, the civic nationalism, or "Rossiyane" nationalism, tries to create the political community within the borders of the Federation. Also, the "Greater Russian nationalism", which is focused on the restoration of the borders of the Soviet Union or the Russian Empire.

Tolz [26] expands the classification by adding two more types of the Russian nationalism: "Russians as the community of Russian-speakers" and the unity of the "Eastern slavs". The community of Russian-speakers targets the unification of people of the prost-Soviet or Imperial legacy, with the language as the basis for the unification. The nationalism of the "Unity of Eastern Slavs" refers to the common origin and the cultural similarities of Slavic people as the sources of the national identity.

Majority of these categories are more ethicized, however are far from the ideal type of the ethnic nationalism [21]. All of these types of nationalisms have potential drawbacks and opponents of particular types of nationalism policy [26], therefore from the recent history of Russia we can see that the government is constantly maneuvering between different types of the nationalisms in accordance to the interests of the state.

The modernist approach to the study of the nationalism emphasizes the fact that the process of the formation of nationalism is imposed by the governments of the state [6, 13]. Therefore, we should consider the citizenship policy of the state as part of the nationalism agenda, which explains the main criteria of the inclusion of new citizens.

In the aftermath of the dissolution of the USSR, the issue of migration became very salient in Russia. The citizenship policy went through many changes in the period since the 1991. Shevel [21] argues that those changes were not only inspired by the ideological factors for the promotion of inclusion of particular groups, but by both ideational and non-ideational factors of the policy.

In current research I would like to analyze the impact of the nationalism on the process of formation and the practical implementation of the citizenship policy in Russian Federation.

The scope of the study. In this paper, I would like to focus on the connection between nationalism of the state and the citizenship policy. In the literature review, it was indicated that the modernist approach to the nationalism emphasizes the instrumental nature of nationalism, as the tool of the legitimization of power by creation of a common national identity [6, 13]. Thus, the process of creation the

criteria for the inclusion of citizens supposed to be the part of the nationalism agenda, and the migration policies, including the process of the acquisition of the citizenship should go in line with the nationalism of the state. By citizenship I understand the "status that creates the legal bond between individuals and the state and endows individuals with certain rights and obligations" [23].

In this research I will have the specific focus on the migration policy and the citizenship acquisition in Russia, where nationalism went through many changes since the state became independent in 1991. During the presidency of Yeltsin nationalism was more civic, as the government tried to prevent secessionism [11]; at the same time, ethnic rhetoric in regards to the protection of the Diaspora abroad was very active [11, 15]. After Putin came to power, initially he was following the same direction in the nationalism as Yeltsin, focusing on the creation of the civic inclusive identity [3, 16, 17, 21]. However, with the start of his third term in power, the nationalism shifted in more ethnic frames [16], and reached its peak after the annexation of Crimea, where ethnic ideology started to expand beyond the borders of the nation, by emphasizing the protectionist intentions in relations to the Diaspora [12, 16, 24].

These changes in the nationalism of the state created similar changes in the migration policy of the Russian Federation. At the initial stage of Putin's rule, the migration policy of Russia became very strict after accepting the new "Law on Migration" in 2002. This law was targeting the internal migration and citizenship issues and provided less support for the resettlement of people [21]. However, with the change of the nationalism, the policies in this area experienced the primordial shift as well, like creation of the "Compatriots Resettlement program", which, as we can judge from the official statements of Putin ("Pryamaya liniya" 2018), prioritizes the return of "people bound by blood with Russia" to their "historic homeland" [21].

However, this trend of changing the laws toward more ethnic frames does not usually match the actual implementation of the policy. Initial estimates for the resettlement were not met by the Regions, and 2006 program was considered as failed [18]. It showed some effectiveness after the annexation of Crimea, but started to wane by 2015, thus the well-functioning of the program was rather exceptional [20].

Overall, I would like to explain which factors affect the mismatch of the nationalism and the implementation of the migration policies in Russia as the core ethnos.

Hypotheses. According to the literature, the ethnicization of nationalism in Russia was primarily targeting the ethnic Russians [12, 16]. Therefore, in my paper, I would like to focus on the acquisition of citizenship by this ethnic group.

The Russian law on the citizenship has two basic ways of obtaining the citizenship: the standard procedure (including simplified categories) of the application and the "Compatriots resettlement" program.

The latter is basically oriented on the solving the issue of the outflow of the population in eastern regions of Russia, which huge shortage in the amount of population. Therefore, I suppose that if the repatriation of ethnic Russians via this

program will show to have fewer issues that people dealt with during the process of the resettlement, then the ethnic nationalism works in the direction of solving the migration issues of Russia.

Hypothesis 1: If the "Compatriots resettlement program" works, then ethnicization of nationalism matters only for the migration purposes.

The rhetoric of protection of the compatriots abroad was one of the prominent directions of the foreign policy of Russia during the Yeltsin period [11], under the rule of Putin it became so after the annexation of Crimea [12, 16, 24]. Therefore, I suppose that in case if the repatriation program will show to have more complexities for people, than the standard procedure of the acquisition of citizenship (including simplified categories), then I would like to argue that the nationalism is not effective in the repatriation, rather it is oriented on pursue of the geopolitical goals.

Hypothesis 2: If the "Compatriots resettlement program" does not work, then the geopolitics matters more than repatriation.

Methodology. In this study I would like to analyze in-depth the practical implementation of the migration policy in Russia based on the experiences of people that were involved in the process of getting the Russian citizenship via both types of procedure, and the experts opinions on the migration policy of the Russian Federation.

In order to have more generalizable outcomes of the study, I would like to interview two groups of people (20 people in each), one of the groups will consist of people who applied for the Russian citizenship via standard procedure and the other one will be composed of those who used the "Compatriots" resettlement program. In-depth semi-structured interviews will help me to analyze people's experiences and problems that they faced in the process of the obtaining the citizenship, in order to figure out the most salient issues. The main method of recruitment will be the snow-balling technique, which will be based on my personal connections and the connections of my thesis adviser.

In addition, after I will have the outcomes of the interviews with participants, I will conduct the interviews with experts in Russian nationalism and migration, which supposed to be helpful for conducting the policy analysis of Russian nationalism and its mismatch with the practical implementation of migration policy. Unlike the recruitment of the participants, the recruitment of the experts will be based solely on the personal connections of my thesis adviser.

The secondary data that I will use in my work are the official statements and speeches of Russian government officials, because from this data we will be able to trace the changes in the nationalism and policies [3]. Also, I would like to include the systematic analysis of the legal framework like Federal Laws, Presidential Decrees, and Decrees of the Government of Russian Federation.

Limitations of the research. The main limitation that I face in the current work is the geographical remoteness of the population that I am intended to focus on. Therefore, in order to conduct the interviews I will use the social networks. The absence of the face to face contact can affect the quality of the answers of my interviewees, but I will try to build trust by making more emphasis on the explanation of the consent.

Ethical considerations. Current research will involve the work with human subjects, therefore I have to obtain the permission of the Institutional Research Ethnics Committee of the Nazarbayev University. After I will get the permission I will start to collect my data by conducting in-depth interviews with participants and experts. The study focuses on the people defined in Russian "Law on citizenship" as "compatriots", however the majority of the interviewed people are likely to be ethnic Russians, because the current return migration is composed mostly of ethnic Russians. Since the ethnic groups can be considered as vulnerable population, I will use the oral form of the consent, thus I will keep minimum amount of personal data. I cannot preserve total anonymity due to my method of recruitment, however the only document that I will contain personal data will be the list of names of my participants that will be kept separately on my personal computer and will be password protected. I will not use the personal information of my participants anywhere in my work, the exception might be from the group of the experts if they will demand to indicate their names. Before I will process for the interviewing process, I will make sure that the participants understand the purpose of my research and that the participation in the study is voluntary, and they can refuse to take part in it at any moment without any negative consequences for them.

REFERENCES AND SOURCES

1. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of the Nationalism. New York: Verso, 2006.
2. Brubaker, R. The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between "Civic" and "Ethnic" Nationalism. / In: Nation and National Identity: The European Experience in Perspective, eds. K., Hanspeter, K. Armingeon, H. Slegrist and A. Wimmer. Zurich: Ruegger, 1999. Pp. 55–72.
3. Brookfield, J. Russian Nationalism / In: Routledge Handbook of Russian Politics and Society, eds. G. Gill and J. Young. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2012. Pp. 386–396.
4. Gellner, E. Nations and Nationalism. New York: Cornell University Press, 2006.
5. Hobsbawm, E. J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. New York: Cambridge University Press, 1990.
6. Hobsbawm, E. J. The Nation as Invented Tradition / In: Nationalism, 1994.
7. Hutchinson, J. and Smith A. D., eds. Nationalism. New York: Oxford University Press, 1994. Pp. 76–82.
8. Jaffrelot, Ch. For a Theory of Nationalism / In: Revisiting Nationalism: Theories and Processes, eds. Dieckhoff A. and Jaffrelot Ch. New York: Palgrave Macmillan, 2005. Pp. 10–61.
9. Laruelle, M., eds. Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2009.
10. Kolstoe, P. Russians in the Former Soviet Republics. London: C.Hurst & Co., 1995.
11. Kolsto, P. Crimea vs. Donbas: How Putin Won Russian Nationalist Support – and Lost it Again // Slavic Review, 2016. 75(3): 702–725.

12. Leoussi, A. S. and Smith A. D. Encyclopaedia of Nationalism. London: Transaction Publishers, 2001.

13. Ozkirimli, U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

14. Pain, E. Contemporary Russian Nationalism in the Historical Struggle "Official Nationality" and "Popular Sovereignty' / In: Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity 2010-17, eds. Kolsto P. and Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2018.

15. Ponarin, E. and Komin M. Imperial and Ethnic Nationalism: a Dilemma of the Russian Elite / In: Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity 2010-17, eds. Kolsto P. and Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2018.

16. Putin, V. Rossiya na Rubezhe Tysyacheletii. Electronic Resource. Access mode: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html (December 30, 1999).

17. Putin, V. 2013. Press conference. Electronic Resource. Access mode: http://kremlin.ru/events/president/news/19859 (December 19, 2013)

18. Roshwald, A. Civic and Ethnic Nationalism / In: The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism, eds. Stone J., Rutledge M. D., Rizova P. S., Smith A. D., and Xiaoshuo Hou. New York: JohnWiley & Sons, Ltd, 2016. Pp. 1–4.

19. Schenk, C. Assessing Foreign Policy Commitment through Migration Policy in Russia // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization, 2016. 24(4). Pp. 465–490.

20. Shevel, O. Russian Nation-building from Yeltsin to Medvedev: Ethnic, Purposefully Ambiguous? // Europe-Asia Studies, 2011. 63(2). Pp. 179–202.

21. Smith, A. D. Culture, Community and Territory: the Politics of Ethnicity and Nationalism // International Affairs, 1996. 72(3): 445–458.

22. Vink, P. M. and Baubock R. Citizenship configurations: Analysing the multiple purposes of citizenship regimes in Europe // Comparative European Politics, 2013. 11(5). Pp. 621–648.

23. Teper, Y. Kremlin's post-2012 National Policies: Encountering the Merits and Perils of Identity Based Social Contract / In: Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity 2010-17, eds. Kolsto P. and Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2018.

24. The Constitution of the Russian Federation. 2001. Electronic Resource. Access mode: http://www.constitution.ru/en/10003000-01.htm

25. Tolz, V. Inventing the Nation: Russia. New York: Oxford University Press Inc., 2001.

RUSSIANS' MIGRATION IN GREECE: PROSPECTS FOR IMMIGRANTS TO JOIN THE EDUCATION SYSTEM AND THE LABOUR MARKET

Alexandros ZAVOS, B.Sc. in Mathematics, M.Sc. in Teaching & Methodology of Mathematics; PhD Candidate in Cognitive Psychology, President of the Hellenic Immigration Policy Institute, Athens (Greece). E-mail: alzavos@yahoo.com

Abstract: The religious ties between the two nations as well as the Russian assistance against the Ottoman rule during the Greek War of Independence have played a major role in fostering bilateral relations. But although a significant percentage of the immigrants from the former Soviet countries have a relatively low educational background, even the ones with higher education degrees face significant difficulties in having their degree officially recognized by the Greek state due to the strict local bureaucracy.
Keywords: Greek-Russian relations, Russian immigrants, Soviet Greeks, Integration of Russians, Integration problems, Informal Greek Economy.

МИГРАЦИЯ РОССИЯН В ГРЕЦИЮ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ИММИГРАНТОВ К СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКУ ТРУДА

ЗАВОС Александрос, бакалавр математики, магистр в области преподавания математики, соискатель степени доктора наук в области когнитивной психологии; президент Греческого института иммиграционной политики (Афины, Греция). E-mail: alzavos@yahoo.com

Аннотация. Религиозные связи между двумя народами, а также помощь России в борьбе против османского владычества во время греческой войны за независимость сыграли важную роль в развитии двусторонних отношений. В результате за последние два столетия греки иммигрировали в Россию и наоборот. Но несмотря на то, что значительная часть иммигрантов из стран бывшего Советского Союза имеют относительно низкий уровень образования, даже те, кто имеет высшее образование, сталкиваются со значительными трудностями в получении официального признания документов об образовании из-за высокого уровня бюрократизации в Греции.
Ключевые слова: греко-российские отношения, русские эмигранты, советские греки, интеграция русских, интеграционные проблемы, неформальная греческая экономика.

It is commonly accepted that the relations between Greece and Russia have always been and still remain warm and sincere for many many years. The reasons for this deep friendship are not only historical and cultural but also religious. The common religion (Christian Orthodox) has played a significant role in strengthening and maintaining good relations between the two countries.

Since the Ottoman occupation in Greece, many Greeks had fled to Russia, where they were educated, made their family, did business and held great positions

in the state authorities. A distinctive example was John Kapodistrias, the first Governor of Greece after gaining independence, who was very prominent in the Foreign Ministry of Russia.

It is worth mentioning that Russia helped Greece in the revolution of 1821 for the Greek liberation from the Turks. Since 1828, the two countries have established diplomatic relations that have never been interrupted till now. During this period, many Greeks had settled in Russia, mainly in the Black Sea regions and in Moscow. All the above has been mentioned to explain the reasons that have led a great number of Russians to come to Greece when the Communist regime collapsed and the Soviet Union was dissolved.

Immigrants from Russia felt safer to settle and look for work in Greece, even if Greece was farther from Russia than many other European countries. According to data from the Hellenic Statistical Office and the General Secretariat of Hellenes Abroad, the number of expatriates who returned from the countries which belonged to the former Soviet Union to Greece (now Greek citizens) was estimated at 155,000 in 2008. More specifically, those who came from Russia were estimated at 23,000. According to the 2001 census, apart from Greek expatriates, the Russians who arrived (legally or illegally) in Greece were 17,535 and this figure represented 2.30% of the immigrant population in the country.

Today, the latest data from the Ministry of Immigration Policy (April 2018) shows that residence permits (in effect) issued to Russian nationals amount to 14,486, of which 11,759 are women. The reasons for granting these residence permits are: 543 for work, 7,935 for family reunification, 236 for studies and 5,772 for any other reason. If we looked at the residence permits in force in April 2008 (10 years ago), we will find out that they were 10,564. This comparison shows that there are more legal immigrants Russians in Greece today. This is explained by the fact that almost 50% of the permits issued concern family reunion, which means that they either brought their family members to Greece or that they decided to get married to Greeks and as a result they remained here.

At the same time in Greece we have had a large number of Russian students attending secondary schools in 2004-05. According to a census carried out by the Institute of Migration Policy at all schools in Attica, the students coming from Russia were the second population group among immigrants (the Albanians being the largest group). The total number of migrants in Attica schools was 14,084 in middle schools and 9,338 in high schools and technical education. We may clarify here that in the Greek schools we host immigrant students from 78 different countries.

The Russian students have reached the 2.8% of the total number of pupils in middle schools and high schools. The observation of this large number of Russian students shows that many Russian immigrants used to move to Greece with their children or brought them immediately after their legalization. This is also justified by the large number of family reunification permits.

The work posts, which women from the countries of the former Soviet Union have undertaken, seem to be in small craft businesses, as home assistants, house cleaners or night nurses. But, especially immigrant women from Russia

were mostly employed in tourism, in catering as waitresses or in the kitchen, and in crafts, trying to avoid night shifts, perhaps in order to stay close to their children. According to surveys made to determine the level of migrant education, it was recorded that immigrants from the countries of the former Soviet Union have had a higher educational background than the migrants coming from Balkan countries, especially Albania, having the largest immigrants' group in Greece, and from countries in Africa and Asia.

Furthermore, as regards the immigrants from Russia more specifically, it was found that they had had a relatively low educational level in general. Probably the Greek labour market could not absorb highly qualified people, because these positions had in fact been occupied by the Greeks. In terms of how to search for and find a job, new immigrants usually asked for help either from relatives who had already been here and knew all about the labor market and the way how to approach potential employers, or from expatriate associations and NGOs whose role was to assist migrants along their first steps in the host country. Moreover, certain offices were set up, which received money paid by the immigrants themselves in order to help them find a job and obtain the necessary documents so that they would be issued a legal license.

Simultaneously, this large number of migrants in Greece had gradually begun to create problems of racism and xenophobia. However, with respect to the Russian immigrants it was positive that they did not face serious problems because of their characteristics, which had to do with the same skin color as the natives, the same religion, and a quite similar culture to the host country. Yet, they had to deal with many other problems that were common to all immigrants arriving illegally in the country as they had to leave their homelands under conditions of great economic pressure. These common problems were and still are as follows:

- Lack of knowledge of the host country language. This limits -to a great extent- the choices they may have in terms of carrying out a job because there is restricted communication possibility.
- The skills, they have acquired in their own country regarding their job opportunities, may differ from the skills required in the country they have come to.
- It is still very difficult to persuade the employer to hire them, even if they have the required knowledge since it is almost impossible to find relevant recommendation letters or someone who could reasonably certify that they do really have the required qualifications.
- The absence of the appropriate services in the host countries that could identify and compare the possible documents, diplomas and degrees that immigrants may have, as required by the legislation of the host country, in order to be able to carry out the specific job.
- Finally the lack of information as concerns the needs of the local labor market, due to the fact that there usually are no state structures available to facilitate immigrants in their search for work allocation.
- Immigrants are also faced with a major problem, even after their legalization, because they need to find a permanent job so that they can renew

their residence permit and their family's residence permit as well. Many times they need to pay the insurers the required insurance days by themselves in order not to lose their right to renew their residence permit.

One of the most important questions is if the migrants benefit the economy and the development of the host country or not. The immigrants in Greece in the pre-crisis period, according to surveys, brought GDP growth to 2.5% (2% the legal immigrants and 0.5% the illegal). They apparently contributed in prices drop by 2%. However, approximately 50,000 Greeks lost their jobs with the entry of immigrants, while wages dropped altogether by 6%. This had an impact mainly on people with small and medium income.

Nevertheless, the other categories of native population in both urban and rural areas have benefited as migrants took up jobs that the Greeks themselves did not want to do while contributing to the creation of 20,000 highly qualified jobs in the service sector and the self-employed one. Overall, the arrival of migrants has had positive effects for 2/3 of the Greek population and negative to 1/3.

Conclusion. The Russian immigrants in Greece have been integrated to a large extent. They live with the Greeks harmoniously and do not face racist difficulties. However, the Greek state would have to create the appropriate bodies and services that will be able to deal with the problems mentioned in detail above. Cooperation between state authorities, representatives of immigrants and the Russian embassy is needed to handle the issues and find appropriate solutions soon. Concluding, I am sure that the extremely good relations between our countries will help towards the resolution of any problems that still exist facilitating the Russians' living in Greece.

Acknowledgments: This article edited and translated by Anastasia-Sissy Gika.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА[1]

АПАНОВИЧ Мария Юрьевна, кандидат политических наук, доцент МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: maria.apanovich@gmail.com

Аннотация. Работы американских экспертов в области исследований природы человеческого поведения, способности к адаптации, можно назвать одними из самых передовых. Последние годы набирает популярность изучение маркетинговых привычек представителей различных поколений. Данное исследование ставит своей задачей анализ и соединение исследований интеграции с точки зрения психологии и сточки зрения маркетинга.
Ключевые слова: адаптация и интеграция мигрантов, маркетинговые исследования, стратегии поведения.

THEORY AND PRACTICE OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS: COMPARATIVE ANALYSIS OF WESTERN AND RUSSIAN CASE[2]

Maria Yu. APANOVICH, PhD in Political Science, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) MFA of Russia, Moscow (Russia). E-mail: maria.apanovich@gmail.com

Abstract. The work of American experts in the study of the nature of human behavior, adaptability, can be called one of the most advanced. In recent years, the study of marketing habits of representatives of various generations is gaining popularity. This study aims to analyze and combine integration studies from the point of view of psychology and the point of view of marketing.
Keywords: adaptation and integration of migrants, behavioral strategies, marketing research.

Введение. Представленное исследование базируется на трехчастном подходе к теории. Речь пойдет о теории интеграции и адаптации мигрантов, кроме того, подход к исследованию поколений включает в себя два аспекта: 1) первое, второе и т.д. поколение мигрантов; 2) теория различий между представителями различных, живущих ныне поколений.

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта НШ-3781.2018.6 по государственной поддержке ведущих научных школ РФ
[2] The study was supported by grant NSh-3781.2018.6 for state support of leading scientific schools of the Russian Federation

Феномен интеграции иммигрантов, также как и вовлеченность, и взаимодействие мигрантов между собой являются составляющими единого процесса, который носит название миграция. Прежде всего, рассмотрим модели, разработанные американскими исследователями Робертом Парком, Эмори Богардус и Рональдом Тафтом [6] в соотнесении с возможностью их применения, затем неоклассические модели Потерса, Румбаута и Зуу [8]. Интеграция иммигрантов может быть достигнута с микросоциологической или макросоциологической точки зрения. С микросоциологической точки зрения интеграция относится к отдельным процессам (например, к разным путям), тогда как с макросоциологической точки зрения она относится к (совокупным) результатам, которые описывают связь между группами иммигрантов и группами коренного населения [5], которые дополняют друг друга для понимания процессов интегрирования.

Теория и практика адаптации мигрантов. Первые попытки концептуализировать теории интеграции мигрантов появились в США в 1930-х гг. Многие современные исследователи в своих исследованиях отталкиваются от основных тезисов, сформулированных в тех работах. Ввиду того, что «пионерские» исследования проводились в Америке, в качестве кейса в данной статье выбраны также США. Разработки Р. Парка и Э. Богардус получили название «циклы взаимодействия рас» (имея ввиду поколений и представителей различных групп и культур). Эти модели понимают интеграцию иммигрантов как типичную и линейную последовательность этапов межгрупповых взаимодействий, которая заканчивается полным поглощением группы иммигрантов. Самый известный цикл отношений с расами, вероятно, принадлежит Роберту Парку, известному социологу, представителю Чикагской школы. Чикагская школа была одним из мест проведения социологического исследования интеграции иммигрантов, являясь родиной Уильяма Томаса и Флориана Знаниеки, Эрнеста У. Берджесса и Мильтона Гордона, чьи фундаментальные исследования оказали огромное влияние не только на изучение интеграции иммигрантов, но и на социологию как науку [6]. Выдающаяся роль Чикагской школы (которая возникла на базе Чикагского Университета в США) также объясняет, почему на большую часть работы по интеграции так сильно влияет американский иммиграционный опыт девятнадцатого и начала двадцатого века.

Работа представителей ранней Чикагской школы основывается на представлении о том, что в отношениях между группами преобладает конкуренция за отдельные ресурсы, такие как статус и социальные позиции в обществе, основанном на разделении труда. Хотя конкуренция не является единственной формой групповых взаимодействий, она рассматривается как главная движущая сила: «Четыре великих типа взаимодействия – конкуренция, конфликт, размещение и ассимиляция, конкуренция – это элементарная, универсальная и фундаментальная форма» [3]. Эти четыре типа общих форм взаимодействий проявляются в виде этапов циклов отношений, которые выделяет Р. Парк. Первым этапом в процессе является контакт между иммигрантами и «автохтонной популяцией» (принимающим обществом). Этот

этап характеризуется (дружеским) любопытством среди «автохтонной популяции». В то же время иммигранты стараются ориентироваться в новом обществе и искать удовлетворительные способы ведения своей жизни. Это, однако, неизбежно ведет к конкуренции между иммигрантами и «автохтонным населением» на рынке труда и жилья. Конкуренция приводит к конфликту, второму этапу. Принимающее население готово позволить иммигрантам занимать только строго определенные позиции в социальной структуре, которые они сами считают не привлекательными. И происходит возврат к новому витку конфликтности, так называемым «ценностным конфликтам», которые связаны с дискриминацией, потрясениями и даже расовой нетерпимостью. Далее следует длинный процесс адаптации. Это включает отказ от односторонних претензий, сегрегацию жильцов, а иммигранты отступают в ниши рынка труда, которых не интересует коренное население. Это приводит к этническому разделению труда и этнической стратификации. Принятие этой системы этнической стратификации и дифференциации является особенностью третьего этапа. На этом этапе принимающее общество и иммигранты принимают этническую дифференциацию и стратификацию как должное и легально устоявшееся. Однако со временем происходит диффузия, которая приводит к эрозии и исчезновению этнической системы стратификации и, в конечном итоге, к четвертой стадии ассимиляции [6].

Другой известный исследователь – Рональд Тафт, также исследовал англоговорящий кейс, а именно интеграцию мигрантов в Австралии и разработал общую модель ассимиляции, которая объясняет процессы изменения членства в группе. Большая разница между приведенными выше моделями и моделью Тафта, безусловно, заключается в фокусе исследования. В то время как циклы отношений расы фокусируются на групповых отношениях, социально-психологическая модель Тафта фокусируется на личности. Следует отметить, что Тафт понимает, что его модель не ограничивается объяснением интеграции иммигрантов, а как общая модель, описывающая процесс изменения членства в группе. Первый этап называется культурным обучением, описывающим приобретение культурных знаний группы, к которой хочет присоединиться человек. С помощью данного этапа возможно уменьшить дистанцию между людьми в группе. Внутренний аспект процесса относится к предполагаемому знанию человека, внешний – к фактическим знаниям и навыкам. Внутренняя часть второго этапа относится к (благоприятному) отношению к членам новой группы, нормам и членству в этой группе, тогда как внешняя часть относится к активному поиску взаимодействия с членами новой группы, участию и членству в этой группе группа. После третьего этапа человек будет пытаться вести себя в соответствии с ожиданиями ролей новой группы, которые дифференцируются в соответствии с воспринимаемыми требованиями к ролям (внутренний аспект) и соответствия реальным требованиям к ролям (внешний аспект). На этом этапе новая группа принимает участника. Опять же, следует подчеркнуть различие между внешним аспектом (фактическим принятием) и его внутренним эквивалентом (воспринимаемым признанием). На шестом этапе человек идентифицирует новую группу, которая является внутренним

компонентом. Более того, человек воспринимается как принадлежность к новой группе членами своей прежней группы, членами ее или ее новой группы и обществом в целом, что делает для внешней части этого этапа. Седьмой и последний этап описывает (воспринимаемое и фактическое) сближение норм с нормами новой группы и ее нового члена [9].

Если провести промежуточную черту после рассмотрения основных классических теорий, то можно резюмировать, что американские исследователи в начале и середине XX века выделили две модели ассимиляции применимо к американскому обществу [2]. Одной из них стала «интеграция меньшинства», где малочисленная группа отказывается от своего культурного наследия и полностью принимает черты свойственные большинству на основе веры в превосходство последней. Второй стала модель «плавильного котла», где через процесс социального взаимодействия происходит слияние различных культурных групп, в результате чего появляется одна.

Современные или неоклассические подходы к адаптации и интеграции мигрантов подчеркивают сложность архитектуры иммиграционных поколений в США. Это представители различных возрастных групп, речь здесь может идти о межнациональных и межэтнических браках, союзах между представителями различных стран и различных социальных групп, что накладывает отпечаток на поведение их потомков. Например, при рассмотрении мигрантов первого поколения существуют фундаментальные различия между иммигрантами, которые приезжают в качестве детей (так называемое «поколение 1,5»), и теми, кто прибывает как взрослые, причем большая часть контраста объясняется преимуществами, которые приходят дети, изучая английский в американских школах. Аналогичным образом, члены второго поколения с одним родителем, родившимся в США, и одним родителем, родившимся за границей, имеют различный опыт и часто демонстрируют благоприятные социально-экономические результаты по сравнению с их сверстниками с двумя родителями, родившимися за границей, и степень этих различий иногда зависит от того, отец или мать второго поколения, который является родным США.

В проведенных Дунканом и Трехо исследованиях подчеркивается, как сложность поколений формирует расовую / этническую привязанность и идентификацию, а также то, как результат «истощения» может создать потенциально серьезные проблемы для отслеживания социально-экономического прогресса потомков последующих поколений иммигрантских групп США. Отдельными кейсами в работах выступают группы мексиканских американцев в нескольких поколениях. Для сравнения используется выборка данных национального опроса мнения населения (CPS) и эксперты сравнивали показатели интеграции детей рожденных в семьях мигрантов, где оба родителя мигранты, семьи, где один из родителей мигрант мексиканского происхождения. Проводилось сравнение объективных показателей мексиканского происхождения (в зависимости от стран рождения ребенка, его родителей и его дедушек и бабушек) со стандартной субъективной мерой мексиканской идентификации (основанной на ответе на вопрос о латиноамериканском происхождении). В результате можно констатировать, что иммиграционные поколения оказы-

ваются довольно сложными, и эта сложность тесно связана с субъективной мексиканской идентификацией детей [4]. К примеру, только 17% мексиканских детей третьего поколения имеют большинство своих дедушек и бабушек, родившихся в Мексике. Кроме того, дети третьего поколения практически уверены в том, что их идентифицируют как мексиканских, если в Мексике родились три или четыре бабушки и дедушки, тогда как показатели мексиканской идентификации упали до 79% для детей с двумя бабушками и дедушками, родившимися в Мексике, и 58% для детей с одним коренным мексиканцем. Около 30% мексиканских детей третьего поколения не идентифицируют себя с мексиканским происхождением и культурой при ответе на стандартные вопросы о латиноамериканской принадлежности, согласно исследованиям Дункана и Дрехо, которые базируются на данных национальных опросов общественного мнения (2007, 2011, 2016). В частности, у молодежи третьего поколения мигрантов с мексиканской идентичностью (возраст 16 и 17 лет) выше уровень ухода из школы в старших классах мексиканской на 25% выше. Что, как показывают выводы исследования связано с этнической идентичностью и предвзятым отношением к ней [4]. Аналогичным образом авторы исследуют азиатскую идентичность на примере трех поколений.

С другой стороны, современные исследования общества уделяют последнее время внимание теории поколений Хоува и Штрауса, с точки зрения прогнозирования поведения представителей тех или иных поколений. Уже появились исследования, посвященные формированию трудового потенциала, покупательной способности и покупательному потенциалу представителей различных поколений [1]. Классически теория поколений Хоува и Штрауса дает историческую периодизацию поколений с начала XX века и краткую общую характеристику свойств каждого из них. Идея, во многом, базируется на «конфликте поколений» и цикличности; она имеет взаимосвязь с циклами экономики (спад и подъем), следовательно, в первую очередь интересна маркетологам. Однако последнее время преимущественно в американской литературе появляются исследования, которые также связаны с миграционной составляющей и наложение классической теории поколений на различные миграционные поколений представляется новым, пока малоизученным направлением.

Основные результаты. Ввиду большого объема информации: теория Хоува и Штрауса предполагает анализ шести живущих ныне поколений (начиная с начала прошлого века), одновременно с этим иммиграционный кейс США также сложен и многомерен для исследования – были введены ограничения, а именно обзор характеристик последних десятилетий и анализ самого молодого поколения, поколения Зед (Z). К качестве частного кейса был выбран представитель второго поколения мигрантов из Индии, одновременно с этим представитель поколения Z, юноша, живущий в США [7]. Свои самоощущения, в том числе свое отношение к жизни в стране, к своему статусу потомка мигрантов он выражает в виде своей опубликованной книги-размышления (Мы поколение Зед) и на своем персонифицированном сайте http://wearegenz.com/ также посвященном этой тематике.

Задача исследования состояла в соотнесении представленных тезисов с 1) мироощущением мигрантов второго, третьего поколения в США, согласно методологии Дункана и Трехо; 2) ключевыми характеристиками поколения Z согласно американской теории Хоува и Штрауса. А также выявлении характеристики из пункта один или пункта два, которые превалируют или отличаются от стандартных показателей.

Основные тезисы исследования кейса Вивека Пандита:

- communication (коммуникация); высокий уровень коммуникабельности, что повышает социализацию и адаптацию к новым условиям и в новых обществах;
- optimism (оптимизм); именно уверенность в хорошем успехе и нацеленность на карьерные перспективы делает представителей этого поколения более успешными; ради достижения цели они охотнее идут на компромисс;
- tolerant (толерантность); очень высокий уровень терпимости по сравнению с предыдущими поколениями относительно представителей других стран/ народов/ этносов/ культур/ религий и т.д.; вместе с предыдущим пунктом это снижает конфликтность;
- I had no chose when I was born, I had what I received (у меня было то, что я получил); ощущение своей исключительности, одновременно с этим подспудное желание самим делать выбрать; если разбирать ситуацию с рождением (к которой относится фраза), то представитель данного поколения предпочел бы сам выбрать пол, место рождения, принадлежность к стране и т.д.;
- connection with cultures (связь с культурой); культурная идентичность остается значимой, в то время, как о религиозной идентичности в данной книге вообще нет упоминания;
- influence of social media (влияние социальной медиа); влияние социальных медиа на жизнь и ее восприятие; данное поколение выросло в эпоху пост 9/11, т.е. ощущают незащищенность в общественных местах и потребность делиться своими переживаниями и эмоциями с чужими и не знакомыми людьми.

Здесь очевидно прослеживаются элементы характеристики поколения Z, при этом миграционная идентичность старательно нивелируется. В книге идет речь о том, что у автора не было возможности выбрать кем родиться (относительно этнической, рассовой, религиозной принадлежности). В ряде моментов подчеркивается тезис толерантности и космополитичности как отдельной важной идентичности.

Заключение. В заключении следует отметить ограничесннность возможностей исследования. Данный факт подчеркивался и в исследованиях зарубежных авторов (Дункана, Эссера, Поттерса): опросы общественного мнения, на которых базируются их исследования, не всегда имеют полномасштабный охват и не всегда удавалось проследить историю вплоть до третьего поколения мигрантов. В качестве примера был проанализирован на данный момент лишь один конкретный кейс, что пока не позволяет подтвердить все выведенные

выводы на сто процентов. Кроме того, интерес вызывает также анализ предыдущих поколений, так называемого поколения миллениумов или поколения беби бумеров. Данный анализ не вошел в материал текущего исследования. Анализ различных аспектов поколенческих поведений также связан с покупательной способностью и активностью на рынке труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР Модернизация. Инновации. Развитие, 2016. 7(3 (27)). https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.3.150.159
2. Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies // Applied Psychology, 1989. Vol. 38, pp. 185–206 https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x
3. Bogardus E. S. A rare-relations cycle // American Journal of Sociology, 1930. Vol. 35, No. 4, pp. 612–617. https://doi.org/10.2307/2570339
4. Duncan B., Trejo S. J. The Complexity of Immigrant Generations: Implications for Assessing the Socioeconomic Integration of Hispanics and Asians // ILR Review, 2016. Vol 70(5), pp. 1146–1175 https://doi.org/10.1177/0019793916679613
5. Esser H. Does the “new” immigration require a “new” theory of integration // International Migration Review, 2004. Vol 38, Issue 3. https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x
6. Lyman S. M. The race cycle of Robert E. Park // The Pacific Sociological Review, 1968. Vol. 11, No. 1, pp. 16–22 https://doi.org/10.2307/1388520
7. Pandit V. We are generation Z: How Identity, Attitudes and Perspectives are shaping our Future. Brown Books Publishing Group, 2015. 135 p. Electronic resource. Accss mode: https://www.amazon.com/We-Are-Generation-Attitudes-Perspectives/dp/1612542182 http://wearegenz.com/
8. Portes A. Migration, development and segmental assimilation: a conceptual review of the evidence // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2007. Vol 610, Issue 1. Pp. 73–97. https://doi.org/10.1177/0002716206296779
9. Taft R. The shared frame of reference concept applied to the assimilation of immigrants // Human Relations, 1953. Vol 6, Issue 1, pp 45–55. https://doi.org/10.1177/001872675300600103

ПЕРЦЕПЦИЯ УГРОЗ, ИСХОДЯЩИХ ОТ ИММИГРАНТОВ, КАК ПРЕДИКТОР ОТНОШЕНИЯ К НИМ[1]

МАНТАРОВА Анна Иванова, доктор социологических наук, профессор, Институт изучения обществ и знания Болгарской академии наук, София (Болгария). E-mail: mantarova.a.i@abv.bg

Аннотация. Статья основана на результатах проведенного эмпирического социологического исследования. Рассматриваются основные аспекты отношения к иммигрантам, прибывшим в Болгарию из стран Ближнего и Среднего Востока и Африки в течение последних пяти-шести лет. Также прослеживается взаимосвязь с перцепцией основных угроз, ассоциируемых с присутствием в стране иммигрантов, таких, как угрозы безопасности, финансовой стабильности общества, этническому равновесию, национальной идентичности и др.
Ключевые слова: иммигранты, настроения, угрозы, терроризм, этнический баланс, язык ненависти и вражды.

THE PERCEPTION OF THREATS OF IMMIGRANTS AS A PREDICTOR OF ATTITUDES TO THEM[2]

Anna I. MANTAROVA, DSc, professor, Institute for the Study of Societies and Knowledge at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia (Bulgaria). E-mail: mantarova.a.i@abv.bg

Abstract. The text is based on the results of an empirical sociological survey. The main aspects of the attitudes of local population towards the Middle East and Africa immigrants entering Bulgaria in the last five-six years have been presented. The dependences between attitudes and perceptions of the main threats associated with the presence of the immigrants in the country such as security, financial condition of Bulgarian society, ethnic balance, etc. have been also discussed.
Keywords: immigrants, attitudes, threats, terrorism, ethnic balance, hate speech.

Введение. Современное состояние общества характеризуется высокой степенью мобильности населения. Болгария не является исключением. Уже три десятилетия страна является источником крупномасштабных эмиграционных потоков, при этом иммиграция оставалась незначительной, не оказывала влияния на общество и не создавала проблем. Ситуация коренным образом изменилась, начиная с 2013 г., когда из стран Ближнего и Среднего Востока и Африки в Европу хлынули огромные потоки людей. Через южную границу Болгарии, направляясь в Западную и Северную Европу, стали проникать десятки тысяч нелегальных иммигрантов без документов, утверждая,

[1] Исследование профинансировано Национальным научным Фондом Болгарии, грант № ДН 05/12 – 15.12.2016
[2] The study was conducted with support by National Science Fund – Bulgaria, grant No. ДН 05/12 – 15.12.2016

что они спасаются в поисках убежища. Как в Европе, так и в национальном общественном пространстве по отношению к ним утверждается термин «беженцы», который, хоть и не всегда употребляется корректно, укореняется повсеместно. Именно этих иммигрантов расценивают как проблему, стоящую перед обществом, и представление о них приобретает решающее значение для формирования отношения к иммигрантам у местного населения. Они находятся и в центре внимания данного исследования, где наряду с широко употребляемым термином «беженцы» используется и более адекватный в данном случае термин «иммигранты».

Теоретические рамки. Вопрос детерминированности отношения к иммигрантам часто фигурирует в социологических исследованиях. Очевидно, что отношение зависит от одновременного и разнонаправленного действия ряда постоянных и переменных факторов. В специализированной литературе в качестве факторов, *влияющих на отношение к иммигрантам,* указываются: *перцепция угроз вторжения/присутствия их в стране; накопленный опыт местного населения межгрупповых (межкультурных) контактов; социально-демографические характеристики населения принимающей страны.*

Обзор литературы показывает, что в целом угрозы, воспринимаемые как ожидаемые негативные последствия, связанные с въездом и присутствием иммигрантов, делятся на *реальные (экономические)* и *символьные (ценностные)* [4; 5; 7; 8]. Конкуренция за ресурсы между национальным большинством и меньшинствами, а также перцепция этой конкуренции являются материальными угрозами [2; 3; 6]. Символьные угрозы включают в себя перцепцию того, что иммигранты придерживаются иных систем мировоззрения, вероисповедания и моральных ценностей, которые ставят под угрозу ценности и символы большинства [8].

Результаты. В этой работе будут рассмотрены результаты проведенного исследования [10], касающиеся связи между перцепцией угроз и элементами, формирующими отношение местного населения к иммигрантам. Эмпирическое исследование было проведено в декабре 2017 г. Оно было национальным и репрезентативным для лиц старше 18 лет. Одновременно параллельно были проведены еще два сравнительных исследования в районах, где находятся центры временного содержания лиц, подавших заявления о предоставлении убежища, – в г. Харманли и в кв. Враждебна (г. София).

Эмпирическое исследование показало, что болгарские граждане на первое место ставят вместе угрозы безопасности и финансовому благосостоянию (Рис. 1).

В подавляющем большинстве респонденты разделяют мнение, что расходы на содержание иммигрантов – это чрезмерное финансовое бремя для общества. На фоне факта, что именно бедность чаще всего воспринимается как самая серьезная проблема болгарского общества – по мнению 81,7% анкетированных, а низкий уровень доходов является самой большой личной проблемой более чем у трети опрашиваемых (37,1%), упор именно на этот аспект не вызывает удивления.

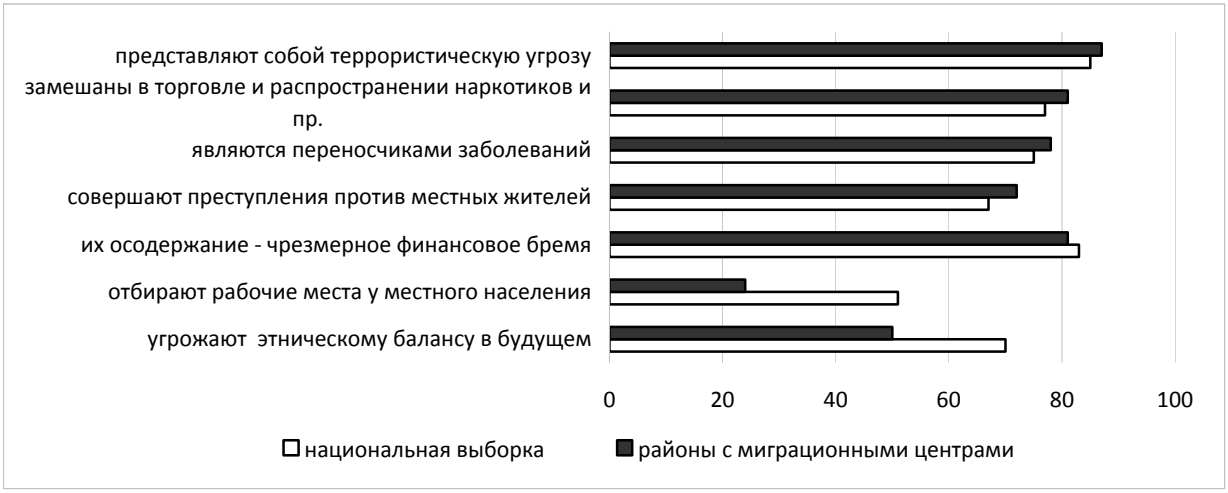

Рис. 1. Перцепция угроз, исходящих от присутствия иммигрантов [10]

Для любой из принимающих стран опасность импорта терроризма является абсолютно реальной. Это обстоятельство повсеместно вызывает беспокойство среди населения [9; 25; 1:74]. Подобные страхи довольно распространены и среди болгарских граждан – 84,4% в некоторой степени согласны с утверждением о том, что иммигранты представляют собой террористическую угрозу. В районах с миграционными центрами 87,8% респондентов дают такой ответ, причем особенно сильно выражено различие при ответе «полностью согласен» – 63,7%, по сравнению с национальной выборкой – 50,1% (V=0,133). Чаще всего данное мнение разделяют живущие в Софии (72,2%), видимо считая, что столица страны с большой вероятностью может стать потенциальной мишенью.

Весьма распространено и мнение, что беженцы совершают различные преступления – 30% согласны с ним полностью и еще 36,2% – скорее согласны, при этом значимых расхождений между двумя выборками нет.

В качестве специфического аспекта безопасности рассматривается и *угроза здоровью*. Открытый и закрытый вопросы показали, что утверждение о том, что беженцы являются переносчиками заболеваний сравнительно широко распространено, особенно в районах, где расположены миграционные центры. Там полностью согласны с этим утверждением 60,9%, для сравнения при национальной выборке – 45,0%, а «скорее согласны» соответственно 17,8% и 29,1% (V=0,161).

Хотя в настоящее время данная проблема и не актуальна, но граждане идентифицируют и еще одну опасность – *угрозу этническому балансу и национальной идентичности*. Причем в этом вопросе наблюдается существенная разница между двумя исследованиями – в целом граждане Болгарии гораздо более обеспокоены этой проблемой, чем жители мест, где расположены миграционные центры (V=0,225).

Весь большой объем информации, собранной в ходе исследования, невозможно представить и проанализировать в данном тексте, поэтому остановлюсь лишь на нескольких аспектах отношения к беженцам и их вариациях в зависимости от перцепции основных угроз. Сравнение вариаций

отношений в зависимости от позиции, касающейся наличия конкретной угрозы, будем проводить между ответами «полностью согласен» и «скорее не согласен», поскольку крайняя позиция «полностью не согласен» была высказана исключительно малым числом респондентов и ее использование, пожалуй, неуместно.

Для определения позиций, касающихся обязательств государства по отношению к иммигрантам, в исследовании был предложен на выбор перечень услуг, удовлетворяющих разные по степени важности потребности человека, которые государство могло бы предоставить (Табл. 1).

Таблица 1.

Настроения в отношении предоставляемых иммигрантам государством социальных услуг

	Предоставление убежища/жилья	Обеспечение питанием	Медицинское обслуживание
Национальная выборка	**76,5%**	**76,3%**	**79,9%**
Их содержание – чрезмерное финансовое бремя для общества	V= 0,204	V=0,200	V=0,236
Полностью согласен	70,2%	76,1%	83,1%
Скорее не согласен	77,5%	72,1%	70,2%
Являются носителями террористических угроз	V=0,162	V=0,156	V=0,131
Полностью согласен	78,6%	77,9%	84,5%
Скорее не согласен	72,0%	72,6%	70,1%
Совершают преступления против местного населения	V=0,205	V=0,199	V=0,150
Полностью согласен	69,8%	68,1%	79,7%
Скорее не согласен	12,8	76,6%	75,0%
Являются переносчиками заболеваний	V=0,154	V=0,159	V=0,172
Полностью согласен	78,7%	76,3%	85,2%
Скорее не согласен	76,3%	77,5%	75,0%
Могут разрушить этнический баланс	V=0,201	V=0,204	V=0,128
Полностью согласен	63,9%	63,4%	72,2%
Скорее не согласен	85,6%	85,6%	85,6%

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Социальные аспекты современных миграционных процессов», 2017 [10]

Было установлено, что, несмотря на массовую неудовлетворительную оценку состояния своего личного материального положения (плохое у 24,7% и удовлетворительное у 37,2%), между тремя четвертями и четырьмя пятыми респондентов придерживаются мнения, что государство должно обеспечить беженцам удовлетворение их основных жизненных потребностей.

Неожиданным оказалось то, что в отношении гарантирования государством удовлетворения основных потребностей иммигрантов количество положительных ответов выше среди респондентов, которые в большей степени склонны к утверждению о том, что последние являются финансовым бременем для общества и носителями террористической угрозы. Очевидно, что в этом случае определяющими факторами становятся фундаментальные общечеловеческие ценности, а страх и вероятные материальные потери уходят на задний план. Однако, когда речь заходит о предоставлении дополнительных услуг, то доля положительных ответов резко падает (Табл. 2).

Таблица 2.

Настроения в отношении предоставляемых иммигрантам государством социальных услуг

	Получение образования	Языковые курсы	Трудоустройство
Национальная выборка	**76,5%**	**76,3%**	**79,9%**
Их содержание – чрезмерное финансовое бремя для общества	V= 0,259	V=0,293	V=0,238
Полностью согласен	24,5%	21,8%	12,7%
Скорее не согласен	54,8%	55,8%	38,8%
Являются носителями террористических угроз	V=0,214	V=0,297	V=0,246
Полностью согласен	27,7%	22,9%	13,0%
Скорее не согласен	44,9%	56,1%	29,0%
Совершают преступления против местного населения	V=0,286	V=0,299	V=0,211
Полностью согласен	18,5%	16,8%	10,8%
Скорее не согласен	53,8	52,5%	33,6%
Являются переносчиками заболеваний	V=0,230	V=0,310	V=0,238
Полностью согласен	25,9%	20,8%	12,2%
Скорее не согласен	50,6%	54,4%	35,8%
Могут разрушить этнический баланс	V=0,183	V=0,164	V=0,137
Полностью согласен	28,2%	26,5%	14,6%
Скорее не согласен	47,8%	41,3%	26,9%

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Социальные аспекты современных миграционных процессов», 2017 [10]

Исследование показало и ясно выраженное стремление к пространственному дистанцированию от иммигрантов (Табл. 3).

На ответы целого ряда вопросов сильное влияние оказывают опасения, что это может привести к росту преступности. Довольно осязаемо выражен и страх перед распространением заболеваний, привнесенных иммигрантами, а

также ожидание, что в будущем может быть нарушен установленный этнический баланс. Нежелание пространственной и социальной близости отражается и в нежелании детей иммигрантов ходить в школу вместе с детьми местного населения. 58% респондентов заявляют, что детей следует обучать отдельно. Самые большие различия выявлены в связи с опасениями, связанными с распространением заболеваний, ростом преступности и нарушением этнического баланса в обществе.

Таблица 3.

Настроения по отношению к пространственной близости с иммигрантами

	Иммигранты должны проживать в центрах закрытого типа	Согласны принять их проживание в своем населенном месте/ квартале	Не возражают против размещения рядом с ними миграционного центра
Национальная выборка	**75,9%**	**20,7%**	**16,3%**
Их содержание – чрезмерное финансовое бремя для общества	V= 0,136	V= 0,342	V=0,181
Полностью согласен	88,6%	10,7%	11,8%
Скорее не согласен	25,0%	43,3%	32,7%
Являются носителями террористических угроз	V=0,241	V=0,256	V=0,103
Полностью согласен	87,4%	11,2%	12,2%
Скорее не согласен	65,7%	36,1%	18,7%
Совершают преступления против местного населения	V=0,272	V=0,363	V=0,261
Полностью согласен	92,7%	6,4%	5,9%
Скорее не согласен	54,1%	39,1%	29,9%
Являются переносчиками заболеваний	V=0,246	V=0,329	V=0,132
Полностью согласен	87,6%	10,3%	12,9%
Скорее не согласен	63,7%	32,7%	22,5%
Могут разрушить этнический баланс	V=0,206	V=0,267	V=0,262
Полностью согласен	90,0%	9,1%	7,8%
Скорее не согласен	63,5%	30,7%	29,0%

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Социальные аспекты современных миграционных процессов», 2017 [10]

Исследование показало, что существуют все основания говорить о наличии дискриминационных настроений по отношению к иммигрантам. Они проявляются при ответах на вопросы о том, следует ли гражданам стран, не входящих в ЕС, и пребывающим в Болгарии на законных основаниях, иметь

те же права на рынке труда и при получении социальных льгот, которыми обладают болгарские граждане. Положительные ответы дает лишь половина респондентов. В районах с миграционными центрами проценты еще ниже – соответственно 38,3% и 37,6%. Интересен тот факт, что самые большие различия по вопросу равенства прав наблюдаются в отношении позиций, касающихся рисков, связанных с обеспечением безопасности: ростом преступности, импортом терроризма, распространением заболеваний. Коэффициент взаимосвязи между утверждением о том, что иммигранты отбирают рабочие места у местных граждан, и защитой равноправия при трудоустройстве самый низкий (V=0,168). Из этого следует допустимое предположение, что отрицательное отношение к равноправию на рынке труда не является рациональным выводом из жизненого опыта и конкретной оценки ситуации, а является следствием неприятия и страхов более общего характера.

Тревожной тенденцией, создающей пониженный фон критичности к девиантным действиям, является участившееся использование языка ненависти и вербальной агрессии. Наблюдается повышенное употребление высказываний на языке ненависти и с использованием речевой агрессии по отношению к иммигрантам, которые корреспондируют с пространственной близостью. Более половины (61%) респондентов в стране скорее многократно были свидетелями употребления языка ненависти и вражды по отношению к иммигрантам, и только 19% утверждают, что наблюдали это довольно редко. Для районов, где расположены миграционные центры, эти проценты соответственно 85% и 11%. Внушает беспокойство и значительная доля граждан, для которых является допустимым использование языка ненависти и вражды.

В ходе исследования респондентам было предложено высказать свое мнение о гипотетической ситуации – на иммигрантов напали и их избили на улице. Были предложены два варианта ответов: «иммигранты сами виноваты – надо было сидеть там, откуда пришли» и «насилие никогда не следует оправдывать». С первым мнением согласилась одна пятая (19,9%) анкетируемых по всей стране. Собранная информация показывает, что существует очень сильная зависимость от перцепции угроз, которые не являются релевантными к описываемой ситуации, таких как угрозы потери рабочего места, нарушения этнического баланса, что вновь наводит на предположение, что определяющим является общее нежелание принять «других».

Рассмотрение вариаций в широком диапазоне аспектов настроений в отношении иммигрантов показывает, во-первых, исключительную важность детерминационной зависимости от перцепции угроз и, во-вторых, – от системы ценностей, особенно интернализации ценностей, таких как этническая и религиозная терпимость, солидарность, равноправие различных культур, равенство между людьми. Исследование показало, что детерминация ценностей однозначно сильнее при оценке, касающейся взятых на себя государством обязательств по удовлетворению потребностей иммигрантов. В отношении соблюдения дистанции определенно перевес имеет влияние перцепции угроз.

Заключение. Несмотря на встречи на высшем уровне в странах ЕС и оптимистические высказывания лидеров, вопрос о релокации прибывающих в Европу иммигрантов остается открытым. Не ясно, когда и какие решения будут приняты, и в какой степени они будут реализованы. Но нереально полагать, что в Болгарии, по крайней мере в течение некого отрезка времени, не будут мигрантов. Пример Западной Европы, где налицо проблемы с иммигрантами второго и третьего поколения, демонстрирует нам исключительную важность и значение данного вопроса для национальной безопасности и целостности общества. Вот почему уже сейчас необходимо строить планы и действовать с учетом среднесрочной и долгосрочной перспективы, чтобы избежать, исходя из существующих дискриминационных настроений и дистанцированности, нарастания изоляции, анклавизации (капсулирования) и маргинализации иммигрантов со всеми вытекающими из этого рисками, включая радикализацию и экстремизм. Системы ценностей более инертны и требуют гораздо больше времени для интернализации в этом отношении ценности в больших масштабах. На перцепцию угроз возможно оказать воздействие в течение сравнительно короткого интервала времени, если своевременно принять меры, реализуемые специализированными государственными органами, с целью выявления лиц из групп повышенного риска, предпринять усилия по обеспечению безопасности и правопорядка, а также быстрые и адекватные действия, направленные против любых правонарушений. А в более общем плане – путем реализации программ, мероприятий и действий по укреплению и сохранению доверия, мира, спокойствия и доброжелательности по отношению к «другим», уважая и соблюдая их законные права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Berisha H., R. Slavkovic, I. Barishic. The migrant crisis and the consequences for the security of the Republic of Serbia. / In: L. Mitrovic (Ed.) Population of Southeastern Serbia; global and regional aspects of the migrant crisis and the social consequences of brain drain on the development of Serbia and the Balkans. Serbian Academy of Sciences and Art, University of Nis, 2016. pp.69–80.
2. Esses, V., Dovidio, J., Jackson, L. & Armstrong, T. The immigration dilemma: The role of perceived group competition, ethnic prejudice and national identity // Journal of Social Issues, 2001. Vol. 57 (3), pp. 389–412.
3. Quillian, L. Prejudice as a response to perceived group threat: Population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe. American Sociological Review, 1995. Vol. 60, pp. 586–611.
4. Riek et al, B. M., Mania E. W., and Gaertner S. L. Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review // Personality and Social Psychology review, 2006. Vol. 10 (4), pp. 336–353.
5. Scheepers, P., Gijsberts, M; & Coenders, M. Ethnic exclusion in European countries. Public opposition to civil rights for legal migrants as a response to perceived ethnic threat // European Sociological Review, 2002. Vol. 18, pp. 17–34.
6. Sidanius, J. & Pratto, F. Social Dominance. Cambridge: Cambridge Univerity Press, 1999.

7. Sniderman, P. M., Hagendoorn L., and Prior M. Predispising factors and situational triggers: exclusionary reaction to immigrant minorities. American Political Science Review, 2004. Vol. 98 (1), pp. 35–49.

8. Stephan, W. & Renfro, C. The role of threat in intergroup relations. / In: D. M. Mackie and E. R. Smith (Eds*.)*. From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups. New York: Psychology Press, 2002. pp. 191 – 207.

9. Zorba H. Turkish and European Perspectives on Syrian Migration since 2011. Yildirim Beyazit University, 2016.

10. Эмпирическое социологическое исследование «Социальные аспекты современных миграционных процессов», 2017.

INFLUENCE OF THE INTERGROUP CONTACTS ON SOCIAL DISTANCE OF THE NATIVE POPULATION TOWARDS IMMIGRANTS IN POLAND, CZECH REPUBLIC AND SLOVENIA

Iuliia E. PLETNEVA, Junior Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: julpletneva@yandex.ru

Abstract. Attitudes towards immigrants have become the central issue in many European countries. The establishment of good relationship between majority and minority members is an important element of development of the counties since their population is becoming more ethnically diverse. This study aims to examine predictors of attitudes towards immigrants by investigating the link between intergroup contacts and social distance in native population of Poland, Czech Republic and Slovenia.
Keywords: migration, symbolic threat, interethnic contacts, attitudes towards migrants.

ВЛИЯНИЕ МЕЖГРУППОВЫХ КОНТАКТОВ НА СОЦИАЛЬНУЮ ДИСТАНЦИЮ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИММИГРАНТАМ В ПОЛЬШЕ, ЧЕХИИ И СЛОВЕНИИ

ПЛЕТНЕВА Юлия Эдуардовна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: julpletneva@yandex.ru

Аннотация. Отношение к иммигрантам стало центральной проблемой во многих европейских странах. Установление бесконфликтных отношений между членами принимающего общества и мигрантами является важным элементом развития стран, поскольку их население становится все более этнически разнообразным. Это исследование направлено на изучение факторов, оказывающих влияние на отношения к иммигрантам, путем изучения связи между межгрупповыми контактами и социальной дистанцией у коренного населения Польши, Чехии и Словении.
Ключевые слова: миграция, символическая угроза, межэтнические контакты, отношение к иммигрантам.

Introduction. Over the past years, many refugees from Syria, Afghanistan and Eritrea have sought shelter in European countries. The attitudes of the receiving countries and the prejudices and preconception involved have shaped many public discourses. Even though Eastern European countries have been asked to accept just a smaller fraction of the refugees than other nations, their strong resistance now stands as the main impediment to a unified European response to the refugee crisis. What makes Eastern European countries have so strong anti-immigrants attitude? There may be a variety of answers. First, these countries have relatively little experience with large-scale immigration and until recently were

generally considered a *source* of migrants rather than a destination. Thus, high level of homogeneity of population and lack of contacts with people from different ethnic groups can be related to increase of level of perceived threat.

In the following present research question concerns how the frequency and the quality of intergroup contacts influence the extent of social distance between host population and immigrants in Slovenia, the Czech Republic and Poland. Many studies have investigated the crucial role of contact in the reduction of prejudice, yet this has been done so to a lesser extent in the Central and Eastern European context. Following this reasoning our study intents to replicate the effects of the contact hypothesis on social distance in these three countries. The role of intergroup threat, the quality of the relationship involved as well as the influence of the level of education will be investigated. The theories employed might be useful in designing effective intervention to reduce prejudice, which seems crucial in light of the recent events.

It is a well-known phenomenon in social psychology that one of the major means to reduce prejudice is contact. The contact theory by Allport [1] specified the conditions under which contact most likely will result in improved intergroup relations. Among the conditions he emphasized are the equal status between groups in the situation, which stresses the importance that all members perceive and expect equal status in the situation common goals that require an active an goal-orientated effort intergroup cooperation, in which the common goal is achieved by mutual efforts and interdependence and the support from the authorities, law and customs that foster norms of acceptance [9]. In a more recent meta-analysis by Pettigrew and Troop, drawing on more than 200 empirical studies, the researchers demonstrated that the quantity of contact indeed has a positive influence on prejudice. This relation of quantity of contact on prejudice was furthermore found to be direct [13].

Moreover, the frequency of contact is not only hypothesized to have an influence on prejudice, but also on a related construct, namely social distance. The concept of social distance has been investigated by various studies and the measure of social distance scale is well-established [8]. Social distance describes the level of intimacy that is found to be acceptable in friendship or other relations for members of different groups is an indicator for prejudice. As such the concept also entails the unwillingness of members in a group to accept or approve intimacy with other group members, be it in the form of neighbours, work relationships, or in-laws. As with prejudice, the frequency of contact is therefore assumed to be related to social distance.

Hypothesis 1: The more intergroup contacts an individual experience, the lower the level of social distance is.

Among the many studies that have been conducted, the creation of affective ties that arouse positive emotions in the form of intergroup friendship can be crucial. Because friends share affection for one another, they might be expected to provide the beneficial elements of close intergroup contact, namely that they are personalized, cooperative, and involve trust [9]. Positive emotions aroused by “optimal” contact can extent attitudes toward the whole outgroup and thus reduce

prejudice. The quality of the contact is crucial to the influence whether the frequency of the contact will have a positive or negative effect on reducing prejudice. Stronger affective ties such as friendships can be associated with a reduction in prejudice [6]. Moreover, studies of social distance have found that the strength of interpersonal ties involved in friendships is negatively correlated with the perceived distance that separates individuals [2], because they allow the members of the groups to learn about the out-group, reassess their own group and ultimately change behaviour. Weaker social ties, such as acquaintances, are expected to reduce prejudice to a lesser extent, because these relationships do not provide opportunity to have all these positive effects [2]. On the other hand, negative social contact might even further strengthen preconceptions.

On the other hand, perceived threat is one of the factors that contribute to negative attitudes towards migrants. That means that regardless of whether there is a real threat from immigrants, people always have imaginary fear which is transmitted over the channels of interpersonal communication among the host population. The most complete phenomenon of perceived threat was considered in the integrated threat theory by Stephan and Stephan [12]. Both realistic and symbolic threats are expected to be associated with more social distance between host population and immigrants. However, anti-immigrant attitudes were found to be more strongly connected with cultural values than with economic circumstances. Research has shown that only symbolic treats, but not realistic threats play role in prediction of prejudice towards Muslims immigrants [13]. Thus, in our study we wanted to test symbolic threat as a mediator of the effect of intergroup contacts on social distance.

Hypothesis 2: More intergroup contact is related to a lower level of symbolic threat.

Hypothesis 3: More symbolic threat is related to more social distance.

The correlation between individual level of education and attitudes towards immigration has previously investigated to be significant by numerous empirical researches. Cross-European study showed that higher education and higher skills were related to support for all types of immigrants. More educated respondents were found to be less racist and place greater value on cultural diversity; they were appeared to believe that immigration generates benefits for the host economy as a whole [7]. Therefore, in our research we decided to investigate if there was positive moderation effect of individual level of education on reducing symbolic threat by intergroup contacts.

Hypothesis 4: The frequency of intergroup contact has a negative relation with the level of symbolic threat, and this relation is intensified with the increase of the individual's level of education

Hypothesis 5: The negative relation between the frequency of contact and symbolic threat is also moderated by the quality of contact. Positive intergroup contact will increase the influence of intergroup contacts on reducing symbolic threat.

Method. For the analysis we used data from the most recent 7th round of the European Social Survey that was distributed in 15 European countries in 2014–2015. The European Social Survey is a standardized survey project providing information useful for cross-national attitude comparisons which takes place every

two years. The survey is carried out to the highest methodological standards. Respondents are selected by a strict random probability method at every stage with the minimum target response of 70% and the representative sample includes all persons aged 15 and over within private households in each country disregarding their nationality, citizenship or language. All countries that take part have to sign up to a rigorous set of protocols and procedures that set out how the survey has to be carried out.

Social distance was measured with two items: "Now thinking of people who have come to live in (country) from another country who are of a different race or ethnic group from most (country) people. How much would you mind or not mind if someone like this was appointed your boss, or married a close relative of yours?" Answers were rated on a 10-point bipolar scale ranging from not mind at all to mind a lot. The Pearson's correlation between the variables was r = 0,74. We created new variable social distance from mean score of these items. Higher scores indicated more social distance.

Intergroup contact was assessed with one item: "How often do you have any contact with people who are of a different race or ethnic group from most (country) people when you are out and about? This could be on public transport, in the street, in shops or in the neighborhood?" Answers were rated on a 7-point Likert scale ranging from never to every day. Higher scores indicate more intergroup contact.

Symbolic threat was measured with two items. Participants were asked whether they believed that (country)'s cultural life is generally undermined or enriched by people coming to live here from other countries. The bipolar scale ranged from cultural life undermined to cultural life enriched. Another item assed "Do you think the religious beliefs and practices in (country) are generally undermined or enriched by people coming to live here from other countries?" Answers ranged from religious beliefs and practices undermined to religious practices and beliefs enriched. Person's correlation was r = 0,5. We reversed scoring means for both items that the numerical scoring scale runs in the opposite direction and computed variable symbolic treat using mean of these two recorded items. Higher scores indicate more symbolic threat.

Close friends was measured with the question "Do you have close friends who are of a different race or ethnic group from most (country) people?" Answers were rated on a 3-point scale ranging from yes, several to no, none at all. Furthermore, we created a dummy variable differentiating between those participants that had friends and those participants that did not.

Education level was assessed by asking participants the question "What is the highest level of education you have successfully completed?'. We used the variable which was recoded into the categorical ESS Education Detailed ISCED Coding Frame. Answers ranged from completed primary education to doctoral degree. For our analysis, we centered the variable education.

To investigate the conditional indirect effect of intergroup contacts on social distance through a proposed mediator symbolic treats we used Process add-on for SPSS by Hayes. It calculated the Sobel test for the conditional indirect effect as

well as percentile-based, bias-corrected, and bias-corrected and accelerated bootstrap confidence intervals for the conditional indirect effect. It also produced regions of significance for the conditional indirect effect at values of the moderators: individual level of education and close friends using the Johnson-Neyman technique. For that analysis we centered variable intergroup contacts.

Results. In order to operationalize our results, we used a stepwise regression analysis. In the first analysis, the outcome variable social distance was regressed on the frequency of contact, including the control variables. Next we added symbolic threat to the model. Finally the interaction effects of education and quality of contact were included in the model, which moderated the relation between contact and symbolic threat. Using a path analysis this add-on for SPSS, the regression tool tests the combination of mediation and moderation effects in one integrated regression analysis. This concept was termed "conditional indirect effects" and allows for a more nuanced interpretation of these different conditional effects upon the outcome variable. All of the regression analyses included the control variables age, gender and countries of residence.

In the first regression analysis, the predictor variable frequency of contact was significantly related to the outcome variable social distance ($b = -0{,}164$, $SD = 0{,}023$, $p < 0{,}000$). The higher the frequency of contact, the lower the level of social distance that was reported. The results are thus in line with our first hypothesis.

As a second regression model, symbolic threat was included in the model while keeping the frequency of contact in the model. Symbolic threat was significantly related with social distance ($b = 0{,}542$, $SD = 0{,}023$, $p < 0{,}000$), indicating that the more the respondents perceived that their religion or culture would be underminded, the more they would object to having a boss or a close relative from a different country.

In a third regression model taking symbolic threat of as the outcome variable, frequency of contact, the level of education and the quality of the contact were included in the model. The frequency of contact was significantly related to symbolic threat ($b = -0{,}043$, $SD = 0{,}016$, $p = 0{,}007$). Moreover, both the level of education ($b = -0{,}15$, $SD = 0{,}019$, $p < 0{,}001$) and the quality of contact ($b = -0{,}431$, $SD = 0{,}07$, $p < 0{,}000$) were significantly correlated with symbolic threat, suggesting that the higher the level of education and when the respondents had a close friend from a different country, the lower the symbolic threat. These results are in line with our hypothesis.

In the forth subsequent regression analysis, we included both interaction effects. Namely, the interaction effect between the frequency of contact and the level of education, as well as the interaction effect between the frequency of contact and the quality of contact. Both proved to be significant. These results sugesst that intergroup contact is related to less threat, but even less so for higher educated respondents ($b = -0{,}027$, $SD = 0{,}009$, $p = 0{,}003$). In addition, the frequency of contact is related to less symbolic threat, but less so when the respondents have friends from another country ($b = -0{,}07$, $SD = 0{,}033$, $p < 0{,}036$)

Moreover, in an additional analysis, we conducted three integrated moderated mediation analyses with the macro analysis through process. The first analy-

sis included the indirect relations of the frequency of contact on social distance via symbolic threat when accounting for the different levels of education. The indirect conditional effect analysis revealed that education indeed was related to less social distance, but especially among the higher educated.

The second moderated mediation analysis estimated the indirect effects of the frequency of contact on social distance via symbolic threat when accounting for the quality of contacts. The indirect conditional effects of quality of contacts indicated a negative relation with the outcome variable social distance, indicating that having a friend from another country is related to less reported social distance as indicated by the conditional indirect effects of frequency of contact on social distance (having no friends: b = -0,021, SE = 0,011; having friends from other countries: b =-0,054, SE = 0,016.

Lastly, the overall model for the indirect conditional effects of frequency of contact on symbolic threat was highly significant with R^2 = 0,44, F(9, 3652) = 96.76, p < 0,001 (see Table 3). From the resulting coefficients and the model summary we can observe that the more intergroup contacts a person has the lower is the level of perceived symbolic threat he or she experiences (a1 = – 0,086, p = 0,03). Moreover, the interactions between the frequency of contacts both with the level of education of a person (a4 = 0,028, p < 0,05) and with the quality of contacts (a5 =0,07, p < 0,05) are statistically significant. Moreover, symbolic threat was significantly related to the dependent variable social distance (b = 0,542, p < 0,001). This result indicates that the higher the level of symbolic threat the more a person would object to having someone with a different country as a boss or close relative.

Table 1.

Model Coefficients for the Conditional Process Model

		Symbolic threat				**Social distance**		
Antecedent		Coeff.	SE	P		Coeff.	SE	P
Intergroup contacts	a1	0,086	0,040	0,030	c	-0,114	0,021	0,000
Symbolic threat					b	0,542	0,023	0,000
Education	a2	-0,062	0,036	0,089				
Quality of contact	a3	-0,169	0,148	0,255				
Interaction (freqcont*educ)	a4	-0,028	0,009	0,003				
Interaction (freqcont*qualcont)	a5	-0,070	0,033	0,036				
Constant	i	5,660	0,191	0,000		-0,213	0,225	0,343
age		0,002	0,002	0,233		0,010	0,002	0,000
female		-0,213	0,059	0,000		-0,216	0,083	0,009
Czech		0,853	0,079	0,000		2,378	0,109	0,000
Poland		-0,970	0,087	0,000		0,630	0,121	0,000

Discussion. The present study investigated the frequency of contact on social distance in the three Eastern European countries Poland, Slovenia and the Czech Republic. We hypothesized that this relationship would be partly mediated

by symbolic threat. Moreover, we hypothesized that the level of education and quality of contacts moderated the correlation between the predictor variable intergroup contact and the mediator symbolic treat. Our results were consistent with our hypotheses that more intergroup contacts are related to lower level of social distance and that this relationship was mediated by symbolic threat. The results indicated that this relationship was indeed significant, but especially among the higher educated. In addition, the quality of contacts further moderated the relation of frequency of contacts of on social distance via symbolic threat, indicating that the quality of contact- or in this context- friendship is an important factor in explaining the perception of social distance. That topic is not widely investigated in Eastern European countries, since these countries are not among traditional immigrant destination countries. Nevertheless, nowadays attitudes of native population towards immigrants in these countries attract a lot of attention in contest of the refugee crisis.

First of all, our results about the relation between the frequency of contact and social distance were consistent with our hypotheses that more intergroup contacts are related with lower level of social distance. This finding goes in hand with previous researches [10]. However, our study showed that the host population of these three countries does not seem to have a substantial impact of intergroup contacts on their perception of social distance. That might have several reasons. First, in these countries the number of immigrants is relatively small, so we can suggest that perception of social distance is more shaped not by real contacts but by perceived threats and stereotypes. Second, some intergroup contacts may be negative; thereby they may not have any effect or even enhance social distance.

Furthermore, concerning the mediation role of symbolic threat we found support in the model which takes into account conditional indirect of moderators. In Hypothesis 2, we expected to find that intergroup contacts would reduce symbolic threat [4]. Therefore, we found that individual level of education and quality of contacts moderate the mediation effects, that is, the direction of correlation between intergroup contacts and symbolic treat depends on the moderators. Thus, it appeared that intergroup contacts would reduce perception of symbolic threat but more so for people with high level of education and who have close friends of different ethnic group. Stephan and colleagues [11] suggest that negative contact with the outgroup may increase feelings of threat, therefore we can assume that frequency of contacts as predictor of symbolic threat should be considered in specific context according to the quality of experience. Moreover, consistent with previous research symbolic threat was related to more social distance [5]. In a similar vein, our findings are in line with our Hypotheses 4 about level of education as moderator, it was appeared to have significant effect on reducing symbolic threat which is in line with previous research [7]. Recent study of Card [3] and colleagues found that most of the effect of education on immigration attitudes is accounted for by increased cultural concerns among less educated natives.

Moreover, it seems important to draw attention to the concept of friendship. In this conceptualization, especially outgroup friendship seems to be a key factor in explaining social distance and thus prejudice. The concept of outgroup friend-

ship comprises several aspects of the contact model, as the more or less frequent contact and the good quality of the relation involved. In a similar vein, being close to someone that differs in religious practices or language, as implied by the symbolic threat raises the opportunity for each of the friends involved to learn about the other and adjust misleading preconceptions. Learning about different perspectives of viewing the same, which than also carries over to other outgroups. In all these factors the role of friendship seems to be crucial.

REFERENCES AND SOURCES

1. Allport G. W., Clark K., Pettigrew T. The nature of prejudice. 1954.
2. Binder J. et al. Does contact reduce prejudice or does prejudice reduce contact? A longitudinal test of the contact hypothesis among majority and minority groups in three European countries // Journal of personality and social psychology. 2009. Vol. 96. No. 4. p. 843.
3. Card D., Dustmann C., Preston I. Immigration, wages, and compositional amenities //Journal of the European Economic Association. 2012. Vol. 10. No. 1. pp. 78–119.
4. Chandler C. R., Tsai Y. Social factors influencing immigration attitudes: an analysis of data from the General Social Survey //The Social Science Journal. 2001. Vol. 38. No. 2. pp. 177–188.
5. Curşeu P. L., Stoop R., Schalk R. Prejudice toward immigrant workers among Dutch employees: Integrated threat theory revisited // European Journal of Social Psychology. 2007. Vol. 37. No. 1. pp. 125–140.
6. Dixon J. C. The ties that bind and those that don't: Toward reconciling group threat and contact theories of prejudice // Social Forces. 2006. Vol. 84. No. 4. pp. 2179–2204.
7. Hainmueller J., Hiscox M. J. Educated preferences: Explaining attitudes toward immigration in Europe // International organization. 2007. Vol. 61. No. 2. pp. 399–442.
8. Krackhardt D., Kilduff M. Whether close or far: Social distance effects on perceived balance in friendship networks //Journal of personality and social psychology. 1999. Vol. 76. No. 5. pp. 770.
9. Pettigrew T. F. Intergroup contact theory // Annual review of psychology. 1998. Vol. 49. No. 1. pp. 65–85.
10. Stephan C. W., Stephan W. S. An integrated threat theory of prejudice // Reducing prejudice and discrimination. Psychology Press, 2013. pp. 33–56.
11. Stephan W. G. et al. Prejudice toward immigrants to Spain and Israel: An integrated threat theory analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1998. Vol. 29. No. 4. pp. 559–576.
12. Stephan W. G. et al. The role of threats in the racial attitudes of Blacks and Whites //Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. Vol. 28. No. 9. pp. 1242–1254.
13. Velasco González K. et al. Prejudice towards Muslims in the Netherlands: Testing integrated threat theory // British Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 47. No. 4. pp. 667–685.

КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

РОСТОВСКАЯ Наталия Андреевна, кандидат культурологии, научный сотрудник кафедры ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам, Институт социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). Email: narostovskaya@mail.ru

Аннотация. Рассматривая культуру как один из ключевых компонентов миграционной политики, автор обращает внимание на проблемы успешной интеграции мигрантов в новой для них этнокультурологической среды. В качестве решения обозначенных проблем в статье представлены рекомендации по осуществлению успешной интеграции мигрантов в российское общество.
Ключевые слова: культура, мигранты, этнокультурная среда, успешная интеграция мигрантов.

CULTURE AS A MEANS OF SUCCESSFUL INTEGRATION OF MIGRANTS INTO RUSSIAN SOCIETY

Natalia A. ROSTOVSKAYA, candidate of Culturology, researcher, UNESCO Chair, Institute of Socio-Political Research, Moscow (Russia). Email: narostovskaya@mail.ru

Abstract. Considering culture as one of the key components of migration policy, the author draws attention to the problems of successful integration of migrants in the new ethno-cultural environment. As a solution to these problems, the article presents recommendations for the successful integration of migrants into Russian society.
Key words: culture, migrants, ethno-cultural environment, successful integration of migrants.

Для успешного раскрытия поставленной нами темы с культурологической точки зрения в первую очередь необходимо разобраться с понятийным моментом.

Под понятием культура в данном случае мы понимаем «мир особых нормативных порядков и форм осуществления деятельности и образов сознания, аккумулированных и селектированных социальным опытом на основании критериев их приемлемости по социальной цене и последствиям, их допустимости с точки зрения поддержания уровня социальной консолидированности способов и воплощенных в системах социальных целей, целостностей, правил, обычаев, социальных стандартов, технологий социализации личности и воспроизводства сообществ как устойчивых целостностей, опредмеченных в специфических чертах технологий и продуктов любой социально значимой и целенаправленной активности людей» [3].

Мигрант – лицо, совершающее переселение, меняющее местожительство внутри страны или переезжающее из одной страны в другую, чаще всего из-за экономической, политической, национально-правовой нестабильности

[4]; лицо, совершающее миграцию, т. е. пересекающее границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время. При широкой трактовке термин «Мигрант» включает также лиц, совершающих маятниковые миграции [5].

Само по себе определение слова «мигрант» очень обширно и охватывает огромное количество лиц, которых можно отнести к данной категории. В данной статье мы бы хотели сузить этот круг, подразумевая под термином «мигрант» именно трудовых (трудящихся) международных мигрантов, прибывающих на территорию Российской Федерации на короткий срок с целью трудоустройства. Но нередки случаи, когда трудовые мигранты задерживаются на территории нашей страны сверх запланированного ими ранее срока, затем становятся постоянными жителями, путем получения различных статусов (временно или постоянно проживающих), а потом и вовсе – гражданами России.

Согласно статистическим данным о международной миграции в Российской Федерации в 2017 г. общий международный миграционный прирост по всем странам составил 211,878 тыс. человек: из них международный миграционный прирост стран СНГ составил 203,434 тыс. человек, других стран 8,444 тыс. человек. Страны доноры СНГ (по убыванию) – Украина (47,691 тыс. чел.), Таджикистан (34,639 тыс. чел.), Казахстан (32,736 тыс. чел.), Узбекистан (22,167 тыс. чел.), Кыргызстан (19,355 тыс. чел.), Армения (13,999 тыс. чел.), Беларусь (11,770 тыс. чел.), республика Молдова (9,605 тыс. чел.), Азербайджан (8,599 тыс. чел.), Туркменистан (2,873 тыс. чел.). Другие страны доноры с наибольшим международным миграционным приростом: Грузия (2,586 тыс. чел.), Индия (1,437 тыс. чел.), Абхазия (1,252 тыс. чел.), Вьетнам (1,194 тыс. чел.), КНДР (0,793 тыс. чел.) [6].

Наше решение сузить круг людей относящихся к мигрантам до международных трудовых мигрантов не случаен. В данной работе нам предстоит рассматривать мигрантов как представителей особой этнической общности, являющимися носителями самобытных культурных и религиозных традиций или иными словами носителями этнической культуры. Принимая решение о миграции в ту или иную страну, человек становится невольным заложником разрыва естественно-антропологических связей, в результате чего, он вынужден искусственным путем создавать новые на текущем месте жительства. Мигрант, как представитель одной культуры (культура – донор) перемещается в другую культуру (культура – реципиент). Данная проблема усугубляется образованием этнокультурной дистанции между коренным населением и мигрантами, принятием новых форм социокультурного взаимоотношения и изменениям социально-территориального статуса места жительства. Таким образом, степень эффективности функционирования мигранта в новой для него этнокультурологической среде напрямую зависит от успешности результата его адаптации и интеграции на новом месте жительства.

Интеграция – сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов. Социальная интеграция означает наличие упорядоченных отношений между индивидами, группами, ор-

ганизациями, государствами и т.д. Интеграция общества и отдельных государств может осуществляться на основании принуждения, взаимной выгоды или сходства социально-экономического строя, интересов, целей и ценностей различных индивидов, групп, классов, государств [7].

Исходя из вышеуказанного определения интеграции, мы можем утверждать, что именно культура, как один из ключевых компонентов миграционной политики, является средством успешной интеграции мигрантов в российское общество.

К основным компонентам различных этнокультур относятся язык и вероисповедание, сходство и различие которых обуславливает сложность или легкость межкультурного взаимодействия. Ниже мы приводим таблицу, в которой отразили основные страны-доноры мигрантов, государственный язык этих стран и вероисповедание большего числа населения (Табл. 1).

Таблица 1.

Основные страны-доноры мигрантов, государственный язык этих стран и вероисповедание большей части населения

Страна	Государственный язык	Основная религия
Украина	Украинский, (русский – региональный, язык национальных меньшинств)	Христианство (Православие)
Таджикистан	Таджикский (русский, язык межнационального общения)	Ислам суннитского толка
Казахстан	Казахский (русский – официальный)	Ислам суннитского толка
Узбекистан	Узбекский	Ислам суннитского толка
Кыргызстан	Киргизский (русский – официальный)	Ислам суннитского толка
Армения	Армянский	Христианство (Армянская апостольская церковь)
Беларусь	Белорусский, русский	Христианство (Православие)
Молдова	Молдавский, румынский	Христианство (Православие)
Азербайджан	Азербайджанский	Ислам шиитского толка
Туркменистан	Туркменский	Ислам суннитского толка
Грузия	Грузинский	Христианство (Православие)
Индия	Хинди, английский и 22 дополнительных языка	Индуизм
Абхазия	Русский, грузинский, абхазский	Христианство
Вьетнам	Вьетнамский	Традиционные верования, Буддизм
КНДР	Корейский	Буддизм, конфуцианство

Основными религиями, представленными в Российской Федерации, являются христианство, в основном православие, ислам и буддизм. Сходство религиозных традиций существенно облегчает мигрантам интегрироваться в Российское общество. Учитывая тот факт, что россияне являются, преимущественно, христианами, для мигрантов таких стан как: Украина, Армения, Беларусь, Молдова, Грузия и Абхазия установление кросскультурных социальных связей, на почве религиозной принадлежности и религиозных традиций, будет значительно упрощено.

Коммуникативная компетенция является одним из ключевых аспектов успешной интеграции мигрантов, ведь язык является средством, обеспечивающим единство человеческих общностей. Для реализации успешной языковой компетенции мигрантам в России необходимо знать русский язык.

Можно выделить ряд стран, представителям которых, знание русского языка значительно упрощает интеграцию в российское общество. Это те страны, в которых русский язык является государственным, официальным или региональным: Украина, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Абхазия.

Нельзя не отметить тот факт, что государства-члены ЕАЭС имеют общую с Россией историю и как следствие этого, общую историческую связь имеют и народы, населяющие их, что также упрощает интеграцию мигрантов из этих стран в российское общество.

Подводя итог вышесказанному, перед нами открываются две основные проблемы, стоящие перед мигрантами на пути их интеграции в российское общество: язык и столкновение культур.

Проанализировав ряд статей, касающихся миграционных проблем в целом, мы постоянно сталкиваемся с такого рода выражениями как: «мигрант должен» или «мигрант обязан». Безусловно, данные высказывания небезосновательны, но зачастую мы забываем о том, что мы должны сделать для мигранта.

Национальная история всех стран является продуктом процессов миграции в той или иной степени, и не зависимо от нашего желания и взглядов, все мы также являемся частью этого процесса. Как следствие этого и ответственность за интеграцию должна ложиться не только на плечи мигрантов, но и на принимающее общество.

Местное население воспринимает свою культуру как не подлежащую изменениям, зачастую апеллируя к известной русской поговорке: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», подчеркивая тем самым не желание менять свои социокультурные ориентиры и традиции, возлагая ответственность за интеграцию на мигрантов. Безусловно, российская культурная политика направлена на сохранение общенациональной культуры и культурной традиции в целом, как и культуры отдельных ее народов и этносов. Однако не стоит забывать о том, что культура, сама по себе, есть живой организм, претерпевающий постоянные изменения, связанные с социальными, политическими и экономическими изменениями. Эти изменения зависят, в том числе, и от миграционных процессов, происходящих в мире и, в частности, Рос-

сии. Как бы российское общество не стремилось их не замечать, они остаются очевидными.

Одним из ярких примеров являются изменения, произошедшие в кулинарных предпочтениях. Шашлык, так горячо полюбившийся нам и так плотно вошедший в рацион питания российских граждан, никак не является исконно русским блюдом. Плов, шаурма, хинкали и многие другие блюда зарубежных национальных кухонь очень плотно закрепились в повседневном меню россиян, что свидетельствует об их успешной интеграции в российское общество, а значит и интеграции этнокультур.

Еще одним примером может служить свадебная обрядность, которая претерпела значительные изменения за последние два столетия.

Зачастую, сами термины «мигрант» и «миграция» репрезентуется с негативной точки зрения и ассоциируется со словами «проблема» и «девиация». Этнокультурные проблемы, встающие перед мигрантами и коренным населением, описываются не нейтрально, а только с позиции различия данных культур.

Говоря об успешной интеграции мигрантов в российское общество нельзя не затронуть вопросов, касающихся художественной культуры, где достаточно сильное влияние этнокультуры оказали на российскую поп музыку и кинематограф, так как в них ничего не препятствует ассимиляции неортодоксальных или непривычных элементов.

Все вышеперечисленные примеры указывают на то, что нетолерантность, в отношении мигрантов, вызвана не столько желанием сохранить свою национальную культуру неизменной, сколько необоснованными страхами, вызванными недостаточным знанием культур-доноров. Обоюдное изучение культурологических аспектов, как со стороны коренного населения, так и со стороны мигрантов, способно значительно снизить число конфликтов, возникающих на культурологической почве, тем самым сократив этнокультурную дистанцию.

В качестве рекомендаций по осуществлению успешной интеграции мигрантов в российское общество мы бы хотели отметить следующее.

Для местного (коренного) населения разработать и осуществить на государственном уровне образовательные программы, направленные на:

- знакомство с этнокультурами, толерантное межкультурное взаимодействие и формирование положительного образа мигрантов, так как для достижения кросскультурного взаимодействия необходимо учитывать этнопсихологические особенности наций, вступающих в общение;
- борьбу с ксенофобией и национализмом;
- адаптацию детей – мигрантов в российском обществе. В первую очередь речь идет об адаптации учебного процесса и психолого-педагогической помощи.

Для мигрантов: организовать на территории стран – доноров международные обучающие центры. Работа данных центров должна быть направлена на обучение будущих мигрантов русскому языку, культуре и истории прини-

мающей страны и основам права. Цели работы данных центров должны быть направлены на:

- изучение русского языка и формирование коммуникативной компетентности в общение и сотрудничестве;
- формирование осознанного, уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению, мировоззрению, культуре, языку, вероисповеданию, гражданской позиции, традициям. Готовности и способности вести диалог с другими людьми и достигать в нем взаимопонимания;
- формирование потребности в общении с местным (коренным) населением для дальнейшего духовно-нравственного развития, социализации, самообразования, организации содержательного культурного досуга;
- формирование основ культуры общающихся как неотъемлемой части их общей духовной культуры;
- воспитание уважения к истории культуры и культуре России. Знакомство с культурой;
- формирование основ культуры иммигрантов как части их общей духовной культуры, как особого способа познания жизни и средства организации межкультурного общения;
- формирование активного и уважительного отношения к культуре и традициям России как смысловой, эстетической, коммуникативной и личностно-значимой ценности.

По окончанию обучения в центре учащийся должен сдать комплексный экзамен по отражающий уровень владения русским языком, как иностранным, основам законодательства Российской федерации, истории и культуры России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ростовская Т.К. Особенности процесса интеграции молодых мигрантов и иммигрантов в российское общество и реализации молодежной политики в многонациональных государствах Европы, СНГ, Китая и Индии (итоги Всероссийского социологического исследования): монография / Т.К. Ростовская, М.В. Виноградова, Г.Ю. Никипорец-Такигава. Москва: РУСАЙНС, 2018. 218 с.

2. Ростовская Т.К. Саралиева З.Х**.** Особенности и жизненные стратегии молодых мигрантов из национальных республик Российской Федерации, проживающих в Нижегородской области Научный результат. Социология и управление. 2018. Т.4, № 1.

3. Энциклопедия культурологии. Электронный ресурс. Режим доступа: https://dic.academic.ru /dic.nsf/enc_culture/431/КУЛЬТУРА (дата обращения 24.10.2018)

4. Словарь иностранных слов. Комлев Н.Г., 2006. Электронный ресурс. Режим доступа: https://dic. academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21422/МИГРАНТ (дата обращения 24.10.2018)

5. Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. Гл. ред. Д.И. Валентей. Электронный ресурс. Режим доступа: https://demography.academic.ru/2000/МИГРАНТ (дата обращения 24.10.2018)

6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения 25.10. 2018)

7. Философская энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://dic.academic. ru/dic.nsf/enc_philosophy/2360/ИНТЕГРАЦИЯ (дата обращения 24.10.2018)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ ВНУТРИ ЕАЭС И ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

СЕЛЕЗНЁВ Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: igdrake@yandex.ru

Аннотация. В работе проводится анализ миграционных процессов на постсоветском пространстве и интеграции в сфере социальной политики, рассмотрен опыт становления социального пространства Европейского сообщества, показаны перспективы становления единого социального пространства ЕАЭС.
Ключевые слова: трудовая миграция, ЕАЭС, опыт Европейского сообщества, единое социальное пространство.

MIGRATION FLOWS WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE FORMATION OF A UNIFIED SOCIAL SPACE: INTERNATIONAL EXPERIENCE, PERSPECTIVES AND POSSIBILITIES

Igor A. SELEZNEV, PhD (Sociology), Associate Professor, leading researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: igdrake@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the migration processes in the post-Soviet space and integration in the field of social policy, considers the experience of the formation of the social space of the European community, shows the prospects for the formation of a single social space of the EAEU.
Key words: labor migration, EAEU, experience of the European community, common social area.

Результатом подписания договора о ЕАЭС стало формирование пространства свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы внутри стран Союза и единые таможенные тарифы по отношению к третьим странам. Созданы наднациональные органы (Евразийская экономическая комиссия, ЕЭК). На очереди: общая система регулирования экономической политики, осуществление единой политики развития отдельных отраслей экономики; унификация кредитной, налоговой, социальной политики.

Государства ЕАЭС больше не применяют ограничений в отношении граждан других стран-членов, введенных национальным законодательством для защиты внутреннего рынка труда. При трудоустройстве в странах ЕАЭС признаются документы, выданные образовательными организациями госу-

дарств-членов, без специальных процедур признания документов об образовании (кроме педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической деятельности). Преимуществом ЕАЭС стал безвизовый въезд, отсутствие таможенного контроля и квот на трудоустройство, наличие набора мер по медицинскому и социальному обеспечению, возможность получения образования в странах ЕАЭС [1, с.32]. Основными странами, принимающими трудовую миграцию в рамках ЕАЭС являются Казахстан и РФ [2, с.29–31].

Поскольку институциональные формы евразийской интеграции в чем-то копируют практику европейского сообщества, то стоит разобраться, что из опыта ЕС может быть полезно для ЕАЭС. В том числе, в области социальной политики. Ведь объединённая Европа прошла весь этот путь в прошедшие десятилетия. Сегодня ЕС столкнулся с рядом непреодолимых противоречий и находится в кризисе. У европейской интеграции есть несомненные достижения, как и явные провалы (свидетельством чего стало достаточно мощное движение евроскептиков, «брексит», последствия наплыва переселенцев из стран Азии и Африки, проблемы неравномерности развития внутри самого ЕС, долг Греции и других стран группы PIGS и т.п.). Тем не менее, как позитивный, так и негативный опыт интеграции европейских стран, в частности, применительно к становлению социальной системы в ЕС может оказаться небезынтересным.

Учёт этого европейского опыта, в том числе совершённых ошибок, становится важным и при выстраивании социальной политики в странах ЕАЭС. Ведь отечественная миграционная политика фактически направлена на привлечение рабочей силы для замещения невостребованных вакансий малоквалифицированного физического труда. Проблема в том, что такие трудовые мигранты способствуют консервации низкооплачиваемых рабочих мест, что отражается на всём рынке труда и, в конечном счете, препятствует модернизации экономики. Капитал не заинтересован в техническом обновлении производства, если в его распоряжении имеется дешевый труд. Но дешевый труд таким образом тормозит технический прогресс, и развитие трудовой миграции в рамках ЕАЭС без соответствующей социальной политики несет риск замедления технологического развития. Поэтому становление единого социального пространства ЕАЭС представляется важнейшей задачей интеграции.

Изначально при подготовке договора о ЕАЭС не уделялось внимания социальной интеграции. Единственными статьями Договора о создании ЕАЭС в которых отражены социальные проблемы стали ст. 97 и 98, где отражены механизмы социальной защиты, получения медицинской помощи и т.п. процедур трудящихся стран-членов и также взаимное признание документов об образовании и возможность трудоустройства [3]. Тем не менее, при этом странами ЕАЭС уже в предыдущие годы на межгосударственном уровне и в рамках Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза был принят ряд соглашений относительно социальной политики.

Достаточно назвать Концепцию согласованной социальной политики государств-членов Евразийского экономического сообщества (КССП ЕврАзЭС, 2007 г.), обозначившую актуальные проблемы в социально-трудовой сфере и обращающую внимание на то, что решение указанных проблем осуществля-

ется при различных уровнях социально-экономического развития и разных моделях социальной политики стран-участниц. Конечной целью реализации Концепции должно стать формирование сообщества социальных государств путем ускоренного социально-экономического развития и интеграции государств ЕврАзЭС на базе правового обеспечения в соответствии с национальными конституциями стран-участников. В качестве главного результата названо «обеспечение единого социального пространства», включая: свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда; использование системы согласованных социальных стандартов и индикаторов; развитие и гармонизацию системы социального страхования; пенсионное обеспечение граждан, основанное на согласованных принципах и подходах; использование общего образовательного пространства; доступность полного комплекса качественных медицинских услуг и лекарственной помощи; формирование благоприятной для жизнедеятельности окружающей среды; единое пространство для межгосударственных и межнациональных культурных контактов; функционирование общего правового пространства. Концепция прописывает и механизмы реализации согласованной социальной политики, предполагающие разработку и поэтапное проведение ряда мероприятий: гармонизация и унификация законодательства; разработка системы социальных гарантий и индикаторов; развитие социального партнёрства и социальной ответственности; институциональное развитие и проведение научных исследований и др. [4].

Тем не менее, провозглашая «поэтапную интеграцию» и создание «единого евразийского экономического и социального пространства» следует разобраться с очерёдностью форм межстрановой конвергенции. Современная представления об межгосударственной интеграции опираются на концепцию венгерско-американского экономиста Бела Балашша. Итак, существует шесть ступеней степени межгосударственной экономической интеграции: (1) зона свободной торговли (2) таможенный союз; (3) единое экономическое пространство, общий рынок, международное экономическое сообщество; (4) экономический и (5) валютный союз. Поэтапная реализация этих пяти процессов означает полное осуществление экономической интеграции [4, с. 236–237, 246–247; 5, с. 113–115].

На данном этапе страны ЕАЭС находятся на третьем этапе интеграции и перешли к четвертому (единое экономическое пространство – международное экономическое сообщество – общий рынок – экономический союз).

И учёт этого европейского опыта, в том числе совершённых ошибок становится важным и при выстраивании социальной политики в странах ЕАЭС.

Как известно, Объединённая Европа начиналась не с социальной интеграции, а с интеграции корпоративной, решавшей заодно проблему безопасности в Европе: учреждение Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Социальная же программа этих евросообществ на раннем этапе интеграции отличалась противоречивостью в целях (политические – социальный консенсус, практические – приспособление рынка рабочей

силы к новым условиям хозяйствования). В то время страны-участники евросообществ еще не были готовы к принятию единой согласованной социальной политики, более того, существовали мнения, что она может помешать конкурентоспособности национальных экономик и ущемлять национальные суверенитеты. Тем не менее, следует отметить принятие Европейской социальной хартии (1961 г.). Но, зачастую, даже после внесённых в Хартию в 1996 г. дополнений и обновлений, она носит общий декларативный характер, не предписывающий обязательств участникам договора. (Россия ратифицировала Пересмотренную Хартию в октябре 2009 г., признав обязательными для себя из положений части II Хартии статьи 1, 3, 5–11, 14, 16, 17, 20–22, 24, 27–29 полностью, 2, 4, 12, 15, 18, 19 частично (всего 68 пунктов) [6, с. 155].

Постепенно, под давлением рабочего движения социальная политика выдвигается в число более важных направлений деятельности евросообществ. Пришло понимание необходимости активной наднациональной социальной политики и в качестве фактора, способствующего формированию экономического и валютного союза и как одного из звеньев будущей европейской системы регулирования экономики. На Парижском саммите стран-участниц ЕЭС (1972 г.) впервые был поднят вопрос о разработке общеевропейской социальной политики, которая рассматривала бы наиболее важные социальные проблемы государств евросообществ в комплексе с основными направлениями дальнейшей интеграции. Была принята формулировка, согласно которой цель интеграции должна состоять в создании «социальной Европы», «Европейского социального союза». И, начиная с этого времени, было разработано более 50 директив в области трудовых прав работников, регламентирующих уровень оплаты труда, продолжительность труда и отдыха, продолжительность оплачиваемого отпуска и др. Представляется, что данный опыт важен и для государств ЕАЭС.

Относительно же интеграции социальной политики после образования ЕС, формирования экономического и валютного союза, можно отметить, что хотя решение социальных проблем остаётся в ведении каждого отдельного государства, продолжаются поиски путей унификации социальных систем, гармонизации социальных отношений в ЕС.

К примеру, было подписано соглашение о едином страховом пространстве и координации национальных законодательств в области социальной защиты, позволяющее гражданам ЕС искать для себя работу в любой из этих стран, сохраняя свою социальную защищенность. При этом, следует отметить, что по причине различий в жизненном стандарте различных стран не было проведено унификации национальных законодательств в единую систему. Таким образом, принятые соглашения координируют национальные законодательства, не подменяя их. Этот опыт может быть интересен и при построении евразийского общего рынка.

Согласно Лиссабонской декларацией развития ЕС в XXI в. должна быть построена «экономика знаний», самая конкурентоспособная и динамичная в мире, способная обеспечить устойчивый рост экономики, сопровождаемый социальным сплочением. В русле этой концепции, стимулировалось формирова-

ние вслед за экономическим, и других единых европейских пространств: образовательного, научно-технологического, информационного, социального. В совершенствовании социальной политики всё больше внимания уделяется социальной ответственности бизнеса, помимо основных субъектов социального партнёрства возрастает роль неправительственных организаций (НПО) [7, с.173–174].

Выработке общей социальной модели в ЕС способствует наличие следующих факторов: общее интегрированное экономическое пространство с единой валютой, способствующее экономической и социальной стабильности развития и усиления мировых позиций ЕС; общие социально-демографические тенденции на территории ЕС; развитие процессов глобализации и информационных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы.

Но насколько успешно происходит создание единой европейской социальной модели? Приводятся аргументы, что социальные системы в ЕС во многом несовместимы и наибольшее различие между странами ЕС наблюдается именно здесь. Основной проблемой ЕС в социальной сфере остаётся наличие межгосударственных разногласий в области согласования законодательств стран-участников в этой сфере. Общая социальная политика ЕС носит скорее рекомендательный характер и, таким образом, создание «социальной Европы» отстаёт от темпов экономической и валютной интеграции.

На сегодняшний день специалисты обозначают, по меньшей мере, три модели, обнаруживающих различие в социальной политике европейских государств: «нордическую» («скандинавскую», «шведского социализма»), «континентальную» («корпоративистскую», «патерналистскую», «социального рыночного хозяйства») и «островную» («англосаксонскую»), связанных с социал-демократическим, консервативным и либеральным пониманием социальной политики, соответственно. А существует ли четвёртая модель – «средиземноморская» («южноевропейская»)? Это остаётся дискуссионным, хотя появление группы стран PIGS свидетельствует, скорее, о существовании «средиземноморской» модели. Но еще возникает ряд вопросов, поскольку за чертой рассмотрения оказывается так называемая «Новая Европа».

Если говорить о единой Европейской социальной модели (ЕСМ), то в пользу существования ЕСМ говорит тот факт, что основные принципы, на которые опирается социальная политика в странах Евросоюза в той или иной форме заложены в национальных моделях и не оспариваются никем. По оценке социолога Энтони Гидденса, ЕСМ – это соединение ценностей, достижений и только общность их восприятия позволит всем перейти к государству всеобщего благоденствия. По его мнению, решающим фактором в реализации ЕСМ является интеграция, не только экономическая, но и политическая, поэтому «нельзя национальные особенности тащить на европейский уровень» [7, с. 177]. Следовательно, в пользу формирования единой европейской социальной модели говорит наличие общих ценностей, разделяемых всеми национальными моделями социальной политики в странах ЕС: конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, социальная справедливость, социальная

безопасность, социальная солидарность, признание роли социальных партнеров и социального диалога, благоприятная для общества экология, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, демократия и человеческое достоинство, отказ от любых форм дискриминации, гендерное равенство.

Владимир Шпидла, чешский политик и европейский комиссар по вопросам занятости, социальной политики и равным возможностям в 2004–10 гг., утверждает, что ЕСМ базируется на наборе общих фундаментальных ценностей, таких, как приверженность демократии, отказ от любых форм дискриминации, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, гендерное равенство, солидарность и справедливость, признание роли социальных партнеров и социального диалога. По мнению Шпидлы, эти ценности являются «богатством для ЕС и его граждан, фактором равновесия на службе европейцам и должны разделяться всеми государствами ЕС». Европа, по его мнению, «кончается, когда эти ценности не разделяются» [8, с. 179]. Хотя, собственно, на декларативном уровне большинство этих положений нашли отражение и в документах по социальной политике стран ЕАЭС, в том числе и в КССП [7, с. 177, 179].

Но, говоря о достижениях в европейской социальной политике, стоит обратить внимание на существующую там систему социальных индикаторов и показателей. Так, шведскими специалистами было внесено в национальный, а затем и в широкий общеевропейский оборот ключевое для социальной политики понятие «социальной проблемы», впервые предложенное экспертной группой ООН в 1961 г., как состояния «нужды в жизненном положении человека, которое может быть устранено действиями общественных институтов». Итак, к числу таких социальных проблем, актуальных в современном обществе и требующих вмешательства и разрешения относят:

- проблемы, связанные с детьми и молодёжью (выбор профессии, молодёжная безработица, асоциальные, педагогически запущенные дети и др.);
- с материнством и семейной жизнью (семейные конфликты, одинокие матери, разводы, семьи с детьми с нарушениями развития и инвалидами и др.);
- со старостью (экономические проблемы стариков, адаптация к жизни пенсионера, изоляция от окружающих, уход за пожилыми людьми);
- с инвалидностью и болезнью (реабилитация инвалидов, уход и др.);
- с профессиональной жизнью (профессиональная адаптация, переквалификация, низкая зарплата, производственный травматизм и др.);
- с отклоняющимся поведением;
- с социальными и экономическими изменениями (миграция, урбанизация, локализация определённых социальных групп и др.);
- с природными и политическими потрясениями (наводнения, землетрясения, жертвы войн, беженцы и вынужденные переселенцы);
- с социальными меньшинствами (этнические и религиозные группы) [8, с. 73–74].

Подобная классификация социальных проблем может быть инструментально востребована и в странах ЕАЭС при определении индикаторов и показателей эффективности социальной политики, выявлении адресатов социальной помощи и т.п.

Учёт всего этого европейского опыта, в том числе совершённых ошибок становится важным и при выстраивании социальной политики в странах ЕАЭС. При этом, нужно отдавать себе отчет, что в этой сфере существует и ряд объективных ограничений. Европейская система социальной политики – плод длительной интеграции. До сих пор среди специалистов и политиков нет единого мнения, можно ли говорить об общеевропейской социальной модели или по крайней мере о трёх различных региональных моделях, связанных с социал-демократическим, консервативным и либеральным пониманием социальной политики. В пользу Европейской социальной модели говорит наличие общих принципов в той или ином виде разделяемых и всеми локальными моделями социальной политики: социальная справедливость, социальная безопасность, социальная солидарность, конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, благоприятная для общества экология, демократия и человеческое достоинство.

В то же время, объективные факторы (наличие общего экономического и валютного пространства; схожие социально-демографические тенденции; развитие процессов глобализации и информационных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы) как могут способствовать выработке общей социальной модели в ЕС, так и содержат в себе потенциальные препятствия к эффективности европейской социальной политики. Что касается постепенной унификации национальных законодательств в этой области, то поскольку интегрированная социальная политика исходит из рекомендаций наднациональных органов, то такие решения могут игнорироваться. Таким образом, интеграция ЕС в области социальной политики отстаёт от экономической и даже политической конвергенции европейского пространства [5, с. 138].

Это следует учитывать при построении интеграционной модели социальной политики в странах ЕАЭС, поскольку ситуация с формированием единой социальной политики стран ЕАЭС соответствует ранним этапам развития европейской интеграции, когда вопросам социальной политики уделялось недостаточное внимание. Если в Европе 1960-х гг. проблемы усиления социальной политики решались путём массовых выступлений трудящихся, то в условиях неразвитости рабочего и профсоюзного движения в сегодняшних Армении, Беларуси, Казахстане, Киргизстане и России эффективность такого пути гораздо ниже.

В то же время, в условиях внешнеэкономических санкций со стороны стран Запада (включая ЕС), с которыми столкнулась РФ в 2014–18 гг. и с которыми сталкивается Республика Беларусь на протяжении ряда лет переход на стандарты ЕС в социальной политике, включая положения «Европейской социальной хартии» представляется скорее химерическим. При этом, в ситуации потенциальной изоляции наших стран со стороны Запада скорее бу-

дут проявляться те или иные мобилизационные формы, что в конечном счете повышает нормы эксплуатации труда. С другой стороны, сложная международная обстановка диктует потребность в повышении социальной солидарности и снижения социальной напряженности. И здесь вполне следует ожидать инициатив со стороны государства обращающегося к активной социальной политике. Ведь в условиях, когда глобализация как процесс, ведущий к снижению суверенитета государств, явно «буксует», обозначаются противоположные, центростремительные, деглобализационные и изоляционистские тенденции в политике многих государств и объективно возрастает роль государства (которое ещё рано списывать со счетов) и его активной политики, в диапазоне от прямых патерналистских мер до программ развития среднего и малого бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Рязанцев С.В, Осадчая Г.И., Селезнев И.А., Письменная Е.Е.. Мобильность трудовых ресурсов в ЕАЭС: тенденции, барьеры, перспективы // Центральная Азия и Кавказ, 2018, т. 21, вып. 2. С. 31–40.

2. Ryazantsev S., Osadchaia G., Seleznev I., Pismennaya E. Workforce mobility in the EAEU: trends, barriers, prospects //Central Asia and the Caucasus, vol.19, issue 2. Pp. 28–36.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе. Электронный ресурс. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978- 42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610 (дата обращения 14.12.2018)

4. Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.evrazes.com/docs/view/67 (дата обращения 14.12.2018)

5. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации /Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, Инфра-М, 2008.

6. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: Библио-Глобус, 2018.

7. Селезнев И.А. Социальное измерение европейской интеграции: уроки для Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания, 2015, №1. С. 151–166.

8. Социальная Европа в XXI веке. (Старый свет – новые времена) / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: «Весь мир», 2011.

9. Церкасевич Л.В. Социальная политика и стратегия её реализации в странах Европейского союза. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИЮ: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

ХАДЖАЕВ Зобир Шарифович, студент, Учебный Центр «Интеграция», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (МАИ), Серпухов (Россия). E-mail: zabir125@gmail.com

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу образовательной иммиграции в Россию, исследованию проблемы адаптации и выработке рекомендаций по её решению. Предложены рекомендации по повышению эффективности взаимодействия иностранных студентов с социокультурной и интеллектуальной средой вуза.
Ключевые слова: адаптация, межкультурная коммуникация, образовательная миграция, высшее образование в России, иностранные студенты в российских вузах.

EDUCATIONAL IMMIGRATION TO RUSSIA: ESSENCE AND PROBLEM OF ADAPTATION

Zobir Sh. HADZHAEV, student, Center «Integration», Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI), Serpukhov (Russia). E-mail: zabir125@gmail.com

Abstract. This research work is devoted to the analysis of educational immigration in modern Russia, examines the problems of solutions and recommendations for its solution. In the framework of this study, attention will be focused on the features of teaching foreign students in Russian universities.
Keywords: adaptation, intercultural communication, educational migration, higher education in Russia, foreign students in Russian universities.

Образовательная миграция является предметом значительного интереса представителей различных научных дисциплин: демографии, экономики, статистики, культурологии, антропологии, политологии и права, – поскольку объяснить многообразие ее аспектов, причин и последствий не представляется возможным в рамках какой-либо отдельной науки.

Под образовательной миграцией понимают совокупность перемещений людей с целью получения образования различного уровня и на различные сроки. Она охватывает как внутренние, так и внешние перемещения и всегда направлена на получение новых профессиональных или научных компетенций.

Масштабы образовательной миграции в условиях глобализации стабильно растут, в нее вовлекается все большее количество людей [4].

В России студенческая иммиграция по объемам миграционного потока занимает третье место после трудовой иммиграции. Согласно данным ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры), по численности иностранных студентов Россия занимает седьмое место в мире после США, Великобритании, Австралии, Франции, Германии и Канады [2].

Практика показывает, что большую часть образовательной миграции составляют потоки учебных мигрантов, приезжающих с целью получения образования в школах, средних профессиональных учреждениях и вузах [1].

Структуру международной образовательной миграции можно представить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Структура международной образовательной миграции

Анализ статистических данных показывает, что численность иностранных студентов в российских вузах довольно велика – 244,6 тыс. человек в 2016/2017 учебном году (рис. 2) [5].

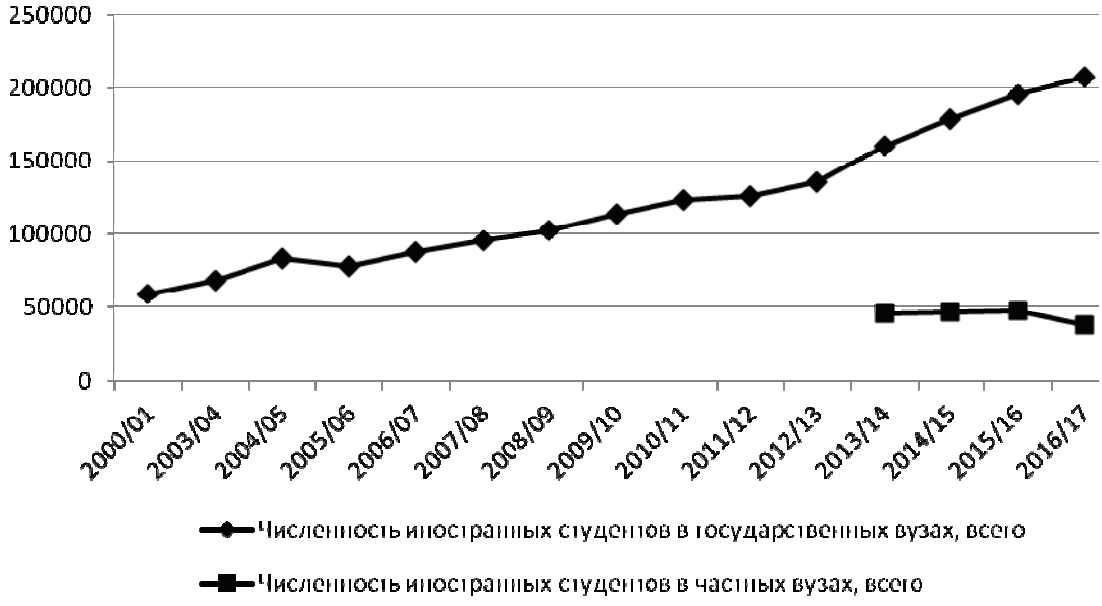

Рис. 2. Численность иностранных студентов в России, человек [5]

На протяжении последних десяти лет отмечается устойчивая положительная динамика численности иностранных студентов в России.

В 2013/14 учебном году численность иностранных студентов в государственных вузах была больше 160 тыс. человек. На начало 2016 г. их численность превысила 200 тыс. человек, что говорит о высокой привлекательности российского образования среди иностранной молодёжи.

Начиная с 2013 г., в статистике ведётся учёт иностранных студентов, обучающихся в частных вузах. Численность данной категории студентов в 2016/17 учебном году уменьшилась по сравнению с предыдущим годом, что косвенно говорит о желании иностранных студентов учиться именно в государственных образовательных учреждениях [6].

На начало 2016/2017 учебного года в российских вузах обучались почти 244 тысяч иностранцев – 5,5% от общего числа студентов.

Большая часть абитуриентов (79,2%) поступают в российские вузы из стран бывшего СССР. А доля абитуриентов с дальнего зарубежья в российских вузах составляет 20,8% (табл. 1, 2).

Таблица 1.

Распределение численности иностранных студентов по странам бывшего СССР, 2016/2017 уч. год

Страна	Численность иностранных студентов, тыс. чел.
Казахстан	50,7
Узбекистан	16,8
Туркмения	15,9
Украина	12,1
Таджикистан	12,0

Источник: данные Росстата

Таблица 2.

Распределение численности иностранных студентов по странам дальнего зарубежья, 2016/2017 уч. год

Страна	Численность иностранных студентов, тыс. чел.
Китай	13,5
Индия	6,6
Вьетнам	3,3
Монголия	2,2
Малайзия	1,8

Источник: данные Росстата

Абитуриенты из дальнего зарубежья едут, как правило, из стран Азии и Африки (рис. 3).

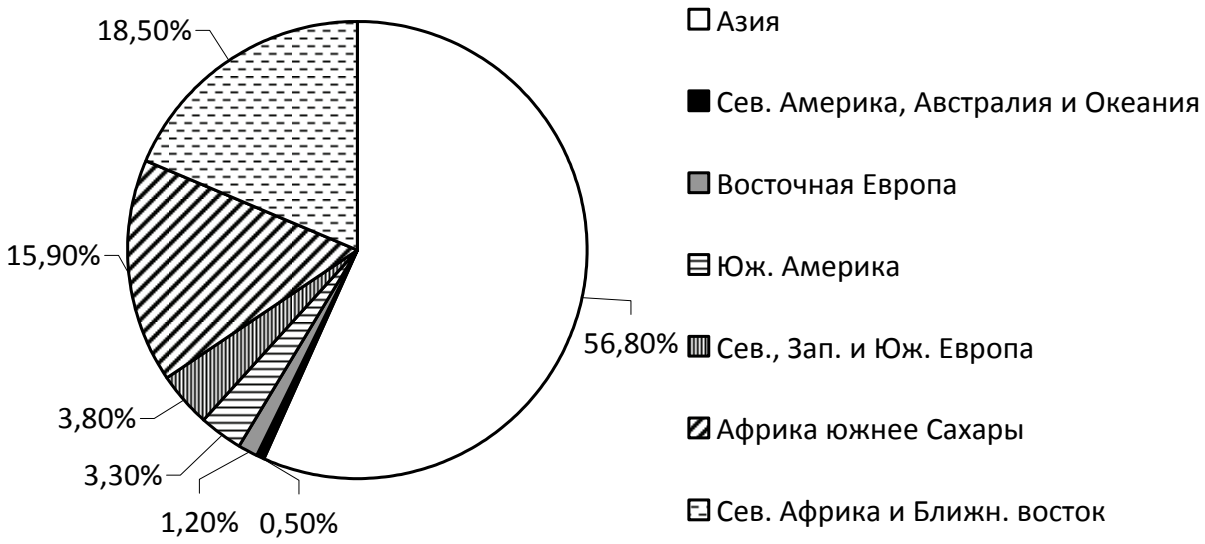

Рис. 3. Распределение численности иностранных студентов по странам дальнего зарубежья

Из рисунка видно, что большая часть иностранных абитуриентов (56,8%) поступают в вузы из стран Азии, затем Африка южнее Сахары (15,9%) и Северная Африка и Ближний Восток (18,5%). Меньше всего студентов приезжают из Северной Америки, Австралии и Океании (0,5%).

Большая часть иностранных студентов поступают в московские вузы. Это связано, прежде всего, с престижностью вузов и качеством образования, а также с большим выбором перспективных направлений обучения.

Треть всех иностранных студентов приходится в сумме на Москву (25%) и Санкт-Петербург (9,7%). Далее идут Омская и Томская области – 4,8% и 4,2% соответственно.

Наиболее популярным вузом среди иностранных студентов является Российский университет дружбы народов (РУДН). В нем обучается 5139 иностранцев (на 2016/2017 учебный год). Для сравнения в МГУ имени М.В Ломоносова число иностранных студентов составляет 1637 человек, и занимает шестое место в рейтинге вузов с наибольшим количеством иностранных студентов.

По результатам анализа приведенных данных можно сделать следующие выводы:

1. Численность иностранных студентов, обучающихся в России, растет.

2. Наибольший поток студентов приходится на бывшие республики СССР, далее из стран Азии, Северной Африки и Ближнего Востока.

3. Треть иностранных студентов, обучающихся в России, сконцентрирована в Москве и Санкт-Петербурге.

Образовательные мигранты являются одной из хорошо адаптирующихся групп мигрантов. Неслучайно, что они являются одной из самых желательных категорий иммигрантов. Однако следует отметить, что существуют некоторые проблемы адаптации в российских вузах.

В 2007–2009 гг. Письменной Е.Е. было проведено социологическое исследование в виде анкетирования, благодаря которому были выявлены основные проблемы, затрудняющие социальную адаптацию учебных мигрантов. В нем приняли участие более 70 экспертов и 528 иностранных студентов и аспирантов [4].

К наиболее острым проблемам, затрудняющим социальную адаптацию, относятся, во-первых, отсутствие прозрачных процедур регистрации иностранных студентов; а во-вторых, существование необходимости расширения штата преподавателей и сотрудников для работы с иностранными студентами.

Еще одной важной проблемой является проблема адаптации иностранных студентов к образовательному процессу в российском вузе.

Перед вузом всегда стоит задача оптимизации жизни и учебы иностранных студентов. Ведь успешность обучения напрямую зависит от социальной адаптации студентов. Поэтому вопрос адаптации иностранных студентов к образовательному процессу становится важным в обучении.

Под адаптацией иностранцев к образовательному процессу понимают многофакторный процесс вхождения, развития и становления личности иностранца в образовательном пространстве вуза.

Процесс адаптации в студенческой среде – это сложный, многоуровневый процесс. Сложность заключается в том, что студенты из разных стран требуют разных подходов и методов, поскольку они принадлежат к разным культурам и имеют свои ценностные ориентации.

Процесс адаптации – сложный процесс, формирующий способности иностранного студента развиваться в области коммуникации и изучения нового языка. Важность проблемы адаптации определяется задачами их дальнейшего эффективного обучения как специалистов. Успешная адаптация помогает быстро включиться в учебный процесс и способствует повышению уровня подготовки студентов в вузе.

Студенты, приехавшие на учебу из других государств, оказываются в очень непростой ситуации. Студенческая жизнь становится для них серьезным жизненным испытанием. Они вынуждены не только осваивать новый вид деятельности – учебу в вузе, но и адаптироваться к незнакомому социокультурному пространству.

По сравнению с местными студентами иностранные испытывают более серьезные трудности при внедрении в студенческую жизнь. Поэтому, встает вопрос, каким образом организовать процесс адаптации и учесть все факторы, влияющие на процесс адаптации. Так как на человека действует не один фактор, а комплекс.

Поздняков И.А. для решения этой задачи, предлагает разработать единую политику сопровождения иностранных студентов, координируя и контролируя их жизнедеятельность в вузе.

Романов С.А. предлагает использовать психолого-педагогическое сопровождение иностранцев, которое создаст условия для развития его личности, а также увеличению уровня адаптивности к новой культуре.

Обобщая проблемы адаптации иностранных студентов на первых курсах обучения, выделим следующие, согласно их влиянию (табл. 3).

– 1 балл – не сильно влияют;

– 2 балла – среднее влияние;

– 3 балла – сильное влияние.

Таблица 3.

Проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах

Проблема	Влияние
Большой объем предъявляемой информации	3
Сложность восприятия лекций в аудио-форме	3
Отсутствие навыка конспектирования звучащей речи	2
Новые для студентов формы обучения: лекция, семинар	1
Установка контактов с русскими студентами	1
Снижение уровня владения русским языком за время летних каникул	2

Трудности, которые иностранный студент испытывает в новой стране, и их проявления могут быть сгруппированы следующим образом (табл. 4).

Таблица 4.

Трудности, испытываемые иностранными студентами

Трудности	Проявление
Психофизиологические	Переустройство личности, «вхождение» в новую среду, психоэмоциональное напряжением, смена климата
Учебно-познавательные	Слабая языковая подготовка, адаптация к новым требованиям и системе контроля знаний, организация учебного процесса
Социокультурные	Освоение нового социального пространства вуза, преодоление языкового барьера

Для студентов-иностранцев уровень адаптации оценивается следующими критериями: успеваемостью в учебе, умением самостоятельно работать с литературой, написанными на языке обучения, общением с преподавателями и студентами в рамках дисциплины.

Важную роль в ходе социокультурной адаптации выполняют агенты адаптации (деканат по работе с иностранными студентами, преподаватели, соотечественники и другие студенты). Они помогают в освоении новых социальных ролей и налаживанию социальных контактов.

В рамках данного исследования были сформулированы следующие рекомендации:

1. Деканатам по работе с иностранными студентами необходимо разработать методические пособия для иностранных учащихся, снабженные справочным, иллюстративным и комментирующим материалом.

2. Внедрить в практику работы с иностранными студентами адаптационные мероприятия (межкультурные тренинги и ассимиляторы).

3. В рамках методической подготовки преподавателей русского языка как неродного ввести курс по проблемам социокультурной адаптации иностранных учащихся в вузах.

4. Проводить методические мероприятия для преподавателей по проблемам организации учебной деятельности в полиэтнических группах.

5. Координировать в сфере организации досуговых форм для иностранных студентов, привлекать общественные организации, функционирующие как культурные центры национальных диаспор.

Таким образом, адаптация иностранцев к образовательному процессу – это комплексное явление. Успешность процесса адаптации обеспечивает положительное взаимодействие иностранных студентов с социокультурной средой вуза, формирование социального статуса, освоение новых социальных ролей и приобретение новых ценностей.

В целом обучение иностранных граждан в российских вузах в настоящее время является достаточно эффективным и по-прежнему остается привлекательным для студентов из стран СНГ и дальнего зарубежья. Также процесс работы с иностранцами стимулирует преподавателей к развитию мультикультурных связей и повышению академической мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева Е.Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 113–136.

2. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Иностранные студенты в российских вузах // Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с.

3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/. Дата обращения: 22.09.2018 г.

4. Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора социологических наук. Москва, 2009.

5. Россия в цифрах [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/ connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641. Дата обращения: 23.09.2018 г.

6. Сивоплясова С.Ю., Мосягина Г.П. Образовательная иммиграция в Россию: динамика, последствия, политика / В сб.: Сборник трудов участников VII Всероссийской научно-практической конференции «Современное непрерывное образование и инновационное развитие». Под редакцией профессора А.Н. Царькова и профессора И.А. Бугакова. Серпухов: МОУ «ИИФ», 2017. С. 901–905.

Раздел 7.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПОДХОДЫ

Section 7.

LABOR MIGRATION: TRENDS AND APPROACHES

VIETNAMESE TRANSNATIONAL LABOUR MOBILITY IN RECENT YEARS: OPPORTUNITY AND CHALLENGE[1]

NGUYEN An Ha, Dr. of Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute for European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: anhad4@yahoo.com

DANG Minh Duc, Dr. of Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute for European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: minhduc_ies@yahoo.com

DINH Manh Tuan, PhD, Researcher, Institute for European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: tuaneu@yahoo.com

Abstract. The paper analyzes the opportunities and challenges for labor export of Vietnam by considering the reality of its labour migration to other countries in recent years. In the current context of international integration, Vietnamese government and its administrative agencies need to develop, issue and implement policies and solutions to ensure favorable conditions for workers going abroad to work, increase the competitiveness of its production and labour in order to strengthen sustainable development of Vietnamese labour export.

Keywords: labour mobility, labour export migrant workers, opportunity and challenge, Vietnam.

ВЬЕТНАМСКАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ[2]

Ан Ха НГУЕН, доктор наук, профессор, старший научный сотрудник Института европейских исследований Вьетнамской Академии Общественных Наук. E-mail: anhad4@yahoo.com

Мин Дюк ДАН, доктор наук, профессор, старший научный сотрудник Института европейских исследований Вьетнамской Академии Общественных Наук. E-mail: minhduc_ies@yahoo.com

Ман Туан ДИН, доктор философии, научный сотрудник Института европейских исследований Вьетнамской Академии Общественных Наук. E-mail: tuaneu@yahoo.com

Аннотация. В статье анализируются возможности и проблемы экспорта рабочей силы из Вьетнама с учетом тенденций трудовой миграции в другие страны в последние годы. В нынешних условиях международной интеграции вьетнамскому правительству и его административным органам необходимо разрабатывать и осуществлять политику и решения, обеспечивающие благоприятные условия для выезда трудящихся за границу на работу, повышать конкурентоспособность своего производства и рабочей силы в целях укрепления устойчивого развития вьетнамского экспорта рабочей силы.

Ключевые слова: трудовая мобильность, трудовые мигранты, возможности и вызовы, Вьетнам.

[1] The study was conducted with support of Vietnamese Ministry of Science and Technology, Project: The Vietnamese Community in Russian and CIS countries in 1991–2018

[2] Исследование проведено при поддержке Министерства науки и технологий Вьетнама, Проект: вьетнамское сообщество в России и странах СНГ в 1991–2018 гг.

Introduction. In the context that international integration and development have been taking place vigorously all over the world, domestic labour mobility and international labour mobility are seen as a challenge to every nation as well as every region. International labour mobility is defined as the movement of working-age people from their home country to another one.

Sending labourers abroad is a significant policy implemented by Vietnam for the purpose of poverty reduction and national development, following the trend towards international integration and contributing to improvement of multifaceted relationships with other countries on the basis of equality and mutual benefit. In the 1980s, Vietnam mainly sent its labourers to former socialist countries, including the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) and Eastern Europe, and some Arabic countries as well. At present, however, the labour export market has been expanded to the countries in the Middle East, Africa, America, and Asia, especially Malaysia, Taiwan, South Korea, Saudi Arabia, and Japan etc., with more than 30 types of occupation, from the unskilled to the high-tech and expert ones.

This paper focuses on analyzing: (1) the current reality of international labour migration from Vietnam; and (2) some policy recommendations to Vietnamese government.

1. Reality of Vietnamese international labour migration: opportunity and challenge. Of the international documents on migrant workers, the "International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families" is considered the most important treaty. The Convention was adopted by the UN General Assembly on 18th December 1990 in the Resolution 45/158 and entered into force on 01st July 2003. According to the Convention, the term "migrant worker" refers to a person who is to be engaged, is engaged or has been engaged in a remunerated activity in a State of which he/she is not a national (Clause 1, Article 2). The Convention divides migrant workers into two groups, including: (i) documented (or legal) and (ii) undocumented (or illegal), of which the former are allowed to reside and do a remunerated activity in the country of destination; whereas, the latter do not have the same rights [1].

In general, the current international labour mobility can be interpreted as the consequence of the increasingly greater gaps between different countries, the shortage of labour force in some countries, the higher demand for both skilled and unskilled workers in the countries of destination, and the close geographical distance as well as the relationships between the countries of origin and the countries of destination [3].

In ASEAN, transnational labour migration is driven by two main factors: (i) the gap in socio-economic development between countries; and (ii) the demographic differences between ASEAN countries: the young workforce is getting more abundant in many countries of origin, while the population is ageing with a low birth rate in the countries of destination; this causes impact on the demand and supply of labour force [5].

International labour migration has become a significant motivation for economic growth and development in both countries of origin and countries of destina-

tion in ASEAN. In 2015, an estimated number of migrants coming from ASEAN countries was 20.2 million, of which nearly 6.9 million came from other countries in the region. Although the figures of ASEAN internal migrants have not been fully recorded, the statistical data available at present clearly illustrates that the number of migrants moving from one ASEAN country to another in ASEAN has increased rapidly, over five times higher in comparison with that in 1990 [4].

Evaluating the transnational migration of Vietnamese people, based on the report of the International Organization of Migration (IOM) with data retrieved from the database of the United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN-DESA), there had been over 2.5 million Vietnamese people migrated abroad during the period from 1990 to 2015. Over 26 years, therefore, nearly 100 thousand Vietnamese people migrated abroad every year on average. According to the IOM, by 2015 Vietnamese migrants residing abroad made up 2.67% of the total number of Vietnamese population. Most of them migrated to developed countries in the world. Specifically, Vietnamese migrants preferred to move to the United States of America (over 1.3 million migrants), Australia (227.3 thousand), France (125.7 thousand), Germany (nearly 113 thousand), Canada (182.8 thousand), and South Korea (114 thousand), etc. For the past few years, however, there has been a tendency that part of Vietnamese migrants have decided to migrate to the countries which have a lower or the same economic level like Vietnam. For example, a number of Vietnamese migrants ranging from 10 thousand to 100 thousand are now living in Eastern Europe or neighboring countries in Southeast Asia, such as Laos (12 thousand), Cambodia (36 thousand), China (28 thousand). Especially, the ASEAN country that has attracted greatly Vietnamese migrants is Malaysia, where 87 thousand Vietnamese are living there at present [6].

A large number of Vietnamese migrant workers have been living and working in Russia and other countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). The number of Vietnamese migrants in Russia is approximately 100 thousand, of which 26,205 ones have officially registered their residence in Russia, constituting a community of "ethnic minority" that ranked 72nd among all the ethnic groups there. Meanwhile, about 30 thousand Vietnamese migrants are living in other CIS, mainly in Ukraine (from 7 to 10 thousand) and Belarus (about 1 thousand), etc.

The export labourers, who have been living in those destination countries, are creating more opportunities for attracting and receiving new-comers from Vietnam. One of the pull factors attracting Vietnamese migrant workers, therefore, originates from overseas Vietnamese community in those countries. As migrant workers can get benefit from the linkage with the overseas Vietnamese community, the labour migration is more promoted. When the labourers return Vietnam, they will bring with themselves financial and human resources. Thus, members of the overseas Vietnamese community can be seen as a supply of experience for experts in Vietnam as well as a link between Vietnam and the countries of destination. The policies encouraging the linkage with the overseas Vietnamese communities contribute to the overseas networking, based on which ideas, initiatives, technology and financial capital can be transferred to Vietnam.

The Vietnamese labourers working overseas can be enumerated some particular characteristics as follows:

Firstly, the number of labourers migrating abroad to work increases steadily over recent years. Based on the statistical data of the Board of Overseas Labour, there have been around 110 thousand labourers sent abroad in 2018 [7]. The markets that have received many labourers from Vietnam include: Taiwan, Japan, South Korea, Malaysia, and Saudi Arabia, etc. Especially, Vietnam has implemented the Memorandum of Cooperation on the Technical Intern Training signed with Japan in 2017. Besides, the agreements on labour cooperation with Laos and Russia is in progress [8]. This will make it more favorable for Vietnamese labourers to come to those countries to work.

Secondly, the export labourers partially contributes to enhancing the quality of human resources in Vietnam. After being sent abroad to work, labourers can learn advanced technologies and modern knowledge; their discipline, lifestyle, foreign language competence, working skills and qualifications will be gradually improved. As a result, Vietnam can save from the training cost for these labourers. On the other hand, when those labourers come back, they will bring the skills and knowledge they have accumulated to their work in Vietnam. This partly helps to increase labour productivity, improve quality of products, and proactively accelerate economic growth in the homeland.

Qualifications and working skills of Vietnamese labourers still remain worse than those in other countries. For the past few years, however, Vietnamese labourers have incessantly been trained to improve their working skills and foreign language competence, before being sent abroad. Some companies that provide export labour service have methodically carried out related activities, including the recruitment of labourers, training courses, assistance and management of export labourers.

Table 1.

Average income of Vietnamese migrant workers in some countries

No.	Country of destination	Average monthly income (USD/month)	Average over-time income (USD/month)	Estimated ratio of Vietnamese migrants' average income to that of local workers (%)
1	Taiwan	650	200	45.8
2	South Korea	1,000	250	35.2
3	Japan	1,400	200	42.2
4	Malaysia	300	111	46.1
5	Saudi Arabia	320	100	5.7
6	Laos	300	113	180.0
7	Russia	800	200	41.7
8	Qatar	320	100	4.9
9	Germany	1,137		31.1
10	Australia	4,000	800	93.8

Source: Board of Overseas Labour, 2018

Thirdly, income of overseas migrant workers has been more and more improved. In general, the income earned by migrant workers is lower than that of local workers in the countries of destination but higher than that of local ones in the countries of origin. In reality, wages and other kinds of income earned by Vietnamese labourers working abroad are by far higher than the average income in Vietnam. The income of an export labourer after the first year in Japan, South Korea, and Taiwan is about seven to nine times higher than the amount he/she earned previously in Vietnam. Besides, estimated figures of the Ministry of Labour-Invalids and Social Affairs show that the wage and average income of Vietnamese export labourers in some countries of destination are slightly comparable to the average income level of the destination countries, particularly in Taiwan, South Korea, Japan, Malaysia, and Germany, etc (Board of Overseas Labour, 2018).

Fourthly, the annual inflow of remittances made by Vietnamese export labourers has been increasingly higher. Remittances play a significant role in economic growth as well as household income in the countries of origin. In 2015, ASEAN countries received 62 billion USD in remittances, of which 20 billion USD were sent from them and 9 billion USD were sent among them, making up 10% of GDP in the Philippines, 7% in Vietnam, 5% in Myanmar and 3% in Cambodia [2].

According to the survey conducted by the Institute of Labour Science and Social Affairs, for the past few years, the total amount of remittances sent by all Vietnam export labourers has reached 2.5 billion USD per year on average [11]. The income earned by the migrant labourers contributed a considerable part to the annual remittances sent through the formal channels to Vietnam. As calculated by the World Bank, for example, the total amount of remittances sent to Vietnam in 2016 reached 11.9 billion USD, accounting for over 6% of GDP in Vietnam and making it become the second-biggest remittance receiving country in Southeast Asia, after the Philippines [4].

Fifthly, migrant labourers are still lack understanding of the legal regulations in the countries of destination. A considerable number of Vietnamese migrant labourers are now living in the countries of destination with a short-term residence permit. They have not been legally granted with a long-term residence permit. Some migrant labourers immigrated and worked illegally in the countries of destinations, carrying out illegal business, taking part in drug or human trafficking, violating the employment contracts or the law. Some keep living illegally there, after the employment contract is terminated. In fact, most of migrant labourers do not realize the custom and culture of the countries of destination. All of these make it more difficult for sending new migrants to those countries.

2. Some policy recommendations for Vietnamese labour export. International labour mobility is seen as a result of the process of globalization. The mutually interactive and influential as well as mutually dependent relations have been greater among all regions and nations in the world. Furthermore, the income gap between countries tends to increase. International labour mobility stems from the shortage of labour force in the labour receiving countries. In the labour market of some countries, the labour demand is greater than the supply, leading to the need of hiring foreign employees to satisfy the demand [10].

On the other hand, the population growth rate in developed countries is generally low; some of those countries even have a negative population growth rate. The population ageing is getting faster. In developing countries, on the contrary, the population growth rate is high or very high with a large proportion of young population at the working age. This is one of the major reasons for accelerating the flows of migrant labours from less and least developed countries to developed countries, which are in need of migrant labourers to cover the shortage in their labour market and satisfy other development targets.

By now, the quality of Vietnamese labourers still remained fairly low. The proportion of working age people who have had formal training is small and the shortage of highly skilled workers is severe, making it difficult to meet the requirements of overseas labour markets and international integration. The gap between training quality and market demand is also great. At the same time, the imbalance in the professional training structure and the differences between local areas are improved very slowly. As a result, the demand for human resources cannot be met properly.

In the current context of international integration, Vietnamese government and its administrative agencies have to develop, promulgate, and implement appropriate policies and measures, aiming at making it favorable for labourers going abroad to work and improving the competitiveness of its production and labour quality so as to strengthen sustainable development of Vietnamese labour export. Some specific recommendations can be enumerated as follows:

- Continuing to study and broaden treaties and agreements on labour cooperation with the traditional markets for the purpose of sending more and more Vietnamese labourers abroad; and strengthening the labour export promotion and searching for potential overseas markets with a view to develop mutual agreements with those markets.
- Building more appropriate regulations and conditions, and implementing the reviewing activity so as to supervise the companies that provide labour export service. At that time, only companies that have satisfied the requirements and legal regulations can take part in sending migrant labourers abroad.
- Researching, designing, and promulgating management policies in order to be imposed on all forms of cross-border labour mobility, including also the companies and the institutions undertaking the function of sending labourers abroad, aiming at supervising more thoroughly the labour export and minimizing the risks of migrant labourers.
- Enhancing the administrative role of local governments, improving the management of the State institutions related to the local labour export, and strengthening the cooperation between the Central and the local management agencies in labour export.
- Providing training activities for labourers in order to improve their qualifications, working skills as well as consciousness, before sending them abroad; and increasing the proportion of skilled and technical workers among export labourers. At the same time, it is necessary to carry out

propaganda so as to ensure that: (1) after being sent to the countries of destination, the labourers will comply fully with the legal regulations; (2) when the labour contract ends, they will return the home country; and, (3) they will not keep staying and working illegally in the countries of destination [9].

- Improving the quality of input labour recruitment. The companies that provide labour export service are required to help export labourers learn about the companies that will receive them, the jobs they will do, the necessary working behavior and business culture, the custom and culture of destination countries, etc., before they are sent abroad. This will make it possible for them to meet the requirements of the receiving companies.
- Strengthening supervision and verification, strictly penalizing the companies that have violated the law. Especially, it is essential to focus the supervision on the activities relating to the companies' organization, recruitment, skill and knowledge training, and charging fees. Besides, it is also important to develop the cooperation between different ministries, sectors, and local authorities for the purpose of finding and strictly penalizing violations and preventing the fact that some labourers are sent abroad illegally by the companies which do not have the labour export function.
- Highlighting the role of Vietnam Association of Manpower Supply (VAMAS), particularly in its cooperation with the ILO in promulgating the Code of Conduct for Vietnamese enterprises sending labourers overseas to work (CoC-VN).
- Highly appreciating the transparency of market information. The information of the companies which have the function of sending labourers overseas must be provided in public and in detail via the website of the Board of Overseas Labour (MOLISA) so that labourers will have opportunity to verify information before deciding to sign contract and minimise unnecessary risks stemming from the lack of information and understanding.
- Continuing to promulgate appropriate policies on returned labourers, getting rid of the obstacles to returned labourer, and encouraging migrant labourers return the home country through various incentives, such as preferential taxation, citizenship benefit, long-term residence permit for returned migrants as well as their dependents, and acknowledgement of working skills, so that they can contribute part to socio-economic development in our country.

Conclusions. The reality of labor export of Vietnam in recent years has shown that, despite positive results, there were still some limitations. International integration continues to provide opportunities and challenges for labor export activities of Vietnam in the following years, requiring the government and its administrative agencies to develop and implement appropriate policies and solutions in order to ensure the sustainable development of sending laborers abroad activities.

REFERENCES AND SOURCES

1. Migrant labour in the international and Vietnamese laws. Socio-Labour Publishing House. 2011. Electronic resource. Access mode: http://hr.law.vnu.edu.vn/sites/default/files/resources/lao_dong_di_tru-09042011.pdf
2. Migrating to Opportunity: Overcoming Barriers to Labour Mobility in Southeast Asia. World Bank, 2017. Electronic resource. Access mode: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28342/9781464811067.pdf
3. Martin, P., Widgren, J. International migration: Facing the challenge // Population Bulletin, 2002. Vol. 57, No. 1.
4. Risks and rewards: Outcomes of labour migration in South-East Asia. ILO, 2016. Electronic resource. Access mode: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/publication/wcms_613815.pdf
5. ASEAN Community 2015: Managing Integration for Better Jobs and Shared Prosperity, Bangkok: ILO and ADB, 2014
6. Vu Han. This is the country receiving the second-highest number of Vietnamese migrants, after the United States of America. 2017. Electronic resource. Access mode: http://ttvn.vn/kinh-doanh/ngoai-my-day-la-nhung-noi-co-nhieu-nguoi-viet-den-di-cu-nhat-tren-the-gioi-5201726794957883.htm
7. 2017 Annual Report and 2018 Yearly Plan of the Board of Overseas Labour, Ministry of Labour-Invalids and Social Affairs. MOLISA, 2018. Electronic resource. Access mode: http://www.molisa.gov.vn/vi/pages/chitiettin.aspx?IDNews=27543
8. Hong Kieu. Labour export in 2018: Many new markets. 2018. Electronic resource. Access mode: https://nld.com.vn/cong-doan/xuat-khau-lao-dong-2018-them-nhieu-thi-truong-moi-20180221094133188.htm
9. Nguyen Kim Anh et al. Remittance policy for socio-economic development in Vietnam. National level independent project coded DTDL-XH.15/15. Third branch project "Actual State of the Remittance Policy for Recent Socio-Economic Development in Vietnam", 2017
10. Pham Thi Thanh Binh and Le To Hoa. International Mobility of Highly Qualified Workers: Reality and Solutions // Social Science Review, 2010. Vol. 3, pp. 65–72.
11. Nguyen Kim Anh. Role played by the labour export policy in attracting remittances to Vietnam // Banking Review, 2017. No 15, 14/11/2017.

ТРУДОВАЯ И УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ: ТРЕНДЫ И ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ

АЗИМОВА Зулайхо Абдумавлоновна, соискатель Института Экономики и Торговли Таджикского Государственного Университета Коммерции, Худжанд (Таджикистан). E-mail: mavlon_1954@mail.ru

ТАДЖИБАЕВА Мавджуда Негматовна, соискатель Таджикского Государственного Университета Право Бизнес и Политики, Худжанд (Таджикистан)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности трудовой и образовательной миграции населения Республики Таджикистан с учетом сложившейся социально-экономической ситуации в условиях становления рыночной экономики. Проанализированы позитивные и негативные последствия миграции населения.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовая миграция, образовательная миграция, возвратная миграция, механизмы государственного регулирование рынка труда.

LABOR AND EDUCATIONAL MIGRATION IN TAJIKISTAN: TRENDS AND MANAGEMENT APPROACHES

Zulaikho A. AZIMOVA, competitor of the Institute of Economy and Trade of Tajik State University of Commerce, Khujand (Tajikistan). E-mail: mavlon_1954@mail.ru

Mavjuda N. TAJIBAEVA, competitor of the Tajik State University law Business and Politics, Khujand (Tajikistan)

Abstract. The article discusses the features of labor and educational migration of the population of the Republic of Tajikistan, taking into account the current socio-economic situation in the conditions of the market economy. Analyzed the positive and negative effects of migration.

Keywords: migration policy, labor migration, educational migration, return migration, mechanisms of state regulation of the labor market.

После распада СССР миграционные процессы на постсоветском пространстве стали частью глобальных миграционных процессов. Переход к рыночным отношениям привел к глубокому кризису как в экономике России, так и Таджикистана, и ряда других стран СНГ.

Характерные черты и элементы миграционного поведения в эволюционно – институциональном аспекте охватывают временной интервал от начала трансформационных процессов до текущего момента. Если в начале формирования рыночных отношений миграционные процессы носили стрессовый характер и были деформированы гражданской войной в Таджикистане, то в настоящее время вновь превалируют экономические причины миграции. Структурными элементами миграционного поведения для настоящего периода являются: наличие высокого уровня квалификации и мастерства, высокопроизводительный и творческий труд, высокая культура поведения и достаточная

заработная плата. Поведенческая цель миграции – достичь благоприятной среды жизнедеятельности с позитивным климатом и проявлением своих способностей [2].

Миграция может препятствовать развитию стран исходом мигрантов, путем перекачивания за рубеж квалифицированных кадров, молодых энергичных работников, сокращая возможности для позитивных социальных изменений в будущем. Миграция ведет к передаче из менее развитых стран в более развитые самого ценного ресурса страны – человеческого капитала. Страна приема мигрантов имеет выгоды от трудовых инвестиций, а страна исхода трудовых мигрантов будет иметь выгоды в том случае, если сможет продуктивно использовать накопленный опыт вернувшихся назад мигрантов и выгоды от этого будут превышать затраты на регулирование миграции.

Радикальное социально-экономическое реформирование общественно-экономического уклада в 1990-х гг. в корне изменило течение миграционных процессов на постсоветском пространстве и их характеристики:

- в структуре переселенцев появились категории мигрантов – беженцев и вынужденных переселенцев;
- миграция в значительной мере стала носить вынужденный характер;
- изменились направления миграционных потоков. Перемещение населения стало идти с окраины в центральные районы страны, то есть приняло центростремительный характер;
- миграционные процессы почти полностью утратили трудовой, организованный характер, приобретая черты стихийности;
- учебная миграция приобрела все более широкий характер.

Таким образом, современная миграционная политика должна быть ориентирована на регулирование миграционных потоков для улучшения демографической и социально – экономической ситуации в стране.

Современную миграционную ситуацию в Республике Таджикистан определяет комплекс социально-экономических, политических, демографических факторов. Важнейшими среди них являются: суверенизация, экономический кризис, пограничные конфликты.

В Республике Таджикистан разработан проект Национальной стратегии развития (НСР) на период до 2030 г. и являющийся второй по счету долгосрочной программой развития страны. В нем в основном упор сделан на улучшение условий жизни населения, создание новых рабочих мест, устойчивое сохранение показателей микро- и макроэкономического развития страны. В рамках НСР-2030 также особое значение придается и поддержке развития частного сектора, который по предварительным расчётам должен обеспечить 65 % занятости трудоспособного населения.

Следует отметить, что основополагающей целью долгосрочного развития Республики Таджикистан является повышение уровня и качества жизни народа на основе устойчивого развития национальной экономики.

По инициативе Президента Республики Таджикистан создано Государственное учреждение «Фонд поддержки предпринимательства», который поддерживает 132 проекта предпринимателей стоимостью более 120 млн. долла-

ров США. В период независимости, с целью развития инфраструктуры, производства конкурентоспособной импортозамещающей и экспортируемой продукции, развития отраслей энергетики, транспорта, здравоохранения, образования, сельского хозяйства, в рамках реализации инвестиционных проектов в экономику страны было привлечено около 7 млрд. долларов США иностранных инвестиций.

В результате проведенных реформ в стране создан благоприятный инвестиционный и деловой климат, обеспечивший увеличение доли частного сектора в ВВП с 30% в 2000 г. до 67% в 2015 г. В свою очередь, частный сектор обеспечивает 78% налоговых платежей в Государственный бюджет и 65% занятости. Это также позволило удержать экономический рост на уровне 6–7% в год и снизить уровень бедности с 83% в 2000 г. до 30% в 2016 г. [1].

Только за период времени с 2010 по о2016 гг. миграционная убыль в Республике Таджикистан составила около 86 тыс. чел. (табл. 1).

Таблица 1.

Некоторые итоги миграции населения Республики Таджикистан (тыс.человек)

	2010	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Число прибывших	29,6	32,9	33,8	36,3	39,6	35,3	33,3
по внутри республиканской миграции	28,3	31,9	32,7	35,6	39,0	34,7	32,8
по межгосударственной миграции	1,3	1,0	1,1	0,7	0,6	0,6	0,5
Число выбывших	36,1	37,2	38,9	40,3	45,3	40,1	37,6
по внутри республиканской миграции	30,7	33,2	34,7	36,8	42,0	37,2	34,8
по межгосударственной миграции	5,4	4,0	4,2	3,5	3,3	2,9	2,8
Миграционный прирост (+), отток (-)	-6,5	-4,3	-5,1	-4,0	-5,7	-4,8	-4,3
по внутри республиканской миграции	-2,5	-1,3	-2,1	-1,2	-3,0	-2,5	-2,0
по межгосударственной миграции	-4,0	-3,0	-3,0	-2,8	-2,7	-2,3	-2,3

Источник: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан [1]

На современном этапе все возрастающую роль начинает играть образовательная миграция для развития подготовки квалифицированных кадров, что оказывает влияние на экономическое развитие страны. Для определения степени подготовки квалифицированных кадров имеет значение анализ динамики развития среднего профессионального образования (СПО) в республике. Количество единиц СПО за двадцать пять лет (1991–2015 гг.) увеличилось с 43 до 51. Количество учащихся в них сократилось с 41 до 38 тыс. человек. Общий

выпуск специалистов за этот период сократился с 14 до 10 тыс. человек [1]. Это произошло на фоне роста населения и её активной части – трудовых ресурсов. В этих условиях преждевременно говорить о том, что подготовка специалистов идет на неплохом уровне.

В заключение отметим, что в соответствии с Национальной стратегией развития Республики Таджикистан на период до 2030 г., основными приоритетами в улучшении инвестиционного климата будут выступать такие факторы, которые способствуют улучшение рационального использования трудоспособного населения:

- развитие производственного. предпринимательства и промышленности по переработке отечественного сырья, реализация инвестиционных проектов с внедрением передовых технологий и повышение экспортного потенциала страны;
- формирование информационной системы предпринимательства в промышленности и содействие организации бизнес-инкубаторов **с** учетом потребностей мужчин и женщин, сельских предпринимателей;
- поддержка и мотивация производителей и экспортеров отечественных продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Душанбе: 2017. 250с.

2. Азимов А. Дж. Трансформация миграционного поведения и процессов в трудоизбыточной стране (на примере Таджикистана), Душанбе: Изд-во «Ирфон», 2014. 329с.

3. Азимов А. Дж. Трансформация миграционного поведения и процессов в трудоизбыточной стране теория и методология исследования (на примере Таджикистана). Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук, Худжанд, 2016. 52 с.

4. Рыбаковский Л. Л. Демография (статьи XXI века). – М.: Экон–Информ, 2009. 245с.

5. Рязанцев С.В, Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: Экономико-социологическое исследование. М.: Научный мир, 2011. 192 с.

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА О ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

АЛАЕВА Гульназ Турсуновна, кандидат юридическиз наук, доцент кафедры юриспруденции и международного права, Университет "Туран», Алматы (Казахстан). E-mail: alaevagulnaz@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ действующего законодательства Казахстана о трудовой миграции в аспекте выявления узких мест или пробелов. Автором изучены нормативно-правовые акты, практика их применения для обеспечения прав и свобод трудящихся мигрантов.

Ключевые слова: трудовая миграция, трудящиеся-мигранты, миграционная политика, миграционные процессы, нелегальные мигранты, иностранные работники, иностранная рабочая сила.

ANALYSIS OF LEGISLATION OF KAZAKHSTAN ON LABOR MIGRATION

Gulnaz T. ALAYEVA, PhD (Law), Associate Professor of the Department of Jurisprudence and International Law, Turan University, Almaty (Kazakhstan). E-mail: alaevagulnaz@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the current legislation of Kazakhstan on labor migration in terms of identifying bottlenecks or gaps. The author has studied regulatory legal acts, the practice of their application to ensure the rights and freedoms of migrant workers.

Keywords: labor migration, migrant workers, migration policy, migration processes, illegal migrants, foreign workers, foreign labor.

Казахстан в силу политических и экономических причин является крупным миграционным транзитным хабом для выходцев из стран Центральной Азии, особенно Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. В связи с чем, большая часть миграционного движения в Казахстане представлена именно трудовыми мигрантами.

Следовательно, правовое регулирование трудовой миграции имеет важное значение и занимает одно из ключевых мест в законодательстве республики. Универсальной модели регулирования миграционных процессов, применимой для всех государств в мире не существует, каждая страна формирует собственную миграционную политику на основании собственного политического, социально-экономического уровня и национальных особенностей.

Трудовая миграция приобретает все больший размах на современном этапе развития общества. Глобализационные процессы экономики, способствуют, стимулируют и предопределяют рост трудовой миграции. Естественно, процесс мигрирования трудоспособного населения требует контроля и правового регулирования, как с точки зрения обеспечения безопасности

рынка труда в государстве, так и с позиции защиты прав и свобод трудящихся мигрантов.

Основы миграционной политики Республики Казахстан, определяющие ее стратегические цели, задачи и направления изложены в Концепции миграционной политики РК на 2017–2021 гг. [1]. Концепция определяет направления миграционной политики Республики Казахстан во взаимосвязи с ожидаемыми перспективами экономического, социального и демографического развития Республики Казахстан, внешней политикой, интеграционными процессами в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и общемировыми тенденциями глобализации.

Основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность трудовых мигрантов являются Закон Республики Казахстан «О миграции населения» [2], Закон Республики Казахстан «О ратификации Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств» [3], Закон Республики Казахстан «О занятости населения» [4], Постановление Верховного Совета Республики Казахстан «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» [5].

Анализ рынка внешней миграции в Казахстане, показывает, что «в первые годы независимости сальдо миграции было отрицательным. В период с 1991 по 2003 гг. отток населения из страны в среднем составлял 225,5 тыс. человек ежегодно. С 2004 по 2011 гг. сальдо было устойчиво положительным (прирост в 11,7 тыс. человек ежегодно). Росла трудовая миграция. В последнюю же пятилетку сальдо миграции вновь вошло в отрицательную зону [1].

В экономически развитых странах естественное воспроизводство трудового населения отстает от растущих потребностей экономики, что становится причиной реципирования иностранной рабочей силы.

Согласно ст. 34 Закона РК «О миграции населения» «Иммигранты, прибывающие с целью осуществления трудовой деятельности, делятся на следующие категории:

1) иностранные работники – иммигранты:

прибывшие для самостоятельного трудоустройства по профессиям, востребованным в приоритетных отраслях экономики (видах экономической деятельности);

привлекаемые работодателями для осуществления трудовой деятельности на территории Республики Казахстан, в том числе прибывшие в рамках внутрикорпоративного перевода;

2) бизнес-иммигранты – иммигранты, прибывшие с целью осуществления предпринимательской деятельности в соответствии с законодательством Республики Казахстан;

3) сезонные иностранные работники – иммигранты, привлекаемые на работу работодателями для выполнения сезонных работ, которые в силу климатических или иных природных условий выполняются в течение определенного периода (сезона), но не более одного года;

4) трудовые иммигранты – иммигранты, прибывшие в Республику Казахстан в качестве домашних работников с целью выполнения работ (оказания услуг) у работодателей – физических лиц в домашнем хозяйстве на основании разрешения трудовому иммигранту» [2].

Немаловажную роль играет приток трудовых ресурсов из стран партнеров ЕАЭС, так как согласно соглашению государств-членов, обеспечено их свободное перемещение по территории РК. «За последние 5 лет наблюдается общее увеличение количества квалифицированных иностранцев, прибывающих ежегодно по рабочим разрешениям, с 24 тыс. человек в 2012 году до 36,8 тыс. человек на начало 2017 года» [1].

Согласно Закону РК «О ратификации Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств» правительства Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, руководствуясь Договором о таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года, в целях противодействия нелегальной трудовой миграции осуществляют взаимный обмен следующей информацией:

- о выявленных нелегальных трудящихся-мигрантах и мерах, принятых по отношению к ним;
- об образцах документов, подтверждающих право въезда граждан третьих государств и лиц без гражданства на территорию государств Сторон, в том числе с целью осуществления трудовой деятельности;
- о поддельных и похищенных документах, используемых гражданами третьих государств и лицами без гражданства с целью пересечения государственной границы государств Сторон и осуществления трудовой деятельности;
- о выявленных каналах нелегальной трудовой миграции;
- о лицах, привлеченных к административной и уголовной ответственности за организацию и/или содействие нелегальной трудовой миграции на территориях государств Сторон;
- о физических и юридических лицах, организующих и/или оказывающих содействие нелегальной трудовой миграции» [3].

Применение труда иностранцев в Казахстане регулируется также Законом РК «О занятости населения» согласно которому «Иностранная рабочая сила привлекается работодателями для осуществления трудовой деятельности в Республике Казахстан на основании разрешений на привлечение иностранной рабочей силы, выданных местным исполнительным органом соответствующей административно-территориальной единицы.

Местные исполнительные органы на территории соответствующей административно-территориальной единицы выдают и (или) продлевают разрешения либо отказывают в выдаче, продлении разрешений работодателям на привлечение иностранной рабочей силы для осуществления трудовой деятельности в пределах квоты, распределенной уполномоченным органом по вопросам занятости населения, а также приостанавливают и отзывают указанные разрешения.

Выданное местным исполнительным органом разрешение на привлечение иностранной рабочей силы не подлежит передаче другим работодателям, действует только на территории соответствующей административно-территориальной единицы, за исключением направления работодателем иностранных работников, на которых получены разрешения, в командировку на предприятия, организации, находящиеся на территории других административно-территориальных единиц, на срок, который не превышает суммарно девяносто календарных дней в течение одного календарного года.

Разрешение работодателям на привлечение иностранной рабочей силы выдается и (или) продлевается при представлении документов и уплате сбора, установленного налоговым законодательством Республики Казахстан, в порядке и на сроки, определяемые уполномоченным органом по вопросам занятости населения» [4].

В Постановлении Верховного Совета Республики Казахстан «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» отмечается, что Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов, заключенное между правительствами Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Грузия, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан, Украины регулирует основные направления сотрудничества Сторон в области трудовой деятельности и социальной защиты лиц и членов их семей, которые постоянно проживают на территории одного из государств и осуществляют свою трудовую деятельность на предприятиях, в учреждениях, организациях всех форм собственности на территории другого государства [5].

Для успешного развития экономики, обеспечения инфраструктуры городов промышленными объектами, жилыми массивами, трудовыми ресурсами сельскохозяйственных предприятий важно стимулирование и системное регулирование потока внешней трудовой миграции в Казахстане. Уже сейчас разработана и успешно действует комплексная система привлечения трудовых ресурсов из зарубежных стран, путем применения гибкой системы квотирования иностранной рабочей силы, которая мотивирует привлечение высококвалифицированных специалистов из числа трудовых иммигрантов. Выбор претендентов осуществляется путем выдачи рабочих квот через фильтры многоступенчатой системы тщательного отбора.

Неквалифицированные кадры из-за рубежа, также востребованы в республике, например, всегда наблюдается спрос привлечения трудящихся мигрантов на подсобные, обслуживающие, сезонные работы. Особенно следует отметить положительный эффект практики привлечения в настоящее время в страну не квалифицированной рабочей силы для работы на хозяйстве у физических лиц. Они привлекаются по разрешениям, выдаваемым органами внутренних дел. «Только за 6 месяцев 2017 года зарегистрированы около 147 тысяч трудовых иммигрантов» [1]. Это способствовало значительному снижению нелегальной занятости.

Система привлечения трудовых мигрантов в РК сопряжена необходимостью четкого правового регулирования и правоприменения. Законодательная база по регулированию прав и защите свобод трудящихся мигрантов в РК включает в себя достаточную базу, позволяющую охватывать и регулировать вопросы, связанные с осуществлением трудовой деятельности мигрантов как на уровне международного законодательства, так и на национальном уровне.

Это необходимо в первую очередь для обеспечения рабочей силой регионов с высокой потребностью в трудовых ресурсах, единовременным соблюдением баланса емкости рынка труда и защитой интересов местного трудоспособного населения. Потребность в трудовых ресурсах должна быть рассчитана таким образом, чтобы учесть стратегические программы развития, социально-экономические особенности и ментальность регионов республики.

Процедуры привлечения и сама деятельность трудовых мигрантов должны подвергаться учету и анализу, на предмет обобщения для целей совершенствования и поступательного развития.

Правовое законодательство должно стимулировать привлечение высококвалифицированной, квалифицированной рабочей силы из числа трудящихся мигрантов, стимулировать национальные квалифицированные кадры не покидать страну, а остаться и применять свои знания на благо экономики нашего государства. «За последние три года с целью постоянного проживания из Казахстана выехало 93,9 тыс. человек, в составе которых 41,6% составляют молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет. Преобладает выезд в Российскую Федерацию – 79,8 тыс. человек, особенно из приграничных регионов» [1].

Следует отметить, что на современном этапе процесс привлечения трудовых мигрантов сильно усложнен и забюрократизирован. Пакет документов требует большое количество справок и подтверждающих документов (приглашение, медицинские справки 086, дактилоскопирование, медицинское страхование при продлении регистрации, оплата государственной пошлины, анкетирование, заявление, справка о наличии или отсутствии судимости, наличие или отсутствие запрета на осуществление предпринимательской деятельности на основании решения суда и др.).

В связи с большим количеством людей, обращающихся за получением разрешения на трудовую деятельность из других стран, отмечается наличие очередей в районных подразделениях органов внутренних дел, затягивание сроков получения документов. Немаловажную роль играет также языковой барьер.

В этой связи отмечаются многократные уклонения трудящихся мигрантов от официального получения разрешения на трудовую деятельность, тем самым способствуя увеличению числа нелегальных трудящихся мигрантов.

Не урегулированный статус трудящегося мигранта способствует тому, что в отношении него не соблюдаются нормы трудового законодательства Республики Казахстан, отсутствие трудового договора влечет за собой такие негативные факторы как несвоевременное, либо не полное начисление заработной платы, а иногда, и ее невыплата, риск неоказания медицинской по-

мощи, социальной защиты и уязвимости в других различных аспектах жизнедеятельности.

Другой проблемой трудовой миграции является факт выдачи рабочих квот местными административными органами для мигрантов из стран ближнего зарубежья только по ограниченным видам трудовой деятельности. Как правило, это привлечение на сельскохозяйственные работы. В то время как, современные реалии показывают, что большое количество мигрантов привлечено юридическими лицами из числа малого и среднего бизнеса на строительные работы, в производство (заводы и фабрики) и в сферу обслуживания (СТО, повара и т.д.). Однако разрешения на данные виды деятельности миграционными службами РК не выдаются, в полномочиях акиматов не предусмотрены.

В связи с чем, данная категория трудовых мигрантов автоматически попадает в разряд нелегалов.

Другим аспектом данной проблемы являются значительные убытки, которое несет государство, в связи с невыплатой налогов за трудовую деятельность, осуществляемой иностранными рабочими, а также не отчислением в бюджет налоговых сборов от предприятий или организаций, предусмотренных законодательством РК.

Нами также рекомендуется упростить порядок привлечения иностранного трудящегося к ответственности, если он нарушил законодательство РК, при условии признания им своего правонарушения и согласия с данным решением принимающей его стороной. Наложение штрафа и выписывание квитанций достаточно для пресечения правонарушения. В противном случае вопрос привлечения к ответственности решается в судебном порядке.

Таким образом, следует отметить важность совершенствования правовой базы регулирования трудовой миграции, упрощения процедуры выдачи разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности, усиление контроля за соблюдением прав и свобод трудящихся мигрантов, предупреждение и предотвращение фактов незаконной трудовой миграции.

Либерализация миграционной политики в отношении высококвалифицированных трудовых мигрантов позволит активизировать трудовую мобильность, развить человеческий капитал и способствовать созданию в Казахстане Обществу Всеобщего Труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы. Утверждена Постановлением правительства Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 602

2. Закон РК «О миграции населения» от 22 июля 2011 года № 477-IV // "Казахстанская правда" от 6.08.2011 г., № 247–249 (26668–26670); "Егемен Қазақстан" 2011 жылғы 6 тамыздағы № 349–355 (26749); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127

3. Закон Республики Казахстан «О ратификации Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств» от 28 июня 2011 года № 445-IV //"Казахстанская правда" от 30.06.2011 г., № 203–

204 (26624–26625); "Егемен Қазақстан" 2011 жылғы 30 маусымдағы № 278 (26676); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 10 (2587), ст. 87; Бюллетень международных договоров РК 2012 г., № 1, ст. 2

4. Закон РК «О занятости населения» от 6 апреля 2016 года № 482-V ЗРК // "Казахстанская правда" от 08.04.2016 г., № 66 (28192); "Егемен Қазақстан" 08.04.2016 ж., № 66 (28794); Ведомости Парламента РК 2016 г., № 7-I, ст. 48; Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде от 14.09.2016

5. Постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 8 сентября 1994 года «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов»

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

КРУПСКАЯ Татьяна Олеговна, студент Московского Авиационного Института (Национального исследовательского университета) (МАИ), УЦ «Интеграция», Серпухов (Россия). E-mail: komissarova25180@gmail.com

ШУМОВА Ольга Максимовна, студент Московского Авиационного Института (Национального исследовательского университета) (МАИ), УЦ «Интеграция», Серпухов (Россия). E-mail: olgashumova611@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются основные понятия, причины и последствия трудовой миграции, законодательство Евразийского экономического союза и национальное законодательство государств-членов в части миграции. Так же, анализируются перспективы и преимущества трудовой миграции для стран ЕАЭС.

Ключевые слова: трудовая миграция, рынок труда, рабочая сила, трудовая деятельность, образование, пенсионное обеспечение, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, Евразийская экономическая комиссия.

LABOR MIGRATION IN EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES

Tatyana O. KRUPSKAYA, student of Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI) of the educational center "Integration", Serpukhov (Russia). E-mail: komissarova25180@gmail.com

Olga M. SHUMOVA, student of Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI) of the educational center "Integration", Serpukhov (Russia). E-mail: olgashumova611@gmail.com

Abstract. This study is determined to the main concepts, causes and consequences of labor migration, the legislation of the Eurasian Economic Union and the national legislation of the Member States regarding migration. Also, prospects for the development of this issue and advantages were given based on the study.

Key words: labor migration, labor market, labor force, labor activity, education, pensions, Eurasian Economic Union, Customs Union, Eurasian Economic Commission.

Начавшаяся в 1996 г. экономическая интеграция Казахстана, России и Беларуси с целью создания зоны свободной торговли и закончившаяся в 2014 г. с присоединением Армении и Кыргыстана и завершившаяся образованием ЕАЭС, характеризуется значительной трудовой миграцией. Вследствие этого в трудовой миграции на пространстве Евразийского экономического союза произошли значительные изменения. Граждане стран-членов в плане трудоустройства были уравнены с местным населением, тогда как в отношении «неприсоединившихся» государств СНГ с безвизовым режимом Россия миграционную политику ужесточила. Жителям стран СНГ, не входящим в ЕАЭС, приходится приобретать патенты на право работать в РФ, а также сдавать экзамены на знание русского языка, истории и законодательства. В отношении тех, кто нарушает разрешенные законом сроки пребывания в России без регистрации,

предусматривается мера наказания в виде запрета на въезд в страну сроком на 3, 5 или 10 лет в зависимости от тяжести правонарушения [6].

Анализ данных о трудовой миграции и миграции в целом затруднен из-за ликвидации Федеральной миграционной службы и ее присоединения к МВД, в связи с чем публикация данных по численности находящихся в России иностранцев с указанием их гражданства прекратилась. По этому дальнейшие выводы будут в большей мере предположениями основывающимися на реальных данных за те годы, когда данная информация была общедоступной.

По данным исследования Ю.Флоринской [7], несмотря на снижение общей численности иностранцев в России, количество мигрантов из стран Евразийского союза растет. Численность граждан Кыргызстана в РФ по сравнению с прошлым годом, в частности, увеличилась в этом году на 11%. Законопослушные работодатели стали отдавать явное предпочтение гражданам государств ЕАЭС, трудоустройство которых не требует больших затрат.

Показательно, что в России растет число трудовых мигрантов не только из Кыргызстана, где социально-экономическая ситуация остается сложной, но и Казахстана, вплоть до последнего времени поддерживавшего довольно высокие темпы роста экономики. И хотя по населению Казахстан (17,4 млн.) втрое превосходит Кыргызстан (5,9 млн.), тот факт, что по объему трудовой миграции в РФ они занимают практически равные позиции, говорит о достаточно высокой привлекательности российского рынка труда для казахстанцев [3]. Но стоит отметить, что Казахстан на данный момент, так же, имеет мигроционнопривлекательные области, что уравнивает доли выездной и въездной трудовой миграции страны.

Огромным плюсом является процент русификации населения стран, таких как Казахстан и Кыргызстан. Если в Кыргызстане на русском языке разговаривает около половины населения, то в Казахстане – почти все. Кроме того, до четверти населения Республики до сих пор составляют восточные славяне, а также представители других европейских народов, присутствие которых в России никаких межнациональных проблем не вызывает.

Об изменении структуры миграционных потоков на пространстве СНГ в пользу стран ЕАЭС свидетельствует тот факт, что в первом полугодии 2016 г. объем трансграничных денежных переводов из России в Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан сократился, а в Казахстан и Кыргызстан, напротив, вырос. По сравнению с тем же периодом 2015 г. денежные переводы в Узбекистан, как отмечает «Фергана», с января по июнь сократились с 1 млрд. 149 млн. до 952 млн. долл. США, в Таджикистан – с 696 до 598 млн., а в Туркмению – с 15 до 8 млн. долл. Одновременно сумма переводов в Казахстан увеличилась с 148 до 203 млн., а в Кыргызстан – с 570 до 637 млн. долл.

При всем этом Узбекистан остается лидером по объемам переводов, по количеству работающих в России мигрантов, а так же по темпам сокращения данных показателей. В перспективе возможно лидерство перейдет Кыргызстану.

Характерно и то, что миграционная политика России как главного рынка труда в ЕАЭС становится все более ориентированной на союзные государства,

с которыми у нее создано общее миграционное пространство. В отношении прочих стран СНГ миграционная политика постепенно ужесточается [5]. 14 апреля 2016 г. на заседании совета глав миграционных ведомств СНГ, на тот период, глава ФМС К.Ромодановский заявил, что амнистия для мигрантов-нарушителей в России не нужна до тех пор, пока не будет нормально выстроена работа миграционных центров. Причем число тех, кому въезд в Россию закрыт за нарушение миграционного законодательства, достигло, по его словам, 1,3 млн. человек.

Вероятнее всего, доля мигрантов из стран ЕАЭС, работающих в России, будет постепенно возрастать, а доля мигрантов из других постсоветских государств постепенно сокращаться. Однако, это краткосрочная тенденция, так как демографические возможности Кыргызстана, Армении и русскоязычной диаспоры Казахстана ограничены.

Положительно на взаимомиграцию стран ЕАЭС повлияет операция ОДКБ, работающая на постоянной основе, – «Нелегал». Данная мера поможет более скординированно и эффективно препятствовать нелегальной миграции населения стран ЕАЭС.

В плане дальнейшего совершенствования миграционного законодательства ЕАЭС предстоит еще немало работы. Например, планируется увеличить сроки нахождения без регистрации граждан на территориях государств–членов до 90 суток, разрабатывается договор об обязательной уплате пенсионных взносов и экспорте пенсий, дающих возможность не прерывать трудовой стаж. Дело в том, что на сегодняшний день в государствах–членах действуют разные пенсионные системы, применяются разные подходы к финансированию пенсионной системы и распределению пенсионных средств. Отличаются и возраст выхода на пенсию, размеры пенсионных начислений и их источники, не решены проблемы сохранения перевода и сохранения пенсионных прав при осуществлении трудовой деятельности и переезде граждан государств–членов из одной страны в другую.

Прорабатывается ряд межгосударственных соглашений между государствами-членами ЕАЭС, направленных на исполнение и унификацию союзного законодательства в вопросах трансграничной миграции, в частности, над облегчением режима перехода границ [4].

Необходимо также совершенствовать сотрудничество и повышать координацию деятельности ЕАЭС и ОДКБ по вопросам борьбы с экстремизмом и терроризмом, которые, к сожалению, являются сопутствующим элементом трудовой миграции.

Таким образом, рассматривая данную проблему в рамках Российской Федерации, можно предположить, что основными целями будут преодоление негативных последствий миграционных процессов, регулирование миграционных потоков, создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, обеспечение баланса прав и законных интересов коренного населения, мигрантов и лиц, ищущих убежища на территории России.

Необходимо учитывать факт, что въездную миграцию, восполняющую выездную, можно использовать для страны как ресурс, для улучшения экономического и социального благополучия граждан.

При сохранении сложившихся тенденций, можно предполагать скорое окончание экономического кризиса в России и переход экономики на траекторию роста с замедлением темпов спада ВВП и его дальнейшего, существенного роста. А согласно усилению законодательно-правовой базы рынок труда государств ЕАЭС будет становиться все более закрытым для других стран СНГ, включая те из них, у которых с Россией существует безвизовый режим. А свободное движение рабочей силы будет привилегией, которая распространяется лишь на участников Евразийского экономического союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Европейская конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов (ETS N 93) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 24.11.1977). Конвенция вступила в силу 01.05.1983.
2. Конвенция ООН «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей». Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 г.
3. Алиев С.Б. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. Евразийская экономическая комиссия, 2016. С. 9–19.
4. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое сотрудничество государств – участников Содружества Независимых Государств в области трудовой миграции на современном этапе // Российский юридический журнал. 2013. № 5.
5. Иванчак А.И. Правовое регулирование труда работников-мигрантов стран ЕАЭС // Право и управление: XXI век. 2015. № 3. С. 84–90.
6. Рекомендация Международной организации труда (МОТ) N 86 «О трудящихся-мигрантах». 1919–1956. Т. I.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 982–999.
7. Доклад Ю. Флоринской на конференции НИУ-ВШЭ. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/insap/Florinskaya-HSE.pdf

ПРИГРАНИЧНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ФРОНТАЛЬЕРЫ

МАРИНИЧЕВ Николай Андреевич, студент 2 курса бакалавриата Факультета управления и политики, МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: nik-marinichev@yandex.ru

Аннотация: Миграция даёт широкие возможности для развития внутреннего рынка, торговли и партнёрства, расширяет возможности трудоустройства, формирует новые торгово-финансовые потоки. При этом миграция становится имманентной угрозой в сознании широких слоёв общества. Именно поэтому рассмотрение основных причин и тенденций современных миграционных процессов, а также выявление и прогнозирование ключевых последствий этого явления сохраняют свою актуальность. В данной статье будет рассмотрена приграничная трудовая миграция, как один из ключевых подвидов экономической миграции населения в целом.
Ключевые слова: приграничная трудовая миграция, фронтальерство, фронтальеры, экономическая миграция, миграционные потоки, глобализация.

CROSS-BORDER LABOUR MIGRATION: FRONTALIERI

Nikolay A. MARINICHEV, 2nd year undergraduate student of the Faculty of Management and Policy, MGIMO University MFA of Russia, Moscow (Russia). E-mail: nik-marinichev@yandex.ru

Abstract. Migration provides ample opportunities for the development of the domestic market, trade and partnership, expands employment opportunities, forms new trade and financial flows. At the same time, migration becomes an immanent threat in the minds of the General public. That is why the consideration of the main causes and trends of modern migration processes, as well as the identification and prediction of the key consequences of this phenomenon remain relevant. This article will consider cross-border labor migration as one of the key subspecies of economic migration of the population as a whole.
Key words: cross-border labour migration, frontiers, frontalieri, economic migration, migration flows, globalization.

Миграция в современном мире становится процессом не просто чрезвычайно важным, но процессом перманентным, подчас определяющим вектор развития страны, её экономики, внутренней и внешней политики. Миграция даёт широкие возможности для развития внутреннего рынка, торговли и партнёрства, расширяет возможности трудоустройства, формирует новые торгово-финансовые потоки. При этом миграция становится имманентной угрозой в сознании широких слоёв общества: люди боятся потерять свои рабочие места из-за наплыва дешёвой рабочей силы, миграция всё чаще ассоциируется с нарушением общественного порядка, а отношение к мигрантам определяется подавляющем мнением о них, как о чужаках, не желающих перенимать традиции, культуру и законы принимающего их общества. Негативные коннота-

ции, связанные с миграцией, у части населения вызывают отторжение, если не сказать ксенофобию.

Именно поэтому рассмотрение основных причин и тенденций современных миграционных процессов, а также выявление и прогнозирование ключевых последствий этого явления сохраняют свою актуальность.

В данной работе будет рассмотрен один из самых многочисленных и повсеместных видов миграции – приграничная трудовая миграция или фронтальерство. Фронтальерство (frontalier – фр. приграничный) – это вид временной, краткосрочной, регулярной трудовой миграции. Приграничные мигранты «похожи на маятниковых мигрантов, они пересекают государственную границу, т.е. живут в одной стране, а работают в другой» [1].

Таким образом, одной из ключевых характеристик приграничной трудовой миграции является её «возвратный» характер, то есть отсутствие факта окончательного перемещения или смены места жительства, которые были характерны для большинства массовых потоков трудовой миграции прошлого. Так, рассматривая миграционные потоки конца XIX–XX вв., можно отметить, что процессы реэмиграции переселенцев из Европы в новые капиталистические страны (США, Канаду, Австралию) фактически отсутствовали. При том, что безвозвратная межконтинентальная трудовая миграция одного направления составила более 19 миллионов человек только до Первой Мировой войны [2]. В то же время, уже после первых шагов к объединению Европы в 50–70-х гг. XX в. (договора об учреждении Европейского объединения угля и стали 1951 г., учреждения ЕЭС в 1957 г. и т.д.) начинает развиваться внутриконтинентальная возвратная трудовая миграция из одних европейских стран в другие, частью которой служило и фронтальерство. А после распада Советского союза приграничная трудовая и торговая миграция активно распространяется и в странах СНГ. Так например, уже к 1993 г. более 20% Российского национального автопарка составляли подержанные автомобили импортируемые из Польши, стран Балтии, Финляндии. [3] Все эти тенденции стали факторами становления и распространения приграничной трудовой миграции, постепенно придавая ей современный вид.

Традиционными направлениями потоков приграничной рабочей силы были страны с более высоким уровнем экономического развития и более благоприятным социально-экономическим климатом. Именно поэтому основным направлением «фронтальерства» сегодня по-прежнему является поток из развивающихся стран в страны развитые капиталистические государства: из Мексики в США, из Польши в Германию или в Австрию, из Греции в Италию и т.д.

Иностранная рабочая сила для экономики развитых капиталистических государств является необходимым залогом осуществления процесса воспроизводства. В этих государствах трудовые мигранты фактически обеспечивают целые экономические отрасли, преимущественно в первичном секторе экономики. Так например, во Франции почти 1/4 занятых в строительстве и 1/3 занятых в автомобилестроении составляют трудовые мигранты; в Бельгии иностранная

рабочая сила занимает 1/2 занятых в горнодобывающей промышленности, в Швейцарии эмигранты составляют 2/5 всех строительных рабочих [2]. Широкая занятость трудовых мигрантов в первичном секторе экономики фактически позволяет гражданам развитых государств получать более качественное образование, занимать более высокие посты, заниматься более «престижной» трудовой деятельностью.

Второе, менее изученное направление миграции, получающее всё большее распространение в современном мире, представляет поток трудовых мигрантов из развитых стран в развитые страны. Появление и распространение данного потока связано в меньшей степени с экономическими факторами и по большей части обусловлено факторами социальными, такими как: психологический климат, социально-политические условия, социально-культурные условия, экологическая ситуация, социальный комфорт и т.д. Роль гуманитарных, социальных, экологических, культурных факторов растёт параллельно тому как выравнивается уровень социально-экономического развития развитых государств.

Наиболее привлекательными потоками «фронтальеров» между развитыми странами являются перемещения: из Канады в США, из Франции в Бельгию, из Италии, Франции, Германии в Швейцарию. Особенно ярким и показательным, в этой связи, является пример приграничной трудовой миграции из стран ЕС в Швейцарию после заключения в 2002 г. между Швейцарией и ЕС договора о свободном перемещении граждан и законодательном закреплении статуса «фронтальера».

Сегодня Швейцария сталкивается с рядом трудностей из-за наплыва «фронтальеров». Местные право-консервативные и право-радикальные партии «Движение граждан Женевы» («Mouvement citoyens genevois» – «MCG») и «Лига Тичинцев» («Lega dei Ticinesi» – «LdT») апеллируют подчас к крайне ксенофобской и радикальной политической риторике в отношении иностранных рабочих, еженедельно и ежедневно пересекающих границу Швейцарии. Основное недовольство вызывает «засилье» фронтальеров, которые, по мнению представителей этих политических сил, занимают рабочие места граждан Швейцарии во вторичном секторе экономики и в сфере услуг. Так, мигранты из Пьемонта и Ломбардии (Италия), Эльзаса (Франция), приграничных районов Германии действительно крайне активно едут в Швейцарию на заработки (число приезжих из сопредельных с Швейцарией европейских государств за последние 20 лет удвоилось с 160 тыс. чел до 320 тыс. чел) [4]. Однако проблема критики фронтальеров в Швейцарии заключается во многом в том, что крайне сложно определить некий универсальный социальный портрет мигранта-фронтальера. Часто это высококвалифицированные кадры, занятые в высокотехнологичных отраслях экономики (IT, фармацевтика и т.д.). Кроме того, в числе «понаехавших» крайне редко учитывают самих швейцарцев, которые проживают, например, во Французском Эльзасе, а в Швейцарию ездят только на работу.

Пример приграничной трудовой миграции в Швейцарии крайне показателен в разрезе не только Европейских внутриполитических проблем и

дискуссий, но и в разрезе понимания глобализации, как «ведущей тенденции в современной мировой экономике», и её влияния на современные экономические и политические процессы [5].

Влияние глобализации особенно ярко прослеживается и на примерах ещё двух не менее важных потоков трудовой приграничной миграции. Именно современные глобализационые процессы во многом определяют развитие потока рабочей силы из развивающихся стран в соседствующие с ними развивающиеся страны. Из Бангладеш в Индию, из Афганистана в Пакистан, из Бангладеш, Индии, Шри-Ланки в страны-нефтеэкспортёры Персидского Залива. Трудовые мигранты этого потока обеспечивают экономический рост посредством восполнения ограниченных трудовых ресурсов, например, стран Персидского Залива.

Последний миграционный поток, рассмотренный нами в этой работе, будет касаться достаточно недооценённого и малоизученного направления трудовой миграции из развитых капиталистических государств в страны с развивающейся экономикой [6]. Трудовые мигранты (фронтальеры) из США в Мексику или из Японии в Филиппины во многом обеспечивают динамическое экономическое развитие стран с догоняющей экономикой. Иностранные эксперты из развитых государств, предоставляя необходимые опыт и знания, обеспечивают осуществление крупных инвестиционных и инфраструктурных проектом, программ по модернизации и индустриализации во многих странах «догоняющего» развития.

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Процессы миграции вследствие глобализации, открытости мира, стирании границ становятся неотъемлемой частью современной реальности, во многом определяя вектор глобального развития человечества, распределения ресурсов, возможностей развития государств. Трудовая миграция, вызываемая в первую очередь экономическими причинами (разный уровень доходов, неравномерное развитие различных стран и т.д.), становится структурно определяющим видом миграции в целом. Приграничная трудовая миграция (фронтальерство), в свою очередь, оказывается ключевым подвидом трудовой миграции. Фронтельерство, очевидно, во многом определяет экономические и социальные взаимоотношения между соседствующими государствами. Именно поэтому только разумная и сбалансированная политика правительств сопредельных государств сможет контролировать уровень социальных противоречий, будет способствовать сохранению дружеских и добрососедских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Практическая демография. Под ред. Рыбаковского Л.Л. М.: Центр социального прогнозирования, 2005.

2. Проклин А.Н. Мировая экономика. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2001.

3. Парфёнов Л.Г. Намедни. Наша эра. 1991–2000. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2010.

4. Jaberg S. Le travailleur frontalier au-delà des fantasmes. Electronic resource. Sccess mode: https://www.swissinfo.ch/fre/frontalier--qui-es-tu-_le-travailleur-frontalier-au-delà-des-fantasmes/43559102

5. Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник. Под ред. проф. А.С. Булатова, проф. Н.Н. Ливенцева. М.: Магистр, 2008.

6. Ломакин В.К. Мировая экономика: учебник. 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» (на примере Великобритании и Германии)

ШПЕТ Александра Александровна, студентка МГИМО МИД России, Москва (России). E-mail: alexa.shpet02@yandex.ru

Аннотация. Доклад посвящен научному осмыслению влияния мусульманской диаспоральной политики в контексте реализации «мягкой силы» на территории европейских стран. Исследуется функциональный потенциал мусульманских диаспор, а так же формы их взаимодействия с властями и общественными организациями. На основе результатов теоретического анализа в докладе представлены основные направления «мягкой силы», относящиеся к расширению интеграционных потоков мусульман, а также тенденции последующих интеграционных процессов в принимающих странах.
Ключевые слова: диаспоральная политика, миграция, миграционные потоки, миграционная политика, ислам, «мягкая сила».

MUSLIM DIASPORA POLITICS AS AN ELEMENT OF "SOFT POWER" (On the example of Great Britain and Germany)

Alexandra A. SHPET, student of the MGIMO University of the MFA of Russia (Moscow, Russia). E-mail: alexa.shpet02@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the scientific understanding of the influence of Muslim diaspora policies in the context of the implementation of "soft power" in European countries. The functional potential of the Muslim diasporas is investigated, as well as the forms of their interaction with the authorities and public organizations. Based on the results of a theoretical analysis, the report presents the main directions of "soft power" related to the expansion of integration flows of Muslims, as well as the trends of subsequent integration processes in host countries.
Keywords: diaspora policy, migration, migration flows, migration policy, Islam, "soft power".

Сегодня процесс глобализации характеризуется резким усилением миграционных потоков. Одним из центров притяжения, безусловно, является Европейский союз. В силу процесса старения европейского населения и сокращения его численности иммиграция является необходимым ресурсом экономического развития, с одной стороны, а с другой – порождает комплекс культурных, политических и социо-экономических проблем, которые рассматриваются значительной частью общественного мнения и правящей элитой принимающих стран как угроза социальной стабильности и национальной идентичности. Особое место при рассмотрении данного вопроса

отводится мусульманским диаспорам, ввиду их прогрессивного количественного возрастания.

Полемика по данной тематике затрагивает самый широкий круг проблем – от границ толерантности, терпимого отношения к мусульманским обычаям и традициям (например, права мусульман строить мечеть в том или ином городском квартале) до глобального вопроса о том, что ожидает Европу: мирное сожительство христиан и мусульман, интеграция последних в европейскую общность или конфликт цивилизаций. В ходе этих дискуссий либеральные круги, исходя из соображений политкорректности, порой предпочитают не затрагивать острых тем. Напротив, праворадикальные силы не стесняются своей исламофобии.

Безусловно, диаспоры выступают как субъект лоббирования своих интересов и страны исхода. Так, диаспоры как лобби обладают рядом функций, одной из которых выступает экономическая. Данная функция приобретает все большее значение, что объясняется рядом причин: во-первых, представители диаспоры могут располагать специфическими трудовыми навыками, которыми не обладает или обладает, но в соизмеримо меньшей степени население принимающей страны. Во-вторых, социально-демографическая структура диаспор может становиться предпосылкой к лидерству в экономике. Как правило, в потоке мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста, с уровнем образования и профессиональной подготовки выше среднего. Они экономически более активны в сравнении со средними характеристиками исходной общности. В-третьих, корпоративность диаспор может перерастать в преимущества в экономической деятельности. В то время как большая часть членов принимающего общества социально «автомизирована», представители диаспоры используют преимущество корпоративности, характерной в первую очередь для мусульманских групп на протяжении истории.

Наряду с экономической функцией одной из наиболее распространенных является так называемая «сохраняющая», включающая следующие компоненты:

- сохранение родного языка. Родной язык является одним из способов ретрансляции национальной культуры, его утрата оказывает прямое негативное воздействие на такие ее ценности в духовной сфере, как обычаи, традиции, самосознание.
- сохранение этнической культуры. Этническая культура отчетливо проявляется в литературе, искусстве, этнической символике, традициях, некоторых формах материальной культуры и фольклоре. В результате влияния культуры иноэтнического окружения этническая культура диаспоры постепенно размывается (при отсутствии сплочения диаспоры в изолированных анклавах, как это происходит, например, в Германии), что особенно характерно для урбанизированной среды с ее стандартизованными эталонами в материальной и духовной сферах. Важным фактором сохранения национальной культуры является приток новых мигрантов с исторической родины;

– сохранение этнического самосознания. Внешнее проявление этнического самосознания осуществляется в форме самоназвания или этнонима. Его внутреннее содержание чаще всего составляют: противопоставление «мы – они»; представление об общности происхождения и исторических судеб; связь с «родной землей» и «родным языком».

Важнейшей функцией диаспор выступает защита социальных прав представителей данного этноса, усилия по преодолению различных проявлений шовинизма, антисемитизма, помощь в адаптации вновь прибывшим соотечественникам. Также стоит отметить культурно-просветительскую функцию, которая является одним из направлений в реализации «мягкой силы». Ведь именно в сфере культуры, трактуемой в самом широком смысле слова, и сосредоточены все основные отличительные особенности народов.

Безусловно, диаспоры оказывают воздействие на политическую деятельность принимающей страны и используют для этого различные формы. Наиболее распространенными формами политической деятельности диаспор являются:

– электоральные и иные политические акции;
– лоббирование интересов страны исхода в принимающей стране;
– оказание влияния на страну исхода путем поддержки правительства или оппозиции;
– финансовая и другого рода поддержка политических партий, движений и неправительственных организаций страны исхода;
– содействие разрешению конфликтов в стране исхода либо их разжигание [1].

Очевидно, что феномен диаспоры в первую очередь основывается на культурной самобытности, а ее отрыв от родины увеличивает стремление к сохранению, а в дальнейшем – и пропаганде своей культуры и языка. На начальном этапе формирования и развития диаспоральных общин мусульманские объединения носили локальный характер и ориентировались, прежде всего, на социальную поддержку единоверцев. Но с течением времени сфера их влияния смещалась в область политики. Сегодня диаспоры – динамичные участники современного политического процесса, как на государственном, так и на международном уровне, что предельно актуализирует проблему исследования механизмов взаимодействия.

Отметим, что именно факт принадлежности к исламу стал важным, но не определяющим аспектом для участия в мусульманских объединениях. Ислам рассматривался скорее как элемент внутренней интегрированности общины в диаспоре, сплачивающий ее членов и обеспечивающий сохранение и воспроизводство традиционных ценностей соответствующего этноса в условиях инокультурного окружения [3].

Главной проблемой совместного участия мусульман в политическом процессе остается их этническая и религиозная разобщенность. Мусульманам ни в одной из европейских стран до сих пор не удалось создать ни одной организации, которая бы в действительности представляла интересы всех мусульман, проживающих в данном государстве ЕС.

Показателен пример относительно мусульманских диаспор Великобритании, интеграционная политика которой, пожалуй, в большей степени, чем где-либо, ориентирована на повышение статуса ислама и представительства мусульман в структурах государственного управления. С 2008 г. здесь осуществляется политика "позитивной дискриминации", направленная на включение как можно большего числа мусульман в процесс коллективного принятия решений на всех уровнях. Парламентарии ввели для меньшинств квоты на государственной службе, особенно в армии и полиции, ключевых министерствах (иностранных дел, внутренних дел). В 2010 г. впервые в истории страны двое из мусульман-парламентариев стали министрами от Консервативной партии. В 2014 г. в Палате лордов насчитывалось 15 мусульман, а еще пять британских мусульман стали депутатами Европарламента. В целом изменения налицо: если в 1997 г. в Палате общин был только один депутат-мусульманин, то в 2010 г. их было уже восемь.

В Великобритании мусульманская религия занимает значительное место в общественной жизни. Политика основных политических партий в отношении мусульман в 1990-х гг. носит многосторонний характер. С одной стороны, они пытались акцентировать внимание на проблемах, важных, в том числе и для мусульманской общины. С другой стороны, руководство партий опасалось усиления влияния мусульман на принятие партийных решений. Подобная тенденция стала просматриваться после неоднократного отказа принять в члены лейбористской партии отдельных мусульман. Опасения были связаны с тем, что массовое вступление мусульман, зачастую целыми семьями, позволяло им лоббировать выдвижение своих кандидатов и сильно походило на результат подкупа или заговора, а не свободного выбора.

Важным шагом на пути усиления электоральных позиций мусульман стало объединение в 1997 г. более 350 их организаций, движений и фондов в Мусульманский совет Британии (МСВ, англ. Muslim Council of Britain) на основе Комитета Соединенного Королевства по исламским делам (UKACIA, англ. UK Action Committee on Islamic Affairs). Совет быстро стал точкой взаимодействия между государством и мусульманскими общинами. Частично в результате лоббирования со стороны МСВ, государство согласилось включить религию как категорию идентичности в перепись 2001 г. В 2009 г. правительство прекратило отношения с МСВ после того, как один из лидеров организации публично одобрил атаки на любую иностранную армию (в том числе британскую), мешающую поставкам оружия в Сектор Газа. МСВ был также задействован в такой сомнительной акции как бойкот Дня памяти жертв Холокоста. Известно, что МСВ занят больше проблемами израильско-палестинских отношений, чем вопросами, непосредственно затрагивающими британское мусульманское сообщество. Несмотря на двоякую репутацию, МСВ со своими более чем 500 филиалами продолжает играть одну из ведущих ролей в интеграции британских мусульман, он также побуждает мусульманское население принимать активное участие в политическом процессе.

Мусульманская ассоциация Британии (МАВ, англ. Muslim Association of Britain). Была основана в 1997 г., преимущественно мусульманами с араб-

ским прошлым. Это направление тесно связано с движением Братьев мусульман. Одна из главных целей организации – проводить кампанию по переориентации британской политики в сторону мусульманского мира, с акцентом на проблеме Сектора Газа. В 2002 г. МАВ стала важным членом Коалиции по прекращению войны (Stop the War Coalition), созданной для противодействия участию Британии в войне в Ираке. Она также играла центральную роль в коалиции RESPECT, являющейся левым исламским союзом.

Особенно активно участвуют мусульмане в местной политике. Так, в выборах местных советов в Англии в мае 2014 г. участвовали 897 кандидатов-мусульман – партийных и независимых (354 кандидата от Лейбористской партии и 256 от Консервативной партии). 277 мусульман стали членами местных советов16. В ряде стран Европы мусульмане входят в общенациональные институты политического представительства. Они получают министерские портфели, избираются депутатами парламентов, активно участвуют в работе органов власти на местах.

В этой связи необходимо отметить, что чаще всего мусульманские диаспоры завуалированно продвигают свои ценности и идеологические установки, умело прикрываясь экономическими и правовыми факторами.

Мусульмане в Великобритании в целом весьма хорошо организованы. Они не только объединяются вокруг ближайшей мечети и ее имама, но в той или иной мере участвуют в различных общественных организациях (Исламском культурном центре, ассоциации «Мусульманская помощь» в Лондоне, объединении «Исламская поддержка» в Бирмингеме и др.). Подобные общественные объединения контролируют собственные мечети, занимаются вопросами культуры, образования, социального обеспечения верующих, соблюдением ими обычаев и предписаний ислама в быту (в частности, пищевых ограничений), пропагандой и распространением ислама.

Таким образом, мусульманские организации Великобритании, даже если и нацелены на коренное преобразование общества, пользуются легальными, политическими формами борьбы. Их идеологическая платформа также сильно изменилась под влиянием британского общества. Мусульманские организации стали носить массовый и относительно более умеренный характер, что повысило их способность лоббировать свои интересы. В итоге социально-политического развития мусульманской общины в последние десятилетия представительство мусульман в органах власти постоянно растет, а их сообщество крепнет политически.

Что касается Германии, то самая большая группа мусульман в Германии сегодня – выходцы из Турции: 63,2%. Следом идут иммигранты из стран бывшей Югославии, Ближнего Востока и Северной Африки. Растет и число этнических немцев, принявших ислам.

По подсчетам, в Германии к концу 2016 г. проживает 6,26 миллиона мусульман, примерно 7,5% всего населения Германии. Есть и другое исследование, попытавшееся учесть также воссоединение семей, согласно которому число мусульман достигло уже 8–10 миллионов человек, то есть, 10–12% населения страны.

Стоит отметить политику Турции в отношении своих мусульманских диаспор, которые эммигрируют в Европу. Выходцы из Турецкой Республики, проживающие в Германии, являются своего рода рычагом внешней политики страны. Правительство Турции всячески пытается задействовать своих соотечественников при лоббировании национальных политических и экономических интересов в Германии. В данном случае политический интерес Турции – это полноправное членство в ЕС. Получается, что турецкая мусульманская община выступает за мультикультурализм по-турецки, который подразумевает сплочение всех европейских народов при усилении турецкой диаспоры как лобби, «мягкой силы» внешней политики Турции.

Самой заметной инициативой мусульман в Германии стало открытое появление движений и организаций, находящихся под сильным давлением со стороны государства или запрещенных в Турции. Такие организации, тарикаты как исламисты «Сулейманлы», националисты «Милли Герюш», нацисты «Серых Волков», а также алавиты и некоторые ордена дервишей смогли свободно проявлять себя в Германии. Свободно могут действовать и этнические группы, в частности курды, хотя им запрещено создавать политические организации [4]. В результате турецко-курдский конфликт в Восточной Турции повлиял на положение мусульманской общины в Германии и, возможно, на немецкую внутреннюю политику по отношению к переселенцам из Турции [5].

Так, успех политического участия мусульманских общин в общественной жизни европейских государств зависит от множества факторов, главными из которых, пожалуй, являются социально-политический «климат» страны проживания и специфические характеристики самих общин, их способность создавать организации и группы влияния, находить общие интересы, преодолевая различия этнического и религиозного характера. Степень политического влияния мусульман, как уже отмечалось, во многом зависит от отношения европейских правительств к мусульманским общинам на своей территории, от выбранной стратегии взаимодействия с ними. Следует сразу отметить, что главным инструментом влияния мусульман в Западной Европе являются иммигрантские организации, точное число которых трудно установить. При этом не все организации представляют собственно политические интересы мусульманских общин. Некоторые из них созданы с целью помочь вновь прибывшим иммигрантам адаптироваться в новых условиях.

В современном мусульманском мире можно выделить три основных направления в исламе, каждой из которых является своеобразным ответом на вызовы современности: либеральное (или модернизаторское), радикальное (фундаменталистское) и традиционалистское (или консервативное). Указанные направления в полной мере представлены в современной Западной Европе. Религиозные организации мусульман, возникающие на территории стран ЕС, обычно имеют прочные контакты и связи с той или иной политической и экономической силой у себя на родине. Однако особым явлением в современной Европе является концепция евроислама, пропагандируемая от-

дельными представителями французских и немецких мусульман. Концепция в целом попадает в русло первого из указанных, либерального направления, но фактически речь идет о создании новой религии, и именно поэтому евроислам не привлекает к себе в Европе большого числа последователей. Как и в мусульманском мире, в странах ЕС сегодня наиболее широко представлена третья модель развития современного ислама, однако в конкретных европейских условиях мусульмане заняты поиском новой идентичности.

Вместе с тем представители мусульманских общин в отдельных европейских странах пытаются осуществлять шаги навстречу европейским правительствам. Часто их «инициативы» подталкиваются европейскими правительствами, которые пытаются сами сформировать, при отсутствии активности со стороны мусульман, представительские мусульманские институты. Успешными, как правило, оказываются действия мусульман, направленные на открытие мечетей, создание мусульманских школ и просветительских организаций и т.п. Однако если речь заходит о подписании от лица всей мусульманской общины данной страны какого-либо глобального документа, призванного официально зафиксировать отношения мусульманской общины с европейским государством, то такие и подобные инициативы часто заканчиваются неудачей.

Таким образом, участие мусульман в политической жизни европейских стран становится все более зримым и весомым. В разных странах немало их участвуют в выборах – местных и национальных, в зависимости от того, что предписывает законодательство. Но недостаточное представительство мусульман в политических структурах стран Европы не позволяет считать их одним из системообразующих элементов. Вместе с тем способность иммигрантов проводить многотысячные манифестации на улицах европейских городов в защиту своих интересов, равно как и оказание мощной поддержки неисламским партиям на выборах, свидетельствуют о силе мусульманской диаспоры, которую можно считать важным фактором политической жизни.

Оценивая эффективность политической интеграции мусульман в Европе, можно отметить, что европейские власти оказываются перед необходимостью решения двух задач, противоречащих друг другу: учета социокультурных интересов новых граждан и реагирования на запрос, связанный с ростом антииммигрантских настроений в обществе, для этого мусульманским диаспорам необходимо усилить реализацию мягкой силы, в большей степени, основывающейся на культурном аспекте, для повышения привлекательности и снижения исламофобии в принимающих странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Залитайло И.В. Этносоциальные диаспоры и диаспоральные образования: сущность и структура // Электронное научное издание. Аналитика культурологии. 2006. С. 6.

2. Четверикова О.Н. Ислам в современной Европе: стратегия добровольного «гетто» против политики интеграции // Россия в 21 веке. 2005. №2. С. 79.

3. Sen F. Tuerken in der Bundesrepublik Deutschland: Leistungen, Probleme, Erwartungen // Beitraege zur Konfliktforschung. 1986. No. 3. S. 43–65.

4. Groene M. Identitaetspolitiken und Konfliktwahrnehmungen alevitischer Kurden in Deutschland // Journal fuer Konflikt und Gewaltforschung. 2001. Np. 3. Heft 1. S. 70–84.

НАРУШЕНИЕ ПРАВ РОССИЙСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

РУБАН Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: lruban@yandex.ru

Аннотация: В работе представлен обзор нарушений прав и социальных гарантий российских трудовых мигрантов, с которыми они сталкиваются в Москве. Сохранение механизма «регистрации» и подразделение ее на «регистрацию по месту проживания» (постоянную) и «месту пребывания» (временную, независимо от ее длительности) является фактором, обусловливающим дискриминацию российских трудовых мигрантов по месту проживания.
Ключевые слова: российские трудовые мигранты, дискриминация, социальное неравенство, система прописки, регистрация по месту проживания, регистрация по месту пребывания.

VIOLATION OF THE RIGHTS OF RUSSIAN LABOR MIGRANTS IN MOSCOW

Larissa S. RUBAN, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Department of the International Cooperation, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: lruban@yandex.ru

Abstract. The report presents a description of violations of the rights and social guarantees of Russian migrant workers, which they face in Moscow. The preservation of the mechanism of «registration» and its division into «registration at the place of residence» (permanent) and «place of residence» (temporary, regardless of its duration) is a factor that causes discrimination against Russian labor migrants at the place of residence.
Keywords: Russian labor migrants, discrimination, social inequality, registration system, registration at the place of residence, registration at the place of stay.

Предваряя изложение материала по исследуемой проблеме, следует акцентировать внимание на том, что нарушения прав российских трудовых мигрантов в Москве связаны с невыполнением положений статьи 19 пункта 2 главы 2 раздела 1 Конституции Российской Федерации по осуществлению равенства прав всех граждан России и запрету дискриминации граждан РФ по ряду принципов и в частности по месту проживания.

Одним из обусловливающих данную дискриминацию факторов являлась в советский период система «прописки», а в настоящий момент является система регистрации, которая ставит в неравные позиции граждан России, проживающих на одной территории.

Если затронуть проблему в историческом ракурсе, то необходимо отметить, что после Октябрьской революции 1917 г. паспорта в нашей стране были отменены, а, следовательно, не было и «прописки», которая контроли-

ровала передвижение граждан и которая была возобновлена в СССР в 1932 г., когда снова появились паспорта. Сначала крестьяне, а затем и все граждане СССР были обязаны заявлять об изменении места нахождения на период свыше полутора месяцев с отражением этого в паспортах посредством проставления штампа с пропиской. Находиться без прописки на территории СССР запрещалось. Прописка по месту жительства в советское время была главным инструментом по контролю над передвижениями населения [1].

С 1 октября 1993 г. согласно пункту 1 27-й статьи 2-й главы 1-го раздела Конституции РФ и закону «О свободе передвижения граждан РФ и порядке регистрации» от 25 июня 1993 г., провозгласивших свободу передвижения по стране, этот порядок был формально отменён. Однако на практике просто произошла замена термина «прописка» на термин «регистрация». Все граждане России при переезде в другой регион обязаны в течение 90 дней встать на регистрационный учёт по новому месту жительства. Отсутствие регистрации является административным нарушением (нарушением требований Жилищного кодекса), за которое предусмотрен штраф – от 1,5 до 2,5 тыс. рублей. Регистрация подразделяется на регистрацию по месту жительства (постоянную) и по месту пребывания (временную) [1].

В Москве и Московской области в нормативных документах термин «прописка» использовался до 1 января 1996 г., когда утратило силу Постановление Правительства Москвы и Администрации МО от 4 февраля 1992 г. за № 51-8 «О едином порядке прописки и выписки населения в Москве и Московской области» [2]. «Прописка» была заменена регистрацией.

Тут сразу же возникает вопрос: для чего российским гражданам в России нужна регистрация? Интересно, что в законе о свободе передвижения указывается, что регистрация необходима «для реализации гражданином Российской Федерации его прав и свобод, и исполнения им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом» [3]. Однако эксперты отмечают, что в повседневной жизни регистрация скорее создает неудобства, нежели помогает их преодолеть.

Итак, если «регистрация по месту проживания» (постоянная регистрация) обеспечивает имеющим ее москвичам весь комплекс прав и социальных гарантий, а также дополнительные выплаты и льготы, то «регистрация по месту пребывания» (то есть временная регистрация не зависимо от ее длительности, хоть в течение 10 или 20 лет и свыше) урезает им целый ряд прав и социальных гарантий, не говоря уже о льготах, ущемляя в Москве права трудовых мигрантов, являющихся гражданами России. А именно:

1 – наличие временной регистрации затрудняет устройство ребенка в ближайшую школу или детский сад,

2 – прикрепление в поликлинику (мало того, что зачисление идет по остаточному принципу, т.к. приезжим могут просто отказать в приеме, ссылаясь на отсутствие свободных мест; но, кроме того, пациент теряет право вызова врача на дом),

3 – затрудняет возможность получить кредит на более выгодных условиях,

4 – принять участие в голосовании на выборах (при временной регистрации нужно не позднее, чем за три дня до дня голосования прийти в избирательную комиссию и оформить заявление, чтобы Вас добавили в список по месту пребывания и исключили из списка по месту жительства, а получить открепительное удостоверение можно только лично по месту постоянной регистрации,

6 – при устройстве на работу в описаниях вакансий до сих пор можно встретить требование регистрации в том регионе, где соискателю предстоит работать,

7 – даже записаться и взять книгу в библиотеке нельзя без предъявления паспорта с регистрацией [4].

Широкий резонанс вызвало Постановление правительства за № 885 для существующей социальной защиты населения, в котором были внесены поправки в действующие правила регистрации по месту пребывания и снятия с регистрационного учета российских граждан по месту их временного пребывания и по месту основного проживания. Данные поправки предусматривали переход на уведомительное построение порядка регистрации – как постоянной, так и временной; упрощение процедуры регистрации, разрешающее не в обязательном порядке подавать заявление о регистрации лично, а открывающее возможность сделать это и через отделение связи, и посредством Интернета. Свидетельство регистрации по месту пребывания в таком случае будет отправлено заявителю по почте. Однако это не самый оптимальный вариант, так как временная регистрация нужна трудовым мигрантам в кратчайшие сроки, ведь без нее они вынуждены платить штрафы за административное правонарушение – нахождения на территории субъекта без регистрации и к тому же без нее они не могут утроиться на работу, в чем и заключается цель их миграции.

Регистрация по месту пребывания по новым правилам начала осуществляться с января 2011 г. [5].

Вроде бы с появлением электронных госуслуг и многофункциональных центров (МФЦ) ситуация должна была радикально измениться и появиться возможность нужные документы заказать и получать там, где гражданам удобно и не нужно как раньше для переоформления любых документов ехать туда, где они зарегистрированы на постоянной основе.

Однако стоит уточнить, как в действительности проходит регистрация по месту пребывания в г. Москве:

1) Вам сначала надо зарегистрироваться на сайте «Госуслуги»,

2) затем Вы должны лично прийти в МФЦ с документами для официального подтверждения подлинности документов, после чего сможете снова продолжить электронную регистрацию, которая завершится через неделю.

Если же Вам понадобится документ, подтверждающий Ваши права владения собственностью или ее отсутствия, то Вам понадобятся сведения о всех Ваших предыдущих общегражданских российских паспортах, и в случае, если они были выданы не в Москве, то Вам необходимо будет обращаться в места их выдачи, причем на месте потребуется Ваше личное присутст-

вие для подачи собственноручно написанного заявления, а затем через месяц личное получение справки. МФЦ запрос данных сведений делать не будет.

Следует отметить, что сроки оформления целого ряда документов все еще напрямую зависят от того, в своем регионе гражданин находится или нет, к примеру, получение заграничного паспорта [4]. Однако есть немало социальных услуг, предоставление которых, по Московским законам, положено только прописанным: это и оформление ИП, получения пособия по безработице, для неработающих пенсионеров – получение бесплатных санаторных путевок, вещевой материальной помощи и финансовых дотаций, оплаты лечения и медикаментов и т.д. Итак, сейчас, по московским законам, надбавки и пособия получают только граждане, которые имеют постоянную регистрацию [6].

Теперь мы перейдем к характеристике дискриминации российских трудовых мигрантов в г. Москве, но для этого уточним и разграничим ряд терминов.

Как точно отмечено российским исследователем Осиповым А.Г., понятие «дискриминации по признаку места жительства» встречается в литературе и в обыденной речи, но как отмечают эксперты, оно редко становится предметом анализа, кроме того, сама проблематика дискриминации по территориальным признакам почти не известна международным организациям и очень слабо отражена в их практике. Российское законодательство, устанавливающее институты регистрации по месту жительства и месту пребывания, содержит противоречивые положения и не определяет их правовую природу. Действующее законодательство не отождествляет место регистрации по месту жительства с самим местом жительства. Закон РФ «О праве граждан на свободу передвижения и выбор места жительства в пределах Российской Федерации» 1993 г. устанавливает, что местом жительства является жилое помещение, где гражданин проживает (а не где он зарегистрирован), что регистрация носит уведомительный характер и не может служить условием реализации или основанием ограничения прав и свобод. Однако же, избирательное законодательство и Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» 2002 г. (в редакции Федерального закона № 151-ФЗ от 11 ноября 2003 г.) определяют регистрацию по месту жительства как юридический факт, с которым связано возникновение правоотношений по поводу приобретения гражданства и реализации активного избирательного права [8].

Трудовой мигрант с российским гражданством, имеющий регистрацию по месту пребывания (т.е. временную регистрацию) может жить в Москве много лет, но будет ограничен в своих правах по сравнению с гражданами, зарегистрированными в Москве по месту жительства (т.е. имеющими постоянную регистрацию с штампом в паспорте). В Москве при наличии регистрации по месту пребывания российский гражданин ограничен в возможности регистрации брака, получении кредита и страхования, регистрации в качестве предпринимателя без образования юридического лица, пользовании услугами стационарной телефонной связи, пенсионном обеспечении, пользовании публичными библиотеками и получении социальных льгот даже при наличии звания «Ветеран труда» по г. Москве.

Однако проблемы дискриминации по пространственному признаку в России не сводятся только к последствиям функционирования паспортной системы.

В Российской Федерации признано верховенство Основного закона – Конституции России над другими юридическими документами. В пункте 2 статьи 6 главы 1 раздела 1 Конституции РФ четко указано, что «каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации» [7, с. 8]. В статье 19 пункт 2 главы 2-й раздела 1 Конституции РФ указано, что «1. все равны перед законом и судом.

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, ***места жительства*** (курсив и выделение автора), отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [7, с. 15–16].

Однако положение о регистрации в г. Москве с подразделением на постоянную регистрацию по месту жительства и временную – по месту пребывания препятствует осуществлению конституционных прав российских трудовых мигрантов. Кроме того, статья 136 Уголовного Кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за «дискриминацию, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов» на основании ряда признаков, в том числе места жительства, но из открытых источников не известны ни статистика дел по этой статье, ни конкретные примеры ее применения [8].

Нельзя не согласиться с исследователем Осиповым А.Г., что место жительства как потенциально дискриминирующий признак упоминается в ряде федеральных законов (Трудовой кодекс, Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан и др.), в материальных нормах, провозглашающих равенство граждан в реализации определенных прав или запрещающих отступление от принципа равенства. Правда, практического значения подобные декларации не имеют. В любом случае, фиксация в Конституции и отраслевых законах общего принципа равенства не стала препятствием для фактически существующих ограничений, связанных с наличием регистрации [8].

Мы остановимся на нарушении в Москве прав тысяч самых незащищенных граждан – трудовых мигрантов – работающих пенсионеров, которые отдали работе в столице многие годы своей жизни и здоровье, а в результате даже при наличии 30-летнего стажа и госнаград им пришлось с трудом, унижениями и «в порядке исключения» оформлять звание «Ветерана труда». Однако реализация льгот по званию «Ветерана труда» затруднительна в Москве без наличия социальной карты москвича, которую выдают только при наличии штампа в паспорте о постоянной регистрации. Без социальной карты москвича трудовые мигранты «Ветераны труда» не могут реализовать свои льготы по оплате лекарств в аптеках и продуктов в магазинах, пользоваться бесплатным проездом на электричках, так как вся информация по этим льготам закачивается в социальную карту москвича.

До 2015 г. ряду трудовых мигрантов – работающим пенсионерам в исключительном («в порядке исключения») за колоссальные заслуги и большой вклад в развитие г. Москвы были выданы социальные карты москвича, для чего этим гражданам пришлось повторно после оформления пенсии в г. Москве документально подтверждать свое постоянное проживание в Москве в течение 10–20 лет, после чего поступали именные распоряжения руководства Департамента социальной защиты населения о выдаче им социальных карт москвича, что кроме прочего давало право бесплатного проезда в московском городском транспорте (этой льготой пользуются все без исключения москвичи-пенсионеры с постоянной регистрацией).

Однако в 2015 г. Московское правительство аннулировало разрешение о выдаче в исключительном порядке социальных карт москвича лицам с временной регистрацией (регистрацией по месту проживания). И по мере истечения пятилетнего срока действия пластиковых карт, трудовые мигранты-пенсионеры теряли эту льготу. В данном случае налицо не только факт дискриминации (ущемление прав данной категории граждан), но и факт нарушения правоприменения (действия прецедентного права, так как раз доказав свое постоянное проживание в г. Москве, эти граждане не должны повторно доказывать данный факт. Второе нарушение – нарушение необратимости уже принятого юридического решения – «закон обратной силы не имеет». Даже если запрещено выдавать социальные карты москвича новым претендентам – трудовым мигрантам – пенсионерам с регистрацией по месту пребывания, то тем, кому эта льгота была ранее до 2015 г. присвоена, не могут быть ее лишены.

Кощунственность этих действий четко прослеживается на фоне заявления Президента Российской Федерации В.В. Путина во время открытой линии с населением страны о том, что не один пенсионер не будет лишен льгот и ущемлен в правах. На деле же Московское правительство лишило права бесплатного пользования московским городским транспортом тысяч трудовых мигрантов-пенсионеров, ранее этой льготой обладавших, одновременно введя эту льготу для всех без исключения пенсионеров – жителей Московской области, а ранее такой льготой пользовались болельщики чемпионата мира по футболу, проходившем в Москве.

Эта потеря не является пустяковой для трудовых мигрантов – пенсионеров в г. Москве с регистрацией по месту пребывания, так как при малых пенсиях (около 14 000 рублей, что ниже прожиточного минимума в Москве), данная категория граждан каждый квартал теряет за счет оплаты проезда в общественном транспорте в г. Москве по одной пенсии, а в год – четыре пенсии.

В представительстве Уполномоченного (Омбуцмена) по правам человека по г. Москве трудовым мигрантам-пенсионерам с регистрацией по месту пребывания, утратившим имевшиеся у них социальные карты москвича, предлагают обращаться в суд, чтобы повторно доказывать свое постоянное проживание в Москве, тем самым, признавая неправомочность предыдущего решения о выдаче им социальных карт москвича.

Парадокс данной ситуации заключается в том, что трудовым мигрантам-пенсионерам с регистрацией по месту пребывания, ранее обладавшими социальными картами москвича, предлагается в судебном порядке доказывать право обладания в столице нашей страны равными правами с другими гражданами (имеющими штамп в паспорте о постоянной регистрации), то есть права, исполнение которого гарантируется Конституцией РФ – Основным законом российского государства, верховенство которого никем не оспаривается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриев И. С чистого листа. Электронный ресурс. Режим доступа: https://versia.ru/otmenyat-li-nakonec-v-rossii-registraciyu-grazhdan-po-mestu-zhitelstva
2. Вестник мигранта. Интернет-журнал для иностранцев. Электронный ресурс. Режим доступа: https://migrant.lameroid.ru/2016/08/propiska.html
3. Консультант Плюс. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255
4. Прописку отменили. Но она по-прежнему мешает жить. Что нельзя сделать без постоянной или временной регистрации. Интернет-издание Meduza. Электронный ресурс. Режим доступа: https://amp.meduza.io/feature/2016/12/09/propisku-otmenili-no-ona-po-prezhnemu-meshaet-zhit
5. Отмена регистрации по месту пребывания. Docexpresss. Бесплатная юридическая консультация. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.docexpress.ru/otmena-registratsii-po-mestu-prebyivaniya/
6. Как прописаться в Москве. Российская юридическая сеть. Юридическая помощь онлайн и правовая информация. Электронный ресурс. Режим доступа: https://mosad.online/kak-propisatsya-v-moskve/
7. Конституция Российской Федерации. Текст. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.constitution.ru/
8. Осипов А.Г. Дискриминация по признакам, связанным с местом жительства – основные аспекты и контуры проблемы. Электронное издание Демоскоп Weekly. 2009, № 361. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0361/analit06/php

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово 11

Раздел 1.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.....13

Нгуен К.Т., Лукьянец А.С., Моисеева Е.М. КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ДЕЛЬТЫ РЕКИ МЕКОНГ ВО ВЬЕТНАМЕ 15

Vu Q.H., Pham T.L.H. A SPATIAL ANALYSIS OF INTERNAL MIGRATION IN VIETNAM IN 2010-2016 23

Белозеров В.С., Черкасов А.А. ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ И МОДЕЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ 34

Бессонова Т.Н., Хайдукова ЕС. АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ) 41

Лукьянова А.Ю., Баранов А.В. МИГРАЦИЯ КАК ДЕТЕРМЕНАНТА КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА 48

Макеева С.Б. ПРОЦЕССЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОМЕРНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КНР 52

Таюнова О.А., Фадеева ТА. МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ: ИЗ ИСТОРИИ АНАЛИЗА 59

Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ 64

Хилажева Г.Ф. ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СУБЪЕКТАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....73

Хуснутдинова Л.Г. О МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН 82

Раздел 2.
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ И МИГРАЦИЯ 89

Dantas AT., Lemos M.T.B. VENEZUELAN MIGRATION TO BRAZIL 91

Villen P. CHANGING TIDES IN BRAZIL: CRISIS AND INTERNATIONAL MIGRATION 96

Tran T.H.Q., Vu G.L., Vu M.Q. MIGRATION IN THE ASEAN COUNTRIES 105

Азимов А.Д., Латифзода О.Р., Азимов А.А. МИГРАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАНА 113
Baltabaeva G.M. US IMMIGRATION POLICIES AND 'BOLASHAK' SCHOLARSHIP AS SHAPING FORCES OF INTERNATIONAL STUDENT MIGRATION FROM KAZAKHSTAN TO THE US 121
Вукчевич Н. МЕДИА-КАРТИНЫ ПРОЦЕССОВ МИГРАЦИИ НА ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛАХ В СЕРБИИ 2017-2018 ГГ.: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ .. 127
Кабирова Л И., Лавров И.Р. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 134
Коновалова Ю.А. ИНДИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА В МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ..... 139
Лапшов В.А. МИГРАЦИЯ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА..... 146
Накова А.И., Христова-Димитрова Т.Н. МОГУТ ЛИ БЕЖЕНЦЫ БЫТЬ РЕСУРСОМ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОЛГАРИИ?..... 156

Раздел 3.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНТСВЕ 165
Yessirkepova M.M. MIGRATION ISSUES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 167
Алиев М.Д. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 171
Бабаев А.А., Азимова З.А. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И ПОТЕНЦИАЛ ТАДЖИКСКОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ..... 180
Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ РОССИИ В КООРДИНАТАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)..... 185
Korneev O.V., Leonov A.S. TRANS-REGIONAL MIGRATION GOVERNANCE INITIATIVES IN THE EURASIAN MIGRATION SYSTEM 192
Садовская Е.Ю. ИНИЦИАТИВА КИТАЯ «ПОЯС И ПУТЬ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ В КАЗАХСТАНЕ 201
Тихонова Л.Е., Пугачев В.П. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ И БЕЛОРУССКИЕ РЕАЛИИ 208

Раздел 4.
МИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ 217
Di Mauro F. TRAFFICKING OF WOMEN FOR SEXUAL EXPLOITATION PURPOSES: WHY IS EUROPE FAILING TO TACKLE IT? WHAT CAN WE DO? 219

Гришанова А.Г. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КООРДИНАТАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ СИСТЕМЫ (НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ) 227
Доброхлеб В.Г. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 234
Злотников А.Г. ВЛИЯНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ 238
Семенова В.Г., Иванова А.Е. ВОЗРАСТНОЙ ВЕКТОР ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИИ НА СМЕРТНОСТЬ В МЕГАПОЛИСЕ 247
Kosherbayeva AS. AGEING EXPERIENCE OF WOMEN-MIGRANTS IN GERMANY: QUALITATIVE STUDY 256
Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И., Маевский Д.П. ВТОРОЙ ЭТАП ДЕПОПУЛЯЦИИ В РОССИИ И РОЛЬ МИГРАЦИИ В СОХРАНЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА 264

Раздел 5.
РОССИЯ В МИРОВОМ МИГРАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ... 271
Virkkunen J., Piipponen M. RUSSIAN ARCTIC: MIGRATORY HUB TO FINNISH AND EU/SCHENGEN BORDERS? 273
Ohashi K. THE INTERPENETRATION OF MIGRATION AND TOURISM: THE CASE OF RUSSIAN-SPEAKING TOURISM IN NHA TRANG, VIETNAM 281
Ван С., Рязанцев С.В. НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ 287
Малашенкова А.А. ПРОГРАММА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В РОССИЮ НА ПРИМЕРЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ 292
Муратшина К.Г., Гусева ВС. МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ ИЗ РОССИИ В КИТАЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ 299

Раздел 6
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ 305
Skrobanek J., Jobst S. LIQUID INTEGRATION. THINKING BEYOND CONVENTIONAL UNDERSTANDING 307
Billier N. FEATURES OF THE INTEGRATION OF MIGRANTS IN MOSCOW 322
Kryakvina X. IF THE OFFICIAL NATIONALISM IS GETTING ETHNICIZED IN RUSSIA, WHY IS IT NOT BECOMING EASIER FOR ETHNIC RUSSIANS TO GET THE CITIZENSHIP? THE CASE OF RUSSIAN DIASPORA AND THE “COMPATRIOTS RESETTLEMENT PROGRAM” 330

Zavos A. RUSSIANS' MIGRATION IN GREECE: PROSPECTS FOR IMMIGRANTS TO JOIN THE EDUCATION SYSTEM AND THE LABOUR MARKET 337
Апанович М.Ю. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА 341
Мантарова А.И. ПЕРЦЕПЦИЯ УГРОЗ, ИСХОДЯЩИХ ОТ ИММИГРАНТОВ, КАК ПРЕДИКТОР ОТНОШЕНИЯ К НИМ 348
Pletneva IE. INFLUENCE OF THE INTERGROUP CONTACTS ON SOCIAL DISTANCE OF THE NATIVE POPULATION TOWARDS IMMIGRANTS IN POLAND, CZECH REPUBLIC AND SLOVENIA 357
Ростовская Н А. КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО 365
Селезнев И.А. МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ ВНУТРИ ЕАЭС И ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ 372
Хаджаев З.Ш. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИЮ: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ 380

Раздел 7.
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПОДХОДЫ 387
Nguyen A.H., Dang M.D., Dinh M.T. VIETNAMESE TRANSNATIONAL LABOUR MOBILITY IN RECENT YEARS: OPPORTUNITY AND CHALLENGE 389
Азимова З.А., Таджибаева М.Н. ТРУДОВАЯ И УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ: ТРЕНДЫ И ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ 397
Алаева Г.Т.АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА О ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ 401
Крупская Т О., Шумова О.М. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС 408
Мариничев НА. ПРИГРАНИЧНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ФРОНТАЛЬЕРЫ 412
Шпет А.А. МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ) 417
Рубан Л.С. НАРУШЕНИЕ ПРАВ РОССИЙСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ГОРОДЕ МОСКВЕ 425

Научное издание

ДЕМОГРАФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2015 ГОДУ

ТОМ 5, № 3

МИГРАЦИЯ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Подписано в печать 03.06.2019 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,25. Заказ 3078. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eep@yandex.ru